ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 9

Академия исторических наук

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 9

Москва
Академия исторических наук
2008

УДК 82-92"1941/45" **ISSN 1818-6688 (print)**
ББК 84Р7-4 **ISSN 1818-6696 (online)**
О-80

О 80 От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Том 9. — М.: Академия исторических наук, 2008.- 477 с.

ISBN 978-5-903076-09-3 (т.9)
ISBN 5-903076-05-Х

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в рамках целевой программы Академии исторических наук. В томе представлены в авторской редакции воспоминания 50-ти ветеранов войны, проживающих в Краснодарском крае.

Эта книга является источником для научных исследований, бесценным материалом при подготовке новых учебных пособий и литературных произведений, а также полезной людям, интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием и распространяется по установленному Академией перечню получателей. Первыми получателями являются 50 ветеранов-авторов статей и 50 их студентов-помощников, организаторы и преподаватели университета, а также библиотеки университетов, школ и организаций. По четыре экземпляра предназначены для передачи бесплатно в каждый регион России - по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек руководителей государств и зарубежных университетов. 100 экземпляров передаются ветеранам для вручения музеям подшефных школ, а также студентам - для вручения музеям учебных заведений, в которых они еще учатся или уже закончили. Начиная с 7-го тома, книга издается в 1000 экземплярах.

На Web-странице **www.ainros.ru** Академии исторических наук размещены все тома для бесплатного чтения и копирования из любой точки земного шара, в том числе в школе, университете, войсковой части, офисе, поезде, самолёте или квартире.

Издание тома осуществлено на средства ОАО «Российская инновационная топливно-энергетическая компания» (Генеральный директор Грайфер Валерий Исаакович)

УДК 82-92"1941/45"
ББК 84Р7-4

ISSN 1818-6688 (print)
ISSN 1818-6696(online)

ISBN 978-5-903076-09-3 (т.9)
ISBN 5-903076-05-Х

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед Вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

Оглавление

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над рейхстагом и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать - урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа - это Знамя, которое объединяет всех людей Земли.

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата в этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленный маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя - без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они - носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволяли командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин, таких, как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и причины субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне неподвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них - ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о войне направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

Празднование 60-летия Великой Победы подтвердило важное значение солдатских мемуаров как источников новых знаний о войне.

Редеют ряды ветеранов, и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о войне. В этой связи потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий стала еще более актуальной.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

Благодаря помощи и активному участию Московского комитета ветеранов войны проведена работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны - от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеет огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций предыдущие тома издавались в количестве 750-850 экземпляров. По просьбе ветеранов и студентов, начиная с 7-го тома тираж увеличен до 1000 экземпляров: безвозмездно по 2 экземпляра передаются ветеранам и студентам, а остальные 800 экземпляров в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и глав исполнительной власти всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Опыт взаимодействия ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны в целом и факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) по подготовке воспоминаний ветеранов войны стал использоваться в 2003-2005 годах факультетами и кафедрами военного обучения еще четырнадцати российских высших учебных заведений:

- Московского авиационно-технологического университета,
- Московского государственного горного университета,
- Московского государственного лингвистического университета,
- Московского государственного строительного университета,
- Московского государственного технического университета им. Косыгина,
- Московского государственного университета природоустройства,
- Московского инженерно-физического института (государственного университета),
- Московского энергетического института (технического университета),
- Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
- Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского,
- Московского государственного агроинженерного университета им. В.П. Горячкина
- Кубанского государственного аграрного университета
- Кубанского государственного технологического университета
- Кубанского государственного университета

С октября 2003 года на кафедре истории Московского авиационного института была проведена работа по привлечению к этому движению студентов-первокурсников. Добровольная активность студентов кафедры превзошла все ожидания – только за один семестр они способны подготовить материалы на целый том. Их работа представлена в 7-м томе.

Приобретенный опыт использован университетами и молодежными организациями Москвы, Московской, Смоленской и Тамбовской областей, который представлен в 8-м томе.

В настоящем томе представлены воспоминания ветеранов Краснодарского края.

Это вселяет уверенность в реальности девиза создания многотомных мемуаров «От солдата до генерала: воспоминания о войне» - «Никто не забыт, ничто не забыто».

Работа студентов с ветеранами продолжается, ее результаты будут основанием для издания следующего из очередных томов.

Шоль Евгений Иванович
Президент Академии исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Предисловие к 9-му тому

Более 60 лет отделяют нас от того весеннего дня 9 мая 1945 года, когда подписанием акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии была подведена черта под самой кровопролитной войной в истории человечества. Она оставила неизгладимый отпечаток в сознании людей, определила ценностные ориентации и идеалы не одного поколения наших граждан. Наши отцы и деды с оружием в руках и своим самоотверженным трудом отстояли свободу и честь нашей страны.

Мы горды тем, что вернулись с фронта победителями студенты, аспиранты, профессора, преподаватели, сотрудники Краснодарского института пищевой промышленности. Их было 417. Сегодня осталось лишь 92 человека. Их имена, ратный и трудовой подвиг - на страницах этого сборника. Среди них Герои Советского Союза В.В. Козлов и М.И. Сорокин, орденоносцы, видные учёные и педагоги высшей школы, "старожилы" родного Политехнического института, а затем КубГТУ: Н.Д. Сорокин, В.Г. Кульневич, Г.Е. Кантур, В.К. Юношев, М.А. Иванюк, Н.П. Степанов, М.И. Игольченко, Т.П. Волошко, Г.И. Суржан, С.М. Дьяков, П.В. Федотов, А.Е. Цуприков и многие другие.

Каждый из ветеранов Великой Отечественной войны рассказывают о самых важных для них эпизодах Великой Отечественной войны.

Рассказывают так, как понимали, как чувствовали, как сами переживали горечь поражений и радость побед, ранения и смерть боевых товарищей, задумываясь над тем, что именно их руками и сердцами делалась история Отечества.

Воспоминания каждого участника Великой Отечественной войны – это своего рода исповедь человека и гражданина, вынесшего испытания борьбы с врагом в тяжелые годы войны, это передача опыта и эстафеты победителей молодому поколению.

Воспоминания - это не только бесстрастная фиксация событий прошлого, это оправдание и обвинение, и раздумья личности. Поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Они несут на себе отпечаток личности автора. Мемуары, написанные по прошествии довольно длительного срока и рассматривающие события прошлого "через призму

времени", подчас с изменившихся позиций, сохраняют яркую эмоциональную окраску в повествовании и оценках. Это размышления, описания мыслей, чувств, впечатлений, личные оценки авторов по поводу происходящего шестьдесят и более лет тому назад. Воспоминания участников Великой Отечественной войны играют первостепенную роль в воссоздании "живого образа человека" в его неповторимой индивидуальности, дают возможность восстановить атмосферу эпохи, психологический фон событий, без которых немыслимо и само их понимание. Мемуары позволяют понять внутренний мир своих создателей - солдат Великой Победы, сделать изучение событий прошлого живым и эмоциональным.

Чем дальше мы удаляемся от событий 1941-1945 гг., тем беспристрастнее к ним относимся, переходим на качественно иной уровень познания. С каждым годом расширяется источниковая база: рассекречиваются архивные документы, расширяется информационное пространство. Комплекс объективных и субъективных оценок представляет возможность переоценивать взгляды предшественников на те же или иные события, уточнять некоторые факты Великой Отечественной войны.

С тех пор мир и наша страна сильно изменились. Изменились и мы, спешившие все переосмыслить, переоценить, пересмотреть. Ушли в прошлое многие идеалы военных лет. Однако мир, о котором так мечтали в те грозные годы, так и не наступил. Страна продолжает воевать: Афганистан. Чечня, террористические акты, межэтнические конфликты. Какие ценности защищают сегодня наши молодые соотечественники? Найти правильный ответ на этот и многие другие вопросы современной жизни может помочь нравственный опыт и мощный духовный потенциал участников, ветеранов Великой Отечественной войны. Родина, Отечество, Патриотизм - вот те ценности, которые в грозные для народа дни на Руси традиционно всегда были выше самой высокой ценности - самой жизни. Только осознание этой, такой простой на первый взгляд истины, поднимало и поднимает людей на подвиг.

В бой уходили молодые парни, многие из них не вернулись с полей сражений, но живы в памяти народной, став символом Славы и Геройства в граните обелисков на площадях и в парках освобожденных городов Европы и Азии, Трептов-

парке столицы поверженного рейха - Берлине. Память о минувшей войне и её героях неподвластна времени.

Участникам той Великой войны сегодня за восемьдесят. Летят годы, уходят ветераны, оставляя нам и будущим поколениям пример беззаветной преданности Отчизне, самоотверженности, несгибаемой воли и силы духа.

Поэтому так важны встречи студентов с ветеранами, их общение и совместное творчество в период написания воспоминаний. Эти встречи и беседы конкретизируют содержание патриотического воспитания молодёжи, обеспечивают связь и преемственность разных поколений людей нашей страны. Инициатива Краснодарского регионального отделения Академии исторических наук в этом направлении достойна похвалы и развития.

Уходят ветераны… Поэтому сегодня особенно ценны достоверные свидетельства, подлинные воспоминания участников тех далеких героических дней, простая солдатская правда о войне. Прислушаемся: с нами их устами говорит важная эпоха. Их голоса доносятся из сороковых годов, сквозь огонь и дым, через расстояния и время, которое так быстротечно.

Уходят ветераны… Молодые тогда, они подарили жизнь нам, нынешним. Так будем навек благодарны им. Склоним головы перед ушедшими. Будем чтить живых.

Петрик Анатолий Алексеевич
Ректор Кубанского государственного технологического университета, доктор технических наук, профессор

Авакумьянц Александр Иванович

От Омска до Кенигсберга

Я родился 26 июня 1926 г. в г. Туапсе Краснодарского края. По национальности армянин, родной язык русский.

В 30-х годах всю нашу семью эвакуировали в Сибирь. С восьми лет работал в колхозе в одном из районов Омской области. После 7-го класса нас, учащихся школ, на время летних каникул стали отправлять на различные курсы в соседний город. Многие попали на курсы комбайнеров, а я был направлен на курсы обработки зерновых и масленичных культур, после окончания которых выдавалось соответствующее удостоверение.

В 14 лет был принят в комсомол, стал членом райкома комсомола. В это же время я был назначен инспектором райфинотдела. В начале 40-х гг. числился командиром-инструктором военной подготовки в ОСОАВИАХИМе. Активно занимался лыжным спортом и на соревнованиях показывал высокие результаты.

С начала Великой Отечественной войны стремился попасть на фронт. Хотел служить в формирующемся для фронта добровольческом лыжном батальоне. Под предлогом поступления в театральное училище осенью 1942 г. приехал в Омск. В Омске, через пересыльный пункт, имея на руках направление от райкома комсомола, сразу попал в артиллерийскую часть, находившуюся между Омском и Новосибирском, недалеко от г.

Барабинска. В составе эшелона артиллерийской части проехал Ржев, Великие Луки. После издания приказа И.В. Сталина, известного под названием «Ни шагу назад», в начале 1943г. единственный из всего эшелона был определен в воздушно-десантные войска. Этому способствовали занятия лыжным спортом и победы в соревнованиях по лыжным гонкам. На пожелание служить в добровольческом лыжном батальоне в военкомате сказали, что лыжи - хорошо, но если с ними на парашюте во вражеский тыл спуститься - это лучше вдвойне. После Новгорода попал в г. Дно, где была база для подготовки воздушно-десантных войск.

С весны 1943 г. принимал участие в боевых действиях в составе 30-го полка 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, подчинявшейся напрямую Ставке Верховного Главнокомандования. Наш полк использовался в обороне и операции по прорыву блокады Ленинграда в качестве пехотинцев. Наступательные действия противник не вел, больше рассчитывал на тактику выжидания, когда населения в городе почти не останется. Ленинград немцы бомбили десятками самолетов. Иногда создавалось ощущение, что самолетов летит не меньше сотни. Снабжение армии было плохое. Как и жители осажденного города, мы испытывали нужду, ели мерзлую капусту и картофель, хлеб получали нормировано, по граммам, эта норма постоянно уменьшалась. В городе была голодная блокада. Мы, как могли, поддерживали горожан, делились с ними продуктами. Единственной связью Ленинграда с внешним миром была «Дорога жизни» по льду Ладожского озера, по которой эвакуировались люди, доставлялись продукты и боеприпасы, перевозились грузы. Чтобы укрепить лед озера, на него приходилось выливать воду. К нам неоднократно приезжал член Военного совета А.А. Жданов, выезжающий и по другим фронтам. Жданов говорил о максимальной помощи и поддержки со стороны армии жителям вымирающего Ленинграда. В начале 1944г. войсками Ленинградского, Волховского, Прибалтийского фронтов и Балтийского флота началась операция по прорыву блокады Ленинграда, в которой наш полк принимал непосредственное участие. Также участвовал в боях в Ленинградской области – в городах Луга, Гатчина, Пушкин, Волхов, Выборг, в Комнинском районе. 27 января 1944г. блокада Ленинграда была снята. В ходе операции по прорыву блокады

Ленинграда Балтийский флот понес очень большие потери. Моряки сражались как настоящие герои.

В 1944 г. обеспечение всей армии, и особенно десантников, улучшилось. Стали поступать самолеты по Ленд-лизу, в частности СИ-47. В нашу задачу входила диверсионная работа. В звании старшего сержанта я был назначен заместителем командира группы. Летом 1944 г. наш полк вместе с войсками Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов принимал участие в освобождении Прибалтики. В сентябре 1944 г. участвовал в Рижской наступательной операции. Бои были очень тяжелыми. Прибалтийские части и соединения в боевых действиях практически не участвовали, в основном они осуществляли охрану мостов и других стратегических объектов. При штурме Риги наш полк был сброшен в тыл противника, мы вели бои в районе железнодорожного вокзала и спиртовых заводов. Из-за недостаточной организованности и нехватки разведданных при проведении операции около железнодорожного вокзала мы оказались вместе с немцами под своим артиллерийским огнем. Бежать с этого участка пришлось и нам, и противнику. Очень врезался в память один случай в боях за латвийскую столицу. В районе спиртовых заводов шла ожесточенная перестрелка. На моих глазах погиб мой товарищ Николай Бобрышев, успев произнести: «Саша, напиши... Воронеж...». Выглянув из-за укрытия, я увидел, что немецкий офицер с повязкой на лице поочередно из пистолета, как в тире, застрелил несколько наших солдат. Я окликнул его, и после того, как он повернулся в мою сторону, расстрелял в него весь боезапас автомата. Нам пришлось отходить и вместе с войсками регулярной армии, под огнем противника, вплавь переправляться через Западную Двину – реку Даугаву. Рядом на плоту находился офицер Морозов, Герой Советского Союза, который при переправе скончался от полученных ран.

После Рижской операции из всего нашего полка осталось 17 человек.

В составе своей части я принимал участие в подготовке операции по взятию г. Кенигсберга в Восточной Пруссии. Однако в самом штурме уже не участвовал. В боях у Рижского взморья в г. Тукумс я подорвался на мине, получив ранение в плечо, бедро и голень. Попав в медсанбат, после оказания мне первой медицинской помощи, сбежал в свою часть. Ранение

зарегистрировано не было. После ноября 1944 г. участия в боевых действиях уже не принимал. В это время чувствовалось окончание войны. Немцы сдавались в плен батальонами и полками.

В конце 1944 г. по распоряжению руководства я был направлен в Красноярск в авиационное училище. Через несколько месяцев училище переезжает на Украину, а меня переводят в г. Берск Новосибирской области. После – в Новосибирское пехотное училище на минометный курс, который я с отличием окончил через два года. Победу в Великой Отечественной войне встретил в Новосибирске.

За время моего участия в боевых действиях матери приходило извещение о моей гибели и о пропаже без вести. Из всех парней нашего класса выжило только два человека.

В период Великой Отечественной войны в составе воздушно-десантных войск совершил 57 прыжков. Награжден 26 правительственными наградами, в том числе, двумя орденами Отечественной войны, орденом Славы III-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран Вооруженных Сил СССР» и др.

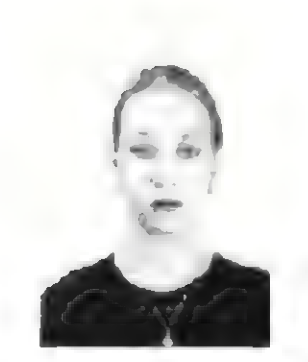
В Великой Отечественной войне также принимали участие мои братья. Родной брат Авакумянц Ермолай Иванович проходил службу в войсках НКВД СССР на Северном Кавказе. Двоюродный брат Арутюнов Антон Антонович также служил в войсках НКВД. В составе подразделений войск НКВД СССР я присутствовал на Тегеранской (ноябрь 1943 г.), Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль- август 1945 г.) конференциях глав правительств СССР, США, Великобритании, на Нюрнбергском процессе (ноябрь 1945 - октябрь 1946 гг.).

После войны в 1961г. я окончил Ленинградский военный институт физкультуры и спорта. Являюсь мастером спорта СССР по альпинизму, заслуженным тренером России. Совершил 554 восхождения в горах Кавказа, Памира, Тянь-Шаня, на Балканах. Участвовал в становлении и развитии альпинизма на Кубани, в Ростовской области, Осетии, Кабардино-Балкарии. Член сборной команды Вооруженных Сил СССР и России. Руководил специальной подготовкой в высшем военно-командном училище им. Орджоникидзе и Вооруженных Силах

СССР, армиях Варшавского Договора для боевых действий в горах, также участвовал в специальной физподготовке будущих космонавтов. Являлся начальником футбольной команды «СКА» (г. Ростов-на-Дону). Награжден более 50-ю спортивными медалями, жетонами и значками.

Выходило очень много публикаций в различных газетах и журналах, в книгах-сборниках, где есть упоминания о моём боевом пути и достижениях в спорте, в частности, в газетах «Красная звезда», «Красное знамя», «Советский спорт», «Социалистическая Осетия», «Московский комсомолец», «Кубанские новости», «Жемчужина России» и др.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь аспирантка Кубанского государственного технологического университета ***Бочкарева Анна Станиславовна***

Апанасевич Владимир Иванович

В конце Второй мировой…

Я родился 13 октября 1925 г. в городе Томске. По национальности русский, по вероисповеданию атеист, по партийной принадлежности коммунист.

О начале войны я узнал 22 июня, как и все. Это был тёплый и солнечный воскресный день, мы с ребятами из школы принимали участие в городских соревнованиях по лёгкой атлетике. Где-то в полдень прямо на стадионе нам сообщили о том, что фашистская Германия без предупреждения напала на Советский Союз.

На войну я пошёл добровольцем, прямо со школьной скамьи, не закончив обучение в десятом классе, в 1942 г. С 26 декабря 1942 г. по 1 июня 1944 г. обучался специальности артиллериста в Одесском Артиллерийском Училище Большой Мощности, которое из-за боевых действий было переведено в посёлок Сухой Лог Свердловской области.

Сразу после окончания училища 1 июня 1944 г. меня назначили командиром 199 Артиллерийского Полка Большой Мощности резерва Верховного Командования, затем был назначен командиром 223 Бригады Большой Мощности резерва Верховного Командования Дальневосточного фронта. Наша бригада до августа 1945 г. в боях не участвовала. Весь Дальневосточный фронт был мощным заслоном в случае нападения Японии на СССР.

Непосредственное участие в боевых действиях я принимал против Японии с 9 августа 1945 года по 3 сентября 1945 года в составе 223-й Гаубицкой Артиллерийской бригады большой мощности резерва Верховного Командования в качестве командира взвода восьмой батареи этой бригады на 1-м Дальневосточном фронте.

На вооружении в нашей бригаде находились гаубицы (это такие артиллерийские орудия), которые пробивали железобетонную стену, толщиной 2,5 метра, вес снаряда варьировался от 100 до 140 кг, а дальность полёта снаряда составляла 18 км.

9 августа 1945 г. началась операция по обезвреживанию японских ДОТов (долговременных огневых точек). В 1:00 ночи мы перешли границу с Японией под селом Гродеково. Я в составе разведывательной группы был прикомандирован к 226-му Стрелковому полку для поддержки. Наше нападение было абсолютно неожиданным для японцев, мы застали их врасплох, они даже не успели вызвать подкрепление. В ходе этой операции ДОТы были блокированы и обезврежены огнём огнемётов. После завершения этой операции 226-й стрелковый полк пошёл дальше, а нам было предписано вернуться на юг, под село Полтавку, где нашей 223-й бригадой под моим командованием был уничтожен Дуннисқий укреплённый район и ещё один особо укреплённый новейшей конструкции ДОТ, который долгое время не могли обезвредить. За эту операцию я был награждён орденом Красной звезды. Позднее я был награждён также орденом Отечественной войны II степени, медалями за «Боевые заслуги», «За победу над Японией», «За безупречную службу» I и II степени, и ещё 5-ю юбилейными медалями.

Война не была мягкой прогулкой. Были и потери с нашей стороны. На глазах моих погибали боевые товарищи. Но нас окрыляла победа над немецкими фашистами, и мы шли в бой с японцами с одной целью – разгромить врага как можно быстрее.

Война для меня закончилась 3 сентября 1945 г. как раз разгромом Дуннисского укреплённого района японцев. После чего нам был отдан приказ возвращаться на зимние квартиры в посёлок Липовцы Приморского края. Тогда я был в звании лейтенанта.

После войны продолжил службу в Вооружённых силах СССР. 12 декабря 1952 г. был назначен командиром батареи, далее заместителем командира дивизиона. С 10 ноября 1964 г.– заместитель командира полка, с 15 февраля 1967 г. - командир полка, с 1 ноября 1970 года – начальник цикла стрельб военной кафедры Краснодарского политехнического института. Сейчас продолжаю трудиться: учебный мастер, начальник артиллерийского полигона военного факультета Кубанского государственного технологического университета.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Моргунов Дмитрий Александрович***

Ассаулюк Анатолий Дмитриевич

«Катюш» ракетные залпы

Я родился 26 ноября 1923 года в селе Жежелев, Казатинского района, Винницкой области, украинец.

Среднюю школу окончил в 1941 году в Тамбовской области на станции Оборона в райцентре Мордово.

Чувствовали ли мы приближение войны? Да, по многим признакам. В марте 1941 года вызвали меня в военкомат и предложили поступать в военное училище с досрочной выдачей аттестата об окончании Оборонинской средней школы. Я отказался, так как не хотел быть военным. Мне это было не по душе. В апреле месяце приехал на побывку бывший секретарь комсомольской организации нашей школы, военный моряк из Ленинграда Леня Ефрюшкин. Он не раз нам говорил, что очень скоро будет война с фашистской Германией. Да было еще многое другое, говорившее об этом.

Выпускной вечер в нашей школе состоялся 17 июня 1941 года. Мы этот веселый, радостный выпускной вечер и прощание со школой запомнили на всю жизнь, не подозревая, что через пять дней все изменится в нашей жизни и судьбе. 22 июня я утром ушел купаться на реку Битюг и к часу дня возвратился домой. Смотрю, навстречу бежит моя мама с каким-то очень расстроенным лицом и видом. Она сообщила, что началась война, на нас напала фашистская Германия. Мама не сдержалась и заплакала. Через несколько дней, группа наших

ребят-выпускников, в которой были и мы с моим старшим братом Сергеем, пошли в райвоенкомат с просьбой быстрее нас призвать в армию и направить на защиту Родины.

В военкомате сказали, что в первую очередь сейчас призываются те, кто уже служил и прошел армейскую школу, а до нас очередь дойдет в свое время. Посоветовали по комсомольской мобилизации ехать на трудовой фронт. Всей группой мы записались добровольцами для поездки на трудовой фронт. В первых числах июля наш эшелон отправился в путь. Мы проехали Брянск и через 30 км разгрузились на станции Пильшино, где сразу же включились в работу. Мы с братом оказались в бригаде лесорубов, которая валила деревья, строили дзоты и т.д. Большинство трудофронтовцев рыли противотанковые рвы. Все работали очень много и с полной отдачей сил.

Пришлось испытать и бомбежки, и обстрел из самолетов. Один раз, безоружными, принимали участие в прочесывании местности в поисках немецких десантников, но на этот раз безрезультатно, и, наверное, это было к лучшему.

При приближении фашистских войск пришлось перемещаться на восток. Там опять рыли противотанковые рвы.

Вернулись в сентябре месяце, а в октябре были призваны в армию. Мне вновь предложили поступать в военное училище, но я не захотел.

Направили в школу радистов в г. Свердловск. В феврале 1942 г. мы закончили 2-х месячные курсы радиотелеграфистов и были направлены в г. Москву в штаб формирования гвардейских минометных частей.

Получил назначение командиром отделения радистов в 309-й гвардейский минометный дивизион (24-х зарядные «Катюши» М-8 на легком танке Т-60).

Усиленно занимались боевой подготовкой и тренировками. Свое первое увольнение в Москву заработал в марте месяце за отличные результаты в стрельбе из карабина. Впервые увидел Кремль, Красную площадь и другие достопримечательности военной столицы.

Получил в начале мая месяца письмо от матери с сообщением, что брат Сергей находится в военном училище в г. Балашиха под Москвой. В начале мая удалось его навестить и встретиться. На следующий день 13 мая мы выехали на фронт, и я больше не видел его. Во время сражения под Сталинградом

их досрочно выпустили сержантами и направили на фронт. Воевал он командиром отделения саперов. После разгрома немцев под Сталинградом он принимал участие в сражении в районе Харькова. Последнее письмо прислал со станции Мерефа, в котором сообщил, что в строю из отделения остался один, что ему приходилось бежать впереди танков, показывая проходы в минных полях. Под Харьковом он и погиб.

Наша отправка на фронт прошла торжественно. На одной из площадей г. Москвы мы участвовали в параде. Парад принимал один из ближайших соратников С.М. Буденного генерал-полковник Ока Городовиков. И надо же так случиться, что перед самой трибуной заглохла автомашина, на которой размещался наш взвод управления. Старший машины лейтенант Березка не растерялся и дал команду: всем - с машины и дружно ее толкать, пока не заведется. Машина завелась, и мы на ходу заскакивали и запрыгивали в кузов. Ока Городовиков громко смеялся и сказал, что такие боевые ребята и на фронте не растеряются.

Прибыли мы на фронт под г. Старый Оскол Белгородской области и вошли в состав 4-го танкового корпуса под командованием Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Мишулина (под Сталинградом корпус стал 5-м гвардейским танковым корпусом).

Опять напряженная боевая учеба и подготовка к боям. Непосредственное участие в боевых действиях началось с 28 июня 1942 года под Старым Осколом, когда гитлеровские войска перешли в наступление из районов восточнее Курска и за 2 дня продвинулись в глубину нашей обороны более чем на 40 км, и стали развивать успех дальше. Закрепились мы только на восточном берегу реки Дона в районе Коротояка, а затем сражались севернее Сталинграда. В этих ожесточенных боях потери были очень большие.

Предполагалось, что на днях нас отведут с передовой на переформирование для пополнения и восстановления боеспособности. Откровенно говоря, мы этого хотели и ждали.

Однако, тяжелая обстановка предопределила другое решение. Личный состав дивизиона был построен, и нам объявили приказ Народного Комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 года, где откровенно и прямо говорилось о сложившемся тяжелейшем положении, о смертельной опасности для нашей

Родины, что отступать нам некуда, пути отступления закрыты и приказ Родины: «Ни шагу назад, стоять насмерть!». Было объявлено о введении права расстрела на месте за любое невыполнение приказа, трусость, паникерство и т.д. И мы это не только осознали и поняли, но и внутренне приняли к выполнению.

Обычная и более целесообразная тактика действий подразделений реактивных минометов - это быстрое занятие и развертывание на выбранной огневой позиции, залп и сразу же смена места расположения.

А под Сталинградом, в степи, уже обстановка заставляла рыть глубокие аппарели, загонять туда танки и давать залпы по наступающему врагу с одного и того же места. Соответственно возрастали и наши потери, но другого выхода не было. Верно, были и нелепые, бессмысленные случаи потери боевых друзей. Так мой начальник радиостанции младший сержант Селютин выглянул из окопа посмотреть, как рвутся сбрасываемые на нас бомбы, и упал в окоп замертво с рассеченной головой на командира взвода, обливая его кровью.

В один из августовских дней утром вызвал меня к себе командир батареи старший лейтенант Березка и объявил, что из-за тяжелых потерь в личном составе ему некого назначить командиром орудия, и он принял решение назначить на эту должность меня, как грамотного, хорошо подготовленного и проявившего себя в боевой обстановке. «Сейчас, - сказал он, - 10 часов утра. Иди, доложи о своем назначении командиру огневого взвода младшему лейтенанту Горохову, и пусть он тебя подробно проинструктирует и подготовит к работе командиром орудия».

В час дня мы выезжаем на передовую. Я пошел и представился командиру взвода. Он спрашивает: «Вопросы есть? Нет, отвечаю, все, что нужно знать для командира орудия, я знаю». Вот так из радиста я превратился за 3 часа в командира орудия. В этот же день впервые в своей жизни я дал два залпа по врагу, а потом уже так и продолжал воевать командиром орудия.

Наш дивизион воевал севернее Сталинграда, где шли не только ожесточенные оборонительные бои, но и мы переходили в наступление, чтобы больше приковать к себе сил врага

для облегчения критического положения защитников Сталинграда.

Боевых эпизодов со сложными ситуациями было очень много и можно было бы о них рассказывать долго, но мне на всю жизнь запомнился один почти смертельный для меня случай, когда мы уже после 10 января 1943 г. добивали окруженную группировку немецких войск. А дело было так. Накануне у меня вышел из строя танк. Мне дали другой с механиком-водителем старшиной Заболоцким. Это был уже 3-й танк, который я сменил в боях под Сталинградом.

Утром где-то в районе Гумрака командир дивизиона майор Резниченко вел колонну наших боевых машин. Немного в стороне шел бой с немцами, и он принял решение дать залп по врагу. Развернул колонну в линию. Старшина Заболоцкий выехал на фланг строя, и мое орудие оказалось основным (для пристрелки). Командир дивизиона командует: «Основное орудие Ассаулюка. Угломер 30-00, наводить туда-то, прицел такой-то, шесть снарядов – огонь!». Я отстрелялся. Дается команда изменить прицел и выпустить еще 6 снарядов, а потом дает команду всему дивизиону: «Залпом огонь!». Около 200 снарядов за 10-15 секунд накрыли немцев. Остатки стали убегать. Командир дивизиона дает новую команду: «Всем расчетам зарядить установку Ассаулюка, а ему быть готовым к открытию огня».

Командир огневого взвода Горохов дает свою команду: «Кто быстрее Ассаулюк или Заикин зарядит установку, быть готовым к открытию огня». После такой команды каждый расчет стал заряжать свою установку.

У меня было всего 2 номера и не было даже наводчика. Машина с боеприпасами остановилась метрах в 80 от меня. Мы втроем побежали, принесли 3 ящика снарядов. Один побежал за снарядами, другой стал подавать мне снаряды, а я стал заряжать и выставлять пиросвечи.

Вдруг подбегает командир дивизиона майор Резниченко и спрашивает: «Ассаулюк, готово?» Я ж, как будто бы он знает ситуацию, с обидой в голосе недовольно отвечаю: «Что я сам заряжу?»

Это его возмутило и взорвало. Он вскакивает на ступеньку сзади танка, где я стоял, и ударом сбивает меня на землю. Мат - перемат. «Я расстреляю тебя», - кричит он. Я же в полной

растерянности стою и смотрю, как он вытаскивает из кобуры пистолет. Жить мне осталось несколько секунд… Что творилось в душе, трудно передать.

Вдруг подскакивает командир батареи старший лейтенант Березка, обхватил его и прижал руки к туловищу, не давая поднять пистолет, и говорит: «Товарищ майор, он не виноват». Тот кричит: «Березка, хрен дубовый… Пусти. Я его немедленно расстреляю». Майор Резниченко повырывался, повырывался и, когда немного успокоился, дает команду разжаловать меня в шестые номера.

Через некоторое время Березка дает команду для батареи. Я стою. Он кричит: «Почему не выполняешь?» Я отвечаю, что теперь я шестой номер! Тут и он не удержался от крепких слов в мой адрес. «Где, - говорит, - я возьму командира орудия. У тебя даже наводчика нет. Выполняй. Потом будем разбираться».

Вот такая трагедия произошла со мной. Через 2 недели я подал заявление о приеме меня кандидатом в члены КПСС и на партийном бюро дивизиона объяснился с майором Резниченко, но как мне тогда показалось, каждый остался при своем мнении.

Вот так я вступил в коммунистическую партию. После разгрома фашистских войск под Сталинградом наш дивизион некоторое время находился рядом с территорией бывшего концлагеря советских военнопленных на станции Воропоново. На всю жизнь заполнилась страшная картина в этом лагере: лежащие ряды трупов наших военнопленных с проломленными черепами и другими увечьями, зверски убитых в этом лагере.

В марте 1943 года эшелон нашего дивизиона выехал на формирование в Москву. Миновали мы станцию Поворино и поздним вечером остановились на станции Жердевка в 75 км от станции Оборона, где я призывался в армию. Дежурный по вокзалу сказал, что дальше мы поедем в 8 часов утра. Я отправился к начальнику эшелона, командиру дивизиона майору Резниченко и попросил отпустить меня вперед на станцию Оборона, где утром я встречу наш эшелон. Он разрешил. В час ночи прибыл на станцию и пошел к своей девушке. Мы просидели всю ночь дома в темноте. Рано утром меня пригласили за стол и даже поставили бутылку. Только сел за стол, смотрю в окно и вижу, как наш эшелон, набирая скорость, уже выходит

со станции в сторону Москвы. Я схватил шапку и бегом к эшелону. В эшелоне меня заметили, и поднялся свист и крики. Девушка схватила мою шинель и бросилась вслед за мной.

Как мне стало известно, начальник эшелона майор Резниченко по телефону дал команду машинисту остановить эшелон. Тот ответил, что на подъеме он не может остановиться. Начальник эшелона вторично дает команду: «Приказываю немедленно остановиться!» Я добежал до последнего вагона и залез на площадку. Помахал девушке рукой… Командир дивизиона к себе меня не вызывал.

В Москве в штабе формирования ГМЧ на базе нашего дивизиона сформировали 1-й гвардейский минометный полк. Командиром полка был назначен полковник Сердюк, а его заместителем стал наш командир дивизиона подполковник Константин Резниченко.

К началу Курской битвы мы уже были там, на фронте, в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, которым командовал генерал-майор Баранов. Воевали в его составе на 2-ом этапе Курской битвы, а затем освобождали Украину в составе 1-го Украинского фронта.

В августе 1943 года во время боев ко мне подходит парторг полка капитан Нестеренко и говорит, что пора подавать заявление о приеме в партию. Я ему рассказал о конфликтах в прошлом с заместителем командира полка подполковником Резниченко. Он засмеялся и посоветовал обратиться к нему за рекомендацией для вступления в КПСС. Мне эта идея понравилась. Когда я обратился к подполковнику Резниченко и спросил его, может ли он дать мне рекомендацию для вступления в партию, он удивленно воскликнул: «Ассаулюк, ты же мой ветеран. Ну, конечно, я дам тебе рекомендацию. Давай свои данные. Завтра в 11 часов рекомендация будет готова».

В августе 1943 года я был принят в члены КПСС парткомиссией политотдела 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

И надо же такому быть, что уже после окончания войны я проходил службу в Прикарпатском военном округе, меня перевели в другой полк, и в Комнате боевой славы полка увидел фотографию полковника Резниченко, который командовал этим полком и погиб в боях за Родину. Это меня сильно расстроило и опечалило.

Наконец-то с боями мы вышли к Днепру. Наш полк дважды форсировал Днепр. В начале на плацдарме южнее Киева. Когда в первых числах ноября обозначился успех на плацдарме севернее Киева, то наш полк был выведен с этого плацдарма, и мы вторично форсировали Днепр, но уже севернее Киева, и через пригород Киева Пущую Водицу пошли в прорыв и успешно двигались на запад. Заняли город Малин, а в ночь на 12 ноября освободили и город Житомир.

Фашистское командование сосредоточило много сил и попыталось сбросить нас обратно в Днепр. Завязались упорные и ожесточенные бои. Мы вынуждены были оставить город Житомир, но, отразив контрнаступление врага, мы опять пошли вперед. Вторично заняли город Малин, затем освободили Чаповичи, Олевск и Ракитное. Ракитное осталось в памяти тем, что в марте 1944 года там состоялся парад нашего полка, на котором нам было вручено гвардейское знамя 1-го гвардейского минометного полка, утраченное в жестокой битве под Москвой.

Приятно вспомнить, что мне была доверена честь быть одним из 2-х ассистентов знаменосца во время выноса, приема знамени и парада.

В боях мы завоевали право на вручение нам знамени. Дальше – успешные бои в районе Сарны - Костополя - Ровно - Луцка. В Луцке на вокзальной площади похоронили моего лучшего друга - заместителя командира взвода полковой разведки старшину Бориса Пашина, с которым мы воевали вместе более 2-х лет. Его убил немецкий пулеметчик очередью с колокольни церкви, когда Пашин с разведчиком подошли к селу. Его тело удалось вытащить только ночью.

Наше наступление приостановилось в районе города Броды Львовской области, где развернулись тяжелые бои. Город был освобождён.

Находясь во 2-ом эшелоне, торжественно отметили 1 мая 1944 года одним большим столом во дворе одной хаты вместе с расчетом боевой установки сержанта-башкира Рамазанова. Наши расчеты давно дружили, особенно механики-водители, и помогали друг другу.

Боевые действия закончил в июне 1944 года в районе города Броды, откуда меня в добровольно-принудительном поряд-

ке отправили в город Москву, а затем в город Омск во 2-ое гвардейское минометное училище.

Проучился, будучи помкомвзвода, год, а затем удалось перевестись на 4-х месячный КУОС при училище и закончить его 20 августа 1945 года. В это время 2-е ГМАУ расформировывается. Моим однокурсникам добавляют еще год учебы и направляют в город Краснодар в артиллерийско-минометное училище, расположенное в Северном военном городке. Я же два года прослужил в частях Прикарпатского военного округа командиром взвода.

В ноябре 1947 года поступил, а в сентябре 1950 года с отличием закончил Краснознаменный военный институт физический культуры и спорта имени В.И. Ленина в городе Ленинграде. В 1954 году закончил заочно исторический факультет Северо-Осетинского педагогического института. Работал преподавателем и начальником физической подготовки 2-го военно-автомобильного училища с октября 1950 года по ноябрь 1960 года в городе Орджоникидзе. С ноября 1960 года по август 1967 года – начальником физической подготовки Краснодарского военного училища имени Штеменко, а с августа 1967 года по январь 1969 года - переведен в высшее общевойсковое училище в городе Владикавказе.

Во время работы в военных училищах, за высокие показатели по физической подготовке и достигнутые успехи, приказом Министра обороны № 0045 от 8 июня 1959 года мне была объявлена личная персональная благодарность. Также неоднократно поощрялся начальником генерального штаба и командующим войсками СКВО. По рапорту был уволен. В феврале 1969 года поступил на работу в Краснодарский политехнический институт и проработал 24 года – преподавателем, заведующим кафедрой физического воспитания и старшим преподавателем.

Награды:

- орден Красной Звезды - 2 шт.
- орден Отечественной войны II степени.
- медаль «За боевые заслуги».
- медаль «За оборону Сталинграда».
- медаль «За победу над Германией».

- медаль «За безупречную службу» 1 и 2 степени.
- 11 юбилейных медалей.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь курсант 3 курса военного института им. Штеменко ***Ассаулюк Анатолий Борисович***

Барабаш Иван Иванович

В бой за родную Кубань

Я родился 8 октября 1924 года в станице Петропавловской Краснодарского края. По национальности русский, по вероисповеданию православный, состоял в КПСС, бывший комсомолец.

До войны окончил школу, учился в Армавирском Технологическом техникуме по специальности механика-технолога в пищевой промышленности.

Когда учился в техникуме, меня отправили на практику в город Серпухов Московской области 20 июня 1941 года, там я и узнал о начале войны. Саму практику проходил на пищевом комбинате, который срочно переоборудовали для выпуска продукции для нужд фронта, в основном это были различные консервы, крупы и хлеб. На комбинате создали специальные добровольческие группы, которые дежурили по ночам на крышах домов и сообщали о пожарах, возникших в результате немецкой бомбёжки. В одной из таких групп состоял и я. Через месяц 20 июля практика закончилась, и я вернулся доучиваться в город Армавир.

В июне 1942 г. шли с желанием бить и победить врага. В боевых действиях участвовал сразу же, как призвали в армию. Службу на фронте начал рядовым солдатом в составе 9 горно-стрелковой дивизии 1329 горно-стрелкового полка Северо-Кавказского фронта. Впоследствии дивизия с августа 1943 го-

да по октябрь 1943 года была переформирована и переименована в 9 Краснодарскую Краснознамённую Пластунскую дивизию. Командиром дивизии был Метальников П.И., начальником политотдела – полковник Петранин, командиром полка – майор Шпыков (погиб во время бомбёжки в г. Урма в апреле 1943 г.), командир роты – старший лейтенант Пигас И.И.

Особенно тяжёлые бои проходили на Кубани: ст. Белореченская (январь 1943 г.), г. Усть-Лаба, ст. Динская, г. Краснодар (12 февраля 1943 г.), ст. Славянская (конец марта 1943 г.). Это были родные места.

В октябре 1943 г. по железной дороге передислоцировались в район Западной Украины и сосредоточились в г. Каменец-Подольске (ноябрь 1943 г.). Вновь тяжёлые бои в Польше за г. Дембица (конец августа 1944 г.), Краков (январь 1945 г.), по расширению Сандомирского плацдарма (январь 1945 г.). Тогда же был контужен, но из части не уходил.

В боях за станицу Небреджаевскую был ранен и около месяца пролежал в полевом госпитале в мае 1943 г. Возвратился в свою часть, 9 ККПД. И снова тяжёлые бои, лишения, кровь и гибель близких друзей, однополчан, земляков. Сегодня перед глазами лица бойцов: Волкова В., Климова, Бардашова и других.

Для меня война закончилась 24 апреля 1945 г. На Висло-Одерской операции собрали нас в группу в составе 234-го запасного полка и отправили эшелоном в г. Саратов в танковое училище, но в Киеве переформировали. И я с товарищем-земляком попал в Сумское артиллерийское училище, которое окончил в 1947 году. Продолжил службы и 10 ноября 1974 г. ушёл в отставку в звании полковника.

Награды

- Орден Отечественной войны I степени - № 083873, указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г., вручил комиссар крайвоенкомата.
- Медаль «За боевые заслуги» - Д 736607, указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 октября 1943 г.
- Медаль «За отвагу» - Д 3762707, указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1945 г.
- Медаль «За победу над Германией в Великой Отечест-

венной войне 1941-1945 гг.», указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июня 1945 г., вручил начальник училища генерал-майор артиллерии Бахвалов Н.Г.

- Медаль «За оборону Кавказа» - С 039269, указ Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 г., вручена 13 августа 1945 г. начальником училища полковником Лисицким А.Р.
- Медаль «За безупречную службу, Ветеран Вооруженных сил СССР» - 4.
- Медали юбилейные – 10.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса Кубанского государственного технологического университета ***Зейтунян Александр Ваганович.***

Басамыгин Николай Яковлевич

Двенадцать вылетов в тыл врага

Я родился в семье крупного партийного работника в 1920 году. Отец занимался организацией водного хозяйства, стал наркомом и к середине тридцатых был репрессирован. Несмотря на сложности, связанные с моральным и материальным положением семьи, все мы не сомневались в случайности происходящего, не теряли уверенности в том, что все образуется. Еще учась в старших классах средней школы, я стал заниматься альпинизмом: сначала для того, чтоб прокормить семью (альпинисты получали специальные пайки, палатки, теплую одежду), а потом увлекся, стал инструктором, водил экспедиции и ходил сам на вершины гор Тянь-Шаня и Памира.

Закончил школу с отличием и уехал в Москву. Для того, чтобы поступить в университет, надо было потеряться в толпе выпускников школ страны – детей репрессированных в высшую школу не принимали. Так «сиротой» и поступил в Московский горный институт на отделение геологоразведки.

В разгар Советско-финской войны из студентов (я тогда уже учился на втором курсе) был сформирован лыжный батальон. Нас отправили на линию фронта в Финляндию, но в марте 1940 года был подписан мирный договор с правительством Маннергейма, и батальон отправили в Прибалтику, в Литву. Там меня, почти демобилизованного, и застало известие о нападении Германии.

Наша часть, где я был замполитом роты, а потом и батальона, как самый грамотный и политически подкованный, отступала в направлении Москвы. Каждый день – авианалеты и холод, пронизывающий до костей. Под Москвой, наконец-то, отступление развернулось в жесткую оборону. Шли кровопролитные бои, порой казалось, что счастливый случай, но не Бог – я был самым упертым и последовательным атеистом – спасает меня. Однажды ночью сидели в доме с большой каменной русской печью, пришел комиссар, я устремился в сени, и это спасло меня, ибо в следующий миг бомба, отскочив от мерзлой земли, со звоном разбила окно и взорвалась. Я остался цел, а те «счастливчики», что забрались на печь – нет. Это счастливая случайность или промысел Божий?

Мозаика воспоминаний об этой нескончаемой, и ставшей привычной, войне самая разная.

Линия фронта проходит под Можайском. Я – во взводе минометчиков. В сотне метров, на другом берегу реки, располагаются немецкие позиции. Обе стороны «поливают» друг друга свинцом, артиллерийские снаряды разрываются, осыпая меня фонтанами грязи, оставляя гигантские воронки, но мне кажется, что среди сжавшихся ничком на дне вырытой траншеи моих товарищей, я останусь жив. Наверное, так казалось всем… Мир праху их.

Я – десантник. Двенадцать боевых вылетов в тыл врага. Задания – совершать диверсии на железных дорогах, аэродромах, мостах. Наносить максимальный ущерб врагу. Нас скидывали с самолета на бреющем полете. Самое сложное – добраться до земли живым. Парашютист – легкая мишень. Оружие у нас холодное – ножи и горячее – бутылки с зажигательной смесью. Пленных мы не брали, и сами страшно боялись плена.

Убили повара, готовлю теперь я. Ребятам нравится. Из молодой крапивы варю щи, из трупа лошади – суп. Комиссару трудно объяснить, почему мяса вареного становится меньше, чем сырого. По степени непредсказуемости результата ситуация непонимания равносильна авианалету, причем обе они грозят летальным исходом.

Поезд загудел и помчался под свист летящих бомб. Выбрасывались из вагонов на ходу, бежали и ползли в поле. В гуле пикирующих вновь и вновь бомбардировщиков я не сообра-

зил, что к чему и остался в поезде. Поэтому – живой. Свистящие очереди авиапулеметов струились по полю под печальный аккомпанемент рвущихся снарядов…

Я – старшина, командую отделением истребителей танков. Сидим в вырытых в мерзлой земле глубоких узких траншеях. Танки переползают через траншеи, мы бросаем им вслед в бензобаки бутылки с зажигательной смесью. Взорванный танк горит на фоне осеннего неба, от запаха керосина мутит, из башенного люка никто не выскакивает…

Меня контузило в Западной Белоруссии. Лопнули обе барабанные перепонки. Слух до конца так и не восстановился. Даже много лет спустя ловлю смысл сказанного по губам. Собственно говоря, если бы не контузия, разве остался бы я жив? Свидетельство о контузии с энтузиазмом выбросил после войны: не хотелось, чтоб жалели, особенно мама.

Мир встретил в гарнизоне Витебска. Предложили поступать в военную академию, но войны мне уже хватило. Теперь только мир, только университет. Ценой жизнью целого поколения нам удалось одержать победу для наших детей. Долг потомков – сохранить мир.

Самые ценные мои награды: медаль «За оборону Москвы», медаль «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 1-го курса Кубанского государственного университета ***Басамыгин Иван Викторович***

Бутков Пётр Степанович

Не черствели мы сердцем

Я родился 12 мая 1923 г. в поселке Слобода Маньково, Азово-Черноморсого края (ныне Ростовская область) в семье учителей. В 1941 году окончил Незамаевскую среднюю школу № 2 и получил аттестат с отличием, что в то время было довольно редким явлением. Задумки были идти в науку (на заре моей юности были для этого и потенциальные возможности). Но все мои планы, как и планы многих моих сверстников, были разрушены вероломным нападением фашистской Германии на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

В Калниболотском РВК (Краснодарского края) мое заявление с просьбой о направлении в Ленинградское военно-морское техническое училище уже лежало в личном деле. Оно было подано ещё 15 июня 1941 г., во время военного сбора допризывников. Военком от направления в Ленинград отказал и предложил Армавирскую истребительную авиашколу. Это предложение меня устраивало, но прежде надо было закончить учебу в аэроклубе, куда направили меня и еще троих ребят: Крахмалева Виталия, Абрамова Александра, Потатурку Константина. Занятия в аэроклубе должны были начаться с 1 августа 1941 г.

После выпускного вечера, мы классом встречали восход солнца, а в это же время немецкие самолеты уже успели от-

бомбить Киев, Севастополь, Минск… Но мы, конечно, этого не знали.

22 июня, немного поспав, я проснулся около 12 часов. По радио передавали какие-то особенные звуковые позывные. Слышно было, как в стакане булькала водичка, наливаемая из графина. Затем было озвучено личное заявление Вячеслава Михайловича Молотова о нападении фашистской Германии. В этот день чувства печали, озабоченности, неизвестности и … ожидания «победы на вражьей земле» в нас вытеснили все остальные эмоции. Вскоре, кажется на следующий день, мы услышали великую призывную песню:

«Вставай страна огромная, вставай на смертный бой…».

С опозданием на месяц начались занятия в Кропоткинском аэроклубе, где курсанты жили на казарменном положении. Через месяц, по окончании изучения аэродинамики полета и других теоретических дисциплин, стали совершать вывозные учебные полеты и изучать «КУЛП» - курс учебно-летной подготовки. В потоке 1941 г. было около полусотни курсантов аэроклуба. Уже в октябре над нашим аэродромом пролетали построенные клиньями «Юнкеры» на г. Армавир, где после бомбежки были большие жертвы среди мирного населения. Были налеты и на Кропоткин, в котором немцев интересовали: железнодорожная станция, паровая мельница и единственная в городе пятиэтажка. О существовании военного аэродрома немцы, по-видимому, не знали, несмотря на широко развитую шпионско-диверсионную агентуру. На этом аэродроме в 1941 году базировались в основном истребители И-16 и бомбардировщики «СБ» (скоростные). Они были построены еще в середине 30-х годов, с приличной по тем временам крейсерской скоростью в 350 км/ч. Но к началу войны они успели устареть, и были удобной мишенью для «мессеров». Как стая гусей, эти большие красивые самолеты по утрам поднимались в воздух и улетали на Крым, возвращаясь в печальном меньшинстве. Но они были хорошими учебными самолетами для подготовки летчиков для АДД – авиации дальнего действия, на которых мне немного позже приходилось работать в Новосибирской авиашколе.

Несколько раз «охотники» - мессеры налетали и на аэроклубовский аэродром, расположенный на плато, возвышающимся над городом. При одном из налетов я был в карауле,

имея боевое оружие – стандартную трехлинейку. В этот раз в середине ноября впервые успел прицелиться в голову летчика с Ме-9 («Мессершмит-9»), который был в метрах 30-40 от меня и выстрелил. Но самолет ушел неповрежденным. Подумал, что «промазал», хотя на учебных стрельбах почти всегда мои пули ложились в «яблочко» (я был «дипломирован» «Ворошиловским стрелком»). Только позже, будучи в действующем 511 особом разведывательном авиаполку, увидев сбитый «Мессершмит-9», понял, что тогда я не «промазал», просто летчика защитило лобовое бронестекло, о существовании которого я в 1941 году и не догадывался.

Через полгода курс обучения в аэроклубе я закончил (досрочно) и получил возможность побыть «до особого распоряжения» в семье, в ожидании направления в Армавирское училище. Но через три месяца (по окончанию всего выпуска) ситуация изменилась. Армавирское истребительное авиаучилище было эвакуировано в г. Фрунзе (Киргизская ССР), а при отступлении по Украине и Белоруссии потери авиамехаников, готовящих самолеты к боям, оказались значительными. И весь наш выпуск направили (утверждали, что по приказу главнокомандующего И. В. Сталина), не во Фрунзе, а в Астрахань с утверждением, что летчики должны в условиях боевых действий иметь и приличное техническое образование. Так 6 июня 1942 года мы оказались в АВАШМ – Астраханской военной авиационной школе механиков.

Сразу же по прибытию начались нормальные занятия. Курсантов собралось много – под тысячу человек (из авиационных спецшкол Краснодара, Ростова на Дону, Тбилиси, Еревана и Баку, а также из многих аэроклубов). После отступления 1941 года армия испытывала недостаток авиамехаников – эксплуатационников. Удивляли и вызывали естественный восторг курсанты-девушки, оригинально украшавшие спортивные площадки и плацы школы. Они осваивали специальности оружейниц и авиаприбористок. В художественной литературе об этих труженицах войны почти не писали, но их роль в успехах боевой авиации трудно было переоценить: в авиации, как ни в каком другом виде войск, применялись передовые высокотехнологические приборы управления, автоматика, электрооборудование, скоростные автоматические пулеметы и пушки,

эрэсы (реактивные снаряды), приборы бомбометания и сама подвеска бомб зачастую ими обеспечивались.

Но занятия по освоению авиационного дела в нормальном темпе длились недолго (чуть больше месяца), после чего возникли новые проблемы, а с ними новые задачи.

Практически неожиданно враг оказался у Сталинграда, начались бомбардировки Астрахани. Бомбились пристани, нефтехранилища, заводы и другие военные и невоенные объекты. Одна бомба угодила в столовую авиашколы. Были жертвы: погибли 11 курсантов, около десятка были ранены. Жертвы могли быть большими, но почти весь состав авиашколы в момент бомбежки был за городом (проходили занятия на учебном аэродроме).

Когда фашисты заняли город Элисту, у командования авиашколы уже имелся план участия авиашколы в обороне Астрахани. Даже силами курсантов на правобережье Волги строились оборонительные рубежи. После зачтения перед курсантами приказа И. В. Сталина № 227, занятия по специальности прекратились, решались только оборонные задачи.

Вернусь на несколько месяцев назад. Когда мы покидали Кропоткинский аэроклуб, уезжая в глубокий тыл, и не думали, что там встретимся с врагом. После разгрома фашистов под Москвой и изгнания их из Ростова, казалось, положение на фронте стабилизировалось в районе Таганрога, Иловайска и далее на север. Мы считали, что наше отступление закончилось. И радовало даже то, что станция Лозовая, находившаяся в сотне километров западнее Харькова, находилась в руках нашей армии. Эту идею впервые высказал мой первый авиаинструктор, который дал мне все вывозные полеты по КУЛПу (Курсу учебно-летной подготовки), а потом неожиданно исчез. Как стало известно позже, он добился, просимое им, направление в действующий авиаполк. Его заменила белокурая красивая и энергичная женщина. При ней я начал совершать самостоятельные полеты. И в один из них, на высоте около 600 метров, при исполнении в зоне боевого разворота, слышу от этой почти обожествленной мной Афродиты вопрос с ненормативной лексикой: «Что тянешь за ручку, как мертвого татарина за …?».

Я обомлел и еще глубже зарыл капот самолета в воздух. Слишком редко я встречал подобную лексику среди сверстни-

ков, а среди девушек – никогда. Но эта встряска (в образе педагогического приема) мне помогла: я стал летать увереннее и даже закончил курс до срока.

Но она, видимо, была у нас инструктором временным. Вскоре назначили нового – это был выздоравливающий раненый летчик-истребитель лейтенант Яшков. Он был добрым и прагматичным человеком. Вскоре, немного реабилитировавшись, он снова ушел воевать. Не однажды он вел с нами задушевные и рассудительные беседы о жизни и войне. В одной из них он как-то сказал: « Вот что ребята, эта е… война продлится долго (снова прошу извинения за ненормативную лексику, но без нее не тот «колер мысли»). Вы не спешите на фронт: там надо хорошо уметь воевать. Поэтому добейтесь сначала окончания авиационного училища».

«А если не успеем? – обратился к нему Ваня Головко – Отступление уже закончилось».

И получил ответ: «Кто там не был, тот побудет, а кто был, тот не забудет».

«Да нет, товарищ лейтенант, - вмешался я, - товарищ Сталин сказал, что еще полгодика – годик и мы сломаем хребет фашистскому зверю».

Лейтенант ответил: «Да! А доламывать-то будете вы!»

Вскоре и лейтенант Яшков тоже ушел на фронт, а заканчивал обучение я уже у инструктора Гурикова.

Афоризм мудреца: «Невероятно, чтобы осуществилось невероятное» был посрамлен: когда мы только приступили к занятиям в АВАШМ, под Харьковом совершились трагические события. Была прорвана немцами уже устоявшаяся линия фронта и, еще недостаточно обескровленные, их полчища хлынули на восток (до Сталинграда) и на юг (до Кавказа). По моему преставлению, здесь имело место тактическое головотяпство. Удерживать станцию Лозовую, находящуюся на острие клина, выступавшего на сотню с лишним километров западнее Харькова, было очень рискованно, но политуправление Юго-Западного фронта, возглавляемое Н. С. Хрущевым, не позволяло командующему фронтом генералу Черняховскому сравнять линию фронта. Поэтому подготовленный немецким командованием прорыв фронта произошел.

Об этом мне лично рассказывал мой дядя Иванов Михаил Павлович, принимавший непосредственное участие в харьков-

ских событиях в начале июня 1942 года в качестве комвзвода и попавший после окружения в плен, при встрече уже в послевоенное время. Поэтому «перелом хребта» фашистскому зверю затянулся и произошел в других местах – под Сталинградом и в предгорьях Кавказа.

Вернемся в Астрахань. Город готовился к обороне. Занятия в авиашколе практически прекратились: курсанты сооружали в Калмыкии оборонительные заграждения, тушили пожары нефтехранилищ и заводов, устраняли последствия бомбардировок, так как немцы пытались выйти в низовья Волги и к Каспийскому морю. Но из-за больших потерь, понесенных немцами, этот план для них оказался непосильным. Они окончательно застряли под Сталинградом, пытаясь пробиться к Волге.

В конце августа 1942 года начальник авиашколы инженер-подполковник Сипачев получил приказ из Москвы об эвакуации. И через месяц мы оказались вместе со своими центропланами, плоскостями, моторами и прочим авиаоборудованием в восточно-казахстанском городе Усть-Каменогорске.

Здесь занятия проходили с перерывами в зимние месяцы из-за местных морозов достигавших – 50°. Особенно страдали, обмораживая лица, курсанты из южно-кавказских республик. К лету 1943 года нас возвратили в Астрахань, где уже в нормальных условиях, закончив курс обучения, были направлены в авиаполки.

Я с несколькими своими однокашниками (Соловцевым Александром, Столяром Ефимом, Ковтуном Алексеем) был направлен через Москву в 511 ОРАП (отдельный разведывательный авиаполк), воевавший на 2-м Прибалтийском фронте.

В Москву наша команда прибыла на Павелецкий вокзал, на котором в комнате для военнослужащих отдыхали до утра. Утром добрались до Ленинградского вокзала. Москва принаряжалась, готовясь к праздничным дням, посвященным очередной годовщине Октябрьской социалистической революции.

Проезжая попутным транспортом через Великие Луки, Торжок, проходя другие населенные пункты, опустошенные огнем войны, мы добрались до пункта назначения – лесного аэродрома 511-го авиаполка. Близко к нему населенных пунктов не было. Ближайший город Витебск был западнее аэродрома в 50-70 км от него, еще оккупированный фашистами. Нас в полку, после посещения столовой, несмотря на празд-

ничные дни, сразу пустили в дело: выдали специальную форму (комбинезоны, сапоги, шлемы, рукавицы и прочее) и закрепили за самолетами вторыми механиками (для определения наших деловых качеств), указали места ночного отдыха (по землянкам). Самолеты Пе-2 (конструкции Петлякова) в первой половине войны применялись как пикирующие бомбардировщики. Позже, когда немцы узнали расположение их 11-ти бензобаков и о недостаточно высокой крейсерской скорости (510 км/ч) самолетов, они стали охотиться на них и сбивать. Во второй половине войны на них установили фотооборудование, уменьшили бомбовую нагрузку, улучшили стрелковое оборудование и применяли, в основном, для фоторазведки. Информация, полученная такими разведывательными авиаполками, дала возможность эффективно провести освобождение Белоруссии и северной Украины от немецко-фашистской оккупации. А для пикирующего бомбометания стали применять более совершенные туполевские самолеты Ту-2 и Ту-10.

Так как в авиашколе мы специализировались на самолетах Пе-2 и Ил-2, то особых трудностей я не встретил. Вскоре я перешел на самостоятельное обслуживание. За все время службы в этом авиаполку срывов боевых вылетов, по техническим причинам, моего самолета не было, а тем более - вынужденных посадок.

В конце весны 1944 года меня и нескольких моих однокашников командировали в авиацию дальнего действия (на самолеты Ил-3) в Новосибирскую военную авиашколу летчиков АДД (авиации дальнего действия). Думали, что там не хватает курсантов, и мы продолжим свое обучение. Но оказалось не так: нас зачислили в отряд слепой подготовки для обеспечения ночных и слепых полетов уже обучающихся курсантов. Но и здесь, к нашему большому удовлетворению, долго задержаться не пришлось, так как по решению главного командования авиашкола была расформирована. И нас вновь отправили в действующие авиаполки. Поэтому я в конце марта 1945 года был командирован в 338-й Рижский бомбардировочный авиаполк (ночные бомбардировщики Ли-2, переоборудованные из самолетов гражданской авиации). Мне поручили обслуживать самолеты управления полка: сначала По-2 (конструктор Поликарпов), на котором я летал в Кропоткинском аэроклубе в 1941 году. Но позже перевели на самолет американского производ-

ства СИ-47 (конструкции Сикорского). 338 авиаполк участвовал в бомбардировке военных и оборонных объектов противника в Берлине, Кенигсберге и других немецких городах. За активные военные действия в районе Риги, ускорившие освобождение этого города и других городов Прибалтики, полк получил название Рижского. Закончил полк свои боевые действия в польском городе Венгрув. Довольно часто боевые полеты полка совершались под командованием заместителя командира полка по летной подготовке майора Никитина, Героя Советского Союза. Но были и неудачи. Так, возвращаясь с успешно проведенного боевого вылета на базовый аэродром под Вильно, немецкий самолет-охотник, пристроившийся к полку, расстрелял несколько самолетов при посадке при включении ими аэронавигационных огней. Были и жертвы: война есть война. Но все-таки высокое мастерство и мужество летного состава авиаполка, командир которого полковник Московкин тщательно пестовал в своих подчиненных эти качества, были решающими в боевых успехах полка.

Были и комические случаи. «Разразился» День Победы. Весь полк веселился, как мог. А один из механиков оказался в объятиях пана поляка, живущего в своем доме в селении, расположенном невдалеке от аэродрома. На просьбу пана продать самолет «пан сержант» не растерялся и стал торговаться. В конце концов, сделка состоялась. Получив процентов семьдесят от большой суммы злотых, сержант перед уходом сказал пану: «Через неделю приходи с деньгами и забирай самолет».

Проходит несколько дней после праздника, а полк ходит навеселе. Начальство обеспокоилось, стало выяснять причины такого нестандартного поведения подчиненных, а после выяснения юморист сержант оказался на десятисуточной гауптвахте. Остаток денег был возвращен незадачливому пану.

Таким образом, для меня боевые действия закончились в польском городе Венгрув в составе 338 Рижского авиаполка.

Великая Отечественная война отличалась от всех предыдущих насыщенностью разнообразной техникой (самолетами разных назначений, противовоздушными установками, кораблями, танками, самоходками, артиллерией и другими видами оружия). Всю эту технику надо было кому-то создавать, кому-то обслуживать и кому-то применять непосредственно в бою. Служил бы я в стрелковой дивизии, я знал бы, сколько немцев

я убил, через какие пункты прошел в боях и т. д. Но мой боевой путь реализовывался в коллективных действиях конструкторов самолета, инженеров и рабочих авиазаводов, авиамехаников-эксплуатационников, других служб обслуживания (прибористы, оружейники, заправщики).

Но так как самолеты летали на боевые задания безотказно, то, следовательно, и мой труд вливался в труд моей армии. А Великая Отечественная война была «войной моторов». К ее успеху или неуспеху были причастны десятки миллионов людей.

Демобилизовался я в 1946 г. из города Бельцы (Молдавия) в звании старшего сержанта.

Так что честь своих родителей – учителей: Бутковых Степана Степановича и Варвары Павловны я не посрамил.

Из военных наград, я считаю главными Медаль «За Победу над Германией» и орден «Отечественной войны» II степени, выданный мне, как итог моей военной деятельности в звании старшего сержанта, среди многих других военных медалей.

Главными наградами за свой пятидесятилетний педагогический труд я считаю присвоение звания «Учитель-методист» и медаль «За доблестный труд» в честь 100-летия В. И. Ленина. А также полсотни всяких благодарственных приказов, премий и грамот, хранящихся в настоящее время (в основном) в Тихорецком городском историко-краеведческом музее (вместе с комсомольском билетом).

ВОЙНА В ПАМЯТИ ВЕТЕРАНА

Солдату и учителю Василию Андреевичу Петренко, бывшему учителю Незамаевской средней школы№2 Краснодарского края. Славному воину Великой Отечественной войны в день его девяностолетия

Прошумели годы, откипели страсти:
Было в жизни счастье, было и ненастье.
Вас ласкала радость и хлестало горе -
То их было мало, то их было море…
Путь прошли суровый русского солдата,
Из страны изгнали злого супостата…

И питомцы Ваши, не жалея жизни,
На фронтах широких бились за Отчизну!

Свердликов Григорий был артиллеристом,
Чирва Боря - летчиком, Даллада - танкистом.

Вспомните солдата Севу Окинчу-
Бил под Ельней немцев будто саранчу.

Яростно сражался Михаил Бирюк,
Бил фашистов подлых Ваня Лавренюк.
Брат же его Степа моряком служил
И суда фашистские с радостью топил.

Били гадов Прилипы - два лихих Петра,
Знали: от фашистов ждать нельзя добра.
Сагайдак Ванюша и Володя Пуд
Били беспощадно вражеских иуд.

А Пономаренко штурманом летал,
С неба оккупантов он уничтожал.
Николай Шапранов помогал друзьям:
Тщательно готовил самолет к боям.

Волосюк Ванюша партизаном был,
Немцев ненавистных яростно громил.

Нынче нет уж многих - унесла могила:
Те – на фронте пали, этих хворь скосила.

Трудно мне припомнить всех питомцев Ваших-
Выживших, погибших, без вести пропавших.
Ну, а те, кто живы, помнят Вас всегда.
Честным, справедливым, строгим иногда.

Вам от нас спасибо, наш Учитель мудрый,
Что прошли Вы с нами путь свой многотрудный,
Что вы нас учили чести, правде жизни
И пример подали, как служить Отчизне.

Петр Бутков, выпускник Незамаеской
средней школы 1941 года

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ФРОНТА

Вале Бутковой

Здравствуй, милая сестренка!
Хоть нечасто шлю привет,
Но с моей родной сторонки
Все ответа нет и нет.
Посылаешь, Валя, знаю
Мне целебные слова.
Но ко мне они и в мае
Пробиваются едва.
Май-красавец на Кубани
Заалел, позеленел,
В изумрудно-ярких гранях
Лучезарно заблестел.
Как невесты, забелели
Вишни, яблони вокруг,
Лепестковые метели,
Тополиный цепкий пух.
Наступает май дотошный,
Никаких ему преград:
Одевается в роскошный
Многоцветный свой наряд.
Этот месяц-недотрога
Будоражит наши сны,
Очаровывает взором
Расцветающей весны.
Презирает май-повеса
Серость, хляби, мглу чернил.
Все луга, опушки леса
Он в лазури утопил.
Хорошо шагать дорогой,
Видеть мир во всей красе.
Подурачиться немного,
Позабыв печали все.
В день двенадцатое мая
Я пишу тебе письмо,
Но когда придет, не знаю,
В Незамаевку оно.

День действительно чудесный-
День рожденья мой и твой,
И для нас с тобой прелестный,
Замечательный такой!
Нам сегодня двадцать вроде:
За здоровье надо б пить.
Но фашистское отродье
Не дает спокойно жить.
И поэтому гурьбою
На лесной аэродром
самолеты ладить к бою.
мы, механики, идем.
Здесь, за тамбуром землянки,
В предрассветной темноте
Сосны дремлют на полянке
В строгой гордой красоте.
Моя «пешка» скрыта сеткой.
Разговор я с ней веду:
«Просыпайся, моя детка,
и готовься вновь к труду».
Спозаранок ежедневно
И до самого темна
«Пешки», «Илы» неизменно
Вылетают бить врага.
Верь: наступит день весенний,
Когда ваш нелегкий труд,
Наша воля и уменье
Нас к победе приведут.
А пока желаю счастья
И терпимого житья!
Через бури и ненастья
Май придет к нам! Верю я!

Петр Бутков, авиамеханик.
2-й Прибалтийский фронт

СОЛДАТАМ РОССИИ

Отчизну в порыве безмерном
Народ защищал в сорок первом,

И только весной в сорок пятом
Покончил с фашизмом проклятым.

Мы были выносливы, смелы,
Хоть враг на нас пёр очумело.
Солдаты великой Советской страны
Сплоченностью, дружбою были сильны.

Но с достиженьем великой Победы
Для нас не закончились тяжкие беды:
Хотя и разбит был зловещий фашизм,
На смену пришел мировой псевдоизм.

Народам России во сто крат теперь
Опасней фашизма сей вскормленный зверь.

Несет он с собою нам смерть, геноцид,
Разврат, наркоманию, рабство и СПИД.
По-прежнему нас окружают враги,
Но в мгле непрозрачной сокрыты они.

Российский солдат! Опять твой черёд
Спасти, сохранить человеческий род!

Петр Бутков, солдат ВОВ
23 февраля, 2004 год

ВЕТЕРАНАМ

Посвящаю своим родителям
Бутковым Марии Николаевне
и Петру Степановичу.

Людмила Буткова, журналист. 2005 г.

О той войне мы знаем по рассказам,
По фильмам, книгам, читанным не раз.
Мы под бомбежкой не были ни разу…
Так что мы знаем, в сущности, о вас.
Что вы еще такими молодыми

Познали боль и горечь от утрат,
Что испытания огнем и дымом
Прошли не ради славы и наград.

Конца войны не зная точной даты,
Вы не считали долгих лет борьбы,
Но каждый был своей страны солдатом-
Иной тогда не виделось судьбы.

Мы много раз приходим к вам с поклоном.
Ваш путь - живых и павших - освящен!..
И помним мы, как встали… вы заслоном
Над нами, не рожденными еще.
Каких вам это стоило усилий,
Должны мы в полной мере оценить
И научиться так любить Россию
Хранить ее, как вы могли хранить.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Галат Анна Борисовна***

Волошко Татьяна Порфирьевна

Партизанскими тропами Кубани

Я родилась 6 марта 1920 г. в пос. Базарный-Сизган, Инзенского района, Ульяновской области, в семье рабочего, русская, член КПСС. С начала Второй мировой войны возникла реальная угроза нападения фашистской Германии на Советский Союз. Коммунистическая партия и правительство предприняли ряд мер, направленных на подъем экономики и укрепление обороноспособности страны.

В 6 утра 22 июня 1941 года прозвучало правительственное сообщение о том, что, нарушив Пакт о ненападении, Германия вероломно вторглась на территорию СССР. Еще в 4 часа утра 22 июня над Новороссийском появился немецкий самолет-разведчик, это свидетельствовало о том, что Кавказ и юг России являются зоной особого интереса немецкого командования.

В это время я находилась на учебе в городе Геленджике в комсомольском отделении краевой партшколы. Мы узнали о войне из правительственного сообщения о нападении Германии на Советский Союз, в котором была также изложена программа действия всех организаций и населения в условиях войны. Сразу после правительственного сообщения мужчины партийной школы добровольно ушли в военкомат и были сразу призваны в армию, женщины и девушки получили отказ и были отправлены на места. В это время я была назначена чле-

ном Бюро Краснодарского крайкома комсомола и была оставлена в городе Краснодаре. Мы приступили к выполнению поставленных перед нами задач. Необходимо было обеспечить уборку необычно большого урожая; организовать народное ополчение, отряды по охране населения и предприятий; перестроить отдельные предприятия на выпуск военной продукции в городах Краснодаре, Новороссийске, Ейске и т.д.; организовать всеобщее военное обучение молодежи; готовить кадры для работы в народном хозяйстве; организовать материальную помощь Красной Армии и Военно-морскому флоту; подготовить к возможной эвакуации население, материальные ценности, а также документы и архивы всех руководящих органов края. В случае возможной оккупации территории нам было необходимо создавать невыносимые условия в тылу врага.

Работники крайкома комсомола были немедленно отправлены в районы края (в то время – 91 район) для обеспечения поставленных задач на местах. Я выехала на север края в Кущевский и Крыловской районы, к границе с Ростовской областью, где мне и пришлось впервые столкнуться с фашистами. Наступая на Ростов-на-Дону, фашистская авиация бомбила и расстреливала советские войска, эшелоны и эвакогоспитали по всей Северо-Кавказской железной дороге. Выполнив задание, я отправилась в Краснодар в товарном вагоне вместе с отступающими частями нашей армии. На коротком отрезке пути от станции Кущевской до Тихорецкой наши эшелоны неоднократно попадали под массированные обстрелы и бомбежки вражеской авиации, и мне приходилось оказывать помощь раненым солдатам.

Комсомольцы принимали участие в выполнении серьезных поручений партии, например, организации школы подготовки девушек-снайперов, стрелков ПВО, подрывников. После возвращения в Краснодар меня по заданию Крайкома партии в конце сентября направили в Армавир, где вместе с военкомом мы отбирали коммунистов и комсомольцев в военно-десантные части нашей армии. Задание я выполнила, но заболела тифом, и в Краснодар меня доставили в тяжелом состоянии. Только в декабре я смогла приступить к работе.

Практически все мужчины Краснодарского крайкома комсомола во главе с первым секретарем Александром Колосовым (23 человека) добровольцами ушли на фронт и их заменили

девушки. Учитывая военную обстановку и возросшую нагрузку, а также необходимость в военной подготовке, нас перевели на казарменное положение.

В июле 1942 года, при вторичной сдаче немцам города Ростов-на-Дону, возникла реальная угроза оккупации Краснодарского края. У гитлеровцев существовал план захвата ресурсов и нефтяных промыслов Кубани в качестве плацдарма для выхода к Черному и Каспийскому морям, а значит для захвата всего Северного Кавказа. 8 августа 1942 года немцы вошли в Краснодар, и мы едва успели переправиться через Кубань, как мост через нее был взорван.

По решению крайкома партии, 18 сотрудников крайкома комсомола были зачислены в партизанские отряды. Вместе с отступающими армейскими частями наш аппарат отступил в район Горячего Ключа. Помимо 18 вышеуказанных ответственных работников крайкома комсомола в партизанские отряды ушли 29 секретарей горкомов комсомола. Коммунисты и комсомольцы являлись основой партизанского движения. Всего на территории Краснодарского края в 86 партизанских отрядах насчитывалось 950 комсомольцев (общая численность партизан составляла около 1500 человек). Начальником краевого штаба партизанского движения на Кубани был Петр Иануарьевич Селезнев, первый секретарь Краснодарского краевого комитета компартии, член военного совета Северо-Кавказского фронта (в настоящее время одна из улиц Краснодара носит его имя), его заместителем по комсомольской работе был первый секретарь крайкома комсомола Василий Семенович Клочко.

Опыта ведения партизанской борьбы у большинства из нас не было, и особенностью этого движения на Кубани оказалось то, что партизанские отряды оказались за линией фронта в сложных условиях горно-лесной местности, в отрыве от своих территорий (районов), где были заложены соответствующие базы, подобраны подпольщики и связные.

Группа работников крайкома комсомола оказалась в районе Волчьих ворот и горы Лысая, в месте расположения партизанского отряда «Кировец», и вошла в него. Рядом находилась Иркутская воинская часть и морская бригада. Перед нами стояла задача участвовать вместе с армией в обороне, не до-

пустить продвижения противника к городу Туапсе. Здесь мы получили первый боевой опыт.

При каждом партизанском отряде были созданы боевые разведывательно-подрывные группы. Командиром нашей разведгруппы был назначен первый секретарь крайкома комсомола Василий Клочко, комиссаром – второй секретарь – Александра Кочубинская. Опытом ведения партизанской войны с нами делились участники гражданской войны.

Мне приходилось отправляться в тыл врага, изучать ситуацию на оккупированной территории. Самой памятной была встреча с немцами при выполнении задания. К этому времени линия фронта сравнительно стабилизировалась. На рассвете при большом тумане наша группа, состоящая из 9 человек, во главе с командиром и комиссаром направилась в тыл противника. Через минное поле нас провел пожилой сержант, предупредив, что через 10 дней будет ждать нас в этот же час и в этом же месте. Настрой на легкую победу был у многих, в том числе и у нас – молодых. Так как до войны я была секретарем местного райкома комсомола и поэтому неплохо ориентировалась на местности, я направилась к молочной ферме. На ферме находились немцы. От гибели нас спасла случайность – мы услышали лай собак фашистов, он и остановил нас. Заминировав одну из троп, мы отправились вглубь района. Группа разделилась на несколько подгрупп с целью разведать обстановку на разных направлениях. Мне, вместе с Михаилом Темрезовым надо было выйти в направлении главной трассы, по которой поступали техника, живая сила противника. Мы вышли из лесу на поляну, и Михаил с дерева осмотрел местность. Он увидел, что в нашем направлении боевым шагом идет группа немецких солдат. Мы по-пластунски пересекли открытую местность и спрятались в лесу, предварительно заметив активное движение по основной трассе. К вечеру все собрались в назначенном квадрате леса, подвели итоги и вдруг услышали немецкую речь. Мы обнаружили, что расположились недалеко от немецких орудий с боевым расчетом. Передвигаться ночью по горам трудно, поэтому мы недалеко смогли отойти от нашей стоянки, и всю ночь не могли спать, опасаясь немцев. Утром вместе с Галиной Андреевой (которая впоследствии в течение 50 лет проработает в Краснодарском крайкоме комсомола от рядового до начальника финансовой службы крайко-

ма) мы отправились в сторону совхоза, в котором выращивали табак. В пути мы встретили одного из местных жителей, и он рассказал нам о том, что население не поддерживает фашистов, которые грабят жителей, арестовывают их. Информирование населения о том, что происходит на фронтах являлось нашей непосредственной задачей, и мы снабдили работника табаксовхоза свежими сводками Совинформбюро, попросив передать их также в другие населенные пункты. В течение недели мы также заминировали дороги по трем направлениям, подсчитали количество передвигаемой техники к фронту, определили расположение дальнобойной артиллерии.

Мне запомнилась одна ночь, когда при встрече с армейской разведкой, мы передали им координаты расположения дальнобойных орудий противника, и тем самым мы вызвали огонь наших орудий на себя. С одной стороны мы пережили страх, а с другой стороны – ликование – ведь наша армия била по противнику. Мы благополучно вернулись в отряд, и наша операция получила высокую оценку командования. На следующий день в соседней воинской части мне вручили пистолет «ТТ».

В конце ноября 1942 года меня перебросили в Нефтегорский район в штаб Нефтегорских партизанских отрядов помощником командира куста партизанских отрядов по комсомолу. Возглавлял штаб секретарь крайкома партии по нефтяной промышленности Василий Иванович Хомяков. Основными задачами партизанских отрядов являлись: предотвращение восстановления и использования на территории региона законсервированных нефтяных скважин противником, информирование населения оккупированной территории о положении на фронтах страны, диверсии на железных дорогах и дезорганизация работающих на фашистскую Германию предприятий. Наиболее успешно в тылу врага работали боевые группы Бориса Чайки, Виктора Чернова и др., которые уничтожили множество фашистских офицеров и солдат. Состав партизанских отрядов был многонационален, ибо представители всех населяющих край народов вкладывали свои усилия в освобождение родного края.

Мне неоднократно приходилось участвовать в боевых действиях во время переходов за линию фронта, вместе с воинскими частями участвовать в боевых операциях. Вместе с медицинской сестрой Сашей (фамилию не помню) пришлось

принять личный бой с группой немцев под поселком Нефтяная.

28 января 1943 года после изгнания фашистской армии с территории Апшеронского и Нефтегорского районов через связных я получила указание приступить к восстановлению партийных, комсомольских и советских организаций на территории освобожденных районов. Во время проведения этой работы в Усть-Лабинском районе секретарь райкома комсомола Галина Смирнова помогла мне через командование вместе с армейской разведкой добраться до Краснодара и войти в город на рассвете 12 февраля 1943 года (сразу попасть в здание крайкома комсомола я не смогла, т.к. его только начали разминировать саперы). Теперь этот день празднуется как день освобождения Краснодара от немецких захватчиков. Так завершилась моя боевая деятельность.

За время оккупации на Кубани в партизанских отрядах погибло около 1000 человек, из них около 30 секретарей горкомов, райкомов партии и комсомола. Партизанские отряды на Кубани вложили весомую лепту в общую победу, помогая нашей армии в тылу врага, сорвав планы Гитлера о захвате Кавказа, об использовании кавказской нефти немецко-фашистской армией, о превращении населения юга России в рабов, снабжающих продовольствием Германию, о разобщении дружной многонациональной семьи народов Северного Кавказа.

Всего кубанскими партизанами было уничтожено 12 тысяч офицеров и солдат армии Вермахта.

Награды:

- орден Отечественной войны II степени,
- медаль «Партизану отечественной войны» I степени,
- медаль «За оборону Кавказа»,
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» от 9 мая 1945 г.,
- медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»,
- медаль Жукова,
- медаль «Ветеран труда» и 8 различных юбилейных и других медалей.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 2 курса Кубанского государственного технологического университета ***Брезгунов Илья Владимирович***

Гарбузова (Соколова) Галина Ильинична

«Слухачи» военного неба

Я родилась 28 декабря 1923 г., г. Миллирово Ростовской области, русская. Член комсомола и ОСОАВИАХИМа.

Я окончила в 1941 г. школу с отличием. 21 июня 1941 г. у нас был выпускной вечер в школе № 38 г. Краснодара. Всем классом в горпарке им. Горького встречали восход солнца, после этого вернулась домой и крепко уснула.

Примерно в 12 часов дня разбудили родители, которые по радио 22 июня 1941 г. узнали о начале войны. Так эта страшная беда вошла в мою жизнь. Не дожидаясь повесток, мужчины нашего двора ушли в военкомат и затем на войну.

Летом 1941 г. поступила в Краснодарский химико-технологический институт на кафедру технологии жиров. Учебу проводили по ускоренному курсу, занимались по 8-10 часов в день. Некоторых студентов 2-ого курса пригласили совмещать учебу с работой. В химической лаборатории в учебном корпусе по ул. Красной изготавливали бутылки с зажигательной смесью для борьбы с танками врага.

Сдала на отлично первую сессию и в марте 1942 г. меня и других студентов 1-го и 2-го курса пригласили в райком комсомола и спросили: «Хотите защищать Родину?». Я, как и все остальные ответила: «ДА!».

Тех, кому было менее 18 лет, в армию не взяли. Нам объявили, что до особого распоряжения мы можем учиться. Я

очень спешила выполнить как можно больше заданий в лабораториях и начертить по возможности все необходимые чертежи, так как думала, что война скоро закончится, и я вернусь без долгов и не прерву учебу.

После многочисленных медкомиссий и обследований, особенно остроты зрения и слуха, нас всех собрали в военкомате и сообщили, что мы еще будем учиться на территории Краснодарского мясокомбината. Здесь нас на протяжении 2-х месяцев учили стрелять, пользоваться телефонным аппаратом, разбирать и собирать его. Нам объявили, что мы заменим мужчин в батальонах ВНОС (Воздушное наблюдение, оповещение и связь).

Я стала солдатом 10 апреля 1942 года, а 9 мая приняла военную присягу на верность Родине.

Наш батальон ВНОС №68 располагался в станицах Краснодарского края. Я, и четыре мои подруги, попали в станицу Анастасиевскую. Начальником был опытный сержант, который нас учил в поле. Одна из нас стояла на наблюдательном пункте, другая - находилась в землянке у телефона и поддерживала связь с командным пунктом, а он был связан с пунктом батальона. В это время под вышкой двое девушек изучали с командиром силуэты и характеристику вражеских (и наших) самолетов, чтобы их распознавать и оповещать прожектористов, зенитчиков и наших летчиков – истребителей.

Однажды мы увидели первый самолет и, разинув рот, поднялись на курган, чтобы лучше его рассмотреть, хотели на практике проверить свои знания. Немецкий летчик знал, кто мы такие и «угостил» нас пулеметной очередью, тем самым закрепил наши знания. Самолет в тот момент мы не успели опознать, срочно надели на головы каски и схватились за винтовки. Командир нам объяснил, что это был самолет – разведчик, называемый в наших войсках «Рамой». Этот урок не прошёл даром, со временем мы научились распознавать свои и немецкие самолеты.

Через некоторое время наш пост перевели в станицу Староджерелиевскую. Немцы прорвали фронт под городом Ростовом, и нам пришлось отступать, вывозить технику (телефоны, бинокли, провода) на колхозных подводах. Через 2 часа пути мы подымались ко второй телефонной связи, и девушка-

телефонистка на почте в оставленной станице сказала нам хриплым и испуганным голосом: «Около меня немец».

В станице Славянской-на-Кубани все посты батальона соединились и отступали в соответствии с приказом в направлении города Новороссийска, а затем по маршруту – Туапсе и Сочи. Мы остановились в поселке Мацеста.

Затем меня отправили на один из постов батальона ВНОС №5, который дислоцировался в Грузии в городе Очимчири. Вели наблюдения за небом над морем, иногда там появлялись самолеты, возможно турецкие, но на нашу территорию они не залетали.

Вместе с другими краснодарскими девушками меня откомандировали в город Сухуми, где из грузинских комсомолок формировался 33 батальон ВНОС. Батальон был направлен в город Сталинград (ст. Морозовская и Степная). В это время в 1943 году в Сталинграде наши войска громили немцев. В небе над нами летали разные немецкие самолеты, в том числе, транспортные Ю-52, они доставляли в Сталинград подкрепление для немецкой армии. Многие не без нашей помощи были сбиты советскими зенитчиками. После освобождения Сталинграда мы видели их обломки. После освобождения города Сталинграда меня наградили нагрудным значком «Отличный связист».

Здесь я, как и многие девушки, стала начальником наблюдательного поста. Мы шли за армией уже через освобожденную Белоруссию, и на территории Литвы выходили из лесов наши партизаны, по дорогам продвигались воинские части. Предстоял разгром мощной Лиепайской немецкой группировки. Наш батальон был развернут на территории Литвы. Меня взяли на ротный пост дежурной по связи. Здесь мы и узнали, кто такие «лесные братья». Молодые местные ребята днем нам улыбались, а ночью обстреливали наши посты. Каждый день мы хоронили пограничников, которые разыскивали «лесных братьев» и немцев, которые были вместе с ними.

Мы ощущали, что война заканчивается…

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года я первая в нашей части услышала, что 9 мая будет объявлено об окончании войны.

Радостную весть я сообщила всем постам нашей части. Ночью и утром 9 мая мы все радовались и поздравляли друг друга. Мы получали радостные письма из дома. Однако накануне

8 мая мы потеряли 8 бойцов, которые погибли в бою с большой бандой «лесных братьев».

Для меня война закончилась в Литве в городе Утена, в звании младшего сержанта в должности старшей дежурной связи.

Мой ратный труд отмечен медалью «За оборону Кавказа» и орденом Отечественной войны II степени, а также памятными юбилейными наградами.

В город Краснодар я вернулась 30 июня 1945 года и пришла на первый курс в свой институт. В 1950 году закончила его с отличием и по распределению была направлена в город Полтаву на маслозавод на должность инженера-диспетчера.

В 1955 году заведующий кафедрой технологии жиров Краснодарского политехнического института Копейковский Вадим Михайлович пригласил на должность ассистента кафедры. В 1963 году защитила кандидатскую диссертацию и работала до 1983 года доцентом кафедры.

Имею более 50 научных трудов. В настоящее время на пенсии.

Март 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета **Лебедь Анастасия Викторовна***

Герасименко Михаил Гаврилович

Смерть на конце иголки

Я родился 8 марта 1915 года в селе Зарудье, Розважевского района, Киевской области. По национальности украинец. Вероисповедание - православный. Обучался в средней школе 7 лет.

Начнем с обуви

Село Зарудье расположено в трех десятках километров от столицы Украины и, когда я вступил в комсомол в 1932 году, приходилось с поручениями часто бывать в Киеве, в те годы это был сказочно красивый город, город-сад. С 1933 года я работал заведующим отделом пионеров и школьников Розважевского райкома комсомола и осенью принял участие в совещании комсомольцев, которое собрал ЦИК Украины. Одной из тем обсуждения была задача строительства и ввод в действие обувных фабрик. Следует сказать, что в Киеве тогда можно было встретить огромное количество крестьян в "постолах" - так на Украине называли лапти, сплетенные из лыка и кожи. Это, конечно, не красило общий праздничный вид города, и была поставлена задача одеть в красивую обувь наших людей. А обувных фабрик и кадров для них тогда просто не было. О том, какое значение придавали этой проблеме, говорит то, что в обсуждении принимали участие 1-й секретарь ЦК Компартии Украины Косиор, 2-й секретарь ЦК Компартии Украины

Постышев, Председатель ЦИК Украины Петровский, командующий Киевским военным округом Якир.

В 1934 году в Киеве был организован кожевенно-обувной техникум, который я закончил в июле 1938 года. Защитив диплом на "отлично", получил квалификацию "техник-механик обувных машин". В рядах ВЛКСМ я был с 1931 по 1941 год, был избран Первым секретарем комсомольского комитета техникума. Полтора месяца производственной практики я провел в г. Ленинграде на машиностроительном заводе им. Энгельса. Там изготавливались машины для обувной промышленности, и мы научились разбирать и собирать их буквально "по косточкам", с жадностью впитывали знания об устройстве машин, механизмов, готовились стать специалистами. И в 1938 году, когда я пришел по направлению на вновь построенную фабрику в г. Херсоне, мне были доверены монтажные и пусконаладочные работы обувных машин. Специалистов было крайне мало. Я был единственным в своей области, и у меня была отсрочка от призыва в армию. Однако требовалось и знание военного дела. Чтобы обеспечить и ввод оборудования в эксплуатацию и требования военкомата, наш директор фабрики договорился с военкомом о привлечении меня на военную подготовку только в летние 2 месяца. Так и было.

Минер ошибается только раз

Сборы проходили в г. Николаеве, где располагалась база областного значения СОАВИАХИМ. Все было организовано по-армейски. Питались в полевых кухнях, жили в палатках, занятия по расписанию. Там готовили моряков всех специальностей, а меня научили специальности "минер".

Морские мины мы также разбирали "по косточкам", досконально знали их устройство и принцип действия. В военном билете была сделана отметка о пройденной подготовке, а в апреле 1941 года меня призвали на действительную военную службу.

Я попал в ВМФ в г. Севастополь в учебный отряд (экипаж), где готовили и комплектовали экипажи судов ВМФ. Подготовка была универсальной - каждый краснофлотец должен был уметь подавать сигналы семафора, разбираться в моторе, боц-

манском хозяйстве, такелаже, оснастке, подменить товарища на посту.

Назначение в 12-й ДКТЩ ОВР-дивизион катеров-тральщиков охраны водного района - Главной базы ВМФ г. Севастополя было как раз перед началом войны. Она застала меня в должности старшины 2-й статьи уже на катере. Экипаж был 13 человек. В наши обязанности входило минное траление. Простая мина представляет из себя шаровидный корпус, начиненный взрывчаткой и электродетонатором. Цепь замыкалась, когда корпус вражеского судна разбивал любой из стеклянных колпачков, которые располагались на торчащих из корпуса "рогах". Чтобы стекло не повредить на суше, на них были навинчены еще и стальные колпаки. И перед взводом на боевое дежурство эти стальные колпаки свинчивались. Оружие это нам казалось устрашающим и непобедимым.

Начало войны

Мы до последнего дня уверены были, что гитлеровская Германия все-таки не развяжет войну, и вот ночью проснулись от гула авиамоторов и разрывов бомб. Было жутко, волосы буквально "стояли дыбом". Немцы сбрасывали магнитно-акустические мины, что для нас было в новинку.

Они тоже были круглые, но реагировали на шум винтов и на магнитные свойства корпуса корабля или подводной лодки, от которых всплывали на тросе. Потери были большие, и было необходимо найти противоядие. Чтобы спровоцировать всплытие на пустую баржу-мишень навесили огромные электропроводники, по которым пропускали переменный ток. Источником питания служило вспомогательное судно, следовавшее на тросе на некотором расстоянии. Вся эта сцепка шла за морским буксиром на вантах. А наши катера-тральщики кружили невдалеке от баржи и создавали шум. От шума наших винтов и электромагнитного поля стали всплывать мины. Первую такую мину мы просто расстреляли из крупнокалиберного пулемета. Однако в следующий раз нам приказали не трогать, а по возможности выловить такую мину и ждать прибытия комиссии для дальнейшего исследования и изучения этого оружия. В составе прибывшей комиссии были Келдыш и Александров, впоследствии академики.

Нас готовили к перевозке и высадке сухопутных десантов в районе Аршинцево, под Керчью. С этой целью были изготовлены сходни, которые нам, морякам надлежало перебросить с палубы на берег. Предполагалось выполнить несколько рейсов, но наш катер участвовал только в одном, в составе шести-семи других кораблей. Это было в декабре 1941 года. Чтобы десантники шли в атаку не промокшими в морской воде, мы, спрыгнув первыми, стояли по плечи в ледяной воде, удерживали сходни. Спасибо ребятам-десантникам, что они стремительно сбежали по трапу, не дав нам околеть от холода. До самого Севастополя пришлось отогреваться в кубриках. Согревало еще и сознание того, что мы, как смогли, помогли морским пехотинцам. Что с ними стало и каково им было потом, могли себе только представлять, нам всем тогда доставалось.

С 19 октября 1941 года Севастополь был в осаде, а 30 июня 1942 года по приказу Главнокомандующего был оставлен нашими войсками. Годовщину нападения Германии на СССР враг отмечал особенно яростными атаками и с моря, и с суши, и с воздуха.

Город тогда был со всех сторон замкнут и единственная ниточка, связывавшая город с большой землей было сообщение по морю. Наша задача была не пропускать противника в акваторию порта. Корабли, базировавшиеся в бухтах Севастополя, подвергались атакам с воздуха. В районе Инкермана на севере располагался вражеский аэродром, с которого взлетали бомбардировщики и истребители. Мы с болью и со слезами на глазах смотрели, как немецкие «Мессершмиты» стремительно расправлялись с нашими тихоходами-кукурузниками.

В одну из атак мне пришлось заменить пулеметчика. «Мессершмит», бомбивший нас, уже пролетел над катером, когда я увидел, что наш пулеметчик поник, отпустил ручки пулемета. Заняв его место, я дал длинную очередь вслед вражескому самолету и попал! Самолет пошел со снижением в сторону Качи, там рухнул, виден был взрыв и пожар. В этот день в наш катер все-таки попал авиационный фугас. Мы по инструкции были в спасательных жилетах, и те, кто был на верхней палубе, оказались в воде. Катер пошел ко дну, увлекая за собой моих товарищей, кто не успел выскочить из машинного отделения.

А жилет действительно спас мне жизнь, я оказался ранен в левую ногу, осколок и теперь ношу в бедре. Меня подобрали

спасательные шлюпки и доставили в санчасть. Провел в госпитале около двух недель. Будучи раненым узнал о решении командования оставить город. Нас, раненых, больных, детей, женщин и стариков эвакуировали на рыболовецких шхунах.

Одиссея "Реввоенсовета"

Шхуна "Реввоенсовет" пришла в Севастополь на ремонт главного двигателя - двухтактного дизелька. Нас доставили к ней на рейд на шлюпках. Когда пассажиров подняли на борт, судно взяло курс на ближайший порт Синоп, в Турцию. Как и следовало ожидать, неотремонтированный двигатель вышел из строя как только вышли из бухты Камышовая. Команда, как могла, боролась за живучесть корабля, натянули самодельные паруса. Беспомощная посудина стала идеальной мишенью для истребительной авиации фашистов. Два дня германские асы прицельно расстреливали наше прибежище. Не выдержали нервы у одного бойца, он был водителем автомобиля командира Главбазы ЧМФ, в его руках оказался пистолет и он хотел застрелиться. Я отнял у него оружие. Ранения, жара и отсутствие провианта стали непрерывным испытанием в течение 12 суток. Оказались прострелены оба анкерка - так моряки называют емкости с питьевой водой. На июльском солнце трупы разлагались, и нам пришлось не менее 50 убитых похоронить в море. Чтобы утолять жажду, придумали выпаривать морскую воду, получалось хоть и солоно, но по пол-стакана раненым в день набирали.

До Турции мы, конечно, не дошли, моряки понимали, что если не расстреляют там, то на родине уж точно не пожалуют. Поэтому бывалые мореходы привели корабль в район порта Батуми, где нас встретили наши катера со свежей водой, едой, светом и теплом. Разместили на базе порта Батуми, а затем меня направили в близлежащий колхоз на восстановление сил и здоровья.

Учись метко стрелять!

Мы были молоды и быстро шли на поправку. Я хоть и хромал, но уже не лежал. Из Батуми меня отправили в Сочи в санаторий Наркомзема. Приняв документы, офицер, однако, сказал, что мест нет, и отправил в Адлер в дом отдыха. Помню

курьезный эпизод, когда в парке мы прогуливались с девушкой. У меня на груди был значок "Ворошиловский стрелок", она спросила о нем. Я решил научить ее меткой стрельбе. Но это не пришлось по вкусу милиции, которая услыхала стрельбу, и у меня забрали наган. Полторы недели пролетели быстро, направили в Туапсе, затем в Поти - главную базу ЧМФ. Минеров не хватало, и меня временно на 1,5 месяца прикрепили заведовать складом мин и торпед. Боеприпасы были новые, в заводской смазке, и надо было вести с ними регламентные работы.

Хочу сказать, мои подчиненные, в основном женщины, опасались приближаться к этому оружию, что, кстати, шло на пользу сохранности и учету.

На Новороссийск

В это время формировался 137-й полк морской пехоты, приданный 318-й дивизии, я был назначен в расчет станковых пулеметов, и вот 9 сентября 1942 года на большом пассажирском судне мы прибыли в г. Геленджик. Сразу походной колонной мы выдвинулись в сторону Новороссийска. В нашем расчете было 3 пулеметчика, каждый нес на плечах части "Максима". Щит весит 11 кг, тележка и ствол, которые я нес тоже больше десяти кг. Марш бросок на три десятка километров закончился на военно-морской базе в ущелье, в 9 км от цементного завода г. Новороссийска. Там нас временно разместили, накормили, организовали помывку в бане: боец с банными принадлежностями помещался по пояс во вместительную емкость с теплой водой. Чистую воду брали из речушки, стекавшей с гор по дну ущелья. Однажды чистоту воды недостаточно проконтролировали, что привело к отравлениям. Но это было позже. А пока солдатская молва прочила наступление на Новороссийск. И действительно, нас погрузили в совершенно пустую несамоходную баржу. Подошедший буксир, действительно взял курс на Новороссийск. Однако, как только мы вышли в открытое море, по нам стала бить немецкая артиллерия. Кто из командиров проявил благоразумие и дал команду развернуть сцепку обратно на базу, не знаю. Так снова судьба сохранила мне жизнь. И вот мы пешим порядком выдвинулись в сторону Новороссийского цементного завода. Двигаясь по непроходимым тропинкам по горам, мы и не по-

дозревали, что эти 9 км мы будем знать наизусть и каждую ночь по очереди ходить по ним на базу за водой, пищей и боеприпасами. На позиции поступил приказ окопаться и занять оборону.

Стояние на Сахарной Головке

На голом месте на склонах гор росли редкие молодые деревья, граб, под 10-ти сантиметровым слоем очень легкой почвы идет камень мергель, сырье, из которого получают цемент. У нас припасены кирки. Вгрызаемся в камень, делаем брустверы - ведь напротив нас с противоположного склона горы - Сахарной Головки - бьют снайперы, минометы. От прямых попаданий гибнут товарищи. Сентябрьская зелень помогает укрыться, начали обустраиваться. Вызвали к командиру полка и вручили снайперскую винтовку с оптическим прицелом. За два дня научили приемам и правилам снайперского дела. Как маскироваться, находить местоположение противника. Обустроил себе пункт на кроне небольшого дуба, где провел 1,5 месяца. Сейчас правый глаз из-за непрерывного наблюдения в прицел ничего не видит. Но за это время на мой счет записали 11 фрицев.

Немцы тоже охотились на снайперов и пару раз пули свистели так близко, что ломали ветки моего дуба. Когда начинала бить артиллерия, я, как положено, камнем сваливался на землю.

В ночные походы за горячей пищей ходили по 10 человек, каждый нес трехдневный запас воды и продовольствия на десятерых. Но, конечно, бывали и сбои, так, что съедали за сутки весь запас, или, например, однажды к нашему приходу пищу не успели подготовить.

Пришлось тогда группе остаться на вторые сутки. Это и спасло мне жизнь - когда вернулись на позицию, вместо моего дуба зияла воронка. Бойцы удивлялись - "Герасименко в рубашке родился". На этом моя снайперская профессия закончилась, и меня вновь назначили первым номером пулеметного расчета. К тому времени листва облетела, наши позиции были как на ладони, и стали увеличиваться наши потери.

На Сахарной Головке довольно близко от нас был сооружен немецкий дот, командир поставил задачу его уничтожить. Задание звучало так: задача смертельно опасная, троим добро-

вольцам предлагается написать заявление о приеме в партию, если кто погибнет в этой операции - похоронят как коммуниста. Кто вернется - будет принят в члены КПСС.

Нас было трое, одного, помнится, звали Витя. Тщательно изучили местность в бинокль и подобрали маршрут, заготовили достаточно шпагата, чтобы в темноте быстро найти обратный путь.

Ночью, когда выдвинулись в путь, на горы лег плотный ноябрьский туман. Нам это было на руку, так как он ограничил видимость и приглушал звуки. К доту удалось подобраться незамеченными, и я уничтожил часового кинжалом. Забросали амбразуру гранатами и для верности бросили внутрь противотанковую мину. Пора было уносить ноги. До того как блиндаж взлетел на воздух, сопротивления не было, наша атака для врага стала полной неожиданностью. Но после взрыва мины поднялась страшная пальба, мы по спасительному (!) шпагату двигались к своим, и уже около наших окопов меня настиг осколок. Раненой оказалась левая стопа, своим страшным видом она стала напоминать отбивную. Тем не менее, задание было выполнено, и мы все трое вернулись в расположение. Лечился в санчасти 318-й горно-стрелковой дивизии. В декабре всех троих приняли в партию. В своей части вручили партбилет и Орден Великой Отечественной войны второй степени. К тому времени я уже был в звании старшины 1-й статьи и командовал отделением станковых пулеметов.

Холод и полевые условия провоцировали болезни. Помимо простуд и отравлений несколько десятков бойцов из нашего полка заболели дизентерией - в верховье речушки, из которой брали воду, потом был обнаружен разложившийся труп солдата, Меня отправили в госпиталь в Архипо-Осиповку. Здание госпиталя до войны было школой, все напоминало о мирной жизни. Врачи рекомендовали нам употреблять побольше в пищу лук и чеснок, чтобы ускорить выздоровление. В этом оказывало помощь местное население.

Смерть на конце иголки

На передовую вернулся в декабре-январе, к тому времени мои товарищи уже изрядно усовершенствовали свой быт. В камне выдолбили землянку, установили самодельную буржуйку с пламегасителем, и по очереди грелись и отсыпались по 6

человек. Уже было совсем по-зимнему холодно, однажды, едва дождавшись своей очереди, я устроился спиной к печке и мгновенно заснул. Разбудил меня мой собственный крик - уже тлела шинель. Из землянки валил дым. Сгорела даже тельняшка. "Вот Герасименко уснул, так уснул!!!" - стоял хохот вокруг. Мне было не до смеха.

Голая спина зимой, до базы топать и топать. С мертвых снимать одежду было категорически нельзя - дурная примета. Выдали из НЗ две пары теплых белых портянок. Как у всякого бойца у меня на шапке ушанке с внутренней стороны всегда была иголка с ниткой. И под всеобщее обсуждение и советы была изготовлена чудовищного вида одежда - огромный белый квадрат на шинели закрасили углем. Вид был ужасающий, но воевать можно. Все это время наши войска не прекращали попытки высадить десант на Малую Землю. Мы оттягивали на себя значительные силы и средства неприятеля. Конечно, он стремился избавиться от допекавшего его противника и бросал в бой все новые силы. Минометы работали круглосуточно. 1 февраля 1943 года совсем рядом разорвалась и та самая роковая мина… Очнулся я уже в Ереване в госпитале № 1460, куда меня доставили самолетом. Рассказали, что осколки прошили каску, шапку-ушанку и вонзились в голову. Самый крупный угодил прямо в ту самую ИГОЛКУ! И загнал ее внутрь глубже остальных. В санчасти на 9-м километре, где оказывали первую помощь, вытащили торчащие осколки пинцетом, а другие и тот, что с иглой удалили уже на операции в Ереване.

Хирург сказал, что если бы не иголка, то его помощь уже не пригодилась бы. Приходил в себя долго, помню все спрашивал, почему дома стоят без крыш, неужели и здесь бомбят. В Ереване всегда крыши без скатов, плоские - отвечали мне. Раненые все прибывали, мест не хватало и в конце месяца меня со справкой направили в Поти, где определили старшиной в формировавшийся 62-й АССО - аварийно спасательный и судоподъемный отряд.

Все от нас ждали команды "Добро!"

Предстояло разминирование советских портов в освобождаемом Азовском море. Хозяйство было большое - 120 человек личного состава, 2 шлюпа с водолазными и подъемными станциями, компрессоры, такелаж.

Осенью 1943 погрузились в отдельный товарный состав, следующий в Ейск. Прибыли на базу порта, разместились в казармах недалеко от моря. На территории порта и в акватории было множество разбитых и полузатопленных судов, полно мин и снарядов. Первыми работали саперы, далее шла наша очередь. Работали и днем и ночью, понимали, что от деятельности порта зависит жизнь города. Командование все время требовало отчет о ходе работ. Потому, что пока мы не дадим "добро" навигация не начнется. К зиме 1943/44 в порт пошли суда и грузы.

Нас срочно перебросили в Мариуполь и снова работа: очистка акватории, разминирование порта. Жили на квартирах - к 1944 году уже стали проявляться признаки мирной жизни. Командовал нами контр-адмирал Горшков, его штаб Азовской флотилии находился в г. Приморско-Ахтарск и подчинялся ЧМФ. К летней навигации нами был допущен и Мариуполь и Бердянск (тогда г. Осипенко, в честь именитой летчицы) и Геническ.

Из Геническа по переправе через Керченский пролив наш поезд прибыл на ж/д станцию Красная Стрелка под Темрюком. Там на сортировочной станции мы узнали, что к нам дополнительно идут катера, предстоит большая работа по расчистке местного порта. До города можно было добираться только пешком, с паромными переправами через реки Казачий Ерик и Кубань. Прямо в подходном канале порта Темрюк немцы, отступая, затопили самоходную румынскую баржу, доверху груженую мешками с цементом. Шлангами большого диаметра в илистом грунте под напором воды вымывали под днищем ходы, заводили и крепили тросы. Изготовили самодельную исполинскую лебедку. Для этого пришлось вырыть на берегу и залить бетоном фундамент, на котором закрепили ворот с трещоткой.

Наматывая трос на барабан, мы как бурлаки ходили по кругу и приговаривали: "Были мы паны, стали мы рабы". Возились с этой баржей долго, подстерегали и неудачи. Цемент превратился в камень, пришлось несколько раз взрывать всю баржу. Она раскололась на три части, под которые стало возможно подводить тросы. Всякая работа заканчивается результатом, баржу вытащили, канал расчистили, Темрюк с 1945 го-

да и по сей день круглогодичный морской порт. Здесь мы и встретили радостное известие о Победе.

Награды

- Орден Отечественной войны I-й степени - 1 шт.
- Орден Отечественной войны II-й степени - 2 шт.
- Медаль "За отвагу" - 1 шт.
- Медаль "За боевые заслуги" - 1 шт.
- Медаль "За победу над Германией" - 1 шт.
- Медаль "За оборону Севастополя" - 1 шт.
- Медаль "За оборону Кавказа" - 1 шт.
- Медаль "300 лет Российскому морскому флоту" - 1 шт.
- Юбилейные медали - 11 шт.

Удостоверения ветерана ВОВ, инвалида ВОВ 2-й группы, ветерана труда.

Январь 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь аспирантка Кубанского государственного технологического университета **Стриженко Анастасия Васильевна**.*

Горожанин Константин Иванович

Красной Армии родной рядовой

Я родился 12 августа 1923 года в селе Большой Въясс, Лунинского района Пензенской области. По национальности русский, православного вероисповедания. В настоящее время подполковник органов государственной безопасности в отставке, председатель Совета ветеранов Управления ФСБ России по Краснодарскому краю, член пленума краевого Совета ветеранов войны, труда и правоохранительных органов. Более 60 лет был членом комсомола и коммунистической партии Советского союза. Из партии не выходил, но перестал в ней работать после её запрещения.

В мае 1941 года я окончил торгово-кооперативную школу в райцентре и проходил производственную практику в качестве товароведа в магазине сельпо родного села.

Путь в армию. 22 июня, как и весь советский народ из выступления тов. Молотова В.М. по радио узнал о начале войны. Уже на второй день после начала войны все мои друзья, которым исполнилось 18 лет, были призваны в армию, а я продолжал работать в магазине. Где-то в середине июля в комсомольскую организацию села, членом которой я был, пришло обращение бюро обкома комсомола, с призывом добровольно вступать в ряды Красной Армии. Я сразу же, вместе с пятью другими комсомольцами, подал заявление с просьбой направить на фронт. Видимо какое-то время, как я теперь понимаю,

потребовалось для нашей проверки, и в начале августа нас всех вызвали в обком комсомола в город Пензу, где мы пробыли еще некоторое время. Из всех желающих отобрали двадцать человек и в последних числах августа поездом отправили в Москву, куда мы прибыли 1 сентября 1941 года.

В эти дни нас собралось там тысячи комсомольцев-добровольцев, прибывших по призыву ЦК ВЛКСМ из 14 областей Европейской части Советского Союза. Разместили нас в здании в Кисельном переулке и 5 сентября 1941 года зачислили в Особую группу НКВД СССР, которая в октябре 1941 года стала Отдельной мотострелковой бригадой особого назначения НКВД СССР. Принимал нас командир бригады, комбриг П.М. Богданов. После переформирования бригадой командовал полковник М.Ф. Орлов, а в 1942-1943 годах некоторое время полковник В.В. Гриднев.

Родной полк. Меня зачислили рядовым, первым номером пулеметного расчета (пулемет "Максим"), пулеметной роты во взвод, которым командовал старший лейтенант Виктор Макаров. Я и сейчас помню номер выданного мне пулемета "СЖ—241". Батальоном, в который входила наша рота, командовал майор Комяков (имя, отчество забыл), а командиром полка был Сергей Вячеславович Иванов, отец бывшего министра иностранных дел России, нынешнего секретаря Совета безопасности страны. С этим полком я прошел весь свой боевой путь.

Вскоре наш полк передислоцировали в город Бабушкин под Москвой, где я начал проходить школу молодого бойца. Там нам объяснили, что нас готовят для выполнения разведывательно-диверсионной работы в глубоком тылу фашистских войск. Учили стрелять, обучали минной технике, владению иностранным оружием и многому другому.

На подступах к Москве. Однако обстановка на фронте, особенно под Москвой, внесла коррективы в планы нашей подготовки. В начале октября 1941 года занятия в школе молодого бойца были прерваны, и весь полк поступил в распоряжение маршала инженерных войск Михаила Петровича Воробьева. Нашей задачей стало минирование ближайших подступов к Москве. Мне этим пришлось заниматься на Клинском и Можайском направлениях. Мы установили тяжелые проти-

вотанковые мины "Ям-5" (пятикилограммовые ящичные мины).

Защита столицы. В конце октября нас неожиданно сняли с минирования и передислоцировали в Москву, разместив в помещении театра на улице Малой Бронной. Затем мы стали готовиться к уличным боям в столице: оборудовали огневые точки на центральных улицах и, в первую очередь, на улице Горького, теперь Тверской. В подвалах и на первых этажах размещали артиллерийские, гранатометные позиции и метателей бутылок с горючей жидкостью – «коктейлем Молотова». А на верхних этажах оборудовали пулеметные гнезда.

Мне поручили организовать пулеметную огневую точку на балконе углового дома на углу улицы имени Горького и Пушкина, известный как дом со шпилем, и определили сектор обстрела. Пулемет был установлен в квартире, и около него всегда находился дежурный расчет. Кроме дежурства на огневой точке мы занимались патрулированием улиц и задержанием, так называемых, "сигнальщиков", которые с помощью световых ракет указывали фашистской авиации объекты для бомбардировок.

1 ноября 1941 года нам объявили, что в Москве будет проведен парад, посвященный Октябрьской революции, и с этого дня в одиннадцать часов вечера полк поднимали и вывозили на Манежную площадь для подготовки к параду. За два дня до парада тренировки прекратили, а 7 ноября рано утром наш батальон вывели на Красную площадь и поставили в оцепление. Я лично стоял напротив мавзолея у здания №3, так я первый раз присутствовал на параде на Красной площади. Второй раз я присутствовал на военном параде в 2000 году, когда праздновалась 55 годовщина Победы в Великой Отечественной войне. Войска с парада ушли на фронт, а наш полк остался в Москве готовиться к её защите в уличных боях.

После разгрома немецких войск под Москвой нам поручили обстреливать фашистские самолеты, совершавшие налеты на столицу. В этих целях я установил свой пулемет на треногу, которую разместил в кузове автомобиля, и при появлении над нами фашистского самолета открывал огонь.

С наступлением весны, когда почва стала оттаивать, и появились прогалины, свободные от снега, весь полк направили на разминирование подмосковной земли. Эта работа была зна-

чительно опаснее, чем минирование, и мы потеряли при этом несколько солдат и офицеров.

В июле 1942 года, когда возникла угроза нового наступления немцев на Москву со стороны станции Узловой, батальон перебросили в село Панино Тульской области с задачей подготовить минирование стратегических дорог, ведущих к столице. В этих целях мы в подушках таких дорог делали шурфы для закладки взрывчатки, чтобы иметь возможность в любой момент произвести подрыв. К счастью, наступление не состоялось, и нам не пришлось подрывать дороги.

Новое задание. В начале осени 1942 года в полку стали формировать специальные группы для заброски в тыл к немцам. Командирами групп назначали офицеров, уже имевших боевой опыт из числа чекистов и пограничников. Меня зачисли в группу под командованием капитана Борисова (имя, отчества не помню), готовившуюся для заброски в тыл к немцам на территорию Карелии. На этом этапе подготовки главным для нас стала ходьба на лыжах. В январе 1943 года группа выехала поездом в Карело-финскую АССР по объездной дороге, так как Октябрьская железная дорога была перерезана немцами. Мы разместились в поселке Шижне, в пяти километрах от города Беломорска. Всю зиму мы усиленно тренировались. Но приступить к работе в тылу противника удалось лишь ранней весной.

Когда снег растаял, нас перебросили в город Пудош (на юге Карелии), а затем в поселок Шала, где и была организована база группы.

Однажды ночью, какого числа я не помню, нашу группу в количестве 20 человек посадили в две байды (большие лодки) и на буксире двух бронекатеров переправили через Онежское озеро в Заонежский район, занятый немцами. Высадка прошла успешно. Затопив лодки, группа направилась к железной дороге Масельская-Петрозаводск, к тому участку, который находился в руках фашистов. У нас было 12 специальных мин. Мы их установили под железнодорожную насыпь. Мины были заложены на участке длиной в два километра с таким расчетом, чтобы их взрывы происходили последовательно в промежутки от двух недель до месяца после закладки. Заложив мины, группа ушла в глубокий тыл к фашистам для выполнения разведывательного задания. О закладке мин было доложено по

рации на базу. Впоследствии нам стало известно, что на наших минах подорвался эшелон с живой силой противника.

Выполняя задачу по разведке тыла немцев и финнов, группа прошла по лесам и болотам более 500 километров, без захода в населенные пункты, где могли находиться какие-либо гарнизоны фашистов или полицейских. Задание мы выполнили, но к концу рейда у нас кончились продукты, боеприпасы, вышла из строя рация, порвалась обувь и одежда. Питались мы последнее время в основном клюквой и грибами. Наконец, решив все поставленные задачи, группа в начале октября 1943 года вышла на железную дорогу в районе станции Горелый мост. Чтобы перейти линию фронта нужно было: пройти мимо сильно укрепленного немцами перешейка в районе между озерами: Сего-озеро и Анд-озеро. Мы преодолели это укрепление. Силы всех уже были на исходе, мы шли не более пятнадцати километров в день, и поэтому только на третий день вышли к своим. Нас разместили в землянке, накормили и дали отдохнуть. Но еще дня четыре все время хотелось есть. Спустя несколько дней нашу группу переправили в Шижню, на базу, где мы отчитывались о проделанной работе и отдыхали еще около месяца.

В конце ноября 1943 года группа была перевезена под Москву в город Зеленоград, где нас подлечили и стали готовить к новой заброске.

В отряде "Борец". В декабре 1943 года была сформирована новая специальная группа под командованием капитана Дмитрия Александровича Распопова в количестве 20 человек, получившая название отряд "Борец", и после месяца подготовки, 10 января 1944 года, мы пешком перешли линию фронта на территории Белоруссии, между городами Туров и Давид-городок. Сложность этого перехода состояла в том, что погода стояла очень теплая, снег растаял, река Припять которую нам предстояло форсировать, разлилась и затопила всю пойму. Поэтому нам пришлось около пяти километров идти по пояс в воде. Шли мы более двух суток, а затем еще сутки форсировали саму реку на маленькой двухместной долбленой лодке: через реку мы натянули трос и, держась за него, перегоняли лодку с одного берега на другой, перевозя по одному человеку. Сложность еще заключалась в том, что реку патрулировали немецкие бронекатера и нам, сначала, пришлось изучить гра-

фик их движения по реке, а затем при каждом приближении катера опускать трос в воду, а самим прятаться в кустах.

Двигаясь к месту дислокации и работы в Ленинском районе Пинской области, мы остановились на дневку в партизанском соединении генерала Коржа (Комарова), которое полностью контролировало местность, не пуская туда немцев, и люди жили по законам Советской власти.

Зона действия нашей группы находилась в районе городов Бобруйска, Барановичи, в так называемых, Машуковских лесах. Прибыв на место, мы избрали для базы хутор Буды, находившийся в 3-4 километрах от ближайших немецких и полицейских гарнизонов в глухом лесу. Отряд разбили на две группы. Группу из 7 человек, в которую вошел и я, возглавил старший лейтенант Олег Ольшанский. Группе был придан радист Маша Шарапова. Наша задача была организовать рельсовую войну и сорвать перевозку фашистов по железной дороге на этом участке. Я занимался минированием.

От мин, установленных лично мной, взлетели в воздух или упали под откос семь железнодорожных эшелонов с живой силой и техникой фашистов, взорвано три паровоза, а на шоссе было подорвано несколько танков и автомашин. В одном из населенных пунктов наша группа в количестве 6 человек вступила в бой с немецкой воинской частью, насчитывающей более 100 человек, и выиграла бой, не потеряв ни одного товарища.

В начале августа 1944 года мы получили приказ присоединиться к партизанскому соединению, которым в то время командовал генерал Вершигора и вмести с этим подразделением уйти в глубокий тыл немцев. Но выполнить это задание мы, как и партизанское соединение, не смогли, так как после разгрома немцев под Минском на пути нашего движения на Запад образовалось скопление отступающих немецких войск. Пройти через них без серьезных боевых столкновений было невозможно и, видимо, командование сочло нецелесообразным рисковать людьми. Нам было приказано вернуться в Москву. Так в конце августа 1944 года мы вновь прибыли в столицу

Вновь в Москве. С августа 1944 года по май 1945 я находился на базе полка и выполнял различные задания командования без выезда во фронтовую зону.

В мае 1945 года, накануне дня Победы меня направили в город Свердловск на учебу в двухгодичную школу НКГБ СССР. Я её закончил в 1947 году, стал офицером и получил назначение на должность оперативного уполномоченного в Управление МГБ Краснодарского края, где проработал до 1965 года, пока не ушел в отставку по состоянию здоровья.

В 1944 году за проведение работы по подрыву вражеских эшелонов я был награжден орденом «Ленина» (№ 21916), который мне вручал в Кремле 5 января заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Отто Вильгельмович Куусинен.

В начале 1945 года мне были вручены медали «За оборону Москвы» (Уд.№ 011498) и «Партизану Великой Отечественной войны» I степени (Уд. № 020525). Эти медали мне вручал командир бригады полковник Орлов М.М.

Орден Отечественной войны II степени (№ 437 3931) и медаль «За боевые заслуги» я получил, уже работая в УКГБ Краснодарского края, и вручал мне их начальник Управления.

Кроме того, я награжден медалями: "За победу над Германией" (Уд.№ 00335038), "За трудовой вклад в развитие Кубани" 3 степени, "Участнику Парада Победы 2000 года", "За безупречную службу" 1 и 2 степеней и еще 16 юбилейными медалями и 14 ведомственными Знаками, из которых для меня особенно дороги знаки: "За службу в контрразведке" 3 степени и "За подготовку кадров", которые я получил как организатор воспитательной работы, проводимой ветеранами чекистами с молодыми сотрудниками. Я награжден так же знаком "Почетный ветеран России" и знаком "Почетный минер", который мне вручал маршал Михаил Петрович Воробьев.

В 1942 году в госпитале от ран, полученных на фронте, скончался мой родной брат Горожанин Дмитрий Иванович. В 1944 году погибла сестра, служившая связисткой в действующей армии. Кроме того, в войне принимали участие еще два родных брата, но они с фронта вернулись живыми.

Во время войны я ранен не был. Но, когда воевал в тылу у немцев в Белоруссии, был легко контужен взрывом мины, но в госпитале не лежал.

Обо мне много было публикаций в периодической печати. А у меня раньше желания что-либо написать о своей жизни никогда не возникало. Но вот в 2001 году президиум нашего

Совета ветеранов принял решение выпустить к 60-летию Победы книгу под условным названием "Без секретов" об истории органов безопасности на Кубани, 70% которой составляют материалы о борьбе чекистов Кубани в годы Великой Отечественной войны. Книга построена на рассекреченных материалах архива УФСБ и воспоминаниях ветеранов. Я стал одним из соавторов этой книги. Руководство Управления ФСБ края поддержало нашу инициативу, и рукопись передана в издательство. Если все будет хорошо, то к середине апреля выйдет книга объемом 18 печатных листов (576 страниц), тиражом 3000 экземпляров, часть которого мы думаем подарить школам и библиотекам края.

Памятные эпизоды войны. На всю жизнь мне запомнился военный парад в ноябре 1941 года. С начала ноября в Москве стояла сухая, морозная погода, а 7 ноября пошел снег, а когда нас вывели на Красную площадь, он уже валил крупными хлопьями. С противоположной стороны площади, где я стоял, Мавзолея, почти не было видно. И когда начался парад, вот в этой снежной пелене, не строевым, а тяжелым гулким шагом, молча, без музыки, почти невидимые из-за снега, пошли в едином строю тысячи людей, которым прямо с парада предстояло вступить в бой с врагом, которые, как кто-то сказал, прямо с парада шли в бессмертие. В эти минуты я хотел только одного: идти вместе с ними и бить, бить фашистов. Этого я не забыл и, наверное, никогда не забуду.

Другой эпизод, особенно запомнившиеся мне, произошел во время возвращения нашей спецгруппы на базу в Карелии. Завершая поход, мы голодные, ободранные, уставшие вышли к перешейку двух озер, который был сильно укреплен немцами. Я уже упоминал об этом. Миновать его мы не могли, вступить в бой - значит наверняка всем погибнуть. Оставаться на месте перед этим укрепрайоном тоже было нельзя. И тогда, командир группы предложил нам попытаться днем пройти открыто мимо этих укреплении, надеясь на то, что фашисты, не ожидая такого нахальства, примут нас за своих и не откроют огонь. Другого выхода не было, и мы пошли. Шли и с каждым шагом ждали, вот сейчас ударят, и нам конец. Конечно, мы бы даром свою жизнь не отдали, но шансов уцелеть у нас не было никаких. И только когда мы прошли мимо укрепрайона и оказались

в безопасности, наступила реакция: мы смеялись, плакали, обнимались. Такое не забывается.

И еще один случай, который я запомнил на всю жизнь и который мне аукнулся почти через 20 лет после окончания войны, произошел со мной в Белоруссии.

Группа шла на минирование железнодорожного полотна. Прямо к насыпи подступало болото, покрытое кочками, по которым мы и прыгали, чтобы не промочить ноги, так как вода была ледяной, а кое-где, еще и лед стоял. Только подошли к месту минирования, как услышали немецкую речь и прямо над собой увидели немецкий патруль. Времени на раздумье не было, и мы упали на кочки. Они прогнулись, и некоторые, в том числе я оказались в ледяной воде. Фашисты, как назло, стояли, курили и смотрели в нашу сторону, но нас видимо не видели. Мы пролежали в воде около часа. Когда немцы ушли, и я попытался встать, то не смог. Меня словно парализовало. На следующий день меня буквально сковал радикулит, и появились сильнейшие боли. В хуторе нашли женщину, которая взялась меня вылечить, и оставили на её попечение за несколько километров от базы. Хозяйка натопила большую русскую печь, сварила большой чугун картошки в мундире, сложила ее в большой мешок, размяв ровным слоем. Меня положили на этот мешок и завернули в рядно и плащ-палатку. Я лежал и терпел, сколько мог. Затем меня протерли самодельным скипидаром и, завернув в сухое рядно, оставили отдыхать. Проснувшись утром, я почувствовал себя намного лучше, и тело меня уже слушается. Тем временем товарищи подогнали лошадь, усадили меня на неё и перевезли на базу. Через неделю я был здоров. А в 1965 году это лежание в ледяной воде дало рецидив: у меня снова стали отниматься ноги. Но к счастью, я и в этот раз переборол болезнь, но уже с помощью врачей. Я, наверное, никогда не смогу забыть это купание на глазах у врага.

Если вспоминать о героизме моих товарищей однополчан, то можно говорить до бесконечности, но я хочу рассказать о таком эпизоде. В начале декабря 1941 года группа бойцов нашего батальона в количестве 25 человек, состоящая из спортсменов-лыжников, под командованием капитана Лазнюка, была направлена в тыл к немцам в Подмосковье с разведывательным заданием. Перейдя линию фронта в деревне Хлудне-

во, группа разгромила немецкий гарнизон, но при этом был тяжело ранен капитан Лазнюк. Его ординарец Сафронов на себе перенес командира через линию фронта на нашу территорию, а командование группой принял на себя комсорг Лазарь Паперник. В конце боя с немецким гарнизоном к деревне подтянулись соседние немецкие части и отрезали путь отступления бойцам группы, которые вынуждены были занять круговую оборону в деревянном сарае. Бой продолжался до тех пор, пока не погиб последний красноармеец. Сарай вместе с погибшими немцы сожгли. Впоследствии мы нашли закопанными в сарае комсомольские билеты и другие документы погибших. Немцы потеряли в этом бою около 300 человек.

Все погибшие члены группы были награждены правительственными наградами посмертно, а Попернику, первому из бригады, присвоили звание Героя Советского Союза. Лазнюк награжден орденом Ленина, а Саша Сафронов орденом Боевого Красного Знамени. Это были первые награждения в нашей бригаде.

После 80 лет важна спокойная жизнь в кругу родных и занятия по интересам, но для меня главное, как и 60 лет назад, быть нужным людям. После демобилизации, я еще 30 лет работал на предприятиях города, а с 1998 года все свои силы, знания и опыт отдаю общественной работе, работе с ветеранами и для ветеранов. И я могу с гордостью сказать, что за последние годы нам удалось сделать немало полезного для ветеранов.

Март 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета **Шастик Вера Сергеевна***

Гусева Татьяна Яковлевна

Судьба и жизнь

Все дальше и дальше в прошлое уходят суровые военные годы, но не меркнет память о друзьях-товарищах, не забываются былые походы, не тускнеют в памяти боевые подвиги погибших однополчан. С каждым годом все меньше остается нас, очевидцев и участников событий роковых сороковых.

Я родилась в станице Новолабинской, Усть-Лабинского района, Краснодарского края 25 января 1923 года. Родители мои были казаки. Детей в семье трое – я, сестра Маша и брат Ваня.

В партии не состояла, была в свое время комсомолкой. Меня, как и остальных детей в нашей семье, крестили в раннем детстве, но я в Бога не верю. Верю в силу человека, в любовь к Родине. Для меня было честью пройти это испытание – участвовать в освобождении родной земли от фашистских оккупантов.

С раннего детства я искала и находила способы для обогащения своей личности. Увлекалась чтением. Книги находила везде, где возможно, потому что информация, содержащаяся в них бесценна. Для того, чтобы что-то решить или сделать, мне всегда было достаточно найти нужную книгу и прочесть ее. И в армии солдаты, зная мою любовь к литературе, специально для меня добывали книжные издания. На фронте у меня был

особый мешок для хранения книг. На отдыхе я пересказывала солдатам произведения близко к тексту. Очень люблю и знаю наизусть стихи В. Маяковского. Моя память содержит много стихов, что важно для меня сейчас, когда слабое зрение не позволяет мне читать так много, как я бы хотела этого. Как бы я сейчас перечитала «Войну и мир» Льва Толстого!

Моя школьная жизнь, а вместе с ней и мое детство закончились летом 1941 г., после выпускного бала. Тогда же я узнала о начале войны: в станице Ладожской, где жили мои родственники, начали люди собираться вокруг тарелки - радио на столбе - и слушали, что говорили о начавшейся войне. Я говорила подругам, жившим тоже в хуторе Новорожденском: пойдемте в армию, но все отказывались, и я тоже решила идти поступать учиться.

По окончании школы я еще не решила, где продолжу обучение. Девчата хуторские ехали в учительский институт, и я с ними. Приехала в Краснодар и поступила. В медицинском училище, я подумала, долго учиться, и я поступила в учительский институт (ставший затем педагогическим институтом, а в настоящее время это Кубанский государственный университет). Он в то время был сильно разрушен, а возможно просто обветшалый.

Я остановилась жить на квартире возле вокзала, у одной доброй женщины. Там недалеко привезли с фронта раненых, целый состав. Я пошла в госпиталь, книжку взяла интересную (по-моему, повести Гоголя). Я много раз туда ходила, развлекала раненых, сама в то же время спрашивала их о войне. Я очень любознательная была, мне все интересно было знать. Потом начались занятия, мы ходили с девочками слушали лекции. Было очень интересно учиться. Но потом немцы в 1943 году начали захватывать Кубань, и я решила вернуться домой, да и мама очень звала меня приехать на хутор.

И после Победы я продолжила учиться и получила диплом о высшем образовании. По распределению проходила практику преподавателя русского языка и литературы в Дагестане и Чечне.

На фронт я отправилась 20-летним добровольцем в 1943 г. Помню, что мои родители пытались отговорить меня. Но я если сказала, - пойду, то это окончательно. Меня не тяготила жалость ко мне моей семьи. Я твердо знала, что надо пойти

воевать. Думаю, пойду, почему от нашей семьи никого нет? Я попросила отца (он сам – ветеран Первой мировой войны) отвезти меня в военкомат, располагавшийся в станице Ладожской.

В 1943 г. вместе со мной ушли на фронт 6 человек наших хуторских. Приехали мы в Ладожскую, и нас направили в Краснодар. Нас разместили в крайкоме комсомола. Первую ночь нам пришлось спать на полу, а полы-то там кафельные! Я тогда так вспоминала свою перину! Всего нас было 47 человек девчат из других станиц края.

В военкомате меня пытались направить в писари, когда узнали, что я училась в институте до 1943 года, но я твердо сказала, что хочу быть военным медиком, и на фронт иду не для того, чтобы отсиживаться в тылу. Некоторых девочек отправили в связисты.

Меня, многих моих подруг и других кубанских девушек приняли в 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский ордена Ленина, Красного знамени, Суворова и Кутузова, корпус в качестве санинструкторов. На Кубани особенно сильна для получения патриотического духа фольклорная казачья традиция, историческое доблестное наследие кубанских казаков. Поэтому я и девочки испытывали не страх, а счастье, зная о казачьих подвигах. Мы гордились, что нас взяли в «казаки»… Теперь я точно знаю, что решение идти на фронт было самым главным в моей жизни, в моей судьбе.

Кубанский казачий кавалерийский корпус – добровольческое формирование, и я стала добровольцем. Он был организован в 1942 г. из людей непризывного возраста, - стариков, комсомольцев и молодежи, и уже участвовал в боях 1942 г.

Поначалу, когда немцы рвались на Кубань, то наши казаки были сосредоточены на границе края, по реке Ея и ждали там врага. Немцы дошли до станиц Шкуринской, Кущевской. Казаки стояли твердо. Под Кущевской был бой. У немцев была боевая техника, пулеметы, а кубанцы – на лошадях, с клинками и саблями. Вот на немцев и понеслась черная туча в черных черкесках с красными бешметами. Наши рубили, кололи, топтали лошадьми неприятеля.

Все станицы поднялись идти на бой с врагом после того, как немцы начали захватывать Кубань. Уже захватили Ростов. Тогда народ сказал: «Мы пойдем воевать с немцами». Прово-

дили собрания, записывались. Колхозы за свой счет организовали экипировку добровольцев (черкески, бешметы, лошади).

Я начинала воевать как курсантка, без звания, в должности санинструктора. На фронт была отправлена в марте 1943 г. Войну закончила сержантом, скорее всего, - за строптивый характер: всегда говорила то, что думаю, чувствую и знаю.

Имею множество орденов и медалей. Главный мой орден – орден Отечественной войны II-й степени.

Тогда корпус пошел на Таганрог (Таганрогский рейд). Потом там прорвали наши танки немецкую оборону, и нас – кавалерию – ткнули в эту дыру. Село называлось Куйбышево. Была страшная жара. Люди, лошади – все побитые. Мух – миллиарды.

Организовали там госпиталь. Его всегда старались располагать подальше от передовой. Наше подразделение вело бой, а мы принимаем раненых. В одной из разоренных хат – там не было ни окон, ни дверей – мы организовали госпиталь. Затянули марлей окна, на двери повесили одеяла. К нам стали поступать раненые. Кто сам приходил, а кого и приводили. Врачи проводят операции, а мы, санинструктора, помогаем, ассистируем. Например, пилят руку или ногу, а мы держим, перевязываем. Страшно вспомнить, что было. Но я зубы стиснула: думаю, - пошла добровольно – терпи.

Свой боевой путь начала в августе 1943 г., тогда же впервые с горечью осознала войну с ее смертельными атрибутами. До этого проходила практику в корпусном госпитале. Шли бои в донских степях. В операционной и перевязочной мне пришлось непрерывно видеть кровь и страдания, обыденность смерти на войне. Близость гибели ощущалась повсюду.

Нередко случалось, что моя медицинская помощь оказывалась ненужной. Я вспоминаю, как я после бомбежки подбежала к нашему ветврачу, а он был убит осколком в затылок. Он лежал так, как будто прилег отдохнуть. Я видела, что одной девушке из пехотной части, по имени Надя, оторвало ноги до колен. Я наложила жгуты, но она вскоре скончалась. Смерть солдат я не воспринимала трагически, ведь на войне человек бьет врага. Столько ребят умирало, столько здоровых, сильных погибало. Я к этому относилась не безразлично, но спокойно. Как военно-полевому медику, мне часто приходилось наблюдать медленный и мучительный приход смерти.

Я помню, что один солдат был ранен, и у него началась гангрена. Когда пришла на дежурство, - он на животе лежал, у него было ранение в спину. «Я, - говорит, - все равно умру». Такой был мужественный. Он смирился с этим, что ему оставалось делать? На войне мы не избегали смерти, не уходили от нее. Мы готовы были идти ей навстречу, если этого требовал долг. И я, как могла, ободряла этого и других умирающих солдат, говоря, что вот-вот станет легче. А из препаратов самым сильным был стрептоцид.

Смерти я сама никогда не боялась. Не была уверена, что не убьют, но не боялась ее. Считала непозволительным тратить время и силы на страх. Я ведь, когда решила идти на фронт, знала, на что иду, что там увижу, и чем буду рисковать.

Дальше мы двинулись на юг Украины, подошли к Крымскому перешейку (1944 г.). Помню название местечка – «Голая пристань» - Каховка. В феврале 1944 г. прошли вдоль Днепра до г. Никополя, там были села Малая Лепятиха и Большая Лепятиха. На понтонах переправились на противоположную сторону Днепра, а там до тех пор, пока видно глазу – море жидкой грязи и немецкой техники. Наш путь был на село Апостоловку, а затем – в г. Николаев и, наконец, на Одессу. Там наша 10 Кубанская дивизия вместе с 68 минометным полком, где я служила, попали в окружение. С большим трудом вырвались. Многих, очень многих потеряли. Я тогда была впервые ранена. Лошади помчались от разрыва бомб, и выскочил из перевернутой брички мой мешок с книгами. Я решила его поднять, а в это время стали носиться над нами вражеские самолеты. Я заскочила в полуразрушенную хату, и вдруг наступила темнота, поднялся пороховой дым. Это около порога разорвалась бомба. Голова, волосы, лицо – все было в крови. И сейчас оставшийся осколок на лбу чувствуется. Удивительно, как тогда он мне в глаз не залетел.

Сейчас в памяти остались только наиболее яркие эпизоды войны. Один из таких - смертельное ранение командира нашего эскадрона, капитана Аксененко, родом из Пятигорска.

В апреле 1945 г. мы заняли оборону в Чехословакии. Там погибло много наших ребят. Село, где мы приняли бой, находилось в низине глубокой-глубокой. Над нами – горы. На вражеской стороне, там где «зеленя» - проросшая пшеница, немцы окопались и вели огонь по нашим ребятам. Нашему эскад-

рону приказали выбить оттуда врага. Мы ж кавалеристы, лошадей оставили у коноводов. Вот мы пошли, а со стороны немецких пулеметных гнезд стреляют. По телефону говорят командиру эскадрона: «Вперед, вперед, вперед!» А оттуда такой огонь! И мы перебежками, перебежками. Я была рядом с командиром эскадрона… Тут его ранило. Я подползла к нему: «Куда ранен?» Он показывает на руку. Я сделала ему укол и стала перевязывать ему руку… Пули жужжат! Оказывается, у него было проникающее ранение в легкие, и он вскоре умер от кровоизлияния в легкие. А тогда мы с ребятами посыльными положили его на плащ-палатку. Подняться ж не можешь, – огонь такой, а мы с раненым ползем. Мы отползем и подтащим к себе эту плащ-палатку, отползем – подтащим. А пуля вот так падает и поднимается пыльца, земля-то весенняя, сухая. Мы отползли подальше от места боя, а нам навстречу помощник командира дивизиона. Командованию уже передали, что командир эскадрона ранен. И тут идут уже второй и третий эскадроны. Наш первый был, а второй и третий идут на смену нам. И когда узнали, что командир эскадрона ранен – ребята озверели. Как двинули туда, и сходу поднялись наверх, взяв эту высоту быстро. Высота 91, это я помню… Много ребят там полегло.

Демобилизована была из Перемышля (Польша) летом 1945 г. От Праги ехали до Перемышля своим ходом – на лошадях. Остановились недалеко от Львова, а оставшийся путь, домой, на Кубань, мы с боевыми подругами проделали в вагоне. Поездом доехали до Кропоткина. В Ладожской зашла к родственникам и быстро-быстро к себе домой. Можете себе представить, как меня там встречали!

Вернувшись с фронта, я продолжила прерванное войной высшее филологическое образование и всю свою последующую жизнь посвятила себя преподаванию в школе русскому языку и литературе, а также воспитанию племянников и внуков.

Длительное время я занималась сбором информации о погибших и пропавших без вести станичниках и собрала большой материал о жизни и судьбе сотен людей, которые были включены в Книгу Памяти.

Участники боевых действий в составе 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса регулярно

встречались для того, чтобы все больше крепить связи друг с другом. Центром такой связи являются музеи боевой славы 4-го гвардейского кубанского казачьего кавалерийского корпуса. От кого, как не от нас, из первых уст, услышит наша молодежь о делах и традициях казаков-гвардейцев, защищавших Родину в годы Великой Отечественной? Не можем мы уйти из жизни, не рассказав молодому поколению, как в годы войны сражались кубанцы с врагом, как прошли с боями тысячи километров на лихих конях, полученных в дар от колхозов и совхозов края. Мы, люди, которым судьба подарила счастье дожить до Победы и до нынешнего, очень бурного, времени, в долгу перед теми, кто не вернулся с войны. Мы должны воспитать молодежь преданной Родине, смелой, трудолюбивой, отзывчивой, принципиальной.

Трудно описать нашу радость встречи и грусть оттого, что стареем, и что многие из наших друзей уже никогда не будут среди нас.

О настоящем времени я думаю, что оно сейчас жестокое. Когда пришла с фронта, как ни трудно было, но люди не были такие злые. Один другому помогали, дружно жили, а сейчас: воровать, ударить, убить. Сейчас жизнь ничего не стоит. Меньше стоит, чем на войне.

Моя судьба, моя жизнь целиком связана с народом. Я не могу себя оторвать от страны, от российской истории.

В январе этого года мне исполнилось 82 года, но благодаря людям, которым я нужна и которых я люблю, возраст свой воспринимаю легко и чувствую себя счастливой. Сколько моих учеников живет достойной жизнью, как я радуюсь их успехам! В жизни сбылось все, что я хотела, вот только медиком не стала. И хотелось бы забыть голод 1933 года, когда ели цветущую акацию, лебеду рвали, люцерну...

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь аспирантка Кубанского государственного технологического университета ***Попова Мария Николаевна***

Делекторская (Лебединская) Мария Алексеевна

Санинструктор – надежда солдата

Я родилась 2 августа 1924 года в городе Котово, Котовского района, Сталинградской области, русская, православная, член КПСС с января 1944 года.

До войны окончила среднюю школу, курсы медицинских сестер. Узнала о начале войны 22 июня 1941 года, после школы работала в колхозе.

В октябре 1942 года в городе Камышине Сталинградским обкомом комсомола был объявлен призыв комсомольцев-добровольцев на защиту Сталинграда. Теперь там стоит памятник, который так и называется «Комсомольцам, ушедшим 17 октября на защиту Сталинграда». Когда в 1975 году Камышинский горком комсомола организовал встречу бывших комсомольцев того спецнабора – удалось разыскать лишь 100 человек (было призвано 2500 человек юных ребят и девчонок 1924, 1925 годов и даже 1926 года рождения). Все – женщины. Из парней того отряда не вернулся с войны ни один.

Я попала в 53-й запасной фронтовой полк. Три месяца обучалась на радиста. В марте 1943 года после учебы меня направили радисткой (рядовой), где служила во вновь сформированном 1113-ом полку 2-ой зенитной дивизии резерва главного командования. Командовал полком подполковник Шевченко А.А., командиром дивизии был полковник Ковалев А.И.

Уехали на фронт в марте 1943 года и попали под Миус, где шли ожесточенные бои, а потом на Мамаев Курган.

Участвовала в боях на 4-ом Украинском фронте, освободили Белозёрку (1943 г.). Запомнились жестокие бои за высоту «Двугорб». Много солдат было ранено. Так, что нам, медикам, работы было достаточно. Спасали раненых до изнеможения, до обморока.

В бою погиб санинструктор, и я заменила его, поскольку ещё раньше закончила курсы медсестёр. Потом был немецкий Никольский плацдарм, Димровка, 1944 г., потом пошли на Сиваш. На Сиваше была награждена медалью «За отвагу» за бои за высоту. Переправились через Сиваш, Джонкой 1944 г., Сапун-гора (май 1944 г.), Севастополь, Херсонесский мыс. В итоге освободили весь Крым.

Я, будучи санинструктором батареи, прошла с тяжёлыми боями, освобождая Крым, в составе 4-го Украинского фронта во 2-й зенитной артиллерийской Сивашской дивизии, награжденной орденом Кутузова, 1113 зенитный артиллерийский Севастопольский полк награждён орденом Александра Невского.

После Крыма эшелон перебросили на 1-й Прибалтийский фронт (Литва), вступили в бой под Шяуляем, потом Клайпеда, Курляндия и другие города, теряли друзей. Было тяжело физически, но морально ещё более, когда не хватало бинтов, ваты, медикаментов, когда опаздывали с эвакуацией в тыл. Нас бросали с одного конца фронта на другой, так как мы были резервом главного командования. Где главное наступление, там и наша часть, тем более что наша часть была хорошо вооружена и успешно отражала самолёты и танки фашистов. Правда, в 1944 году самолётов немецких уже было значительно меньше. Превосходство наших «Илов» было значительным. Мы их после называли летающей пехотой, они на лету немцам давали «прикурить».

После освобождения Литвы нашу дивизию перебросили в Восточную Пруссию на 3-й Белорусский фронт. Тильзит и другие города взяли в 1945 г. Подошли к Кенигсбергу – это была сильная крепость, оборудована современными инженерно-техническими средствами. Кругом форт-посты. Брали фортами, кварталами. Немцы оборонялись ожесточённо и обреченно. Это была их последняя агония. Разрушенный буквально до камней Кенигсберг взяли полностью только 9 апреля 1945

г. Мне пришлось жить в этом городе уже после войны с 1947 по 1950 годы.

Военные боевые действия закончила в Кенигсберге в составе части санинструктором батареи, сержантом. Ранений не имела. Демобилизовалась 10 октября 1945 г. в г. Лиепая. Окончилась, славу богу, моя война.

Награды:

- орден Отечественной войны II степени,
- медаль «За отвагу»,
- медаль «За победу над Германией»,
- медаль «За взятие Кенигсберга»
- 8 юбилейных медалей.

После войны многие годы до выхода на пенсию работала в Краснодарском политехническом институте (1993 г. – Кубанский государственный технологический университет).

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь аспирантка Кубанского государственного технологического университета ***Лаврентьева Марина Андреевна***

Довгаль Николай Николаевич

Оборона родного Кавказа

Я родился 2 сентября 1926 года в городе Краснодаре. По национальности русский, вероисповедание – православный христианин. Был членом КПСС.

О начале войны узнал учеником средней школы № 35. Было выступление Молотова по радио, на следующий день сообщение в газетах. Весть о войне потрясла меня и моих сверстников – девчонок и мальчишек.

В станице Афипская (Краснодар весной 1943 года) произошло мое боевое крещение. Далее наши войска перенесли действия в сторону узловой станции Тихорецкая, этим же летом в городе Моздок соединились с основными силами Советской армии. Начал войну в звании рядового небольшого отряда. Имя командира отряда вспомнить уже не смог, уж очень недолго я под его командованием находился.

В Тихорецкой нам удалось подбить вражеский самолёт абсолютно случайно, он пролетал мимо, разведывая местность, когда мы заметили его. Не долго думая, мы начали пытаться сбить его, что именно с ним случилось, мы так и не поняли – на наш взгляд каждый из нас в него попал, и самолёт, заложив крутое пике, вспыхнул и рухнул в лесополосу. Это была большая удача. Командир отряда поблагодарил нас и обещал представить к награде. Однако вскоре он был убит, командиром был назначен майор Семенютин.

Запомнилось освобождение нескольких населённых пунктов, припомнить названий я уже не могу.

Особенно четко вспоминается взятие в плен одного жадного немца. Немецкие войска уже покинули город, в то время как наш отряд под командованием, как я уже называл, Семенютина Петра Константиновича вошел в населённый пункт. Но вдруг на одной из улиц мы заметили фашиста. В одной его руке были домашние вещи, а в другой автомат. Мы его окружили, и сопротивляться он не стал, сдался в плен. Позднее выяснилось, что именно за домашними вещами он и вернулся в город, когда его подразделение уже отошло на десяток километров. По этому поводу очень точно выразился один из моих боевых товарищей: «Эх, а ведь правду говорят, что жадность фраера сгубила…».

Далее припоминаю переправу через небольшую речушку в начале весны 1944 года, название которой я просто-напросто даже не знал. Тогда нам пришлось переправлять боеприпасы. Мы даже не подозревали, что именно находилось в ящиках, это выяснилось потом, в тот момент, когда один из рядовых отряда, выделенного нам в помощь, «неудачно» покурил. Он швырнул окурок под ящик, стоявший неподалёку, и не успели мы опомниться, как у бедняги не было правой руки.

Во время продвижения с боем от одного населённого пункта к другому наш отряд попал в ловушку. Но храбрость наших бойцов помогла нам выбраться, нас преследовали до самого пункта назначения. А прибыв на новое место дислокации, мы дали бой фашистам, так как здесь уже были подготовлены позиции. Я и мой товарищ Коля Сидиков сидели в окопе и отстреливались, работал снайпер. Товарищ отважился прорваться к укреплениям и погиб от пули немецкого снайпера, а я оставался в окопе. Через некоторое время немцы решились на штурм. Вот тут-то мне и не повезло: окопы начали закидывать гранатами, а я в это время, отстреливаясь, попытался скрыться в более безопасное место, как вдруг где-то неподалёку что-то рвануло, но я ничего не почувствовал. Боли не было, только смертельная усталость, автомат стал сильно прижимать меня к земле, и я его уже не мог держать, но показались наши ребята, которые помогли мне добраться до лазарета. Врачи сказали, что я очень легко отделался, и осколок не задел никаких серь-

ёзных участков ноги, но ранее чем через полторы недели меня не выпустили. Это произошло уже в конце лета 1944 года.

Воспоминаний о войне довольно много. Есть хорошие и плохие, смешные и серьёзные.

Помню, однажды, случился такой курьёз. К нам в лагерь ночью забрался молодой кабанчик, ох и устроил же он нам переполох. Все сначала подумали, что это немецкий лазутчик, но только после того как посмотрели на следы и поняли, что к чему. А дело было так: ночью послышалась какая-то возня из палатки с продовольствием, проснувшись, мы решили посмотреть, что там случилось. Молодые мы ещё были совсем. Вот и просидели мы почти полночи впятером с автоматами возле этой палатки, пока один из нас не опустил голову и не увидел звериные следы. А в это время кабанчик уничтожал наши запасы продовольствия. На следующий день мы получили сразу и выговор, и поощрение. Выговор - за то, что не предупредили никого больше, а поощрение - за то, что кабанчика того мы всё же изловили.

Свободного времени практически не было, если же выдавалась свободная минутка – писали письма родным. В основном, конечно же, девушкам. По вечерам любили петь песни и рассуждать о превосходстве нашей боевой техники перед немецкой. Некоторые из нас любили начищать своё оружие. Так же очень ценились разнообразные ножи, особенно трофейные.

Как-то раз мой товарищ отошел справить нужду, а вернулся с двумя пленными немцами. Дело было весной 1944 года, тогда мы часто передислоцировались, иногда переход из одного лагеря в другой занимал несколько суток. Остановившись на привал, мы решили немного отдохнуть. Был довольно жаркий весенний день, и мало кому хотелось что-либо делать. Мой товарищ сказал, что отлучится на пару минут, а я как-то не обратил на это внимания. Его не было довольно долго, мы уже забеспокоились, как вдруг из лесу выходят двое немцев, а он чуть позади. Отлучился, называется, на пару минут, а вернулся уже с пленными, да ещё и награду от командования получил.

Был ещё один интересный случай, когда нам перепутали продовольствие с боеприпасами. Вместо одного груза боеприпасов и одного груза продовольствия нам привезли оба груза продовольствия. Это случилось как раз в тот момент, когда нам крайне не хватало патронов. В тот день вместо обычного

ужина у нас был настоящий пир, а потом вышел старшина и сказал: «Ну что, орлы, готовы голыми руками воевать с немецкой армией?». Нам показалось, что он так пошутил по поводу очень хорошего ужина, и мы все дружно согласились. Только на следующий день мы поняли, насколько буквально был задан вопрос. Ситуация разрешилась только через пару дней, да и то патронов выдали в два раза меньше из-за съеденного запаса продовольствия.

Случались и ссоры между собой. Бывали случаи, что дело доходило до драки, но все подобные вольности строго наказывались. Хотя как без ссор, нервы ведь не железные, а решения командиров не всегда нам нравились, но приходилось выполнять. Только жёсткая дисциплина не давала нам превратиться в зверей. Было очень тяжело. Не хватало еды, боеприпасов, одежда снашивалась очень быстро. Особенно в первый период войны. Приходилось выкручиваться. Мне было особенно тяжело, ведь на фронт я попал ещё очень молодым, мало чего умел делать. Приходилось очень быстро осваивать многое, начиная от пришивания пуговиц и ремонта одежды и заканчивая обращением с военной техникой.

Я не хочу вспоминать погибших в войне родственников, для меня это слишком тяжело. Сначала потери друзей и товарищей, а потом и родственников - это чересчур. Знаете ли вы, что такое потерять боевого товарища? Вот вчера он протягивал тебе руку, когда ты оступился, прикрывал тебя пока ты менял позицию, а сегодня его уже нет. Слишком тяжело вспоминать такие потери в моём преклонном возрасте. Но ведь одно дело терять друзей, а совсем другое - родных и близких тебе людей. Вернуться домой и узнать, что ты больше никогда в жизни не увидишь сестрёнку или братишку, или, хуже того, мать или отца.

Окончание военной компании для меня прошло на станции Борщи летом 1944 года. Тогда я уже был младшим сержантом. Мой начальник был капитаном, имя и фамилию припомнить не могу из-за недолгого его командования.

Затем нас отправили в г. Майкоп, я служил до Великой Победы. Здесь для меня и закончилась война. В этом населённом пункте по окончанию войны я остался служить в местной воинской части. Командиром части был назначен подполковник Александр Фёдорович Рыбников. В 1950 году я был демоби-

лизован по возрасту и отправлен в Краснодар, где и провел практически всю жизнь.

Вернувшись в Краснодар к своим родным и близким, я в первую очередь решил закончить среднее образование. С этим проблем не возникло, так как военные были в почёте. Я спокойно доучился в вечерней школе. Жизнь не складывалась – война постоянно о себе напоминала. Это и лица знакомых и кошмарные сны, и частые расспросы друзей и знакомых о событиях на фронте. Но жизнь шла, и нужно было как-то жить и трудиться, поэтому я решил выучиться. Поступил в Кубанский Технологический Университет, окончил, защитил диссертацию и работал в этом вузе доцентом кафедры «Техническая механика».

Война оставила не только воспоминания и раны, но и медали: «За освобождение Кавказа» и 10 юбилейных медалей.

Обо мне до настоящего времени никто не писал, да и с чего бы? Я вроде как не герой и ничего выдающегося не сделал, я просто жил так, как должен был бы жить каждый нормальный человек: была и молодость, и война, а вот теперь и старость. Ошибался, но и выправлялся, вставал и трудился. В общем, не лучше и не хуже других. А может на таких как мы Россия выстояла?

Февраль 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Скоробогатченко Алла Александровна***

Дьяков Стефан Михайлович

Случаи из фронтовой жизни

Я родился 22 апреля 1925 года в селе Сотниково, Благодарнинского района, Ставропольского края, в крестьянской семье, русский, православный. В 1932 году поступил в Сотниковскую среднюю школу, которую закончил в 1942 году. После окончания школы был направлен в военное училище г. Орджоникидзе. В 1944 году после окончания училища в звании младшего лейтенанта в июле месяце был направлен на фронт.

В период Великой Отечественной войны с июля 1944 г. по май 1945 г. мне пришлось воевать вначале на Ленинградском, а затем на 2-м и 3-м Прибалтийских фронтах. Военно-стратегической задачей фронтов, в это время было уничтожить Курляндскую (Прибалтийскую) группировку немцев и освободить прибалтийские народы от фашистской оккупации.

Кроме этого, ликвидация этой группировки немцев давала возможность высвободить наши войска из этого района и использовать их в дальнейшем для разгрома немцев непосредственно в самой Германии и в других Европейских странах. Фашисты в Прибалтике сосредоточили много пехоты, механизированных частей, артиллерии, авиации и оказывали яростное сопротивление нашему наступлению. Несмотря на это мы смогли преодолеть оборону агонирующего, жестокого, фанатически безумного врага, и к февралю 1945 г. были освобождены Эстония, большая часть Латвии и Литвы, и фронт стаби-

лизировался. Был создан плацдарм для переноса военных действий на территорию врага.

Война - это сплошная череда событий, трагедий, происшествий, удач, побед. Это всплеск человеческих эмоций и чувств: ярости и страха, отчаяния и радости, горести и гордости, тоски и любви. И каждый день – общение с товарищами по оружию, общий бой, ранения, смерти и захоронения близких. Через многие годы, в преклонном возрасте очень сложно вспоминать все, разложить по полочкам, цельно и осознанно нарисовать всю картину той страшной войны. Тем более, если не вел записей. Однако есть отдельные эпизоды, которые четко отложились в памяти и дают представление о страшной и необходимой работе - воевать, выживать и убивать врага.

Я остановлюсь всего лишь на 2-3 случаях из моей личной военной биографии – офицера-артиллериста.

В конце 1944 года я командовал огневым взводом 229-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона. Наши орудия были установлены на одной из опушек леса на танкодоступном направлении в обороне наших войск в Латвии в районе г. Солдус. Перед нами на расстоянии 250-300 метров был передний край обороны немцев с проволочным заграждением и деревянным забором. В глубине немецкой обороны на поляне находился дот почти с круговым обстрелом. В этом доте наши разведчики несколько раз пытались взять немецкого «языка», и каждый раз попытки были неудачными и связанные с потерей людей.

Однажды группа наших разведчиков во главе с капитаном появилась на нашем участке обороны. Они попросили нас оказать содействие в операции по взятию «языка». К этому времени нами было установлено, что в ближней к нам линии обороны немцев находится небольшое количество автоматчиков и пулемет и за счет естественной лощины возможен скрытый к ним подход. Поэтому я предложил разведчикам сосредоточить внимание на этом участке и согласовать с нами их план действия, с тем, чтобы максимально помочь им в период захвата «языка». Они наше предложение приняли и после трехдневного наблюдения приступили к выполнению операции. На четвертый день вечером группа разведчиков в количестве 12-15 человек прибыла к нам. Затем ночью скрытно по лощине они подползли к переднему краю немцев, сделали проходы в про-

волочном заграждении и, открыв огонь из автоматов и бросив гранаты, ворвались к немцам. Одновременно и мы открыли огонь из орудий по заранее намеченным целям, стараясь отвлечь фашистов других подразделений от места проведения разведчиками операции. Это нам удалось. Немцы начали беспорядочно отстреливаться и отступать. Одного из них группа захвата пленила и «волоком» притащила в наше расположение. Немец был большого роста в звании ефрейтора. Одежды на нем почти не было, она была разорвана, и тело его сильно кровоточило в результате соприкосновения с замерзшей землей. Он очень перепугался и сильно дрожал, что-то бормоча на своем языке. Не задерживаясь, пленного немца отправили в штаб. Вскоре возвратились и остальные разведчики, потерь среди них не было. Спустя 15-20 минут после окончания операции немцы открыли по нашему переднему краю очень сильный огонь со всех видов оружия, но в контратаку не пошли. Операция по захвату «языка» была проведена успешно. Захваченный немец, как стало известно нам позднее, дал ценные показания, имеющие стратегическое значение.

Еще один случай из фронтовой жизни. В марте 1945 года я воевал в Латвии в составе 3-го Прибалтийского фронта и командовал противотанковым артиллерийским взводом 76 мм пушек. Было ещё холодно и лежало много снега. Мы все время находились на переднем крае и поддерживали наступление нашей пехоты. Немцы упорно сопротивлялись и часто при поддержке танков и самоходных орудий переходили в контрнаступление. Остановить и уничтожить эти танки и пехоту входило в нашу главную задачу.

Однажды ночью нам было приказано срочно переместиться на другой участок, который оставили немцы при отступлении. По данным нашей разведки на этом участке предполагалось массированное наступление немецких танков. Часов в 11-12 ночи мы выкатили орудия с занимаемого участка, прицепили их к автомобилям и преодолев 20-25 км в 3 часа ночи были на месте назначения. Этим местом оказалась небольшая высотка, вблизи г. Тукумса, с которой хорошо просматривался и простреливался передний край немцев. Мы выкатили орудия на эту высотку и к рассвету оборудовали огневые позиции и приготовились к ведению боя. Большая группа немецких танков

без пехоты стремительно рвалась к нашей передовой. Это был тяжелый бой.

Спустя несколько часов пригрело солнце, и снег на южном склоне высоты, по которому мы ночью катили орудия и переносили ящики со снарядами, подтаял, и обнажилось очень много противотанковых мин, установленных немцами под снегом при отступлении. Что это? Везенье? Судьба? Нам очень повезло, что мы не подорвались на минах. После наши саперы разминировали проезды на высоте, и мы продолжали наступление.

Награды:

- орден Красной звезды,
- орден Отечественной войны I степени,
- медаль «За победу над Германией»,
- 10 юбилейных наград.

Февраль 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса Кубанского государственного технологического университета **Нестеренко Марина Юрьевна***

Залога Степан Семёнович

В боевом строю

Я родился 1 января 1924 года в станице Анастасиевской Краснодарского края. Окончил местную среднюю школу № 25.

22 июня 1941 г. жители Кубани узнали о вероломном нападении гитлеровской Германии на нашу страну. Мы только окончили школу, были молоды и боялись, что нам не придётся воевать, так как верили Сталину, что враг будет быстро разбит на его территории. Однако время шло, а война полыхала во всю. Дел нам хватало. Мы работали в сельском хозяйстве, помогали родителям в колхозе.

В 1942 году немцы подошли к Ростову. Всю молодежь хотели эвакуировать, но не успели. Тогда почти всем нам было по 17 лет. Нас мобилизовали в Красную Армию, выдали форму, научили обращаться с оружием и сразу направили на фронт. Так началась моя биография русского солдата-пехотинца. Как раз в этот промежуток времени немцы довольно быстро стали продвигаться по стране. Мы с боями отступали в сторону Ботайска, понимая, что путь наш будет лежать на Кавказ. Это стало очевидно в Краснодаре. Здесь нас распределили по войсковым частям. Я и еще несколько человек попали в 1135-й полк 339-ю дивизию. Я уже освоил военную профессию пулемётчика и был направлен в пулеметную роту. Проходили мы через Смоленскую и здесь дали бой немцам, но толь-

ко под Владимирской остановили фашистских захватчиков. Однако войска вермахта постепенно оттесняли нас к побережью Чёрного моря.

В то время с целью отрезать наши войска на юге немецкие войска перешли в наступление на Курско-Воронежском направлении и попытались с ходу захватить Воронеж. В городе завязались тяжелые уличные бои.

Другая фашистская группировка прорвала оборону Красной Армии северо-восточнее Харькова и развернула наступление в южном направлении, имея своей целью захватить Северный Кавказ. 24 июля 1942 г. немецким войскам был сдан г. Ростов-на-Дону.

В январе-феврале 1943 г. мы начали наступление, как раз тогда немцы отступили от Сталинграда. Под Усть-Лабинском меня ранило, и я попал в госпиталь в город Сочи. Пролежал я там полтора месяца. Затем приехал «покупатель» и забрал меня в Краснодар. Тогда город был уже освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Краснодар пребывал в ужасном состоянии после его оккупации гитлеровской армией. Мы видели разрушенные дома, заводы, груды трупов мирных граждан в районе нынешней Первомайской рощи. Эти зверства ожесточили нас, и мы рвались в бой.

Меня направили в 10-ю гвардейскую бригаду. После того как армия получила пополнение, мы стали наступать на станицу Крымскую. Во время одного из наступлений на Крымскую, мы потеряли очень много бойцов. Хотя и немцев было уничтожено много. После боёв нас отвели в лес и из 9-й и 10-й бригады сформировали 109-ю гвардейскую пехотную дивизию. И уже новосформированную дивизию бросили на хутор Ханьков, который находится недалеко от моей родной станицы Анастасиевской. Мы даже не успели развернуть полки, как нас перебросили в Ростовскую область под город Новошахтинск. Вот там и началось самое «настоящее» наступление. Но нам повезло, так как в то время действующая армия все в больших объемах стала получать вооружение и боеприпасы, приобрела опыт ведения войны.

В то время солдат знал только направление (куда идем), а уже остальные подробности простому солдату оставались неизвестны. Война есть война… Я знал только то, что мне было указано идти и идти с пулеметом. Простой солдат знал войну

со своего окопа. Во время развернувшегося наступления мы брали населённые пункты: Горностаевку, Николаевку (были тяжелые бои) и др. Запомнилось освобождение Одессы (партизанские отряды вышли из катакомб, люди преградили улицы) и многие другие города и населенные пункты – все не вспомнить.

Воевал я хорошо. Мой пулемёт множество раз обеспечивал наступление наших бойцов в боях под Кишиневом. Однажды мы со своим номером Фёдором Рябошапкой из ст. Медведовской удерживали атаку фашистов более 4-х часов.

Отбирая ребят на курсы офицеров, заметили и меня. Всего из нашего подразделения (200-ти человек) на курсы взяли всего пять бойцов. После их окончания весной 1944 г. мне присвоили звание лейтенанта и отправили в 230-ю дивизию 986-го полка. С этим полком мы и дошли до Берлина. Много было боёв и много потерь. Мы взяли рейх-канцелярию, и 2 мая 1945 г. для меня война закончилась. Был я тогда в звании капитана.

Со своей женой мы были знакомы еще до войны. Мы вместе жили в станице Анастасиевской. До 1946 года я был в Германии, а когда приехал – поженились. 4 года прожили в Азербайджане, где я командовал аэродромной ротой. Жена – Раиса Васильевна во время войны была в тылу сначала пулеметчицей, потом пожарником, а затем кладовщиком на складе. Затем ее направили в Гомельскую область в село Ново-Белица (станция орудийной наводки). Там стояла батарея, и жена работала оператором до конца войны. Войну она и закончила в Белоруссии.

Вместе с женой живем уже 57 лет. У нас три дочери и один правнук.

После войны, до увольнения, я работал командиром роты. После увольнения я приехал домой в г. Краснодар. Работал заведующим складам военного имущества. После этого, уже 25 лет я работаю в Кубанском государственном технологическом университете учебным мастером на военной кафедре.

В войне также участвовали: мой отец Залога Семен Алексеевич и сестра Ульяна. Отец, к сожалению, уже умер, а сестра еще жива.

Много было боевых товарищей, но уже многие из них, наверное, умерли. Ковалев Григорий (я его знал во время войны, после войны мы не встречались) был очень хороший человек.

С ним мы прошли всю войну с самого начала. Из фронтовых товарищей были еще Бурков Петр и Ищенко Иван (Бурков и Ковалев – из Алтайского края). С ними мы шли до октября 1944 года. Потом наши пути разошлись. Я был направлен в другую дивизию. А мою родную дивизию перебросили на Дальний Восток. В её составе мои боевые друзья воевали с милитаристской Японией. Я же попал в другую дивизию, с которой дошел до Берлина. Больше никого из этих однополчан я не встречал. Пытался найти их адреса, но не довёл дело до конца. А потом мирная жизнь и заботы ещё дальше разделили нас.

Награды:

- орден Отечественной войны I степени,
- орден Красной Звезды,
- орден Славы III степени,
- медаль «За Отвагу» (моя первая медаль),
- медаль «За боевые заслуги»,
- медаль «За оборону Кавказа»,
- медаль «За Победу над Германией»,
- медаль «За взятие Берлина»,
- медаль «За освобождение Варшавы»,
- 10 юбилейных медалей.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Алтухова Виктория Викторовна***

Зыков Алексей Афанасьевич

В битве за Крым

Я русский, родился 21 февраля 1920 года в Архангельской области в семье рабочих, образование 4 класса. В дальнейшем окончил курсы электромеханика передвижных электростанций, автотракторного механика, горного механика (руководитель горными работами).

Общий стаж работы 61 год, из них 20 лет – шахта в системе ВПК. Ходил на промысловых судах в порту Мурманска.

В августе 1940 года я был призван в ряды Красной Армии. До войны служил в Армении в городе Ленинакане в 25-м артполку в качестве топовычислителя. Начало войны встретил в Ленинакане. Потом Тамань, Крым и 1-й Белорусский фронт.

Командир топовычислительного отделения – это специалист, который делает привязку, т.е. рассчитывает координаты места расположения огневых позиций батареи, наблюдательного пункта, точки наводки и целей противника, а также готовит данные для стрельбы батареи по противнику и корректирует огонь своей батареи. Это у меня получалось очень хорошо, поэтому меня постоянно направляли на передовую в пехоту для корректировки. При этом направляли на самые ответственные участки фронта. Это видно из наградных документов, которые отмечают, что я всегда награждался как разведчик.

Боевое крещение получил в декабре 1941 г. Мы поддерживали высадку десанта из Кубани в Крым, огонь вели из района Тамани. После высадки наш 25 артполк с города Новошахтинска через Ростов-на-Дону, Азовское и Чёрное моря на теплоходе «Чапаев» был переброшен в Крым в город Феодосия. Во время пути от Новороссийска до Феодосии теплоход неоднократно подвергался ожесточённым бомбардировкам. Мы все были в трюме. У каждого было ощущение конца, когда бомбы взрывались то с левого, то с правого борта, теплоход качало и бросало из стороны в сторону. Очень плохое воспоминание осталось после высадки. Наши командиры совершенно не знали обстановки, не обеспечили связи с командованием полка.

Весной мы из Крыма стали отступать - положение было катастрофическое. Немец обрушил на наши части мощные авианалеты, все наши войска отступали и были сосредоточены в районе Керченского полуострова. Переправа и плавсредства отсутствовали, поэтому переправлялись на косу Чумка кто как мог, кто на лошадях, кто на бортах автомашин, кто прямо вплавь, но течение многих уносило в море. Крики о помощи никого не задевали. Осталось в Крыму много раненных и убитых.

С приездом в войска С.М. Будённого стала налаживаться переправа, правда на малых судёнышках, на одном из которых мне удалось переправиться. После переправы наш полк пешим ходом передислоцировался и сосредоточился в станице Усть-Лабинской. Продуктов давали мало, ели побочные, поэтому началась у некоторых бойцов дизентерия.

Вскоре нас снова перебросили на косу Чумка для высадки десанта в Керчь для того, чтобы поддержать Севастополь. Однако время было утеряно. Немцы сформировали большие силы. Севастополь мы не удержали и снова начали отступать. Были сданы многие города и станицы Кубани. Мы оказались в районе села Кабардинки. Оттуда вели огонь, как в северном направлении, так и на запад в район Малой Земли.

После стабилизации обстановки на фронте мы перешли в наступление. Подготовка у наших была серьёзной. Снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием было обеспечено чётко. Мы форсировали пролив и снова оказались в районе Керчи в районе катакомб. Наш наблюдательный пункт был на высоте 3 кургана.

Дальше пошли в наступление через весь Крымский полуостров вплоть до Сапун Горы, под Севастополем. Там была занята оборона. Потом в апреле 1944 г. начался штурм Сапун Горы. Я участник этого штурма. В составе группы радистов я корректировал огонь по сопротивляющимся немцам. Что интересно: после взятия Сапун Горы все виды войск стали салютовать и расстреляли боезапас. Но смотрим на Севастополь, там вдруг задымились трубы пароходов, и стали отходить в море. То были немцы, но по ним стрелять было нечем. Хорошо помогла авиация потопить пароходы. Крым освобождён! Затем были другие бои.

На плацдарме в районе Яновеца на реке Висла я с радистом был направлен в расположение пехотного батальона. Начали наступление. На пути наших наступающих войск стоял ДОТ с двумя пулемётами, войска продвижение прекратили и залегли. Командир батальона говорит мне: «Ну, артиллерист, выручай». Нужно было подавить эту точку. Расстояние между нашими войсками и ДОТом было в пределах 50 м. Я комбату доложил, что 152 пушки «Гаубица» рассеивание 50 м., и есть большой риск накрыть своих. На что он сказал: «Давай». С третьего снаряда ДОТ был уничтожен. Не было предела похвалам. За это мне был вручён орден Отечественной войны II степени.

Самым тяжёлым стало для меня форсирование реки Одер в районе Франкфурта. Я был ранен в голову, получил контузию, но возможности переправиться обратно не было, потому что немцы вели шквальный огонь по береговой линии. На переправе погибло много людей, вода была буквально красной от крови. Однако нам удалось захватить, удержать и расширить плацдарм.

На этом плацдарме я, будучи раненным, несколько дней корректировал огонь батареи, находясь в нескольких сотнях метров от противника. Мы практически вызывали огонь на себя. Именно с этого плацдарма я и мои друзья-товарищи начали Берлинскую операцию.

Вспоминается эпизод. На пути наступающих войск была обнаружена скрытая 4-х орудийная 75 мм батарея. Её огонь остановил наступление наших войск и особенно танков. Пехота залегла, просила о поддержке, что и было сделано. Я скор-

ректировал огонь, после чего батарея была подавлена. За это я получил орден Отечественной войны I степени.

Потом моя военная дорога провела меня по поверженной Германии: города Берлин, Потсдам, Линдинбург были взяты с большими потерями и напряжением сил. Здесь я и встретил Победу. Демобилизовался я 8 мая 1946 года в звании сержанта.

Награды:

- орден Отечественной войны I ст.,
- орден Отечественной войны II ст.,
- орден Отечественной войны III ст.,
- медаль «За боевые заслуги».

Медалью «За боевые заслуги» был награждён за подбитый немецкий танк на высоте 373 м. Это юго-западнее Крымска. Эта высота переходила из рук по несколько раз в день. Я там был корректировщиком вместе с радистом. Высота мною хорошо была пристрелена, поэтому и попал в танк. Этим самым было остановлено паническое бегство нашей пехоты.

Орден Отечественной войны II степени получил за форсирование реки Вислы в районе Яновеца и, кроме того, мною был уничтожен ДОТ немцев, мешавший продвижению наших войск. Я там тоже был как разведчик-корректировщик.

Орденом Отечественной войны I степени был награждён за форсирование реки Одер и за уничтожение артбатареи немцев, которая очень мешала нашим войскам. Там наша батарея вела огонь по моей наводке, разведчика-корректировщика.

Орден Отечественной войны III степени – этот орден мне вручили уже после войны.

Февраль 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 1 курса Кубанского государственного технологического университета **Зыков Алексей Александрович***

Иванюк Михаил Андреевич

От Миуса до Берлина

Я родился 21 ноября 1924 года в станице Михайловской, Курганинского района, Краснодарского края. Русский. Был членом КПСС с 1945 по 1991 год. Комсомолец с 1940 по 1945 год. Сейчас состою в общественном движении на Кубани «Отечество» (Кондратенко).

До войны окончил Михайловскую среднюю школу в 1942 году.

Узнал о начале войны 22 июня 1941 года. В этот день началась мобилизация запасников. Радио и, тем более, телевидения в этой части станицы, где я жил не было. Но слух о вероломном нападении на Советский Союз разнесся мгновенно.

После окончания средней школы в июле 1942 года был призван вместе со многими товарищами 1924 года рождения в армию Курганинским райвоенкоматом и направлен в краснодарское пулемётно-миномётное училище (г. Краснодар, ул. Леваневского, 2). Проучились две недели. Затем училище эвакуировали пешком до Сухуми, поездом до Еревана, где и закончил это училище в звании младшего лейтенанта (командир пулемётного взвода). В июне 1943 года вместе со многими другими офицерами, выпускниками КПМУ, был направлен на южный фронт (река Миус, где-то в районе г. Ново-Шахтинска). После месячной переподготовки в полевых условиях получил назначение во 2-ю гвардейскую армию, 3-ю

гвардейскую дивизию, 9-й гвардейский стрелковый полк на должность командира взвода ПТР (противотанковых ружей). Пополнение офицерского состава дивизии встретил, провёл инструктаж (вернее сердечную беседу) командир дивизии генерал-майор Цаликов. Очень грамотный командир и обаятельная личность. Говорил о месте и значении командира в бою, о взаимовыручке, о дружбе народов (сам он осетин, статный, с военной выправкой). Цаликов – хороший пример для начинающих командиров (из непроверенных источников – он погиб на другом фронте). Фамилии других командиров не помню, так как в пехоте часто менялся в то время личный и командный состав.

Крупным сражением, в котором мне довелось участвовать впервые, было наступление наших войск 18 августа 1943 года. Мощная артподготовка и адекватный ответ противника. Земля дыбилась от беспрерывных разрывов мин, снарядов, свиста пуль, пулемётных и автоматных очередей. Здесь я получил первое ранение. После излечения в госпиталях был направлен на 1-й Украинский фронт, в 13-ю армию (командующий генерал армии Пухов), в 117-ю гвардейскую стрелковую дивизию (командир гвардии полковник Волкович, в конце войны – генерал-майор), в 338 стрелковый полк (командир в конце войны гвардии подполковник Антонов) на должность командира стрелкового взвода и командира стрелковой роты.

Боевой путь проходил через город Бердичев (1943 г.) - 117 гвардейской дивизии присвоено звание «Бердической», - г. Тернополь (весна 1944 г.), Броды (лето 1944 г.), Завислянский (сандомерский) плацдарм (лето-осень 1944 г.), река Нейсе (1944-1945 гг.), река Одер (январь-февраль 1945 г.), г. Луккенвальде в Германии (апрель-май 1945 г.), Берлин, Прага (май 1945 г.). 338 гвардейскому, ордена Богдана Хмельницкого, полку присвоено звание «Одерский».

В г. Тернополе противник был оккупирован, но сдаваться не собирался. Бои шли за овладение каждым домом, улицей, кварталом. В результате этих боёв немецкий окружённый гарнизон был вынужден сдаться.

Запомнилось сражение на р. Нейсе. Это был сильно укреплённый, много эшелонированный район немецкой обороны. Перед общим наступлением я получил приказ со своим взводом и взводом разведроты форсировать на лодках реку и за-

нять первые окопы противника. Цель – выяснить плотность огня и есть ли в окопах противник. В случае занятия вражеских позиций ещё до общего наступления перебросить на другой берег часть артиллерии, занять плацдарм. Об этой задаче говорил командир дивизии гвардии полковник Волкович, посетивший наши подразделения за сутки перед наступлением. Речка с обеих сторон (берегов) огорожена дамбами, предохранявшими соседние места от разливов в период половодья. Причём, с немецкой стороны высокая дамба начиналась прямо у воды, с нашей стороны – на значительном расстоянии от речки. Это расстояние предстояло пройти с лодками (во взводе три лодки) и на этих лодках форсировать речку. (Окопы и с той, и с другой стороны были вырыты прямо в дамбах). По суше ночью мы прошли с лодками (волоком) спокойно. И только опустили их в воду, как с немецких окопов нас встретил шквал огня. Правда, пули, в основном летели, над головами. У самой реки бойцы начали окапываться. Перед артподготовкой мы получили приказ отойти на исходные позиции. Я отходил последним и попал под нашу артподготовку. Спасла меня большая воронка от снаряда, которая оказалась на пути отхода. Но от артподготовки, которая продолжалась около часа, заложило уши. Дальнейшее форсирование реки и движение вперёд с боями мы продолжали в общем потоке наступающих.

Отложились в памяти и бои в Германии на р. Одер (Одра), ныне граничащей с Польшей. Батальон, в котором я воевал, ночью подошёл к этой реке на плотах и лодках, с помощью железного троса тихо форсировал её и без остановки стал быстро продвигаться вперёд. Спокойно прошёл через два населённых пункта, в которых располагались немецкие части. Никто из них не ожидал появления Советской Армии в это время (так как в предыдущую ночь наши солдаты прошли без отдыха большое расстояние). Утром с тыла, со стороны пройденных уже сёл, появилась колонна грузовых автомашин с немецкими солдатами. Завязался ожесточённый бой. На этом рубеже населённые пункты переходили из рук в руки неоднократно. Случалось, что наши солдаты (из других подразделений) вынуждены были занимать круговую оборону в домах и подвалах, и нам в контратаках приходилось выручать их. В одной из атак я был ранен пулей в левую ногу. Лечился в медсанбате дивизии.

Роте, которой я командовал в звании гвардии старший лейтенант, пришлось участвовать в заключительных сражениях Второй мировой войны, в разгроме крупных группировок под Берлином и под Прагой. В середине апреля 1945 года 13-я армия, в составе которой была 117 гвардейская стрелковая дивизия, в том числе 338 гв. стрелковый полк, в котором я воевал, форсировала реку Шпрее и начала продвижение южнее Берлина на запад. Наш полк занял немецкий городок Луккенвальде, расположенный юго-западнее Берлина, и укрепился в нём.

27 апреля меня вызвал командир полка (гвардии полковник Антонов) и приказал выдвинуться в направлении Берлина в качестве боевого охранения в населённый пункт, который находился на расстоянии 16-18 километров от занятых полком рубежей. Я повторил приказ и, в свою очередь поинтересовался, почему боевое охранение выставляется не впереди дислокации полка, т.е. на запад, а направляется назад, на северо-восток; ведь этот район уже был занят и пройден соседней частью. Командир полка уточнил задачу: советские войска ведут ожесточённые бои за взятие Берлина и уничтожение группировок противника. Возможен прорыв части немецких солдат на запад и юго-запад с целью соединения с армией, идущей на помощь войскам, окружённым в Берлине. Наша задача – сообщить в штаб полка о появлении противника и хотя бы временно затормозить его движение, чтобы дать время нашей части подготовиться к достойной встрече его.

На указанный рубеж рота прибыла к концу дня. Здесь находилась оставленная жителями небольшая немецкая деревенька. С трёх сторон вплотную к ней подступал лес. Да и с четвёртой стороны за поляной был виден лес. И всю дорогу от Луккенвальде до занимаемого рубежа рота шла лесом. Только в самом начале пути у самого города было небольшое чистое поле. Ночь и следующий день прошли относительно спокойно. Появлялись отдельные группы немцев. Наткнувшись на оборонительный рубеж роты, они отходили в лесной массив, обходили населённый пункт справа и слева. О появлении противника и его манёврах мы докладывали в штаб полка по полевому телефону.

Через день ситуация резко изменилась, когда через плотную цепь окружения в этом направлении прорвались несколько больших групп противника. На пути их движения находи-

лось наше боевое охранение полка. Роте пришлось принять жестокий бой. Атакующие цепи накатывались на наши позиции, но, встречая упорное сопротивление, откатывались назад. За два дня рота отбила пулемётным и автоматным огнём восемнадцать атак, которые следовали одна за другой. Упорство гитлеровцев можно объяснить тем, что через населённый пункт, обороняемый ротой, проходила на юго-запад дорога, по которой могла двигаться техника. Солдаты и командиры взводов и отделений проявили большое мужество, не отступив под напором врага ни на шаг. Рота выполнила задание. Своевременно было сообщено в полк о приближающемся противнике. Была задержана на какое-то время значительная группа фашистских войск, что дало возможность нашей части подготовиться к встрече этого противника, который наступал на полк, по сути дела, с тыла. К сожалению, 29 апреля оборвалась связь со штабом полка. Посылать связиста на ликвидацию разрыва, значит посылать его на верную смерть – в лесу были немцы. У нас кончались боеприпасы и продукты питания. Учитывая всё это, я принял решение пробиваться к своим.

Утром 1 мая, поздравив солдат и командиров с праздником, приступил к выполнению этого решения. Во время движения к нашей группе примыкали многие солдаты и офицеры в одиночку и группами, в основном из тыловых частей других подразделений. На своём пути мы встретили одну артиллерийскую батарею, занявшую групповую оборону, грузовую автомашину с крупнокалиберным, четырёхствольным зенитным пулемётом ДШК, танк с пулемётами, но без артснарядов.

При подходе к Луккенвальде путь нашей колонне преградили плотные цепи фашистских войск, развернувшихся в сторону этого города. Нашей колонне нужно было с ходу пробиться через эти цепи. И мы пробились, открыв плотный огонь из танка, зенитного пулемёта, автоматов пехотинцев и артиллеристов.

Встреча с бойцами и командирами полка была радостной. Ведь о нашем положении в последние два дня ничего не знали. А гитлеровцам так и не удалось прорваться на запад, чтобы сдаться в плен американцам или англичанам. Через несколько часов после нашего возвращения в часть они, убедившись в невозможности прорыва на этом участке, подняли белый флаг и тысячными колоннами вышли из леса, сдались в плен.

Вслед за немецкими солдатами, сдавшимися в плен, ещё через несколько часов из леса появились наши танки, штурмовавшие Берлин и окружённые группы немцев в окрестностях Берлина. Танки с солдатами пехоты на них стремительно пошли в сторону чехословацкой Праги. 2 мая 1945 года и мы получили приказ – на Прагу.

Военные боевые действия закончили под Прагой 9 мая 1945 года, хотя в боевой готовности мы находились ещё несколько дней, так как одна вражеская группировка уже после окончания войны решила не сдаваться, и на уничтожение её потребовалось какое-то время после Дня Победы. Войну окончил старшим лейтенантом, исполняющим обязанности командира роты. Хочется отметить ратные подвиги командира стрелковой роты гвардии капитана Чебукина, прошедшего с боями от Сталинграда до Берлина, награждённого орденом Ленина и другими орденами, моего боевого товарища, а также другого товарища Манжосова – командира пулемётной роты, погибшего при разминировании участка перед ротой при подготовке к наступлению.

Ранения. В наступательных боях я был дважды ранен.

Будучи командиром взвода ПТР (противотанковых ружей) в 9-м гвардейском стрелковом полку, 3-й гвардейской стрелковой дивизии, 2-й гвардейской армии в наступлении на реке Миус (южный фронт, где-то в районе Новошахтинска), 18 августа 1943 года был тяжело ранен. Сквозное пулевое ранение левого предплечья с повреждением локтевой кости. С момента ранения находился на излечении в эвакогоспиталях 141 ХППГ, ЭП-22 и ряда других. С 9 сентября 1943 года по 9 ноября 1943 года находился на излечении в эвакогоспитале 1655 (ЭГ-1655), который размещался в городе Изберг (Избергбаш) на берегу Каспийского моря, в Дагестане. Хочется отметить хорошее, лояльное отношение местного населения к раненым. Мы свободно ходили в город, к морю, в горы. Это помогало, наряду с усилиями врачей и медперсонала, скорейшему излечению, выздоровлению. После госпиталя в свою прежнюю часть не попал. Был направлен на 1-й Украинский фронт (командующий маршал Конев), в 13-ю армию (генерал армии Пухов), в 117-ю гвардейскую дивизию (полковник Волкович), сначала в отдельный учебный батальон командиром учвзвода, а затем ко-

мандиром роты и взвода в 338 гвардейский ордена Богдана Хмельницкого полк.

В уже описанных здесь боях на реке Одер (за Одером) был вторично ранен 3 февраля 1945 года. Направлен в дивизионный медсанбат (медицинский санитарный батальон), где (лечился) находился с 4 февраля 1945 года по 19 марта по поводу сквозного пулевого ранения мягких тканей верхней трети (в/з) левой голени. Медсанбат передвигался вслед за передовой. Так что по выздоровлению был направлен в ту же часть на прежнюю должность.

После кратковременного пребывания под Прагой наша дивизия выступила в обратный путь через Чехословакию, Германию, Польшу, Украину в Бердичев. Шли по дорогам, минуя населённые пункты. Каждый день примерно по 30 км. Каждый день в конце пути командир дивизии гвардии генерал-майор Волкович принимал парад, учитывал боевую, строевую выправку. Это дисциплинировало солдат и офицеров.

Демобилизовался в феврале 1946 года (причина – общее сокращение войск после войны и преобразование нашей дивизии в мотомеханизированную). Возвратился в родные места, в станицу Михайловскую. Сначала трудился рабочим в Армавирском горпромкомбинате. Поступил учиться в Краснодарский педагогический институт на физико-математический факультет заочного отделения, который окончил в 1950 году. С 1948 года работал учителем математики, завучем (заведующим учебной части), исполнял обязанности директора той средней школы, в которой учился до и в начале войны. Избирался секретарём Курганинского райкома КПСС в 1950 году. С 1953 года работал в Краснодарском краевом комитете партии инструктором, заведующим сектором, заместителем заведующего отделом науки и школ до 1962 года. С 1958 года учился в Москве в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, которую окончил в 1960 году с отличием.

С 1962 г. и до пенсии 1993 г. работал в вузе, в Краснодарском политехническом институте (ныне Кубанский государственный технологический университет), старшим преподавателем, доцентом кафедры политэкономии, деканом по работе с иностранными студентами. В 1970 г. защитил диссертацию на тему «Экономические проблемы повышения уровня жизни колхозного крестьянства», и мне была присвоена учёная сте-

пень кандидата экономических наук. По теме диссертации опубликовал 8 научных работ.

Я принимал участие и в общественной жизни института. Избирался секретарём парткома, председателем профкома (месткома) преподавателей и сотрудников, председателем группы народного контроля института. С 1993 года – персональный пенсионер, а с 1996 года – военный пенсионер. Сейчас – инвалид Великой Отечественной войны II (второй) группы.

За боевые действия во время Великой Отечественной войны отмечен следующими наградами:

- орденом Отечественной войны I степени, № 1756817,
- орденом Красной Звезды № 2550241,
- орденом Красной Звезды № 2550259.
- медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»,
- медалью «За взятие Берлина» удостоверение Б № 381749,
- медалью «За освобождение Праги» удостоверение А № 356651,
- медалью «Жукова» удостоверение Б № 0433044.

Материалы из моей военной и послевоенной жизни опубликованы в ряде статей и очерков. Моя статья «В направлении Берлина» опубликована в книге под редакцией И.Н. Мова «Кубанцы в битве за Берлин», вышедшей в свет в 2002 году.

В сборнике воспоминаний и очерков об участниках Великой Отечественной – преподавателях и сотрудниках Кубанского государственного технологического университета - «Баллада о солдате», выпущенного в Краснодаре в 2000 году помещена статья доктора исторических наук, профессора Вогана Ивановича Яргульяна «За анкетной строкой» (имеется ввиду моя анкета, стр. 75-79, а всего в сборнике 150 страниц).

Его же статья «Последний бой он самый жаркий» была помещена в газете «Кубанские новости» 13 июля 1993 года, № 140.

В газете «Боевые подруги» № 3, июнь 2003 года опубликована статья «Они приближали рассвет» с моей фотографией вместе с младшим братом. Автор её - В. Мальцев.

В газете «Кубань сегодня» № 77-78, 24 апреля 2004 г. напечатана статья доцента Харченко И.С. «Дороги гвардейца».

Конечно, в этих и других материалах отражены только эпизоды моей жизни.

Февраль 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса Кубанского государственного технологического университета ***Коновалова Ольга Юрьевна***

Игольченко Михаил Ильич

Трудными дорогами войны

Я родился 14 октября 1923 года в ст. Плосская, Камнеболотского района, Краснодарского края, в семье колхозника, мать была домохозяйкой, русский. В 1936 г. с семьёй переехал в г. Краснодар. С семи лет пошел в школу, учился на отлично. В 1941 году окончил 10 классов. Будучи учеником 9 класса был избран секретарем комсомольской организации краснодарской школы № 31. В 1941 году окончил школу, в субботу отпраздновал выпускной, а в воскресенье – 22 июня была объявлена война. В понедельник, по собственному желанию мы пришли в школу и устроили заседание комсомольского бюро, на котором было решено оборудовать здание учебного заведения под госпиталь. Трудились целый день – выносили парты и столы. Дружным составом комсомольского бюро было решено добровольно уйти на фронт. Во вторник пошли в военкомат на ул. Шаумяна, но там нам было отказано по причине нашей юности, ведь нам было всего по 17 лет. Но мы не останавливались – упорно, в течение 10 дней с начала войны «осаждали» военкомат и в итоге добились своей цели: были призваны в ряды Советской Армии. И нас, десятиклассников, направили учиться на Украину в Сумское Артиллерийское училище. Жили там в казармах. Во избежание потерь, на ночь выезжали в колхозные сады и спали там в палатках, потому что немцы систематически бомбили городок.

Получив необходимое вооружение (гранаты, патроны, винтовки), в августе 1941 года все курсанты училища были направлены на фронт, на Украину. Первоначально был организован разведывательный отряд под командованием капитана Чернова. Основной задачей отряда было следующее: так как наши войска отступали, необходимо было контролировать ситуацию и всегда знать, в каких селах находится враг, сообщать по рации об их местонахождении. И вспоминая все пережитое, мне хочется сказать о хорошем отношении простых людей к нам, солдатам. Мы ведь были молодые, поэтому нас всегда называли по-ласковому – сыночки. В какой бы дом ни заходили, всегда нас встречали тепло и с любовью. Расскажу вам два случая, которые подтверждают мужество, благородство души простых людей, а именно женщин, у которых, наверное, были сыновья, которые тоже нуждались в помощи. Рискуя жизнью, они информировали нас об опасности, пытались уберечь, это очень трогательно и незабываемо. На всю свою жизнь я запомнил вопрос, который они нам постоянно задавали: «Когда вернётесь, сынки?». Мы обещали: «Скоро», - и опускали глаза. А женщины и не ждали ответа. Они верили и знали, что рано или поздно мы вернёмся победителями.

В разведку мы ходили добровольно, командир никогда никого не назначал. Существовало такое негласное правило: кто не ходил с утра, шел с вечера или кто не ходил сегодня, шел завтра. И вот, как-то раз, я с двумя товарищами отправился в разведку, сначала прошли через лес, потом по полю и уткнулись в большой овраг. В этом овраге мы обнаружили жителей деревни. От них узнали, что немцы уже во всю хозяйничают на этой территории. Вот что было дальше: видим, что запыхавшись бежит женщина-украинка и во всю горланит: «Сыночки, тикайте! На вас дивилися в бинокль немцы. Они все на мотоциклах, поэтому быстрее убегайте». Мы быстренько убежали с этого оврага до опушки, и зашли в лес, двигаясь по направлению к своему дивизиону. Тут мы услышали рев моторов и прибавили шаг. Нам повезло, фашистам было трудно проехать через кроны деревьев, тем более они не знали сколько нас точно. Если бы не эта женщина, неизвестно остались бы мы в живых или нет. Мне также запомнился и другой случай, к сожаленью, трагичный, который произошел в районе г. Канатопа. На берегу торфяного болота стояла украинская дерев-

ня и через него был перекинут небольшой мост – с одной стороны стоял наш взвод, с другой – фашисты. Нашей задачей было постараться не пропустить врага в село. В помощь нам дали одно орудие, которое было направлено на мост и еще танкетку – это такой небольшой трактор, тягач, в котором находился водитель и пулеметчик. Мы стояли друг против друга и смотрели, казалось, в глаза. Мы ожидали наступления. И тут видим женщину, которая кричит: «Хлопцы, тикайте, убегайте, немцы в центре села, спрашивают, где русь солдат!». Надо было принимать какое-то решение, ведь мы фактически были окружены, некуда уходить. Рядом с болотом была насыпь, выше человеческого роста, на которой была железная дорога, по ней отправляли добытый торф. Так вот, командир этой танкетки – курсант сказал, что поедет в центр деревни и завяжет там бой. Мы прицепили орудие к танкетке и договорились так: если мы услышим стрельбу, то мы должны уйти вдоль железной дороги. Примерно через 30 минут началась стрельба. Мы покинули свой пост и направились в лес. Позже мы узнали, что наши смельчаки совершили очень мужественный и дерзкий поступок: они уничтожили многих противников. Уже на выходе из села, когда попросили подкрепление, их встретила колонна немцев с орудием, и их подбили. Когда были в лесу, мы не знали куда идти, на дороге увидели приближающуюся повозку, в которой сидело 3 мужика. Все трое были в фуфайках, одеты по-крестьянски. Наш командир подошел к ним и затеял разговор, мы не слышали, о чем они беседовали. В течение ночи они нас вели по лесу. А на рассвете вышли на опушку, дальше шли сами, а трое повернули обратно в лес. Мы очень удивились, когда узнали, что одним из сопровождающих был легендарный командир партизанских отрядов Ковпак. Вот такая неожиданная встреча!

В процессе длительного отступления (с августа до конца декабря) мы приблизились к г. Старый Оскол. Шли с тяжелыми боями. 29 августа 1941 года настоящим боевым крещением был бой под Бурынью. Вообще, первый год войны был самым трудным и запоминающимся. Мое поколение воспитывалось на героях гражданской войны, на легендарных подвигах, поэтому нам, молодым ребятам, хотелось во всем походить на них. В процессе этого отступления частенько приходилось заходить в дом покушать. И не было ни одного случая, чтобы

нас не накормили и не пригрели. Встречали нас обычные люди – крестьяне, они знали, что где-то на фронте защищают Отечество их сыновья, о которых тоже кто-то заботится.

В январе 1942 г. в г. Старый Оскол нас погрузили в эшелоны и отправили заканчивать училище в г. Ачинск в Сибири. После окончания училища в конце 1942 г. мне было присвоено звание лейтенанта, и я был направлен для прохождения службы под Москву. Наши артиллерийские части размещались вдоль реки Истра. Затем началась моя настоящая боевая служба в должности командира артиллерийской батареи. Воевал я на Юго-Западном, Западном, 3-м Белорусском, 2-м Украинском.

Никогда не забуду г. Будапешт, картины этого трудного времени до сих пор у меня перед глазами. Город Будапешт поделен на две части – Пешт и Буда, которые соединены мостами. Я пришел в 90-ю артиллерийскую тяжелую бригаду, когда бои были в основном у Буды. Помнится конец этого сражения, его невозможно забыть. Колоссальное количество немцев – 160000 тысяч – были прижаты к берегу Дуная и в итоге боев были - окружены. Немцы пытались помочь своим: сбрасывали на узкую полосу питание, боеприпасы, но, к их великому сожалению, все попадало не к ним, а к нам. Они пытались прорваться и помочь своим войскам, но попытка была пресечена, не имела успеха, поэтому в один из дней немцы решили пойти на прорыв. Рано утром, под различными уловками и хитростями, например, переодевались в белые халаты и говорили, что они в качестве сопровождающих ведут пленных русских. Наш дивизион стоял на ул. Будакесия, где находился женский монастырь. На территории монастыря стояли наши орудия. В течение 2-х дней дома на этой улице были своего рода опорным пунктом: мы заходили туда и брали хранившееся там вооружение, осуществляли из них перестрелки с врагом. Психологически было очень тяжело.

Конец войны меня застал в нескольких километрах от Австрии, в поселке Гагендорф. Спустя время, после войны нас должны были отправить на Восточный фронт к берегам Японии, но этого не сделали, и мы своим ходом отправились домой – на Родину. После войны мы с однополчанами ездили в Вену, в венский лес, к памятнику музыканта Иоганна Штрауса. Интересным фактом было то, что по приказу российского

командования во время наступления или ведения каких-либо операций нам было строго запрещено разрушать город, чтобы сохранить его красоту. Позже, для первых демобилизованных по возрасту, устроили банкет, на который пригласили артистов оперного Венского театра. Сначала они пели как-то настороженно, но позже запели так, что сердцу стало больно. А мы танцевали, пели, потом провожали их, как своих. В Краснодаре в 1946 году демобилизовался по собственному желанию в звании капитана. Хотел продолжить учебу в институте. Поступил в политехнический институт, окончил КИПП в 1951 году. Принимал активное участие в общественной деятельности института. Это у меня получалось еще со школы. После учебы меня оставили на работу в качестве ассистента на кафедре технологии жиров. В 1961 году защитил кандидатскую диссертацию, стал секретарем партийной организации, преподавателем кафедры, а позже стал деканом факультета технологии пищевых производств. Проработал в этой должности 12 лет. Избирался членом пленумов райкома и горкома партии, членом Райкома партии, депутатом Краснодарского городского совета.

Награды:

- орден Отечественной войны I степени,
- орден Отечественной войны II степени,
- орден трудового Красного Знамени,
- медали: «За отвагу», «За победу над Германией» и более 10 юбилейных медалей.

Февраль 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Непорада Татьяна Александровна***

Кантур Григорий Елизарович

От Кубани до Одера

Я родился 28 февраля в 1926 году в станице Челбасская, Каневского района, Краснодарского края. Русский, православный. Состоял в комсомоле; с 1961 по 1991 гг. - в КПСС.

До войны окончил 8 классов. Узнал о войне в поле колхоза, где работал во время летних каникул. Зарабатывал на учебники, одежду и пр. Дети колхозников все работали. Участвовал в боевых действиях с августа 1942 г. Вместе с отцом (зоотехником молочно-товарной фермы - МТФ) эвакуировали коров, телят, овец и др. молодняк колхоза им. Сталина в направлении Ставропольского края. Совместно отступали войсковые разрозненные подразделения. Нас преследовала, постоянно обстреливала и бомбила немецкая авиация, а в конце и регулярные войска Германии и сателлитов. Больше месяца под открытым небом, на земле, в поле, камышах, бурьянах скрывались от немецких войск, продвигались по низинам. Особые неприятности испытывали от встречи с румынскими войсками, как наиболее жестокими и склонными к мародёрству. Тяготы и лишения были одинаковы с солдатами. Разница в том, что солдаты вооружены и несли ответственность по присяге. Мы безоружны, а ответственность за доставку скота несли без присяги. Солдаты могли маскироваться, а стадо животных не так управляемо. Я был погонщиком, верхом на лошади без

седла, не слезая по 10-15 часов в сутки, в кровь растёртым, забитым задом, без всякой медицинской помощи. Каждый рассвет, скрипя зубами, превозмогая боль, садился на лошадь и скакал, собирая разбегающееся стадо. Был и смертельный риск при бомбёжках, обстрелах и стычках с частями германской армии.

Официально в действующей Красной Армии с 23.04.43 г. ст. Челбасская, ст. Кущевская, Сосыка, г. Прохладный, ст. Солдатская. 83 стр. полк, Северо-Кавказский фронт. Затем Сталинград, Давлеканово, военные лагеря под Кунгуром (Берёзовские) – 19 ОИПТД, 42 АП. В дальнейшем мой боевой путь в составе 57 артполка 95-й Верхнеднепровской, Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизии Гродно-Брест - 2-й Белорусский фронт под командованием маршала Рокоссовского, Люблин, Варшава, Радом, Лодзь, Познань, Гроссен, Кунерсдарф (Франкфурт на-Одере), Берлин, Торгау, Дессау, на р. Эльба - 1-й Белорусский фронт под командованием маршала Г.К. Жукова в должности командира отделения топоразведки, в звании – ефрейтор. Освобождал Белоруссию, Польшу.

Имел 19.01.45 г. ранение ноги с деформацией голеностопного сустава. После перевязки остался в строю. Рана быстро зажила, а в суставе к концу наступления развилось осложнение, даёт знать о себе и сейчас. Был контужен дважды звуковым ударом со значительной потерей слуха в апреле 1945 г. под Берлином.

По окончанию боевых действий переведён в батарею управления, а затем в штаб полка – начальником вычислительной команды штаба и электрифицированного миниатюр артполигона. После войны наш полк стал 54 гвардейским артполком, дивизия 21 - механизированной и переведена в 8-ю гвардейскую армию. Командующий армии – генерал-полковник В.И. Чуйков (Позже генерал армии).

В начале 1946 г. переведён в штаб командующего артиллерии 29 стрелкового корпуса. Командующий артиллерией – генерал артиллерии Зеленцов. Командир корпуса - генерал-лейтенант Хетагуров.

Участвовал в крупных штабных учениях и манёврах (ГСОВвГ, армейских, корпусных), где встречался по работе с

такими полководцами и военными деятелями, как Жуков, Рокоссовский, Ротмистров, Телегин, Воронов, Чуйков и др.

В юности (как большинство мальчишек) мне было интересно читать и смотреть фильмы о различных исторических сражениях. Я начал читать рано (с 4-5 лет). К 6-8 классу я знал походы и сражения А. Невского, Д. Донского, А. Суворова, Ушакова и Нахимова, Петра I, А. Македонского и Ю. Цезаря, Б. Наполеона и многих других. Среди предков и родственников были военные и герои. Мой дядя (брат отца) – капитан в отставке с трёхлетнего возраста тренировал меня всё делать по военному. Меня потрясли поражения нашей армии 1941-1942 гг. Возмущала и слабая подготовка к войне. Огромное болезненное впечатление произвело сравнение оснащённости отступающей Красной армии и наступающих немецких, румынских войск. Это мне пришлось видеть воочию, в период эвакуации и оккупации. Я уже тогда (15-17 лет) видел и понимал мощнейший мобилизационный принцип управления страной - всё подчинялось единому центру - жёсткому со времени революции 17-го года и Гражданской войны: «Кто не с нами, тот против нас», т.е. враг. Я учитывал и огромную территорию, и резервы, и в мыслях у меня никогда не было, что победит Германия. Я был уверен, что будет наша Победа, но всегда возмущался огромными жертвами. Где-то в мае-июне 1943 г. в нашем полку начали выявлять более грамотных солдат с целью направить в офицерское училище. Записали и меня. Но затем тех, кто был на оккупированной территории, не пустили и даже не присвоили сержантских званий. Меня это оскорбило. Это и сложившееся у меня мнение о бездарности многих военных утвердило остаться рядовым и быстрее вернуться на гражданку. Поэтому меня не интересовала военная карьера и вообще карьера.

В тылу среди военных я видел прислужников, иногда деспотов, как, например, старшина Юртов, за исключением бывших фронтовиков, получивших ранения, увечья и продолжавших службу в тылу. На фронте отношения были разительны. Здесь сразу определялись смелые, храбрые, любящие Родину и трусы, прислужники, выскочки. Война всё расставила на свои места.

То ли мне повезло, но буквально с первого дня пребывания в 57 АП я оказался в поле внимания высшего командования.

Возможно, это пошло от полковника, распределявшего пополнение. Распределяют просто, количественно. Я и ещё несколько человек сказали полковнику, что среди нас есть подготовленные специалисты не для всех родов войск, что на подготовку расходованы средства. Он дал команду специалистам отойти в сторону (около 30 человек). Подозвал троих к себе (в том числе и меня), показал карту и указал, как и куда нам нужно пройти, чем ориентироваться (≈ 15 км). Затем проверил нашу память. Меня он назначил командиром, и сразу же нас отправили. У меня была тогда действительно незаурядная память, и команда оказалась дисциплинированной. Мы шли быстро, где лесом, где кустарники и овраги. Всё врезалось в память так чётко. Через 2 часа мы уже были на месте, доложили, приняли без всяких документов. Очевидно, они были переданы другим способом. Позже мне предлагалось присвоение званий, в т.ч. офицерского. В декабре 1945 г., почти в приказном порядке генералом Зеленцовым, в 1946 г. - нач. штаба корпуса Моргуновым. Но я отказывался. Но везде командование относилось ко мне очень хорошо. Многие офицеры (старше меня в 2 раза по возрасту) со мной обращались как с равным. Считали, что у меня железная логика, смелость, память и обширные знания.

Призыв

Официально призвали в Красную Армию 22.04.1943 г. Пешком в райцентр – станица Крыловская (19 км). Затем ночью маршем, где-то пошли вблизи лесополосы, железной дороги. Сопровождающее начальство верхом на лошадях, а мы пешком. Налетели «мессера» и «фокевульфы»: осветили и побомбили и обстреляли. Мы залегли у насыпи железной дороги, а начальство (сопровождающее) куда-то ускакало и появилось лишь часа через 2-3 часа (к утру). Удивилось, что никто из нас мальчишек никуда не убежал. Так без сна и отдыха прошли около 90 км. К вечеру пришли на ст. Кущевская. На кучах мусора и развалин привал. Кто сразу уснул. Я не смог, так как напали блохи. Поразительно, откуда их там оказалось такое скопление? Они буквально отрывали и поднимали одежду от тела и бегали по нему, жгли укусами. Днём погрузили в «телятники» (16-тонные грузовые вагоны) прямо на пол по 100

человек. Сидели на полу чуть ли не друг на друге и поехали. «Катали» нас более суток.

1-я в/часть г. Прохладный. Кажется 83 стрелковый запасной полк. Мы в гражданской одежде. Территория непонятной геометрической формы, наспех ограждённая двумя проволоками, у берега р. Малка. Полуразрушенный маленький домик (штаб полка) и примыкающая к нему длинная кирпичная бывшая стена. Вернее остатки стены, так как не превышала одного метра. Кучи битых кирпичей. В бывшем садике несколько сгоревших немецких автомобилей. Нас распределили по отделениям, взводам, ротам, батальонам и дали командиров. У меня сержант азербайджанец: «Станови! Равайсь!.. и не шаволис…». Пару недель (в своей гражданской одежде) спали прямо на земле, под открытым небом. Плохо было в дождь: и мокро, и грязь. Постепенно мы «благоустраивались». Вырыли в земле канавы для сиденья и столы. Ели из котелков (один на двоих), ложек не было, пришлось вырезать из тополя (деревянную). Кормили хорошо. Вырыли ямы для «туалета», не огороженные территориально. На второй день по топору и пиле на отделение - и за 14 км в лес. Спилив дерево и отделив ровные ветки, хворост связывали в кипы килограммов на 15-20 и «на плечо». Бревна тоже на плечо и шагом марш. Бревно на четверых, хуже, пока дотащишь, на плечах ссадины, так как не всегда идёшь в ногу, да ещё свалишься в воду при переходе через речушку по бревну. И так ежедневно. Более сильные ходили в лес, а физически слабее и ленивее ставили брёвна-столбы у «стенки», затем потолок, крышу, из хвороста – нары. Через две недели мы уже спали под «крышей», сшили большие мешки и сделали матрацы, набив соломой. Дали одеяла с дырами. Такая постель считалась королевской. В то время любая постель казалось королевской. Целый день на ногах, и спалось здорово. «Подъём!», - слышишь, а подняться не сразу. Но дисциплина была железной, и мы скоро привыкли. Наконец выдали обмундирование: гимнастёрки и штаны, подобие «галифе» и шляпы голубовато-серого цвета хлопчатобумажные иранского производства, ботинки с негнущейся подошвой и обмотки двухметровые американские.

Созданы комсомольские ротные и батальонные организации, соответствующие бюро и комитет комсомола. Комсомольским бюро руководил Кадыгроб Николай Александрович,

мой земляк, (ныне заслуженный профессор Кубанского университета, экс-проректор по учебной работе). Другой мой одностаничник Карпенко Павел Степанович (бывший зав. гороно, крайоно, ныне пенсионер) стал запевалой и поэтом, а я художником. Вместе мы организовали 2-3 выпуска сатирического агитжурнала «КА-КА-КА» (кар-кан-кад). Я рисовал карикатуры на гитлеровцев, Карпенко писал к ним стихи, Кадыгроб – вдохновитель, организатор и редактор. Рисовал на фанерных щитках. «КА-КА-КА» сразу получил успех, популярность среди солдат и офицеров, а мы – признание и уважение.

В Прохладном мы пробыли мало. Оттуда нас распределили по разным частям и родам войск. Я вначале попал в команду, которую собирались направить в пехотное (Махачкалинское, кажется) училище. Направили нас в ст. Солдатскую. Там мы рыли землю, делали учебный плац, маршировать учились, колоть «длинным» и «коротким». Я был противотанкистом, в училище нас не послали. Поехали мы в Сталинград, а оттуда в Чишму и Давленапово под Уфу, где, в основном, пришлось косить сено и заготавливать лес. Затем в Свердловской области на обмолоте урожая ржи и косьбе сена и вики. Здесь нас кубанских 17-летних парней в деревне Ячменевке было 16 человек. Мы показали там, как нужно по-хозяйски работать. Если ток с молотилкой обслуживало около 50 человек, то мы (16 человек) и 3 женщины (одна трактористка и две уборщицы), т.е. всего 19 человек за один день делали столько, сколько местные за неделю. Но главное – это качество работы. Нашу работу приезжали смотреть с других соседних районов. Но не только работу, вечерами мы пели (хором) кубанские песни. Эти песни слышно было за несколько километров, и люди приходили послушать не только с Ячменевки, но и с других деревень.

Оттуда я был направлен в 19 ОИПТД (отдельный противотанковый истребительный дивизион). Здесь я был наводчиком 32 мм орудия и был принят в комсомол, так как мы хотели на фронт идти с комсомольским билетом. Служба в 19 ОИПТД была довольно нелёгкой. Морозы свыше 50^{0}С, трудности с питанием (на завтрак - мороженая капуста, на обед – щи из мороженой капусты с мороженым картофелем, на ужин – солянка из мороженой капусты). Переболели все пиодермией. От пяток по грудь, а выше фурункулы и карбункулы. На базе 19

ОИПТД был сформирован 42 запасной артиллерийский полк. Командир полка – полковник Кегелес Леонид Семёнович. Вот уж тесен мир. А теперь его сын – Кегелес Валерий Леонидович – зав. кафедрой теоретической механики КубГТУ. Я попал в батарею управления, взвод топовычислительный. В артполку условия службы были намного лучше и мы, что называется, ожили.

2-ой Белорусский фронт

В июле 1944 г. из 42 артполка группу около 100 человек различных артиллерийских специальностей направили для пополнения под г. Брест в распоряжение 2-го Белорусского фронта. Из них человек 20-30 (в т.ч. и я) были зачислены в 57 артиллерийский полк 95 стрелковой дивизии. Я с земляком из г. Ейска Уваровым В.П. оказался в одном взводе управления в качестве топографа-вычислителя и разведчика. Полк стоял в лесу на отдыхе и пополнении недалеко от переднего края. Жили мы в блиндажах. Для каждого отделения свой блиндаж – землянка с деревянным «накатом» (1-2 слоя брёвен, веток на потолке), сверху земля. Несмотря на отдых и пополнение, все батареи и каждое орудие занимало боевую позицию, имело пристрелянные реперы, а также запасные позиции, и могло вступить в любой момент в бой, что и произошло недели через две. Что затевали немцы, знало лишь «высокое» начальство, но бои происходят часто за овладение высотками и другими участками, улучшающими позиции. Помню только, что после небольшой артподготовки немцы двинули тяжёлые танки и СУ. Наша пехота не выдержала (боялась «тигров»). И нашему полку пришлось открыть заградительный артогонь. Отсечь танки от пехоты. Было подбито несколько танков. Другие повернули обратно. Наш полк был отмечен командующим артиллерией дивизии за своевременные и чёткие действия. Были и другие боевые эпизоды, но пехота в нашей полосе теперь не боялась танков, чувствовала поддержку артиллеристов – бога войны. Были и просто курьёзные случаи. Наш блиндаж был в 15-20 м от штаба полка. При штабе дежурили всегда два посыльных. Иногда заглядывали к нам погреться. В эту злополучную ночь рядовой Рамазанов (башкирец) зашёл погреться, мы спали. Зузанов Карп дописывал письмо и докуривал в меч-

тах «закрутку» махорки. Небрежно бросил окурок и попал в ящик с порохом («макаронами»). Порох вспыхнул. Карп и сам бы погасил, да Рамазанову уж очень хотелось помочь сержанту… Он схватил на полке банку (она оказалась с керосином - около 3 литров) и выплеснул всё в огонь, попав частично и на сержанта. Устроили нам боевую тревогу. Блиндаж прогорел, провонялся. Фрицы заметили и выпустили по нам несколько мин. Мы ещё двое суток мучились в полуразрушенном вонючем блиндаже. А Рамазанов «отдыхал» на «губе». Зузанов Карп возмущался: «Везёт же татарину».

1-й Белорусский фронт

Наша дивизия (а может быть и армия) была передана 1-му Белорусскому фронту. Новый район дислокации был уже в Польше, недалеко от г. Люблин, деревня Зимбожицы. Здесь полк окончательно пополнился. Мы, топографы-разведчики, выполнили привязку основных и запасных позиций батарей, рекогносцировку местности, уточнили топографические карты. За годы войны исчезли лесные массивы, отдельные фольварки, заводы и т.п., даже «убраны» тригонометрические пункты. В этой работе нам помогали поляки. В Польше население неустойчивое и ненадёжное. Везде, что ни спроси, ответ один: «Шистко герман забрав». Спросишь дорогу или туалет (нужник) – ответ тот же. В одиночку не ходили. Были нападения, предательства. Только сформировали Польскую Армию, как вдруг целый полк дезертировал. Занимались мы и поимкой дезертиров.

Я прилично знал украинский язык, учил в школе немецкий. Это мне помогло в общении с поляками. Уже через пару недель я мог читать по-польски. Осмотрели Майданек – один из концентрационных лагерей, созданных гитлеровцами. В этом лагере удушали газом в специальных газовых камерах, сжигали, истязали. Всего было замучено около 1,5 млн. человек.

В декабре 1944 г. наш полк занял боевые позиции на Вислинском плацдарме юго-восточнее Варшавы (Пулавский).

В январе 1945 г. наши войска освободили другой концентрационный лагерь на польской земле в г. Освенциме. В этом лагере фашистами было истреблено более 4 млн. человек.

Плацдарм (от фр. place d'armes – площадь для армии).

Полоса земли вдоль западного берега р. Вислы, юго-восточнее Варшавы. Между г. Люблин и г. Радом, в районе населённого пункта Пулавы, протяжённость около 13 км и 3-4 км в глубину, позже был расширен до 7-8 км в глубину. Территория вся в «оспинах» воронок и «шрамах» окопов, ячеек, блиндажей.

Конец декабря 1944 года. Песчаный берег промёрз почти на метровую глубину. Впереди за низиной, оврагами, брошенными окопами – минные поля – нейтральные зоны. Дальше проволочные заграждения. За ними немцы. Их не видно, но тренированному глазу заметны сплетения траншей и др. сооружений обороны. Позади катятся холодные декабрьские мутные воды Вислы, покрытые крошеным льдом.

То тут, то там вздымаются фонтаны воды – падают снаряды и мины дальнобойных, не дают наводить новые переправы и переправлять пополнения. Переправы хорошо пристреляны и днём разбиты. Там, вдали от берега, уже подготовлены секции новых запасных переправ. В ночное время подвозят, за считанные минуты собирают, и без шума переправляется пехота. А вот с тяжёлой техникой без шума не обойтись. Немцы не спят. Такой огонь устроят: и переправы разворочены и техника с людьми под водой. Но солдат находчивый народ: устанавливали отдельные секции понтонов на колёса вместе с переправляемой техникой (орудия, боеприпасы) и с помощью канатов, вручную как бурлаки, перетаскивали на другой берег.

На всей территории плацдарма, над головой то и дело слышались свист падающих мин и шорох пролетающих снарядов. Вспыхивают всплески огня и дыма, лопаются мины, с сердитым воем летят осколки вперёд, как бритвой срезая всё на своём пути. Более тяжёлые мины и снаряды взрываются с оглушительным треском, разворачивая и разбрасывая мёрзлую землю. Бросишься в такую рану-воронку и чувствуешь тёплую землю (почти как на лежанке дома). Тепло струится из земли, как кровь из раны солдата.

Огонь ведётся методично. Все уже привыкли к этому, и любой солдат (даже молодой) безошибочно по звуку определит, что летит: мина или снаряд, какой калибр и где упадёт, нужно ли ложиться или пригнуться.

Иногда вдруг наступает на несколько минут непривычная тишина, чаще сменяемая артналётом из тяжёлых орудий и

«ишаков» (многоствольных миномётов). Реже налётом штурмовиков-бомбардировщиков, а то и самолётов-снарядов. Тогда раскалывается небо в оглушительном грохоте взрывов; вздрагивает, раскачивается и стонет земля; плывёт по поверхности тяжёлый, густой, едкий и тошнотворный дым, заползая во все щели. Неприятные минуты. И трудно определить, что задумал противник: плановый артналёт? разведка боем? или артподготовка к атаке для ликвидации плацдарма? Ведь плацдарм – это ворота для дальнейшего наступления.

Днём на переднем крае всё живое под землёй, в окопах, ДЗОТах, ДОТах, НП. Передвижения только по траншеям. Высунешь голову - угодишь на мушку снайпера.

Первейшей задачей было окопаться. Земля промёрзла больше, чем на полметра и сапёрной лопаткой рубить её нелегко. Не успели мы и котлован под блиндажом вырыть, нам пришлось по тревоге тушить пожар на «складе» боеприпасов «РС» (реактивные снаряды). Немцы обстреливали переправу самолётами-снарядами. Один из них упал на штабель реактивных мин, разбросал их и поджёг. Почти всю ночь мы растаскивали горящие ящики с минами и снарядами. Работа была опасной и не без жертв. Горящие реактивные мины расползались и разлетались во все стороны фейерверком, иногда попадая в солдат. Шёл густой снег, и мы промокли насквозь. Но в основном всё закончилось для нашего отделения благополучно, нас обещали за мужество предоставить к наградам. Вздремнуть пришлось в воронке от бомбёжки. Выпив 100 грамм спирта и закусив тушенкой, я завернулся в кусок брезента и мгновенно заснул. Проснулся поздно утром. С большим трудом выбрался из обледенелого и замёрзшего в трубу брезента.

На плацдарме жизнь была и тревожной, и насыщенной. На поверхности земли совсем было неуютно. Всё время кругом раздавались свист и взрывы мин и снарядов, непрерывные бомбёжки, воздушные бои над головой. Старые, уже обжившиеся здесь, солдаты вели, казалось бы, самую обыденную жизнь. Мы, молодёжь, ещё не привыкшие, - по-разному: одни дрожали при каждом близком взрыве и визге бомбы или мины, у других побеждало любопытство, даже азарт познания и зрелища боя, они забывали об опасности, вылезали из укрытий, несмотря на строчки пулемётных очередей, наблюдали, как

наши ястребы сражались с немцами, «мессерами» и «фокевульфами». Мы быстро научились по звуку различать в полёте мину, бомбу, снаряд, их калибр и место падения. Это было очень важно, так как те, кто не различал и боялся, падал на землю постоянно. Мы вырыли уже небольшой котлован под блиндаж. Проблема была, чем его накрыть. Обычно накрывали брёвнами в два наката (слоя) и сверху засыпали землёй. На территории плацдарма леса не было. Если и были раньше деревья, то их «скосили» огнём и израсходовали на дровишки. От деревушки остались только груды глины и небольшие щепы, чудом сохранившиеся под завалом, а затем вновь выброшенные взрывами. Местность, слегка пересечённая (всхолмлённая), вся изрыта окопами, траншеями, блиндажами. Нейтральная полоса проходила по низине. Дальше окопы, траншеи противника. Высотки с лысыми (облезлыми) крутыми склонами и покрытыми лесом вершинами. Всё это там, куда мы должны со временем наступать, что должны штурмовать. Но нам повезло, пехотинцы перешли на новое место, и нам оставили большой благоустроенный блиндаж, очевидно доставшийся им ещё от немцев. Здесь были даже деревянные нары, порядочно соломы, правда уже настолько потёртой, что она превратилась в полову.

А сейчас главная наша задача – удержать плацдарм, изучить расположение противника, его боевые позиции, огневые точки, и совсем не стремиться их сразу же уничтожить. Да это нам, в нашем положении, было и не под силу. Мы «засекали» цели, наносили их на планшеты-карты, определяли координаты, подготавливали данные для артиллерии, чтобы в нужный момент их «накрыть», подавить, уничтожить, а не вспугнуть. А для того, чтобы уничтожить, нужно было подтянуть, накопить достаточное количество орудий, миномётов, снарядов.

Нашему взводу топоразведки была поставлена задача, кроме привязки наших основных и огневых позиций, выявить и определить координаты отдельных орудий и батарей, зарытых, укрытых самоходных установок, танков, пулемётных гнёзд, ДЗОТов, ДОТов и других огневых точек, траншей, наблюдательных пунктов и прочих, постоянных, запасных и ложных мест противника, и последующей подготовки (расчёта) данных для стрельбы наших артиллерийско-миномётных батарей. Раз-

веданные цели сверялись с разведанными аэрофотосъёмкой и другими способами.

Несмотря на постоянный обстрел и бомбардировку переправ, повреждения быстро устранялись, ночами сооружали новые переправы. На плацдарм и к переправам подтягивались всё новые войска, накапливались боеприпасы. Чувствовалось, что готовилось новое наступление.

Однажды вечером разведка сообщила о перемещениях большого количества (около 500) танков противника. Мы пару суток были в напряжении. Отступать нам было некуда - позади ледяная вода Вислы, впереди - в десятки раз превосходящие силы противника. Но на другом берегу реки нас подбадривала наша дальнобойная. На следующую ночь начался сильнейший массированный артобстрел наших позиций, казалось настоящая артподготовка. По переправам били тяжёлыми минометами и самолётами-снарядами. Земля дрожала и казалось раскалывалась от взрывов. Всё заволокло удушливыми газами. У некоторых кружилась голова. Окопы разрушались, сравнивались с поверхностью. В «воздухе» смерчем летели комья земли, осколки, колыхалась стеной мерзлая мокрая пыль. Дышать становилось труднее. Напряжение росло. Прямые попадания в штабеля боеприпасов разбрасывали их и частично взрывали, создавая фейерверки, особенно разрывные и трассирующие. Эта ночь была адом не только для молодых. Некоторые скулили. Старшие угрюмо молчали, думая о своём тяжёлом положении, успокаивали: «Не хныкать!». Я не скулил, про себя думал всегда: «Чему быть, того не миновать». Досадно было погибнуть бездарно, от шальной пули, осколка. Думалось подороже отдать жизнь и не попасть раненым в плен. Позже я думал, что мы пережили 15-20 минут ада массированного артобстрела, а что люди ощущали после двухчасовой артподготовки, где на каждый квадратный метр упало несколько снарядов. Нужно отметить, что окопы и блиндажи у немцев были во много раз прочнее наших. А непосредственно в Германии подвалы зданий непробиваемы и фугасами.

Готовились к отражению атаки танков. Однако уже через 15-20 минут стало ясно, что это «разведка боем». Всё же эти 30-40 минут многим молодым из пополнения запомнились крепко и пригодилось как испытание мужества, выдержки.

Числа 12-13 января 1945 г. мне, Монько и Уварову было дано задание промерить ширину нейтральной полосы. 13 января весь день на самом переднем крае. Ещё раз смерили промеры нейтральной зоны, вероятные минные поля и возможные проходы, защищённые от обстрела прямой наводкой. Всё доложил, всё согласовали с пехотой. Уже ночью около 2.00 добрался до своего блиндажа, впервые за неделю снял сапоги.

Но спать пришлось недолго. Проснулся не столько от грохота взрыва, сколько от жгучей боли в ноге. Грохота и не слышал. Шальной тяжёлый снаряд попал в угол блиндажа, разворотил перекрытия. В мою ногу чем-то угодило. С трудом открыл глаза. В блиндаже полыхало пламя, ребята ошалело выскакивали из блиндажа. Боль в ноге куда-то отодвинулась, блиндаж быстро наполнился дымом. Я схватил в охапку карабины своего отделения и выскочил из блиндажа наружу. Здесь уже были почти все ребята, кто в чём попало.

Артподготовка

Вдохнув свежего воздуха, хотел броситься вновь в горящий блиндаж, как вдруг темноту озарили тысячи всплесков огня, небо раскололось от грохота тысяч орудий и миномётов, Земля, кажется, закачалась. Вокруг стало светло от непрерывных вспышек выстрелов, всё слилось в сплошной рёв тысяч раскатов грома и молний, даже «повизгивание» «Катюш» тонуло в сплошном неистовом грохоте. Я замер в оцепенении от величественной картины разгневанного, разбушевавшегося «бога войны». Поразительно, и днём, и вечером будто и не было батарей, а теперь они покрывали всё поле. Орудия при каждом выстреле подпрыгивали, как огромные лягушки на привязи, изрыгали огонь и металл. Вокруг метались расчёты, бросая в замки снаряды и мины в стволы со скоростью, на сколько хватало им ловкости и сил.

Как не потрясающе величественна картина артподготовки, но сверлящая мозг ответственность за спасение вооружения, приборов, карт, планшетов заставила меня оглянуться и снова броситься в горящий блиндаж. Там ведь главное наше вооружение: приборы, карты, документы, планшеты.

В блиндаже уже горели нары, стены, потолок, и он напоминал большую печь. Нельзя было медлить ни секунды, я схва-

тил ящик с приборами и в одно дыхание выбросил наружу. Моему примеру последовали другие. Но были остановлены огнём, настолько сильно уже разгоревшимся и под нарами, где в соломе были разбросаны и патроны, и запалы гранат, которые начали рваться, брызгая осколками и углями во все стороны. Лишь один Монько, самый низенький и смелый паренёк, и я раз за разом бросались на четвереньках в огонь. Главное - приборы, карты, планшеты были спасены.

Я отделался небольшими ожогами и царапинами. И только теперь я почувствовал, что нога моя и не моя – ныла, побагровела и распухла.

Некоторые ребята оказались без шапок, телогреек, которые сгорели в огне или настолько подгорели, что никуда не годились.

Артподготовка продолжалась около двух часов. Стволы у пушек уже светились от накала, были малиновыми.

Вначале немецкие снаряды падали вокруг, нам было не до них. Мы спасли имущество. Наша артиллерия полностью подавила все огневые точки противника, буквально залила их огнём, засыпала землёй. Уже стало светло, в небе появились штурмовики «илы», они наносили бомбовые удары по опорным узлам немцев. Наши истребители «Яки» опрокинули и погнали появившиеся немецкие самолёты.

Артподготовка подходила к завершению. Начался 2-й этап артнаступления – огневой вал. Поднялась пехота и, сопровождающая её, полковая артиллерия и двинулись к первой линии обороны немцев. Пошли и танки. Теперь артогонь по переднему краю не вёлся, а переносился в глубину на 2-е и 3-и рубежи немецкой обороны и перемещался в соответствии со скоростью передвижения нашей пехоты и танков. Начали продвигаться батареи и нашего полка. Вначале 76 мм, затем и 122 мм пушки. Продвижение было очень сложное, так как вся земля была изрыта противотанковыми рвами, окопами, разрушенными траншеями, ДОТами, ДЗОТами, опутана рядами проволочных заграждений, множеством всевозможных минных ловушек. Снизу взрывались мины, сверху шлёпались снаряды дальнобойных, иногда настигали и пулемётные очереди из уцелевших ДОТов. Но все было подчинено движению вперёд, вперёд! Каждый стремился пройти уже по проторенным про-

ходам. Это создавало толчею… Пехоте проще, а вот пушки протащить сложно.

Число переправ за время артподготовки увеличилось в несколько раз. По ним теперь бесперебойно переправлялись всё новые и новые части и устремлялись вперед.

3-4 оборонительных рубежа немецких войск попали под сокрушительные удары артиллерии и авиации и не смогли организовать сопротивления и отхода. Сплошь разрушенные позиции, перевёрнутые орудия, миномётные установки, сожжённые танки, множество трупов.

Уже наступали сумерки, а мы ещё не преодолели всю глубину обороны. Конечно, и у нас были потери. Жуткие эпизоды, особенно для новичков. Вот скрюченный солдат стонет, не может подняться, так как остался без ног… На проволочных заграждениях другой, с распоротым животом, одной рукой поддерживающий полувыпавшие кишки, умоляюще просит: «Братцы… Братцы, возьмите меня…». Поразительно, как это он в сознании… Уже почти темно. Идёт редкий снег… А братцы идут и идут вперёд. Ведь раненных подбирают спецотряды. Поднимут ли, найдут ли в темноте? Да, война есть война… Жестоко… А задерживаться нельзя. Ещё больше может быть жертв.

Наконец вышли на оперативный простор. Обошли Варшаву. Немецко-фашистские войска беспорядочно, панически отступали. В Варшаве началось восстание. Варшава наполовину была разрушена. Я видел разрушенный Сталинград, стёртый Смоленск и другие города. Груды развалин Варшавы мне показались горами.

Наступление (вернее уже преследование) проходило и днём, и ночью и так стремительно, что временами наши части оказывались впереди отступающих немцев. Так оторвались три автомашины, часть батареи управления и две пушки. И не могли в течение суток установить связь ни со штабом, ни с подразделениями полка. Впереди оказалась река и взорванный мост, слева и справа – лес. В лесу немцы. Ночь. Нас пытались объехать две немецкие спецмашины. Мы их остановили и обстреляли. Немцы бежали в лес. Нас всего 18 человек, к тому же мы были плохо вооружены (у каждого по 5-10 патронов). Быстро развернулись и по той же дороге назад. Через 10-15 км опять немцы. Куда теперь? Опять вперёд. Ещё через 5 км мы

остановились в усадьбе поляка. Остановились, заняли оборону. Ночь, в лесу мелькают фонарики, гул машин… Верный признак – немцы. Они тоже не знают где кто. Вот так не иметь радиосвязи и иметь беспечность… Всю ночь в напряжении. Утром несколько успокоились. В разведку не пошлёшь: нас очень мало, только себя обнаружишь. Да и так ясно, что в лесу немецкие войска и их во много раз больше, чем нас. И вдруг из леса лавина кавалеристов – сотни полторы. И во весь опор прямо на нас. Мы залегли за насыпь дороги. Из своих двух пушек начали стрелять прямой наводкой. Уже передние в 70 метрах от нас. Открыли и мы огонь. Стрелять только прицельно. Каждый патрон беречь. Они затормозили, но нас могли бы подмять, если бы слева не ударили бы по ним из крупнокалиберных зенитных пулемётов. Помогли нам зенитчики 1-го Украинского фронта. Мы с ними оказались на стыке. Конница была рассеяна, но некоторые всё же успели скрыться в лесу. Мы взяли в плен 13 человек власовцев.

Второй, довольно драматичный эпизод. В начале февраля перешли границу Германии, форсировали р. Одер. Наш самоходный дивизион (СУ-76) ворвался в г. Гроссен и попал в засаду фаустников. Так называли отряды истребителей танков. Это было новое тогда оружие немецкой армии. Фаустпатрон – прототип современных гранатомётов, выстреливал миной массой от 3 до 5 кг, с кумулятивным эффектом. Такая мина продавливала (прожигала) броню толщиной до 200 мм и взрывалась внутри танка. Дивизион был расстрелян в упор. Чудом остался командирский танк Т-34. Это были самые ощутимые потери полка в этом наступлении. Наши артиллеристы ураганным огнём по окнам подвальных помещений уничтожали фаустников. Пехота захватила много неиспользованных фаустпатронов и тут же применила их против немцев, расстреливая не только бронетехнику, но и подвалы.

И всё же из всех операций (наступлений) Красной Армии в Отечественной войне эта была одной из самых великолепных. Благодаря внезапности, очень чёткой организации массированного артнаступления и подавляющего превосходства в воздухе были разгромлены не только обороняющие силы, но и резервы. Потери наши были ничтожны по сравнению с немецкими. За 40 дней пройдено более 570 км. Полностью освобождена территория Польши, Западной Германии, форсирована р.

Одер, открыты ворота на Берлин. Германия потеряла почти всех своих сателлитов.

Наш полк передислоцировался из г. Гроссен в знаменитую деревню Кунерсдорф под Франкфуртом-на-Одере, где русские войска в 1759 г. под командованием генерала П.С. Салтыкова разгромили прусскую армию Фридриха II, получив ключи от Берлина. Через 186 лет русскому солдату вновь пришлось брать ключи от Берлина.

Награды:

- орден Отечественной войны II степени;
- медаль «За отвагу» - 3 шт.;
- медаль «За победу над Германией»;
- медаль «За взятие Берлина»;
- медаль «За освобождение Варшавы»;
- юбилейные награды – 10 шт.

Февраль 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 3 курса Кубанского государственного технологического университета ***Богинович Елена Геннадьевна***

Карюков Валентин Дмитриевич

В воздухе советский бомбардировщик

Я родился 11 октября 1922 г. на Кубани в городе Славянске. Мои родители - русские кубанцы. Был членом КПСС. В 1940 г. окончил среднюю школу в Славянске и поступил в Краснодарское летное училище. В Краснодаре я проучился до мая 1941 года, а после наше училище перевели в город Канск Красноярского края.

Началась война, а я продолжал учиться в Канской авиационной школе до мая 1942 года. Выпускников из нас не получилось, так как у самолетного парка была большая нехватка самолетов, и нашу летную школу расформировали, а курсантов направили в Новосибирское пехотное училище, хотя мы проучились вместо одного учебного года - полтора.

Пехотное училище мы должны были окончить через 6 месяцев, но бои под Сталинградом заставили командование всех курсантов нашего батальона (он состоял полностью из курсантов летной школы) направить на укомплектование гвардейских частей Советской армии. Так я попал в 24-ую гвардейскую стрелковую дивизию рядовым солдатом с двухлетним стажем учебы в летном и пехотном училищах.

Определили меня в 50-й гвардейский артиллерийский полк во взвод полковой разведки. Через месяц, то есть в декабре 1942 года, нашу дивизию направили на Сталинградский фронт, где мы вели бои по удержанию окружения Сталинград-

ской группировки. Задача нашего взвода была - обнаруживать огневые точки противника и вести корректировку артиллерийского огня наших дивизионов.

Бои были жестокими, переходы - изнуряющими, но жажда окружить и победить немцев требовала стального напряжения человеческих сил. Сталинград был окружен и враг начал сдаваться. Закончив Сталинградскую операцию, наша 24-ая гвардейская стрелковая дивизия влилась в Донской фронт, и начались бои за освобождение Дона. Это была зима и начало весны 1943 года. Мы шли к Миусу, где сильно укрепились немцы. Был освобожден Новочеркасск, Ростов. Неожиданно в апреле 1943 года пришел приказ товарища Сталина об откомандировании летного состава из наземных войск в военно-воздушные войска Советской армии, и вот в апреле я был переведен с оставшейся группой бывших курсантов (а их осталось 22 человека из 180) в 224-ую авиационную бомбардировочную дивизию, в которой я продолжил свой боевой путь от Миусского плацдарма до Кенигсберга в должности штурмана пикирующего бомбардировщика ПЕ-2. Последние бои были в апреле месяце 1945 года по уничтожению Кенигсбергской крепости.

Мой боевой путь – это путь боевой славы моего 135-го гвардейского Таганрогского Краснознаменного орденов Кутузова и Александра Невского авиационного бомбардировочного полка 6-й гвардейской БАД. Он начался с аэродрома города Сальска и прошел через Сальские степи, Дон, Донбасс, Украину, Днепр, Крым, Белоруссию, Литву, Пруссию. С 18-ти боевых аэродромов я совершил 156 боевых вылетов. А каждый вылет – это смертельный бой, из которого ты должен выйти победителем. Это путь боевой славы полка, в котором мне пришлось быть участником, продолжался до конца Великой Отечественной войны.

Каждый боевой вылет – это отдельный боевой эпизод, это боевое умение, военная хитрость и боевая смелость. Бои были жестокие. Нас в воздухе подстерегали истребители противника, зенитная артиллерия и другие неприятности. Обычно, цель, которую нужно было бомбить, находилась в пределах 20-50 км от линии фронта. Но прежде, чем выйти на цель и сбросить смертельные бомбы, необходимо было преодолеть зенитный огонь при переходе через линию фронта, это 5-10 минут сплошных маневрирований на высоте и направлению в море

зенитных разрывов, а после - встреча с истребителями противника. Правда, бомбардировщики прикрывали от истребителей противника наши истребители, они сопровождали нас от фронта до цели и обратно, но иногда в ходе воздушного боя немецкие истребители прорывались к бомбардировщикам, и тогда шел бой с истребителями противника, вот когда нужно было умение летчика держаться в строю звена (3 самолета), иначе оторвавшийся самолет становится жертвой вражеских истребителей. Нужно было умение стрелка, радиста и штурмана - хорошо стрелять из пулемета. Но вот и видна цель, командир эскадрилий ведет девятку бомбардировщиков к цели, но снова зенитный огонь, защищающий цель, её нужно умело преодолеть и точно сбросить бомбы. Результаты бомбометания оценивались фотоконтролем и подтверждением наших наземных войск или разведкой. Обратный путь от цели сопровождался зенитным огнем у цели и у линии фронта, а иногда воздушным боем. Каждый вылет – это бой жестокий, и без потерь моих боевых друзей редко обходилось.

Война - смертельная жестокость, и наш боевой путь усеян останками десятков моих боевых товарищей. Сейчас, когда прошло много лет, не забывается тот кошмар, который пришлось пережить.

Летом 1943 года мы получили боевое задание с шестеркой бомбардировщиков нанести бомбовый удар по Таганрогскому морскому порту. Нас сопровождали 4 истребителя. К цели мы добрались спокойно, отбомбили порт, приближался вечер. И мы стали делать разворот после сбрасывания бомб. Штурман подтвердил сброс, но бомбы могут зависнуть из-за технических неисправностей, и бомбы сбрасываются не по цели, так как цель ушла. Вот так было и на этот раз. На развороте при сбросе бомбы в 250 кг она полетела на город и попала в немецкое казино, где проходил банкет немцев. Потом удивлялись жители Таганрога, как могли летчики так точно попасть в цель.

А вот какой случай произошел при освобождении Донбасса. Мы дивизией, в состав которой входило более 100 бомбардировщиков и не меньшее количество прикрывающих истребителей, нанесли удар по крупному аэродромному узлу противника в городе Сталина (Ворошиловград). Это было в 6 часов утра, вылет был очень удачным: много самолетов сожгли,

вывели из строя полностью аэродром, и вот на развороте одна аварийная бомба 500 кг улетела от аэродрома за 5 км и попала в летную столовую, где происходил завтрак летчиков. Половина летного состава была уничтожена. Вот так случайность иногда помогает.

В марте 1944 года я воевал на 4-ом Украинском фронте. У немцев под Севастополем на кусочке земли, выдвинутом в море, располагался немецкий аэродром – Херсонес. Это единственный аэродром на всем Севастопольском плацдарме. Он был для наших войск как бельмо на глазу. Нашей дивизии бомбардировщиков была поставлена боевая задача - вывести из строя аэродром противника. Первый массированный налет был нанесен сотней бомбардировщиков нашей дивизии и двумястами истребителей, которые нас прикрывали. При подходе к цели, километров за 20, нас встретил сильнейший зенитный огонь. Одновременно стреляло более ста зенитных установок среднего и большого калибра - море одновременных разрывов. Нужно было обладать большим мужеством, чтобы не дрогнуть, не отвернуть от цели, маневрируя в море разрывов, мы приближались к цели, мы преодолели эту смертельную стену разрывов и нанесли одновременно удары по аэродрому и морским бухтам Севастополя. Очень больно, но мы в этом бою потеряли 9 самолетов и 27 наших боевых товарищей, но боевая задача была выполнена. Я был в группе, которая бомбила аэродром. После освобождения Крыма, мы ездили в Севастополь и проезжали мимо района расположения зенитных орудий. Их было так много, что трудно было пересчитать, но мы их победили, так как были сильны жаждой мщения за поруганную и разоренную нашу страну. Последующие вылеты по этому аэродрому мы наносили каждый день в течение недели. Днем мы бомбили, а ночью немцы восстанавливали взлетную полосу. Когда мы подлетали к линии фронта, немцы уже об этом знали и взлетали, и уходили в открытое море. Они нас не встречали в зоне зенитного огня, так как боялись быть сбитыми огнем своих же зениток. Мы, отбомбившись, уходили в море и делали разворот. Вот в этот момент немецкие истребители нас атаковали, и завязывался бой, но часто на развороте кто-нибудь из моих товарищей отрывался от группы и становился прекрасной целью. На него нападала четвертка или

двойка вражеских истребителей, и исход часто был печальным.

Меня на фронте сопровождало везение. За 2,5 года, проведенных на фронте, были случаи, когда смерть кружилась совсем рядом.

Был случай, когда я был в 50-м артиллерийском полку. Располагались мы у реки Дон. От нашего разведвзвода осталось всего 3 солдата и нас временно, до пополнения, распределили 2-х солдат в штаб, а меня в распоряжение оперативного уполномоченного особого отдела дивизии.

Однажды в феврале 1943 года я с ним пришел в штаб полка. Он ушел к командиру полка, а я в комнату, где находились солдаты штаба. Нас в комнате было 7 человек: кто-то шутил, другие – смеялись, но вдруг прозвучал резкий свист летящих бомб. Бежать из дома в щели было поздно. Я упал на пол и прижался головой к стене. Раздалось несколько оглушительных взрывов и все стихло. Наш дом, где размещался штаб, был полностью разрушен, и мы оказались под грудой развалин. Из 7 солдат только мне одному помогли выбраться контуженным, но живым. Неделю я плохо слышал, но потом отошел. Повезло.

Мой артиллерийский полк, в котором мне довелось служить, нес потери, в основном, от авиации противника. Постоянные бомбежки наших позиций были нередки, и мы к этому привыкли: уходили в щели, вырытые в земле, и они защищали от осколков бомб.

Наш полк воевал на 3-ем Белорусском фронте. В 1944 году в Германии на железнодорожном узле Гумбинен было крупное сосредоточение немецких эшелонов. Цель прикрывают истребители противника и сильный зенитный заградительный огонь. В группе 27 бомбардировщиков и около 20 истребителей. Мы направились к цели. До цели остается 5 минут лета, слышу сильный разрыв зенитного снаряда под крылом самолета. Самолет сильно качнуло. По внутреннему радио голос нашего радиста Григория: «Рация разбита, я ранен». Спрашиваю: «Сильно ранен, терпеть можешь, до цели 3 минуты». «Могу», - отвечает он. Цель под нами, бомбы сброшены. Железнодорожный узел в огне. Полк разворачивается на курс к своему аэродрому. Просим разрешения и, увеличивая скорость, уходим домой. На аэродроме нас ждала санитарная ма-

шина, которая увезла раненого Григория. Ему повезло, он сидел на парашюте, и осколок снаряда попал в сложенный парашют, пробив 15 сантиметровый слой шелка, и вонзился на 3 см Григорию в ягодицу. Наш самолет привез 25 пробоин от осколков снарядов. После мы удивлялись, как это случилось, что ни один из осколков не попал в бензобак, а разбитая рация была совсем рядом – повезло. В этом бою мы потеряли 2 экипажа. Был случай, когда осколками снаряда был разбит левый двигатель, с большим трудом дотянули до аэродрома. Хорошо, что это было на линии фронта при возвращении домой.

С любовью я вспоминаю своего боевого товарища – капитана Лашина, штурмана нашей эскадрильи. Десятки вылетов мне пришлось совершить вместе с ним. Это был мастер своего дела. Под его руководством девятка самолетов делала противозенитные маневры, заходила на цель, бомбила ее и уходила только благодаря его мастерству. Мы несли минимальные потери от зенитного огня, и не было случая, чтобы наше бомбометание оценивалось меньше, чем «хорошо». Его не зря Родина наградила золотой звездой Героя Советского Союза и присвоила звание генерал-майора.

Наша дивизия участвовала в освобождении города Таганрога, поэтому за освобождение плацдарма и города Таганрога нам было присвоено гвардейское звание и наименование дивизии и полка Таганрогской. И вот одна из школ города Таганрога получила имя Загоруйко - стрелка радиста, погибшего в одном боевом вылете. Подходя к цели, самолет был подбит зенитным огнем, продолжать полет дальше он не мог, подбитый самолет начал падать, летчик был ранен, штурман тоже был ранен, но, превозмогая боль, он взял управление самолетом на себя и с большим трудом его посадил на территории немцев. Самолет сильно ударился, и штурман Ткаченко потерял сознание. Загоруйко, когда выскочил из самолета, пытался вытащить из самолета летчика и штурмана, но увидел, что приближаются немцы. Немцы цепочкой бежали к самолету, он быстро достал переносный пулемет и начал отстреливаться. Израсходовав весь боевой комплект, он отстреливался дальше из своего пистолета и последнюю пулю он послал в свой висок. Он не сдался немцам, он застрелился и погиб как герой. Но много погибло и немцев от его пулеметной стрельбы. Он пал смертью храбрых. Летчика и штурмана немцы увезли в лаза-

рет, где они были до освобождения приближающихся наших войск. Правда, им помогли наши русские врачи, которые обслуживали наших пленных: они поместили их в тифозный барак - это спасло им жизнь. После освобождения, через месяц, они возвратились в полк и принимали участие в боевых вылетах.

Штурман Ткаченко в конце войны вылетел в составе нашей девятки на бомбометание по укрепленной крепости Кенигсберг. Противник встретил наши самолеты зенитным огнем, нас атаковали немецкие истребители. Девятка бомбила звеньями и растянулась на несколько километров. И вот при заходе на цель самолет лейтенанта Ткаченко был подбит. Немецкие истребители пытались добить его, самолет загорелся, но штурман Ткаченко успел сбить истребитель, который его атаковал, и два горящих самолета пошли вниз. Нужно было пролететь небольшое расстояние над морем, чтобы достичь берега или выпрыгнуть из самолета, но летчик не умел плавать и решил тянуть до берега. Но при посадке самолет взорвался. Вот такая трагическая судьба постигла моего друга. Был сбит, попал в лагерь, освобожден нашими войсками, опять сбит и смерть…

В 1949 году я поступил в Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского в г. Москве. Окончил ее. На этом мой летный путь был завершен, и я стал инженером полка с высшим образованием. Проработал я инженером полка 3 года, а с 1960 году демобилизовался и переехал в город Краснодар. С 1960 по 1992 года работал в Кубанском государственном технологическом университете.

Награды:

- орден Красного Знамени,
- орден Красной Звезды - 2 шт.,
- орден Отечественной войны II степени – 2 шт.,
- медаль «За боевые заслуги»,
- медаль «За победу над Германией»,
- 6 юбилейных медалей.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Динисламова Алина Рашидовна***

Кашина (Столярова) Ксения Ивановна

Любви и война подвластна

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..
Давид Самойлов

Я родилась 25 марта 1923 года в крестьянской семье в деревне Воротцы, Кораблинский район, Рязанская область. Национальность – русская. Вероисповедание – христианство, православие. Беспартийность. Членство в общественной организации – комсомол с 16 лет.

В 1939 году я окончила 8 классов сельской школы. После уехала в Москву и поступила учиться на водителя электровоза в вечерний техникум Метрополитена, который был расположен внутри станции метро Старый Арбат. Проучилась всего два курса, и началась война… Об этом узнала 22 июня 1941 года. Был воскресный день. Накануне мы, молодежь, гуляли по набережной Москвы-реки. Утром я проснулась поздно. В общежитии комиссариата внутренних дел РСФСР (милиции), где я в то время проживала, к моему удивлению, никого не оказалось. И вдруг по радио услышала выступление министра иностранных дел СССР Молотова В.М., которое транслировали уже неоднократно, и я поняла, что немецкие войска напали на Советский Союз.

Я было собралась завтракать, но обнаружила, что весь хлеб у нас закончился. Да и все магазины оказались переполненными людьми – началась мобилизация. Фронтовикам выдавали хлеб в первую очередь, а мне же купить хлеб тогда так и не удалось.

На второй день войны было проведено собрание комсомольцев. Уже на следующий день нас, студентов, начали обучать военному делу. Мы изучали винтовку, противогаз, учили нас оказывать и первую медицинскую помощь. Мы стали помогать медсестрам в госпиталях лечить раненых солдат.

Через несколько дней нас уже посылали на более серьёзную и значительную для города работу - строительство укрепительных рубежей и заграждений в самой Москве в районе метро Сокол и Всесвятское, а потом перебросили в район окружной дороги. Работать было тяжело, руки были все в мозолях до крови. Потом фашисты начали бомбить поселок строителей по 8-10 раз в сутки. Мы тушили «зажигалки», которые немцами сбрасывались на дома во время ночных налётов, помогали людям в бомбоубежище, которое находилось внутри того самого общежития, в котором мы жили. В эти дни мне пришлось испытать и горести и страхи, быть свидетелем жутких картин. Я видела, как лилась кровь среди гражданского населения, как рядом со мной, убитая горем мать, копала яму своему шестнадцатилетнему сыну. На глазах матери он был убит осколком бомбы. Женщина обняла его мертвое тело и крепко прижала к своей груди так, что ещё долго не могла её успокоить и оторвать руки от сына. Впервые я увидела, как человек поседел за считанные минуты, вмиг, способный так исковеркать человеческие судьбы.

Я была контужена и ранена в правую ногу. Меня отбросило взрывной волной. После контузии я долгое время не слышала на правое ухо. Ранение в ногу было средней степени тяжести. Кость была повреждена в трёх местах. Около месяца я провела на лечении в воинской части, после чего пошла на поправку и выписалась здоровой.

В августе 1941 г. на Петровке был создан комсомольский штаб, задачей которого являлась подготовка кадров по заброске в тыл врага. Мы работали по заданию этого штаба. В мои обязанности и обязанности других девушек входило распространение листовок: «Не сдадим Москву!», «Бейте немцев!»,

«Будьте бдительны!», «Мы победим!», «Победа будет за нами!». Листовки разносили по округе, где на оккупированных территориях были расположены явочные квартиры. У нас была даже разработана специальная система паролей, которая и позволяла доставлять из Москвы в тыл врага подобные листовки. Кроме того, там же наши старшие товарищи подрывали немецкие штабы и подразделения. Позднее уже я узнала, что подобных отрядов было много. В одном из них погибла Зоя Космодемьянская. Лично её я не знала.

Когда возвращались с боевого задания, некоторые дороги на Москву уже были перекрыты, мы оказались в тылу врага. Нас была небольшая группа: несколько мужчин и две женщины. Мы разделились. Мужчины решили пойти лесом, а мы, женщины, - полем. О судьбе тех мужчин мне, увы, ничего не известно. А вот мы со своей напарницей наткнулись на немецкий патруль. Разумеется, враги преградили нам путь на Москву и даже собирались нас сдать в немецкую комендатуру. Перед нами встала реальная угроза быть уничтоженными или угнанными в плен. Было очень страшно, одолевали смятение и ужас. Но в то же время то ли чувство страха, то ли чувство безысходности побуждали активно бороться, находить и использовать хоть малейший шанс на спасение. И в этом нам помогло небольшое знание немецкого языка, изучаемого в школе, позднее во время военной подготовки. Мы сделали ставку на жалость, взмолились. Та женщина, которая была со мной, уверяла немцев, что в Москве у неё больной ребенок, а у меня в столице больная мать при смерти. На вопросы фашистов, что мы там делали, отвечали, что гнали скот и что искали продукты для дома. А между тем слезы отчаяния и мольбы ручьями лились из глаз. Было ли это артистично? Не знаю. Скорее всего, мы зарёванные вызвали жалость, и, может быть, это как-то смягчило немцев?!

Потом нас, молодёжь, перебросили на Волоколамское шоссе, где мы вблизи деревни копали окопы и противотанковые рвы. Рядом с нами стояли действующие войсковые части, здесь мужественно сражались защитники Москвы. Вспоминаю, что у меня от копания порвались боты, и я осталась в носках, тоже рваных, а были уже морозы. Тогда мои друзья сняли с убитого немецкого солдата обувь и дали мне. В ней я продолжала копать… По сути мы были, что называется, на пе-

редовом рубеже, хотя формально числились на трудовом фронте.

Мы также помогали армии: безвозмездно сдавали кровь для раненых бойцов. Я за 1941-42 гг. сдала кровь 17 раз. Много раз сдавала в институте переливания крови на Красной Пресне и около Киевского вокзала – на донорском пункте. Один раз сдала 450 грамм, остальные - по 250.

В декабре 1941 г. я была призвана в действующую армию, сначала проходила обучение военному делу, а в июне 1942 года меня приняли по направлению комсомола служить во внутренние войска - охранять военные объекты. Мы охраняли входы на станции метро на линии Парк Культуры – Сокольники. Пост был из нескольких человек и командира. Мы были вооружены пистолетами и винтовками. Задание было ответственным, так как на этой линии метро была станция Кировская, где размещались Генеральный штаб и Ставка ГКО СССР. 7 июля 1942 года стала комсоргом отделения. Это было волнительное событие. Меня радовало доверие товарищей и обязывало ко многому.

Военная служба протекала напряжённо. Я была в звании ефрейтора на должности военной связистки. С конца 1942 по 1944 годы я служила под командованием капитана Алпатова, командиром взвода нашего отряда был Шеховцов, а отделения - Куваев. Мы по-прежнему охраняли Метрополитен.

Были всякие случаи. Моя подруга Катя потеряла бдительность, и во время переезда в штаб с целью сдать оружие у неё перерезали ремешок и похитили пистолет. Она была строго наказана. Ещё одна моя подруга Вера получила увечья. Кто-то столкнул её прямо под колёса приближающейся электрички. Это случилось во время несения боевого дежурства. Во время наших ночных дежурств мы неоднократно пресекали попытки людей (думаю - врагов) проникнуть на наши объекты. Так было однажды в январе 1942 г., когда я стояла на посту по охране электроподстанции, питающей объекты Метрополитена. С помощью командира отделения мы пресекли эту попытку.

Не думала я, не гадала, что на войне мне суждено встретить свою большую любовь. В 1944 году на станции метро Парк Культуры познакомилась со своим будущем мужем, капитаном Кашиным Михаилом Романовичем, который впоследствии увез меня в боевую часть в Польшу. Он был военным

представителем 1-го Белорусского фронта. Михаил тогда приехал с фронта в командировку на 10 дней. Это было время накануне организации предстоящих безостановочных наступлений 1-го Белорусского фронта на Берлин. Мой будущий муж прибыл тогда в Москву для доукомплектования персонала, а главное – для нового планирования снабжения танковых частей, обеспечивающих безостановочное контрнаступление. Через несколько дней после нашего знакомства в два часа ночи в метро Михаил сделал мне предложение, и я ответила ему согласием… Мы уехали вместе на фронт.

Путь от Москвы до Берлина, проделанный мной во время Великой Отечественной войны, был долгим и сложным. Он пролегал через город Кобрин (июнь 1944), Брест (сентябрь 1944), Белую Подляску и Варшаву (конец 1944), Буков, Карлхорст (1945 год). Но это был не путь путешественника, продвижение было с боями. С начала 1944 года участвовала в боевых операциях на 1-м Белорусском фронте – центральном фронте - под командованием генерала Г.К. Жукова, дивизией же командовал генерал Н.Н. Ложкин.

Интересное зрелище разворачивалось при переходе через границу между Польшей и Германией. Прямо на этой границе стоял огромный плакат, на котором метровыми буквами было написано: «Вот она, проклятая Германия!». Здесь же несли службу два пограничника. Это врезалось мне в память.

На войне были и курьёзные случаи. Наши войска были под Берлином. Вдруг получили телеграмму о том, что наша дивизия не может выступить, так как нет бензина. Муж для разрешения этой проблемы выехал под Берлин поздно ночью с двумя лаборантами, пригласили также начальника штаба. С нами также выехал командир корпуса, несмотря на то, что не оправился ещё после тяжелейшего ранения в голову и ноги. Командир корпуса стойко держался. Ноги его были перебинтованы, но, несмотря на это, он отказался от госпитализации. На месте они узнали, что телеграмма оказалась ложной: танки были заправлены и готовы идти в бой. Наш корпус участвовал в штурме Берлина. Мой муж 3 мая 1945 года собственноручно написал на стене рейхстага: «Мы победили. Уральский москвич. М. Кашин. 3 мая 1945». Я же увидела поверженный Берлин и рейхстаг лишь через месяц после окончания войны и со слезами на глазах читала слова моего мужа.

4 мая 1945 г. после взятия Берлина муж написал рапорт командиру о разрешении оформить наши отношения бракосочетанием. Он передал этот рапорт во время офицерского вечера. Ложкин возразил: «Вы что, капитан, война ещё не закончилась!». На что мой муж ответил: «Товарищ генерал, война закончилась! Я сейчас приехал с рейхстага. Уже висят красные флаги!». 9 мая на торжествах, посвящённых дню Победы, в присутствии всех Михаил попросил моей руки, и генерал Ложкин зачитал рапорт моего мужа. Потом добавил: «И с сегодняшнего дня их венчаю и объявляю мужем и женой». Так и сказал – «венчаю». Это был уникальный случай. Загс приехал из Москвы только в декабре 1945 года. Мы получили свидетельство о браке. И номер есть – 5007, и соответствующая строка в книге записей актов гражданского состояния, и подписи заведующего Бюро ЗАГС, делопроизводителя имеются. А прожили мы в любви и согласии 42 года.

В память о нашем бракосочетании в Берлине моя хорошая знакомая – Антропова Клавдия Ивановна – написала и посвятила нам с мужем замечательное стихотворение:

Развалины Берлина.
Победная весна.
Ромашкой ясноглазою
Ты средь руин была.

Без горечи не праздновать,
Победы первый день.
На миг душа в смятении,
В слезах былых потерь.

Пилотки в небо брошены,
Как стаи голубей
Летели поздравления
От тысячи друзей.

У стен рейхстага свадьба,
Танцуют до утра.
Горят восторгом Мишины,
Любимые глаза.

Кружится вальс осенний…
Бегут, бегут года.
Сорок лет минуло,
Как вешняя вода.
Под чистым небом Родины
Любовь Ваша светла.

2 октября 1985 г.

27 мая 1945 года окончательно на территории немецкого артиллерийского училища закончилась война (как раз здесь 9 мая был подписан пакт о капитуляции Германии). Был дан грандиозный концерт для победителей. Чудесным теплым вечером в воздухе стоял легкий аромат сирени и цветущих каштанов. Концерт проходил на территории училища на стадионе под открытым небом. Мы с мужем на нем присутствовали. Была сделана маленькая деревянная сцена. А давали представление самые лучшие артисты того времени: Русланова, Лемешев, Райкин, Обухова, Сметанкина. А в клубе на этой же территории выступал военный ансамбль имени Александрова.

Разные случаи бывали на войне. Помню, как 9 мая того же года с мужем шли мы мимо воинской части. Из подвала вышла немка. Она еле передвигалась своими тяжелыми опухшими ногами. Видно, что женщине пришлось несладко и, скорее всего, она долгое время провела в том сыром подвале без еды и воды, боясь выйти. Мы почти сравнялись с ней, как подошел какой-то солдат и уже был готов ударить бедную женщину прикладом. Но мой муж успел это предотвратить.

Да. Многое и сейчас, спустя много лет, вспоминать трудно.

Мы как-то с подружкой решили пойти поискать трофейные платья в заброшенных домах. Мы зашли в одну из немецких квартир. И… О, Боже! За столом в кругу сидели пять человек: две женщины и трое мужчин. Все они были мертвы… Мы тогда очень сильно испугались и убежали из дома.

Наверное, Вы спросите, а случались ли на войне не трагические случаи? И я, не задумавшись, отвечу: конечно случались! Например, однажды мы ехали на машинах, когда началась очередная бомбежка. Была команда всем прятаться, а я вместо этого лишь залезла в кусты с головой. Вот-то наш шофер смеялся! Но потом мне стало и вовсе не до смеха. Видно и

немец хорошо разглядел такое «чудо». Начался обстрел, и мне слегка задело плечо.

А вот и другая история. Была команда: «По машинам», так как образовалась большая пробка. Я сидела с шофером в кабине. Меня заметил военный регулировщик, по-моему, грузин по национальности. Он был высоким и худым. И от этого казалось, что шинель на нем просто болталась. Мне еле удавалось сдерживать смех. А молодой человек решил, что он мне понравился. Он подошел и представился. Да и имя у него было явно нерусское, тоже странное, смешное - Вахтанг. Я же почему-то представилась Катей. Он все упрашивал оставить мне свою полевую почту, на что я не отвечала. Потом он подбежал к машине второй раз. Вытянул из кармана своей «неуклюжей» шинели и протянул мне трофеи: французскую пудреницу, носовой платок и кошелечек. Тогда с моим будущим мужем я ещё не была обручена, но мы уже встречались. А шофер, глядя на все безуспешные старания этого паренька, взял да и сказал: «Ну что же ты пристал? У нее уже есть молодой человек». Этим дело и кончилось.

После войны я училась в заочном Ростовском библиотечном техникуме, а муж продолжал служить в Советской армии.

Война – это прежде всего боль. Боль разлуки, потери. Не обошла она и мою семью. У меня на войне погибли два брата. Старший – Столяров Филипп Иванович, 1913 года рождения. Погиб в 1943 году в Псковской области, городе Старая Русса. Младший брат – Столяров Максим Иванович, 1926 года рождения. Погиб в 1944 году в боях за Ригу.

В настоящее время живых родственников, участвовавших в Великой Отечественной войне, к сожалению, не осталось.

Не раз обо мне писали статьи в различных газетах:

Мурасов Д. Как молоды мы были… //По Ленинградскому пути, 1989, 23 февраля, 4 стр.

Мурасов Д. Суровое испытание // По Ленинградскому пути, 1991, 4 июля, 3 стр.

Швецова К. Не только жены декабристов // Над Кубанью, 2002, 26 апреля, 2 стр.

Хауст Н. …А зарегистрировались в Берлине // Краснодар, 2005, 25 февраля, 6 стр.

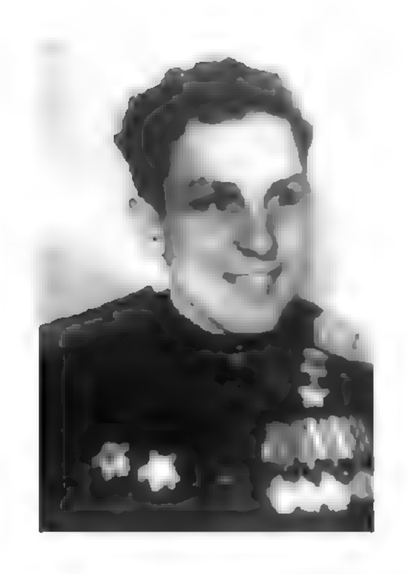
За участие в Великой Отечественной войне я была удостоена 13 правительственных боевых и юбилейных наград: орде-

ном Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Москвы» (№ 031907, 1944 год, Москва), «За взятие Берлина», медалями в честь 20-летия, 30-летия со дня Победы, в честь 60-летия со дня освобождения Москвы (получила особую медаль-знак от мэра Москвы Ю. Лужкова), а также другими юбилейными наградами.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Казыдуб Елена Анатольевна***

Козлов Владимир Васильевич

Небо любит бесстрашных

Я родился 23 декабря 1923 г. в Запорожье в семье участника революции и гражданской войны. Была детская мечта – быть похожим на В. Чкалова. Потом она стала смыслом жизни. Всем сердцем, со всем пылом своей сильной, непреклонной воли я стремился к ее осуществлению. В 1940 г. по комсомольской путевке начал учебу в аэроклубе, после окончания которого был зачислен курсантом Качинской авиашколы в Крыму. С началом войны школа была переведена в Саратовскую область. После выпуска сержантом я попал в запасной истребительный авиаполк под Москву, где готовили летчиков-ночников. Но обстановка под Москвой улучшилась, и меня перевели на Карельский фронт в 828-й штурмовой авиаполк 7-й воздушной армии.

У меня дома, на родине нежным зеленым половодьем разливались сады, а здесь земля была скована сорокаградусным морозом. С трех сторон лежала безмолвная белая пустыня, лишь на западе между низкорослыми заиндевевшими елями поднимались дымки рыбацкого поселка, приютившего летчиков. Это действительно был край земли. Я долго не мог привыкнуть: не успевал набрать высоту, а под крыльями – могучие студеные валы Ледовитого океана. Из школы пилотов меня выпустили летчиком-истребителем, но здесь пришлось переучиваться на штурмовика. Бронированный ИЛ-2 оказался

«тяжелой» машиной, не чета легкому, маневренному «ястребку». Однако эта машина покорила меня с первого взгляда. В мощном двигателе – почти две тысячи лошадиных сил, брал пять–шесть бомб – «соток», до восьми реактивных снарядов («эрэсов»), из передней кромки крыльев грозно выступали вороненые стволы двух пушек и двух пулеметов.

Солдат не выбирает, где воевать. Мне выпало сражаться с врагом на Севере. На фронте везде нелегко, а здесь, в тундре, было особенно трудно. Больше всего доставалось авиаторам, боевая работа которых прямо зависела от погоды.

Большую роль в моей подготовке сыграл комэск. На первое боевое задание, когда вылетел в составе восьмерки ведомым комэска, спикировал вслед за ним, прицельно положив бомбы на колонну вражеской техники, при втором заходе удачно выпустил «эрэсы», при третьем – ударил из пушек и пулеметов. В огненных вихрях, металлических громах раскалывались танки, крушились орудия и автомашины.

– Молодец! – широко улыбнулся комэск, когда приземлились. – Кажется мне, штурмовик - твоя стихия.

«Илы» наносили удары по вражеским коммуникациям и штабам, «обрабатывали» передний край. Опыт приходил постепенно. Этому способствовали хладнокровие, верный глаз и точный расчет. Командир полка майор Краснолутский неоднократно ставил меня в пример, приказал начальнику штаба представить к награде – ордену Красного Знамени. Вскоре меня перевели в третью эскадрилью, назначив командиром звена, а затем – заместителем комэска. Я водил на боевые задания четверки, потом – восьмерки самолётов. Сокрушительными ударами мы - штурмовики прокладывали путь матушке-пехоте. Ни разу не дрогнула рука ведущего, когда на группу набрасывались «мессеры», не сходил я с боевого курса, когда небо распарывали свинцовые трассы фашистских «эрликонов». Каждый вылет был подвигом.

Как известно, штурмовики атакуют на небольшой высоте. И по ним ведется интенсивный огонь из всех видов оружия с земли, а сверху их подстерегают вражеские истребители. За каждый сбитый штурмовик немецкие летчики награждались Железным Крестом… Редко когда мой самолет возвращался на свои аэродромы без пробоин. Но штурмовик ИЛ-2 обладал огромной живучестью: весь израненный и покореженный, он

все же давал возможность пилоту дотянуть до дому. За время боев я сменил ни одну боевую машину.

Штурмовой авиаполк ежедневно вел напряженную боевую работу. С энтузиазмом восприняли летчики, весь личный состав полка весть о том, что их перебрасывают на Ленинградское направление. Мужество ленинградцев, стойко переносящих неслыханные лишения, вызывало восхищение каждого советского человека. И вот нам, летчикам, надлежит помочь наземным войскам отбросить гитлеровцев подальше от города на Неве: полк нацелили на прорыв обороны по реке Свирь.

Командир полка майор Гончаров решил сперва послать самых опытных летчиков. Им предстояло изучить подходы к переднему краю обороны фашистов, уточнить огневые точки. Но кто поведет группу, ведь от него, прежде всего, будет зависеть успех! Майор склонился над картой. За два с половиной года фашисты, сжав город на Неве кольцом блокады, возвели мощные оборонительные укрепления, прикрыли их густой сетью противовоздушных огневых средств. Командир полка предложил ведущим назначить меня.

Я воевал на машине под номером 30. Однако и она неоднократно попадала в переплеты.

Каждый боевой вылет имел свои особенности, ведь приходилось каждый раз выполнять различные задачи: обрабатывать передний край обороны противника, уничтожать вражеские штабы, наносить удары по аэродромам, танковым колоннам, железнодорожным узлам и артиллерийским позициям. Было и такое: возвращаясь после выполнения задания, командир эскадрильи заметил, что под плоскостью моего самолета висит бомба, зацепившаяся предохранительным тросиком за балку эреса (реактивный снаряд). Он тут же передал об этом мне по радио. Что только не пришлось проделать, пытаясь избавиться от смертельного груза. Я набирал высоту, выполнял глубокие виражи. Но ничего не помогало. А садиться с бомбой нельзя, она могла сорваться при посадке и разнести самолет на куски. Тогда комэск приказал оставить самолет и выпрыгнуть над своей территорией. Но сделать этого тоже было нельзя, т.к. парашют воздушного стрелка старшины Дубогрызова оказался иссеченным осколками снаряда во время штурмовки. В такой ситуации я принял решение сажать самолет. Зашел на свой аэродром последним и осторожно посадил самолет на три

точки прямо у посадочного знака. Но именно в этот момент от динамического удара бомба сорвалась, и ее осколки догнали уходящий вперед самолет. Взрывная волна резко швырнула самолет в сторону. Я ударился лбом о приборную доску, а затем затылком – в бронещиток сзади. От нестерпимой боли даже потерял сознание. Когда через несколько секунд я открыл глаза, в кабине было полно гари от перебитых трубопроводов. Фонарь заклинило. Мне на помощь пришел воздушный стрелок, который с трудом вытащил меня из кабины. К вечеру техники устранили повреждения, а наутро я снова поднялся в воздух, скрыв от начальства полученное ранение. 19 дней спустя за мужество и отвагу, проявленные при спасении самолета, я был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Не могу забыть и другого боевого эпизода… 18 марта 1945 г. два звена штурмовиков получили задание выявить и уничтожить батареи тяжелых орудий, препятствующие продвижению наших войск в направлении Цоппота. Я был назначен заместителем командира группы. Штурмовики под прикрытием истребителей пересекли линию фронта и обнаружили замаскированные на опушке леса вражеские орудия. Однако через несколько минут наши самолеты были атакованы большой группой «мессеров». Бой сложился для меня неудачно. Вражеский снаряд пробил бортовую броню, попал в кабину, разбил приборную доску и разорвался под ней. Несмотря на осколочные ранения, я продолжал атаковать врага.

Смотрю – справа в плоскости появилась почти полуметровая дыра. Противник буквально расстреливал наш самолет. Была отбита треть хвостового оперения. Все это происходило на небольшой высоте. В поисках спасения, я прижал самолет к самой земле и нырнул в появившуюся внизу глубокую выемку. Пройдя по ней на высоте двух-трех метров, я был вынужден при выходе сделать крутую горку, чтобы не врезаться в каменный дом, стоящий, на холме. На мое несчастье, правее оказался телеграфный столб, который я срезал уже «покалеченной» правой плоскостью. Она не развалилась только чудом. Обломанный кусок столба со свистящими в воздухе проводами остался в плоскости, но самолет тут же стало заваливать вправо.

Кровь от полученных ран заливала лицо, но у меня не было ни секунды, чтобы вытереть ее. Прибавив до отказа газ, я дву-

мя руками изо всех сил отжал ручку управления влево, одновременно выжимая левой, ногой педаль руля поворота. Так на высоте 30–40 метров я и привел израненный штурмовик на аэродром. Подъехавший к самолету заместитель командира нашей дивизии Герой Советского Союза подполковник Краснолуцкий помог мне выбраться из кабины и, осмотрев изрешеченную машину, с укоризной в голосе сказал: «Что же ты, Козлов, взялся столбы возить? Дров у нас и так хватает...»

В последние месяцы войны каждый летчик полка ежедневно совершал по 3–4 боевых вылета. Неумолимая фронтовая статистика свидетельствовала, что в среднем каждый летчик-штурмовик погибал после 8–10 боевых вылетов. 6 мая 1945 года при форсировании Одера с немецкого аэродрома Крелов я повел восьмерку «Илов» на вражескую группировку, отказавшуюся сложить оружие. Это был мой последний боевой вылет. Всего за время войны я совершил 129 боевых вылетов.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении заданий командования в Великой Отечественной войне мне было присвоено звание Героя Советского Союза. Всего же 828-й Свирский ордена Суворова штурмовой авиационный полк, в котором мне довелось служить, дал Родине 10 Героев Советского Союза.

Мне, Герою Советского Союза В.В. Козлову, кубанский поэт К. Обойщиков посвятил такие строки:

Настало время подытожить
Свои дороги и дела.
Ушел юнцом из Запорожья –
Кубань Героя приняла.
А посредине было небо
Тех грозовых военных лет,
Где все смешалось – быль и небыль,
Дни поражений и побед.
Азарт атак в свинцовом ливне,
Расчет и риск из боя в бой...
От Заполярья до Берлина
Смерть поспешала за тобой.
Но мастерство тебя хранило,
Хотя ты в пекло храбро лез.
Давно известно всем, что «Илы» –
Чернорабочие небес.

Горбясь от груза, вылетали
Над кромкой северной земли
Бомбить ангары в Луостари,
А в Киркинесе – корабли.
Сын Украины и России,
Ты завершил большой полет.
Двадцатилетний и красивый,
Ты зачехлил свой самолет.
Народ вручил тебе по праву
Награду высшую страны.
Пусть ту великую державу
Мы потеряли без войны –
Не украдут и не укроют
Свободу Родины и честь.
Пусть нет Союза –
Есть Герои,
Победа есть
И слава есть!

После войны я окончил Высшую школу штурманов в Краснодаре.

В 1949 г. был уволен в запас. Заочно окончив инженерно-строительный институт, работал бригадиром, старшим мастером, начальником цеха кирпичного завода, главным инженером завода железобетонных изделий. Вскоре меня пригласили на работу начальником конструкторско-технологического отдела домостроительного комбината, затем стал главным инженером центрального конструкторского научно-исследовательского бюро треста «Оргтехстрой». Одновременно по совместительству стал вести преподавательскую работу на инженерно-строительном факультете Краснодарского политехнического института. В 1967 г. меня пригласили на постоянную работу в институт на должность доцента кафедры технологии и организации строительства. Потом работал на кафедре охраны труда.

Много лет я возглавлял Совет ветеранов войны и труда института, вел большую военно-патриотическую работу.

Вот уже более 20 лет я возглавляю Совет ветеранов 828 штурмового авиаполка, который признан одним из самых активных в стране по участию и подготовке молодежи к службе в Армии. Являюсь членом Пленума краевого комитета ДО-

СААФ.

В настоящее время я возглавляю Краснодарскую краевую ассоциацию Героев Советского Союза, Героев РФ и полных кавалеров орденов Славы.

О моём боевом пути опубликовано несколько статей в книгах и газетах: Лукаш И. «Звёзды ратной доблести». – Днепропетровск, 1980; «Всегда в строю». – Краснодар, 1998; «Кубани славные сыны». – Краснодар, 1997; «Ветераны всегда в строю». – Краснодар, 2000; Обойщиков К. А. «Петь песни о небе». – Краснодар, 1999; «Кто есть кто сегодня на Кубани». – Краснодар, 2002; «Память жива». – Запорожье, 2003; «Солдаты XX века». Вып. 2. Раздел «200 выдающихся деятелей современности». – Москва, 2000.

Награды:

- орден Ленина и медаль «Золотая звезда»,
- орден Красного Знамени – 2 шт.,
- орден Отечественной войны I степени – 2 шт.,
- орден Отечественной войны II степени,
- множество боевых и юбилейных медалей.

Почётные звания:

Герой Советского Союза,
Почётный гражданин г. Краснодара,
Почётный гражданин посёлка Белое Море Мурманской области,
Почётный гражданин станицы Кавказской Краснодарского края.

Награды Кубани:

Медали «За выдающийся вклад в развитие Кубани» I, II, III степени.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь аспирантка Кубанского государственного технологического университета ***Реброва Ирина Викторовна***

Компаниец Павел Гаврилович

Близко «Голубая линия», да не перейдёшь

Я родился 20 августа 1924 года в станице Гостагаевская, Анапского района, Краснодарского края. По национальности русский, по вероисповеданию православный.

Голод не тетка

В станице была начальная школа и поэтому удалось закончить 4 класса. Семья была большая, пятеро моих братьев и трое сестер работали как взрослые, а в 1933 году на Кубань пришел голод. Стали умирать люди, иногда целые семьи погибали. В поисках лучшей доли в 1936 году наша семья переехала на хутор Красный Октябрь, с которым оказалась связана вся моя дальнейшая биография. Дорог тогда почти не было, однако, через реку Кубань ходил паром. По реке довольно интенсивно двигались пароходы и баржи. Было интересно, как они преодолевают натянутый от берега к берегу трос парома. Оказывается, его опускали на дно реки, когда пароход давал гудок о приближении.

Крыница

Отец владел многими навыками и секретами в обустройстве деревенского быта, в том числе умел при помощи лозы определять подземные родники. Первый колодец, который мы вырыли оказался глубиной 24 метра, на дне грунт был песчаный, били сразу несколько ключей, вода была исключительно чис-

тая и холодная. К несчастью вскоре песок обвалился, и пришлось рыть другой колодец. Глиняный грунт копать тяжелее, но зато он хорошо держит стенку. Ключи забили на глубине 18 метров, вода тоже оказалась вкусная. Этот колодец и по сей день жив и работает, люди берут воду и благодарят мастера, что оставил после себя такую память.

Сестра Дармина (Компаниец) Лидия Гавриловна и по сей день живет в отцовском подворье.

Накануне войны

Понемногу жизнь возрождалась, засеяли поля, заработал рынок в станице Варениковская. Изредка стали появляться колесные тракторы, машины. Паром работал без устали, его вместимости не стало хватать, и уже перед самой войной был построен деревянный мост на понтонах. Чтобы не мешать пароходам, паромщики его разводили. По выходным вся округа съезжалась на базар, где можно было продать выращенное и купить мыло-шило, спички-папиросы,

Устроился работать в колхоз ездовым. На своих полях колхоз выращивал кукурузу, подсолнечник, пшеницу. Я развозил колхозников на работу, вывозил собранный урожай, посевной материал, да всего и не перечислить, крестьянский день всегда был полон забот от зари до зари. Много было обид на обитателей соседнего хутора Светлый путь Ленина. Их колхоз носил имя «Коммуна» и пользовался недоброй славой - его вооруженные коммунары раскулачивали селян и бездарно использовали , а то и просто пропивали отобранное у крестьян зерно, птицу, скот. Как только стало возможным, записался на курсы танкистов в ближайшую школу - семилетку. В школу, в станицу Курчанскую, ходил пешком 8 км, так удалось закончить еще три класса. Одновременно в станице проводились военные сборы, учился на командира танка. Был принят в Комсомол.

Отступление в ополчении

О начале войны узнал дома, в Красном Октябре. Уже в августе 1941 года на Кубань стали наступать немцы. Они надвигались со стороны Темрюка. В тот момент в Курчанской был представитель Керченского военкомата, он принял заявление и записал меня и моих товарищей в Красную Армию. Так в 17 лет я добровольцем пошел воевать. Правда, сразу пришлось отходить. Боевых столкновений не было, мы не были вооруж-

жены. Отступали в направлении г. Анапы, Новороссийска, Геленджика, Туапсе. Передвигались пешком. Настроение было очень угнетенным, враг был силен и от него веяло ужасом.

Вот я и красноармеец

Лишь в конце года мы добрались до места назначения в г. Лабинск. В январе 1942 года выдали обмундирование и зачислили разведчиком в 876-й стрелковый полк 276-й стрелковой дивизии. Нам была поставлена задача пешим порядком добраться в Грузию до г. Гори. Снова дороги, привалы, горные переходы. Но в наши ряды вливалось все больше и больше новобранцев, стала ощущаться растущая боевая мощь нашей армии. В сентябре 1942 года мне выдали винтовку, правда, одну на двоих, и отправили на передовую, оборонять г. Орджоникидзе. Передвигались по большей части пешком, иногда на тракторах с прицепами. Стояли теплые осенние дни, это позволило хорошенько выбрать место и основательно обустроить оборонительные позиции. Было организовано горячее питание, проводились политинформации, становилась ясной обстановка, поднимался боевой дух. Однако враг наступал, стрельба доносилась со всех окрестностей. Всю осень шли оборонительные бои, впервые у нас появилось вражеское трофейное оружие - пистолеты, автоматы, пулеметы. Наше наступление началось зимой 1942 года, с боями освободили г. Орджоникидзе, я был награжден орденом Красной Звезды. Дальше - затяжные бои, продвигались к Нальчику, Минеральным Водам, где и был впервые ранен.

Первое ранение

Шли в атаку, как тогда было принято, во весь рост, я с трофейным пистолетом в руке. В него-то и попала пуля, в рукоятке разорвались патроны. Правая рука превратилась в кровавое месиво. Санитарка оказала первую помощь, и меня отправили в эвакогоспиталь. Мои товарищи в это время стремительно двигались на Кубань.

В родных местах

Вернулся на передовую ранней весной 1943 года в состав 186-го артполка. Тогда бои шли уже под Ейском. Назначили корректировщиком в расчет 76-мм орудия. Нас было 6 человек, пушку тянули на лошадях. Часто приходилось ходить в разведку, а потом и драться врукопашную, пока подоспеет наша артиллерия, обоз, полевая кухня. Дороги были разбиты,

грязь, болота и распутица не способствовали своевременной работе тыла - приходилось самим добывать и готовить себе пропитание. В лиманах и речушках было необыкновенно много рыбы. В камышах удавалось добыть дикую птицу, зверя. Трудно было без хлеба, питьевой воды. О бане приходилось только мечтать. Никогда позже не приходилось мне видеть таких гигантских вшей, которые обитали на нас, красноармейцах. Офицеры не были исключением, как, впрочем, и женщины-снайперы, санитарки, связистки.

Дома и стены помогают не всегда

Отступая, немцы уничтожали и сравнивали с землей все населенные пункты. Обычно они закладывали мины и взрывали печи в саманных хатах, и те разлетались в пыль. Кроме этого с воздуха звено за звеном налетали волны немецких бомбардировщиков. К сожалению, не припомню, чтобы в небе появлялись наши бомбардировщики. Иногда, когда кончались патроны, прилетали кукурузники и сбрасывали ящики на парашютах. Часто случалось, что автоматчикам доставались винтовочные патроны и наоборот. В каждой станице и хуторе нам доводилось видеть братские могилы - по несколько сотен убитых. Часто вперемежку с немцами, гражданскими, красноармейцами, там были трупы и женщин, и детей. К весне мы уже к этому привыкли. Я был уже опытным разведчиком, вылазки делали в основном ночью. В плавнях и болотах, в камышах, всплывали раздувшиеся трупы наших десантников. Жутко было при свете луны встретить такое зрелище, - перетянутая ремнем талия делила труп на два шара, голова, облепленная пиявками, распухшие синие руки. К середине марта мы узнали по сводкам, что наши уже вышли к морю, а мой полк двигается к моему родному хутору. Эти места я знал хорошо, уже бывал в этих окрестностях. До войны хутор Свистельников Славянского района славился на всю округу своим колхозом «Хлебороб». Там было 118 дворов, много тракторов, огромное стадо коров, свиньи, птица. Мы туда часто наведывались на танцы под гармошку, ходу было 10 км. Теперь же от процветающего и зажиточного поселка остались одни воспоминания. И сейчас, когда все цвело, погода была весенняя, теплая, нам было не до веселья. В уцелевших домах засели германские вояки. Даже своим лошадям они отводили место в крестьянских домах. Местное население всю оккупацию ютилось в землян-

ках. Хутор по несколько раз за неделю переходил из рук в руки. В конце концов, одна половина оказалась занятой немцами (румынами), а другую нам удалось отвоевать и закрепиться. Немец был очень хорошо вооружен и откормлен. У него были автоматы, пулеметы, полно патронов. Как только начиналась стрельба, с высоток по нам открывала огонь его артиллерия. Наши пушки молчали. У нас не хватало даже винтовок, боеприпасов.

Близко «Голубая линия», да не перейдешь

Только 4 апреля мы выбили врага из Свистельникова. Немцы, как всегда, при отступлении взорвали все строения. В силосной яме, превращенной в могилу, свалены полтысячи трупов, очень много наших санитарок, дико для военного времени смотрелись их заплетенные косы. Подтянулась наша 76-миллиметровка, отмыли и привели ее в порядок, пополнили боезапас. Далее мы наступали на Колобатку, небольшой хутор в четырех километрах от Красного Октября. С ходу овладели им и подошли вплотную к печально известной «Голубой линии». Огонь врага из всех видов оружия отбросил нас к хутору Коржевский. До родного дома было рукой подать, его в бинокль было видно. Немецкие батареи располагались на горе, откуда мы были им видны как на ладони. Их огнем мы были остановлены на Курке - мелкой речушке на границе Славянского и Темрюкского районов. Началось изматывающее многомесячное противостояние с еженочными вылазками, стычками и перестрелками. В боях участвовали и первыми шли на приступ штрафники. Немец пустил в плавни воду из реки Кубани, наши части стояли по пояс в воде. В качестве дров использовали прошлогодний камыш. Много потерь понесло тогда наше воинство. В Коржевском, в братской могиле покоятся более полутысячи их останков. Не могу поверить и понять, что эти долгие пять месяцев хранило меня и отводило смерть в сторону, наверное, родные стены, колодец с чистой и свежей водой. Было бы не справедливым погибнуть здесь, у самого дома, так не отведав заветной прохлады. Вся дальнейшая военная судьба оставила в памяти не больше места, чем эта битва за мою родную хату. Необходимо было во что бы то ни стало до наступления морозов вырваться из этого болота. Об этой трудной осени 1943 года правдиво написал мой друг Савченко Андрей в своей книге «Наша дважды Краснознаменная».

Лишь 19 сентября 1943 года после грандиозной артподготовки наши войска форсировали Курку, овладели Красным Октябрем. Наш расчет поднимался на гору со стороны поселка Светлый Путь. Впереди двигались саперы, всюду были мины. От двух хуторов не осталось ни одной целой хаты, только стены. Надо сказать, что разрушить их непросто. Строили такие саманные стены обычно всем миром, собирались 15-20 соседей, замачивали глину с соломой, с помощью лошадей месили саман, лепили блоки. Выводили углы и выкладывали ряды из блоков. Ширина такой стены доходила до метра, что позволяло и в жару и в холод поддерживать в доме нормальную температуру. А теперь их не могли взять германские заряды, заложенные в печи.

Вот моя деревня, вот мой дом родной

Вот и мой отцовский дом, без кровли, правда, но мой, освобожденный. Никого родных в доме не оказалось. В колодце вода оказалась пригодной к употреблению в пищу, на костре сварили настоящий борщ! Хозяйство все разрушено, но восстанавливать времени не было. Наступали наши стремительно. Это уже была не болотная трясина, а грунтовая дорога. Немец в панике откатывался к Темрюку, мне казалось, не оказывая организованного сопротивления. Местное население встречало с радостью, вездесущие мальчишки показывали, где могут быть минные поля. Перед нами лежал Таманский полуостров, с освобождением которого враг был изгнан из моего родного края. Это было уже поздней осенью 1943 года.

В логово врага!

Переправлялись на катерах в Крым, и с боями продвигались к пригородам Керчи. Здесь вражеская оборона носила ожесточенный характер, я был ранен пулей в левую ногу и отправлен в эвакогоспиталь. Там узнал, что награжден орденом Красной Звезды. Пока лечился и выздоравливал в памяти стоял отцовский дом, я все время представлял себе, как и с чего начать восстанавливать мирную жизнь. Война казалась чем-то далеким и прошлым. А пока что я был младшим сержантом Красной Армии. В марте 1944 года наши были еще под Севастополем, и вот я вновь на передовой в составе 227 стрелковой дивизии в должности заместителя начальника минометного взвода. Будучи наводчиком видел врага теперь издали в бинокль.

За участие в освобождении Севастополя был награжден Орденом Великой Отечественной войны 2-й степени. После легкого осколочного ранения в голову снова эвакогоспиталь и снова мысли о доме. Но война катилась дальше по Европе. Впереди у меня были освобождение чехословацких городов Брно, Трнава, Комарно и других. Храню пожелтевшие благодарности от командования в память об этих боях. Прошел я и Венгрию. Это уже была весна 1945 года, 9 мая я встретил на территории Австрии, казалось - вот сейчас все закончится. Но впереди был еще марш-бросок на Варшаву, а после штурма нас поместили в воинский эшелон и отправили на Москву. В Москве срочно перегрузили наши минометы в поезд, следующий на Дальний Восток. Так что война, об окончании которой знал уже весь мир, для меня никак не могла закончиться. Это случилось только в октябре 1945 года, когда наша часть принимала участие в боевых действиях в Манчжурии. Там я был вновь ранен в ногу. Меня отправили в Иркутск, где был помещен в госпиталь и туда же пришел приказ о моей демобилизации.

Путь домой

Добирался поездом до Москвы, потом на Краснодар, дорога на Варениковскую казалась бесконечно долгой. Вот и Кубань, переправы тогда через реку не было, только на лодках можно было добраться до дома. Последние десять километров и я в родных стенах. Узнал печальную весть, что из всей семьи остались в живых сестры и брат Тимофей. Надо было и мне жить дальше. Зима 1945-46 года выдалась морозной. Кубань замерзла, но снега было мало. В реках и лиманах огромное количество рыбы. В полях развелось столько зверя и дичи, что, наверное, уже никогда не доведется столько увидеть. В Темрюке получил охотничий билет, по нему в магазине давали порох, дробь, гильзы и прочую охотничью оснастку. Когда выдавался выходной, я приносил с охоты столько добычи, сколько мог унести. А работать я устроился на должность тракториста-универсала в Темрюкскую машинно-тракторную станцию. На всю неделю уходил в город на работу, там жили на съемной квартире, а на выходные спешил домой. Зимой ремонтировали технику, готовили ее к полевым работам, а с весны до осени разъезжались по бригадам, в поле.

Снова голод

К несчастью, морозная бесснежная зима и сухая весна не позволили уродиться хорошему урожаю хлеба. Собрали очень мало, на своих огородах тоже упустили время, и в 1947 году снова пришел голод. Не хватало даже кукурузного зерна. Вот тогда и пришлось узнать что такое «чакан». Вместо хлеба из обычной муки люди готовили лепешки-чаканы из ...камыша. Его луковицы сушили, поджаривали, размалывали в жерновах и получали подобие муки. Хлеба такие лепешки, конечно, не заменяли, они отчаянно пахли то ли травой, то ли рыбой, но голод не тетка, выбора не было. Мои подруги подтрунивали, что «от жениха пахнет не одеколоном, а чаканом». Что и говорить, женихов тогда в деревне было не густо, весть о парнях, вернувшихся с фронта, мгновенно облетала и волновала все женское население поселка. Весной 1947 года наша бригада работала на полях Красного Октября. Было время культивировать поле. Несколько девчат-учетчиц с треугольными циркулями размечали участки и командовали звонкими голосами. Так мы встретились с моей будущей женой Дубровой Екатериной Никифоровной.

Стали жить-поживать

После свадьбы сразу стали строить свою усадьбу. Колхоз выделил 50 соток земли как раз на том месте, где стояла вражеская батарея. Теперь это моя земля, быстро, почти в течение года построили саманный дом, хозяйственные постройки. За питьевой водой ходили все к тому же колодцу. А на прочие нужды дождевая вода скапливалась в подземном бассейне, она всегда была под рукой, прохладная и чистая. На участке получались прекрасные урожаи капусты, картофеля, подсолнечника, арбузов. Подспорьем было свое хозяйство - коровы, свиньи, птица. Все также выручала охота и рыбалка.

В конце 40-х годов в Темрюкском районе выращивали хлопок. Культура эта прихотлива, трудоемка, требует много внимания и умения. Все лето ухаживали за посадками, а созревают белые коробочки только лишь к поздней осени. Некоторые из них приходилось собирать аж в декабре. Собирали вручную, отвозили на склад в Ахтанизовскую. А потом привозили упакованные в стокилограммовые мешки нераскрывшиеся чашечки и зимой женщины раскрывали их, добывая «белое золото». А платили зарплату отнюдь не золотом, тогда приме-

нялась система трудодней. В конце осени руководство производило расчет, как правило, зерном, что позволяло держать хозяйство, вести торговлю в соседних станицах. Ближе всего добираться до рынка в станице Варениковской, по выходным селяне грузили подводы, и начиналось оживленное движение в сторону переправы. Зерно возили в Крымск на мельницу, мололи, забирали муку и отруби. Благосостояние семьи и дома прибавлялось. В 1952 году у нас родился сын Сергей. Время пронеслось стремительно, я и не заметил, как он закончил школу в Красном Октябре. Выпускник Тбилисской Государственной консерватории по классу вокала, он и сейчас живет с нами.

Расцвет поселка

Моя трудовая биография оказалась тесно связана с техникой. После многократных реорганизаций, наконец, в Красном Октябре образовался совхоз, с внушительным машинным парком. Выращивали с переменным успехом и виноград, и кукурузу и хлеб.

Виноград на территории центральной усадьбы нынешнего Красного Октября начали выращивать в конце 50-х годов. Посылали людей в Анапу за чубуками и за опытом. Но впоследствии, так и не дождавшись промышленных объемов урожая, виноград выкорчевали и начали сеять рис. Стали прибывать новые трактора, строительная техника, появилось очень много прикомандированных из других городов. Поселок быстро увеличивался в размерах, развернулось гражданское и промышленное строительство. На месте выкорчеванных виноградников построили клуб. Я помню какие красивые и задушевные песни тогда звучали. Освещение керосиновыми лампами было по нынешним меркам ужасное, но в памяти осталось необыкновенно светлое воспоминание о тех самодеятельных концертах. Первую линию электропередачи в поселок провели в 1960 году.

Работы на полях в послевоенные годы были связаны с риском для жизни. Так в 1960 году во время строительства канала в Светлом Пути погиб наш механизатор Толстиков. Его трактор подорвался на мине.

Настоящего расцвета совхоз-миллионер достиг в конце 70-х годов, когда Кубанский край стал давать миллионные урожаи

риса. К тому времени в моем ведении было уже 50 тракторов и 48 комбайнов. Надо было следить за состоянием топливной аппаратуры двигателей, чтобы не было сбоев в поле. Подобрался слаженный и трудолюбивый коллектив единомышленников, вместе работали и проводили досуг. Огромная территория МТС со всеми необходимыми цехами и оборудованием позволяла поддерживать технику в отличном состоянии. Мы не без основания гордились своим совхозом и односельчанами. Тем обиднее и больнее сейчас с трудом узнавать в развалинах былое величие родного предприятия. В трудовой книжке об этом свидетельствуют многочисленные записи о благодарностях и премиях. На пенсию я ушел в 1984 году, участвовал в движении ветеранов войны и труда. С помощью неутомимого энтузиаста фронтового летчика Бегишева Василия Степановича в поселке был организован музей боевой славы, впоследствии перенесенный во вновь построенную школу.

Летят самолеты...

Когда приходит время праздновать День Победы, природа вокруг вновь расцветает и наполняется новой жизнью. Над головой проходит трасса пассажирских авиалиний, все лето самолеты сплошной чередой везут детишек со всей России на отдых к ласковому Анапскому солнышку. Мимо моего дома по шоссе в строну черноморского побережья проносятся сверкающие авто с отдыхающими и бизнесменами, тяжело катят разноцветные грузовики-трейлеры, грохоча, проезжают на учения бронемашины из соседней войсковой части.

Иногда проходит строй морских пехотинцев, которые совершают марш-бросок на место учений. Молодым ребятам и их командирам нелегко, хоть вооружение сейчас не такое тяжеловесное как во времена нашей юности. Хотелось бы, чтобы и все люди помнили, какой чудовищной ценой удалось отстоять эти древние земли от поругания.

Книга, в которой описаны события на Курке: «Савченко А.Е., Окуашвили В.Г. Наша дважды Краснознаменная. Краткий историко-документальный очерк о 276-й Темрюкской дважды Краснознаменной стрелковой дивизии в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Издательство «Винница», г. Винница, 1996, стр.202»

Награды:

- орден Отечественной войны I-й степени - 2 шт.
- орден Отечественной войны II-й степени - 2 шт.
- орден Славы III-й степени -1 шт.
- медаль «За отвагу» - 1 шт.
- медаль «За боевые заслуги» - 1 шт.
- юбилейные медали - 10 шт.

Январь 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь ***Колесникова Татьяна Петровна***

Коссовская Елена Петровна

Военная профессия - связист

Наступил 2005 юбилейный год 60-летия Победы в жесточайшей битве с фашизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Но годы не властны над человеческой памятью, ничего не забылось. Дорогой ценой досталась эта Победа над германским фашизмом. С каждым годом все меньше остаётся людей, ковавших эту Победу. Время словно снайпер безжалостно выбивает фронтовиков по одному. Все уже достаточно преклонного возраста, одолевают недуги, но мы фронтовики не сдаёмся. По возможности встречаемся с молодёжью, общаемся между собой и вспоминаем, какое лихолетье выпало на наше поколение. Вот и я хочу поделиться, как для меня началась война.

Отец мой кадровый военнослужащий, жили мы с семьёй в г. Барановичи (Брестской области). Родилась я 13 июля 1924 года. В 1941 году я окончила 10 классов, годом раньше - музыкальную школу. Дальнейшие планы были связаны с совершенствованием музыкального образования в г. Ленинграде. Казалось ничто не должно мне помешать, но в одночасье рухнуло всё. Война!

22 июня с наступлением рассвета армада фашистских бомбардировщиков с воем сирен, свистом, оглушающим звуком, чудовищным по количеству самолётов массированным налётом обрушилась на мирно спящий военный городок и по со-

седству расположенный военный аэродром. Где-то я читала, что приграничные районы Бреста, Белостока, Барановичей были как щит, заслонявший собой главные ворота в Советское государство. Может поэтому такую армаду самолётов с таким остервенением фашисты направили в первые часы войны на мой город. При налёте все смешалось: казалось, горит земля и небо, крики, стоны, всё кругом рушится. И куда бежать, где спасаться, когда всё полыхает? Потери были огромные.

В половине дня появились машины с беженцами из Бреста, Белостока. Стали говорить, а чего вы ждёте - на границе идёт бой. Но нас не отправляли в течение всего дня, нашему командованию надо было доложить обстановку в штаб округа в г. Минск и получить согласие на эвакуацию семей военнослужащих. Но связи с Минском уже не было. Минск в первые же минуты бомбили. Тогда командир части и мой отец (он был комиссаром дивизии) взяли на себя ответственность за эвакуацию.

В ночь на 23 июня четыре машины были уже отправлены, сопровождавшим семьям военнослужащих была дана установка отъехать от Барановичей на 200-150 км, остановиться где-то недалеко от населённого пункта, где есть связь с частью. Думали, что ещё можно будет вернуться. Но какая связь, если нас всю дорогу поливали с самолётов свинцом. Тогда приняли решение ехать до г. Гомеля. С большими трудностями и потерями мы добрались до Гомеля. Две машины где-то отстали, и причину выяснить не удалось, что случилось в такой неразберихе под постоянной бомбёжкой так и осталось без ответа. Из Гомеля связаться с частью также не удалось. Связи не было.

Из Гомеля уже поездом добрались до Москвы. В Москве уже узнали, что город Барановичи был оставлен 27 июня, а Минск – 28 июня. Из Москвы приехали на Кубань – свою малую родину.

В 1943 г. была мобилизована в армию. Служила в 56-й действующей армии в 44-м отдельном батальоне восстановления железнодорожной связи. Получила профессию военной связистки. В составе нашей боевой части освобождали Кубань, Крым, Бессарабию, Румынию, Польшу, Германию. С началом военных действий против милитаристской Японии наша часть была передислоцирована на Дальний Восток (направили в г. Харбин). Но доехали мы только до ст. Оловянная. Война за-

кончилась, и я была демобилизована в сентябре 1945 года. Вернулась на Кубань.

Вот так война стала частью моей биографии. Мне было 17 лет, но с первых дней войны я стала намного взрослее, пережив и испытав весь ужас увиденного, жестокость врага, потери друзей. В годы Великой Отечественной войны более миллиона советских женщин с оружием в руках защищали Родину, с честью выдержали суровую проверку моральных качеств. Но как бы ни было трудно, все мы верили в наше правое дело – в Победу, и победили. Вот почему день Победы, наша Победа – самый светлый и святой праздник.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса Кубанского государственного технологического университета ***Ивашкевич Станислав Вячеславович***

Кузёмка Александр Петрович

Воспоминания автоматчика

Я родился 9 ноября 1924 года в городе Краснодаре в семье служащих. Русский, православный, член КПСС. Учился в краснодарской средней школе № 41. В июле 1942 года был призван в ряды Красной Армии. Защищал города, станицы и хутора Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков. Мы, 17- летние мальчишки, были очень патриотически настроены, хотя и плохо вооружены. Немцы имели преимущество в вооружении, организованности и обеспечении. И, конечно же, они имели опыт ведения войны. Мы, молодые люди, в первые дни войны на Кубани, попадали в очень тяжёлые положения, как и вся наша армия, отступали. Уходили из города Краснодара через Пашковский мост. Мы плохо понимали, почему мы должны отступать, то есть не были в курсе всех событий на Кубани. Много было непонятностей. Мы отступали пешком, а немцы – на танках и машинах нас пытались окружить. Мы все, от мальчишки с ружьем и до пожилого воина, горели желанием стоять насмерть и бить фашистов. Но так не получалось и это зависело не от нас. Мы с болью в душе отступали, оставляя наши жилища без защиты, конечно, без боя мы не сдавали ни один поселок или станицу. Погибали в бою, но верили в победу.

После разгрома немецких полчищ под Сталинградом, немцы на Северном Кавказе зашевелились и боялись повторения

Сталинградского «котла», начали потихоньку уходить с Кавказа под натиском наших войск.

Мне пришлось участвовать в освобождении родной Кубани. Сначала учился в школе сержантов, а с апреля месяца 1943 года, уже был командиром отделения роты автоматчиков 2-ой гвардейской (впоследствии Таманской) дивизии. Наши войска и я, в том числе, продвигались пешком, а была кубанская зима, дорог почти не было, только проселочные, без покрытия, поэтому грязь, слякоть, холод, а отсюда и плохое снабжение продовольствием и всем необходимым для боя. Продвижение шло медленно, немцы усиленно сопротивлялись и буквально каждый поселок и станицу без боя не сдавали. Трудностей у нас было множество, особенно со снабжением по погодным условиям: иногда невозможно было подвести продовольствие, и были отдельные дни, когда полевая кухня не работала.

Здесь на Кубани немцы рассчитывали задержаться надолго, поэтому тщательно готовили оборону, особенно, так называемую «Голубую линию». Они заранее готовили ее. Для этого сгоняли население из окрестных станиц и хуторов на рытье окопов, устройство блиндажей, дзотов и дотов. И эта тщательно подготовленная линия обороны немцев проходила по господствующим высотам от Новороссийска до Темрюка и считалась неприступной. Минные поля, системы траншей, всяких укрытий и сооружений, обеспеченные огнем артиллерии и авиации, немцы считали, что смогут надолго удержаться на Кубани.

Под станицей Крымской нашей роте приказано было оседлать железную дорогу, идущую из Крымской на станицу Киевскую. Местность перед железной дорогой была открытой, примерно на 500-600 метров. А немцы еще и речку небольшую перекрыли и воду направили к железной дороге. Вот в этих условиях наш взвод должен был захватить участок дороги. Это было в конце апреля или в первых числах мая 1943 года. Выдвигаясь по воде и на открытой местности, мы на вторую ночь уже ротой захватили участок дороги и выбили немцев, которые отступили на впереди видневшиеся высоты. Наш взвод в этом бою потерял командира взвода и несколько человек убитыми, со второго взвода погибли мои друзья - младшие сержанты Миргородский и Борисовский. Мы штурмовали желез-

ную дорогу по открытой местности ночью, так как днем там вообще было невозможно, все простреливалось.

За станицу Крымскую и дальше бои были очень жестокими. Наше отделение из 7-9 человек принимало активное участие в удержании сопки № 71 (это перед сопкой Героев) и хутора Горичный, в то время в нем было более 10 домов, которые были разрушены артиллерией немцев. На юго-восточной окраине хутора нашему отделению пришлось охранять стык между батальоном нашего полка и соседним полком пограндивизии по оврагу. В этот период мы захватили немецкую горную пушку и передали нашим разведчикам, а также захватили в плен одного румына, предварительно ранив его. Румыны рассчитывали, что на том участке из наших никого нет. И румынская разведка пыталась пройти и захватить пленного у нас (это румын лопотал так), но мы их подстрелили, пленили одного, передали нашим разведчикам. Располагались мы в окопах, которые отрывали ночью. В окопе располагались по два человека. Ночью дежурили, а днем спали, так как к нам днем пройти было невозможно, все простреливалось. Пищу и табак нам приносили один раз ночью, как правило, это была перловая каша. Примерно через месяц нас заменили стрелки из батальона. Впереди и справа от нас находилась господствующая высота 121,4 (в последующем, это сопка Героев), которая много раз переходила из рук в руки.

В один из дней августа месяца 1943 года нашему взводу, а, соответственно, и нашему отделению было приказано оказать помощь нашему правому соседу (батальон 32 СД). Оставив все лишнее в положении, где размещались все, набрав побольше боеприпасов, гранат, начали выдвигаться (при наступлении темноты) перебежками, а где и ползком, на исходное положение. Выдвижение проводилось как можно тише и скрытнее. И где-то к концу ночи (а летние ночи короткие) вышли в нужное место, впереди метров 70–100 были траншеи немцев и по сигналу командира взвода лейтенанта Антонова мы с криком «Ура!» бросились вперед, бросая гранаты и стреляя, выбили немцев из траншеи и воронки. В этом бою мы потеряли троих убитыми и четверых ранеными. У меня в отделении из 7 человек осталось четверо. Продержались мы с соседями до следующей ночи, хотя немцы нас атаковали 2 раза, но мы атаки их отбили гранатами и огнем из автоматов. Следую-

щей ночью нас заменили, и мы вернулись в свои окопы и траншеи на сопке 71-ой.

Сегодня на месте той большой воронки и траншеи стоит на постаменте танк на сопке Героев – так названа та сопка по праву, потому что за все время боев с мая по 16 сентября 1943 года погибло много наших солдат и офицеров. Эта сопка полита кровью моих боевых товарищей.

С 16 сентября мы немцев выбили с Голубой линии, немцы начали отступать, а мы их гнали. Я в составе отделения преследовал немцев и освобождал станицы Кубани до Азовского моря. И только на хуторе Ленина наша рота остановилась на отдых. 9 октября 1943 года последний немец был изгнан с Кубани. Немцы удрали в Крым. Мы остановились отдохнуть после изгнания немцев в районе станицы Кучугуры на берегу Чёрного моря. В спокойной обстановке стали приводить себя в порядок, брились, мылись, стирались и, конечно же, ждали пополнение, так как за время боев мы потеряли много своих товарищей.

Осень (октябрь) была теплая. Приводя себя в порядок, мы предполагали, что придется переправляться в Крым, а вот как и на чем мы, солдаты, не знали. Подошли наши катера, привезли плавсредства.

2 ноября 1943 года я в составе взвода роты автоматчиков высаживался морским десантом в Крым, в районе поселка «Маяк» – вода была уже холодная, немцы сопротивлялись сильно, но мы высадились. Картина высадки была неописуемая. Кораблей больших не было, а наши-то в основном рыбацкие, правда, огневая поддержка нашей артиллерии и авиации была сильной. А позднее подошли бронированные баржи. В общем, мы зацепились за землю, где пришлось еще долго воевать. Стояли на стыках обороны, укрепляли сопки, подносили мины и снаряды (так как транспорта не было), прятались от немецкой бомбежки в Аджимушкайских каменоломнях, атаковали немецкие войска на танках (когда переправили наши танки). Нередко приходилось в море вылавливать продовольственные мешки, сбрасываемые с наших самолетов. Море бушевало, и подвезти нельзя было. Освобождал бухту Стрелецкую в Севастополе своим отделением. Потом мы были переброшены в Белоруссию, и я со своим автоматом дошел до Кенигсберга. Дважды ранен. Из-под Кенигсберга в 1945 г. был

направлен в пехотное военное училище в г. Свердловске. В 1946 г. окончил его, и мне было присвоено звание младшего лейтенанта. Затем служба в Советской армии до 1972 г. Уволен в звании полковника.

Награды:

- орден Красной Звезды,
- орден Отечественной войны I и II степени,
- медаль «За отвагу»,
- медаль «За боевые заслуги»,
- имею 18 юбилейных медалей.

Март 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса Кубанского государственного технологического университета **Нечепуренко Екатерина Александровна***

Кульневич Владимир Григорьевич

Фронтовые будни «бога войны»

Родился я в Челябинске 2 апреля 1923 года. Мои родители - выходцы из бедных батрацких семей, из маленького села Малеч в Белоруссии под Брестом. Первая мировая война забросила эти бедняцкие семьи на Урал, где они попали в кабалу местных кулаков. Отец мой был призван во флот, служил на Балтике, где и встретил Октябрьскую революцию, стал большевиком. На линкоре «Полтава» участвовал в Ледовом походе флота из Гельсингфорса в Кронштадт. После Гражданской войны – партийная работа и снова служба в Красной Армии комиссаром в частях Забайкальского военного округа. В связи с этим вместе с семьёй с 1933 по 1939 годы жил в городе Чите, а затем до сентября 1941 года – в городе Курске. Несмотря на переезды, учёба мне давалась легко. Получил я и неплохую спортивную подготовку: хорошо плавал, ходил на лыжах, катался на коньках, играл в футбол и даже в хоккей с мячом, неплохо стрелял (1 место на областных соревнованиях). 22 июня 1941 года – как раз в ту самую памятную всем последнюю мирную субботу, мне вручили аттестат с отличием об окончании средней школы. О начале войны я и мои друзья узнали на конно-спортивных соревнованиях Курской области, за городом на большой красивой поляне в лесу у реки Сейм, где собралось в то воскресенье очень много празднично настроенных жителей города и области. Всё шло хорошо и вдруг сиг-

нал: «Внимание, слушайте!» На трибуну вышел депутат Верховного Совета СССР Масленников и объявил, что немцы бомбили наши города.

Подал я заявление в военкомат с просьбой послать в Ульяновское танковое училище, где в это время учился мой двоюродный брат Александр. Но направили меня в училище не сразу, а только в конце сентября, когда уже полным ходом шла эвакуация города Курска. Ребят, окончивших со мной десятилетку, уже почти всех забрали в ополчение. После войны из нашего класса осталось в живых только трое из 19-ти парней, и те все инвалиды.

В Ульяновском училище мне сказали, что приехал я поздно и отправили на Урал в Челябинск, где я окончил школу шоферов и стал работать в цехах Кировского завода, выпускавшего танки КВ - возил детали танков от станка к станку, из цеха в цех. «Кировским» Челябинский тракторный завод им. Сталина стал называться с конца 1941 года после того, как на него прибыли ленинградцы-кировцы и привезли с собой много уникального оборудования.

Работали по 2-3 смены подряд, а иногда и по двое суток, не уходя с завода. Подъеду к станку, где скопились готовые детали и, пока их грузят на тележку, усну на руле. Подходит женщина (в мои 18 лет они все пожилыми казались) толкнёт в спину: «Сынок, ехать надо…». Днём то ничего, а вот ночами трудно проехать между станками, около которых работают люди. Бывал я во многих цехах. В моём внутризаводском пропуске (его при выходе сдавал, а на проходной получал другой) стояло девять разных вытесненных специальным способом штампов-печатей. Видел я весь процесс создания танка и видел также с каким трудом доставались нам эти танки. Пробыл я на заводе всего два месяца с небольшим и за это небольшое время выпуск танков удвоился: люди не щадили себя, работали с полной отдачей. Спали рядом со станками, вставали и сразу за работу, ели тут же. Каждый человек был на счету. Только слов громких не было – была Работа!

Окончательная сборка и отладка боевой машины проводилась квалифицированными сборщиками совместно с экипажем танка под руководством его командира. Собирал так свой танк и мой брат лейтенант танкист Саша.

Видел я, как испытывали они свою машину на заводском полигоне, а потом их танковый батальон отбыл на фронт. Больше я Сашу не видел…

На меня оформляли бронь, как на работающего на оборонном заводе, но я ходил и ходил в военкомат и просил, чтобы меня направили в училище. Наконец, получил назначение выехать в Сухой Лог (100 км восточнее города Свердловска) в Одесское артучилище им. М.В. Фрунзе. Таких как я на Кировском заводе оказалось трое, а встретились мы в кабинете директора завода генерала Зальцмана. Он при нас крепко выругал своего заместителя по кадрам, который не успел для двоих полностью оформить бронь. В результате один остался на заводе, а двое уехали в училище.

Одесское артучилище одно из старейших в нашей стране. Оно готовило артиллерийских офицеров для стрельбы из орудий большой и сверхбольшой мощности (т.е. самая тяжелая артиллерия – пушки 203, 210, 280 и 305 мм).

По результатам приёмных экзаменов меня зачислили в АИР (артиллерийская инструментальная разведка) дивизион в седьмую батарею. Командиром взвода у нас был лейтенант Шаренда – высокий и стройный, всегда подтянутый, хорошо знающий своё дело и сверхтребовательный командир. Он считал, что раз он умеет и знает, то и каждый из курсантов должен знать и уметь сделать это же быстро и чётко. Никаких послаблений он не признавал.

До училища Шаренда был цирковым артистом-акробатом. Покажет упражнение – извольте сделать так же. Доставалось и мне, но вроде бы чуть-чуть меньше, чем остальным, так как у меня неплохо получались упражнения на снарядах, гимнастика и ... не мёрз я, как некоторые (вернее, не показывал вида, что мне холодно). Морозы же в тех краях были «добрые»; пригодилась мне сибирская закалка и то, что в любую погоду обливался холодной водой из ведра до пояса. Однажды получилось так, что Шаренда пришёл рано утром в батарею и видел, как меня и моего друга Женю Даниленко обливал из ведра дневальный. Ничего тогда не сказал Шаренда, только улыбнулся. А вот комбат, старший лейтенант Сахно, также нас «засёк» и направил в здравпункт, строго запретив наши обливания.

С ходьбою на лыжах у меня явный конфуз вышел: никак не мог привыкнуть ходить с палками. Я без них с детства распрекрасно обходился. В Чите горы (сопки) и мальчишки по ним ходят без палок, разве только при спуске используют как тормоз. А тут три или четыре шага вдох и столько же выдох – целая наука.

Из моих сверстников самыми близкими друзьями были Женя Даниленко и Адольф Озол. Имя Адольф нам не нравилось, и мы его звали только по фамилии. Парень он был очень хороший - сын латышского революционера. О нём много можно рассказать - интересный он человек, но отмечу только его одну необычную особенность: когда мы бывали на полевых учениях или в колхозе (а убирали мы урожай уральской дождливой осенью) бывало, что выпадал час-другой для отдыха. Так вот Озол спал, не укрываясь шинелью, но всегда закутывал ею голову. Мы в шинелях жмемся друг к другу, а он свободно лежит на спине в гимнастерке с закутанной головой. С Женей Даниленко мы были как двойники: и рост один, и фигуры схожие, и учились одинаково, и обоих нас дневальные по утрам обливали ледяной водой до пояса.

Однажды во время занятий меня вызвали в дивизион. Прохожу мимо спортплощадки и вижу: в лесочке стоит солдатик и держит под узды двух осёдланных коней. Причём один очень красивый, хорошей породы. Но коновод явно неумелый, никак не справится с лошадьми. Минут через 15-20 возвращаюсь назад. На солдатике лица нет, чуть не плачет: настолько породистая лошадка его измотала, да и на ноги ему ненароком успела наступить. Подошел я к нему, взял повод, а лошадь так и перебирает ногами: застоялась, очевидно. Парень отдал мне повод, а сам со своей тихой лошадкой подальше, подальше отходит и хромает. Мне же так захотелось посидеть в седле и самую чуточку проехать. Чьи лошади, спрашиваю, а он только рукой махнул и присел на пенёк. Не знаю, как получилось, но я уже в седле. Конь вздумал дурить, но почувствовал, что это уже не коновод. Пустил я его по тропке вначале шагом, рысью, а потом и галопом. Слушается и хорошо себя ведёт. (В батарее же тихо - занятия идут). Пустил коня на спортплощадку, сначала через низкие препятствия - берёт, ну я и через бревно перемахнул. Конь весь в мыле, храпит, а идёт с удовольствием на препятствия, легко их берёт. Вдруг вижу, что с

краю площадки стоит командир нашего дивизиона с каким-то полковником и смотрят на мои упражнения. Когда они увидели, что и я на них смотрю, комдив пальцем «поманил» меня к себе. Подъехал, соскочил с коня, руку к пилотке и… молчу. А что говорить?! Конь-то оказывается начальника училища, а приехал на нём его заместитель - полковник Кавтарадзе. Комдив спросил мою фамилию. Я доложил всё по форме и батарею и взвод. В общем, думаю, губа мне обеспечена на недельку, а то и более. Полковник же спросил, откуда я, и где научился езде на лошадях. Ответил, что обучался в Курской кавшколе, кавалерист-спортсмен.

- А ну, садись и ещё раз-другой по кругу и через препятствия!

Тут перерыв начался, курсанты во двор высыпали, смотрят… Отвел я коня в сторонку, сел в седло и пустил его по кругу (это значит вокруг спортплощадки). Конь послушный, прекрасная выучка. Сделал он всё как надо, не подвёл, только шея и пах быстро пеной покрываются. Вернулся я к командирам, соскочил с коня и опять... молчу. Полковник спрашивает:

- Ну, как?

- Конь хороший, только застоялся очень. Гонять его надо хотя бы на корде каждый день.

- Вот и будешь его прогуливать по утрам раза два в неделю, а на корде его и без тебя погоняют.

- Есть, прогуливать!

Мне, конечно, завидовали, и сам я вначале очень обрадовался такому обороту дел. Но ведь это была работа, дополнительная серьёзная работа, требующая внимания и времени. Ездил по утрам в воскресные дни и очень редко в рабочие. Вставать приходилось раньше, чем за час до подъёма, но мы и так не залёживались в постелях. Комбат не очень-то одобрял эти прогулки, и они прекратились как-то сами собой, так как мы почти всё время находились на полевых пунктах. Отыскивали, засекали и "поражали" цели и делать это надо было быстро, точно и надежно. Как бы то ни было, поездки верхом вносили разрядку. Я хорошо познакомился с красивейшими окрестностями курорта «Курьи», проезжал далеко по берегам реки Пышма. Это были последние мои поездки в седле. Больше я на коня никогда уже не садился.

Окончили мы училище в декабре 1942 года, мне присвоили звание лейтенанта с правом вступления в гвардию. После непродолжительного пребывания в резерве (город Саранск) меня направили в действующую армию. Попал я в 161 Гвардейский пушечно-гаубичный полк РГК 7-ой Гвардейской армии.

Только что окончилась нашей победой грандиозная Сталинградская битва. Героическая 64-ая армия, успешно оборонявшая под командованием генерала М.С. Шумилова южную часть Сталинграда, стала 7-ой Гвардейской армией, а артполк 1112 - 161 Гвардейским артполком.

В начале марта 1943 года наметился прорыв немцев между Харьковом и Белгородом. Для того чтобы остановить их из-под Сталинграда, спешно перебросили 7-ю Гвардейскую армию, которая, буквально с колёс, вступила в бои, остановила немцев и отбросила их за реку Северский Донец. Так образовался южный фас Курского выступа. 161-й Гвардейский артполк был расположен прямо против города Белгорода. Здесь и началась моя фронтовая служба. Направили меня командиром взвода управления в 8-ю батарею третьего дивизиона. Командиром батареи (комбатом) был старший лейтенант Сыромятников Н.И.

Началась весенняя распутица, что очень осложнило снабжение боеприпасами и продовольствием. На учёте был каждый снаряд, трудно стало с питанием. К началу мая дороги просохли, и снабжение значительно улучшилось. В это время стали поступать сведения о подготовке большого наступления немцев на нашем участке фронта. У немцев был небольшой плацдарм на левом берегу Донца в районе села Михайловка. Стало известно, что немцы по ночам строят для танков мост, но так, что он скрыт под водой. Командир третьего дивизиона капитан Сорока (к сожалению, я не могу назвать ни имён, ни отчества своих сослуживцев, так как мы обращались по званию или по фамилии друг к другу) собрал комвзводов управления и поставил задачу найти этот мост и нанести его на карту, чтобы комбаты знали куда стрелять. Первым вызвался пойти в разведку лейтенант Попов В.М. (он также закончил Одесское артучилище). Вячеслав умело провёл разведку и обнаружил, что немцы по ночам забивают сваи так, чтобы получился сплошной настил на 40-30 см под водой. Поэтому мост не виден, а переправа обеспечена. Для того чтобы всё это увидеть

Попову В.М. пришлось выбраться на нейтральную полосу. Мост он засёк, но сам уже днём попал под бомбёжку, и его сильно контузило. Одно из орудий дивизиона подтянули поближе к передовой и разбили мост. Попов В. был награждён орденом Красной Звезды. Он долго ничего не слышал, но из полка не ушел. Запомнился же весёлым, хорошим парнем. До сих пор помню, какие он писал письма родным: "Жив-здоров. Вячеслав Михайлович Попов", - и всё, и так каждый раз.

Однажды послал меня комбат в Старый город, что расположен у самой реки перед Белгородом, выявить цели. Пришел я к командиру батальона, и он сам решил показать цели, по которым, по его мнению, должна "трахнуть" тяжелая батарея.

Командир батальона принял нас очень радушно. Пригласил в свой блиндаж под домом, где стояла настоящая кровать с периной - роскошь, о которой мы и думать забыли. Угостил обедом, а потом пошли по окопам переднего края. Я иногда выглядывал из окопа, вдруг комбат схватил меня за ноги и я упал на дно окопа. Потом он показал, куда вошла пуля снайпера: именно там, где должна была быть моя голова, если бы я не упал. Потом таких случаев было несколько, но я уже и сам соображал, как мне поступать. Засёк несколько важных целей; мне показали, откуда стреляет снайпер - из-под быка железнодорожного моста у электростанции. Потом Сыромятников туда удачно положил пару снарядов и, как нам сказали, оттуда больше снайпер не стрелял.

Командир батальона показал мне ещё одну "особую" цель, накрыть которую он просил от имени всех командиров и красноармейцев батальона. В Белгороде на одной из улиц, которая хорошо просматривалась в бинокль, стоял на углу двухэтажный дом. В нём у немцев было что-то вроде клуба или кабаре. Миномёты не доставали, а для настильной траектории полковых 76 мм пушек цель была неудобной. В общем, нужна гаубица и калибром побольше. У нас же были 152 мм гаубицы-пушки. Доложил я своему командиру батареи эту просьбу, а он командиру дивизиона Сороке. Тот дал добро. Но с нашего НП этот домик не просматривался. Пришлось мне тянуть связь на НП командира роты, откуда все хорошо видно. Выделено было мне на эту операцию 5 снарядов.

На пункте были два командира роты и командир батальона. Я, конечно, бодрился, но ведь это была моя первая боевая

стрельба, первая настоящая цель, которую я должен был (обязательно!) поразить. Пришел я со своими помощниками (связист и разведчик) ещё днём, времени хватало: всё тщательно посчитал. Мне повезло: в пределах видимости с НП комроты была хорошо пристрелянная нашей батареей цель, от которой я и "танцевал".

К вечеру, на закате мы увидели, что в этот дом идут и идут люди. Комбат насчитал 12 человек, уверенно сказал, что ещё придут. Я уже начал нервничать и сказал, что в темноте наверняка промажу. В общем, со второго снаряда попал, потом ещё два раза. От дома осталась одна стена и крыша, съехавшая на улицу. Ясно, что результатом все были довольны. Мне даже вручили приз - полный котелок спирта, который мне же, как помнится, пришлось нести «домой» - на свой НП.

Через несколько дней поступил приказ перевести меня из 8-й в 7-ую батарею командиром огневого взвода. Не хотелось мне, разумеется, уходить от Сыромятникова Н.И., но приказ не обсуждают. Комбат-8 был особенным командиром, его любили, и было за что; «стрелял прекрасно, быстро и точно». Это был учёный на войне - аспирант Уральского политехнического института. Вежливый, но требовательный. За форсирование Днепра в нашем полку семерым было присвоено звание Героя Советского Союза, трое из них из 8-ой батареи, в том числе и Николай Иванович Сыромятников.

Теперь моим командиром стал Лапердин - то же герой Сталинграда. О нём у меня самые хорошие воспоминания. Чёрные вьющиеся волосы, уверенный взгляд. Что-то цыганское было в нём, а может он, действительно, был из цыган. Не знаю. Он был требовательным и даже суровым, но одновременно во всем чувствовалась большая душевная теплота. Для меня это был хороший старший товарищ, наставник и друг. Большой мы с ним прошли путь, в разных трудных ситуациях пришлось побывать, и всегда я в нём чувствовал надежную опору, дружескую поддержку. Бывали у меня и промахи, но от него ни одного слова упрёка, только посмотрит как-то по-особому, промолчит. Действовало это сильнее всяких слов. Сталинградцы - это действительно особые люди! Много раз я думал и думаю сейчас, что мне просто повезло, что попал я в их среду, что в их рядах прошел самый трудный участок своего жизненного пути. Сам я не был под Сталинградом, так как пришел в

полк только под Белгородом. Но эта Сталинградская атмосфера, этот особый общий настрой всех однополчан сохранялся на всём славном пути нашего полка. В этом большая заслуга нашего замечательного командира полка Богушевича И.М. Когда я пришел в полк и докладывал ему, что прибыл для прохождения службы, он был подполковником с двумя орденами Красного Знамени: первый - за бои под Халхин-Голом, второй - за Сталинград. За форсирование Днепра ему и нашему командиру дивизиона капитану Сороке было присвоено звание Героя Советского Союза.

И вот я принял огневой взвод - две пушки седьмой батареи. «Сима» - таков был её телефонный код, комбат - 701, а я - 704. Восьмая батарея – «Вера», а девятая – «Даша». Принять-то я принял взвод, но в Одесском артучилище 152 мм пушки не изучали. Я хорошо знал системы БМ (большой мощности), ну, а эти - видел только издали. Необходимо было доучиваться. И моими учители стали командиры орудий старшие сержанты Вавилов – участник боёв на озере Хасан, где был награжден орденом Красного Знамени, Свиридов - комсорг батареи, а также наводчик первого орудия Попов - плотник по профессии 40-летний мужчина небольшого роста. Это был удивительный человек. Первым и единственным, кто в тяжелейшие для полка дни отступления к Сталинграду был награжден орденом Красной Звезды за то, что в одном бою прямой наводкой уничтожил один за другим 5 танков. Для всех нас батарейцев он был примером выдержки, спокойствия и находчивости в тяжелые минуты, смелости и отваги. Всё он делал неспеша, деловито. Для него стрельба была работой, которую надо делать, как и положено хорошему плотнику, фундаментально, надёжно. Нельзя при этом спешить и суетиться и он не спешил, не суетился. Это ничего, что по тебе стреляют. Со стороны можно было подумать, что он занят мирным плотницким делом, а не стрельбой.

Вот такие у меня оказались учителя. Я им всё сразу открыто сказал, что мне надо в пушке показать всё: как её переводят в доходное положение и готовят к бою. Как разбирать и собирать замок и т.д. и т.п. Явно удивились, но промолчали. Тогда я рассказал им об Одесском артучилище, и что такое АИР и чему меня учили, и что я уже знаю, и что такое БМ. После этого у них появилось ко мне доверие, и даже интерес и, главное,

желание поделиться своими знаниями. Испросил я разрешение у 701-го вытащить пушку из окопа, перевезти на запасную ОП (огневую позицию), разобрать, собрать и вернуть на место. Лапердин меня понял и дал разрешение, разумеется, об этом было доложено комдиву. Расчёты с интересом смотрели на нашу учёбу и сами в ней активно участвовали. Через два часа пушка снова стояла в боевом положении.

Огневые позиции трёх батарей нашего артдивизиона были расположены друг за другом в балке с довольно крутыми берегами, направленной на запад и постепенно поднимающейся на возвышенность, где балка постепенно исчезала, прикрытая небольшим лесом. Дальше за бугром были НП, с которых хорошо был виден Белгород, стоящий на высоком правом берегу реки Северный Донец. Сзади, т.е. с востока, балку прикрывало небольшое село Ястребово, расположенное в низине в пойме какой-то очень маленькой речушки, текущей на юг. Вначале пушки «Симы» стояли около самой деревни. На маскировочные сетки приходилось класть осоку (от речушки), но эта трава сверхбыстро сохнет и становится белесоватой так, что маскировка превращается в нарочитую демаскировку. За что нас ругали все, кому это было положено по должности, а немцы частенько обстреливали нашу ОП. Критику терпеть можно, но вот обстрелы, как-то не очень. Был такой случай. Я почему-то снял не только гимнастёрку, но и майку, а тут артналёт на нашу огневую. Красноармейцы быстро в ровики, я же замешкался. Пришлось перемещаться уже под обстрелом. Ложиться старался в свежие воронки и вот тут-то почувствовал (и понял), как горяча земля-матушка после взрыва! "Теплота" для оголённого тела весьма чувствительная, а ведь прижимался же, да ещё как прижимался, пока добрался до щели! После этого обстрела нашу ОП переместили вперёд, вверх по балке. Стояли мы теперь в удобном месте: пушки - на подсохшем лугу, их мы легко замаскировали, рядом меловая пещера, около входа в нее зелёный лужок, высокие кусты. В пещере устроили шикарнейший Красный уголок, повесили карту СССР с линией фронта и даже портрет Ленина.

Выше я уже успел похвастаться, что неплохо стрелял. Так это из мелкокалиберной винтовки, а вот из трехлинейки на единственных стрельбах в училище "показал" результат 25 из 50! Этот "результат" крепко засел в моей голове, но других

стрельб не было. И вот здесь в меловом карьере устроил себе стрельбище. Стрелял из карабина до тех пор, пока не стал уверенно выбивать 40 и даже 45 очков с расстояния 100 метров. Освоил и свой "ТТ" (а потом и "Парабеллум") так, что мог с 20 метров попасть в кружок величиной с трёхкопеечную монету. Затем стрелял даже из ПТР (противотанковое ружьё) и из немецких пулемётов, но из них уже позже, когда наступали и набрали трофейного оружия. ПТР - хорошая "штука", однако в плечо бьёт крепко, значительно сильнее, чем карабин. Батарее не положены по штату ни пулемёты, ни, тем более, ПТР. Наши ПТР восстановил из разбитого Попов, он сделал ему новую ложу.

Проводил занятия по стрельбе и с расчётами. Как выяснилось, многие стреляли хорошо, но некоторые не сразу в мишень смогли попасть. Соревнований у нас не было, однако многие с удивлением констатировали, что из своего личного боевого оружия стреляют явно не на отличную оценку: пули надо уметь направлять в цель, иначе они её…"огибают".

Немного о буссоли - компас такой специальный с артиллерийскими делениями для ориентировки орудий. Так вот, использовать буссоль около Белгорода дело абсолютно бесполезное: стрелка прыгает, как ей хочется. Аномалия! Теперь это каждый знает, все грамотные! Ну, и тогда мы быстро разобрались. Поэтому командиры огневых взводов устанавливали пушки по солнцу или по звездам. По звездам чаще, так как новые ОП обычно занимали в ночное время. Недаром говорят, что привычка - вторая натура. Привык я без буссоли обходиться и почти никогда ею не пользовался. Стали на место. Посмотрю на небо, и ... "ставить так!".

В балке около села Ястребово батареи дивизиона простояли с начала апреля и до 17-18 часов 7 июля 1943 года. Здесь мы и готовились встретить наступление немцев, намеревавшихся ударить под основание Курского выступа на северо-восток в направлении Корочи. Это так называемое вспомогательное (отсекающее) направление. По плану "Цитадель" основной удар наносился с севера от Орла и с юга от Белгорода вдоль железнодорожной и автомагистралей Харьков-Москва. Эта линия должна была стать внутренним кольцом окружения войск Курской дуги. А внешнее (второе) кольцо - должно быть создано ударом на Корочу, Щигры и далее с тем, чтобы гаран-

тировать невозможность прорыва окруженных войск на восток. Задумано было создать нам котёл вроде Сталинградского. О том, какие бои были на главном направлении, я узнал уже потом, много лет после войны. Сам же видел из балки маленький участок сражения на "вспомогательном" направлении. Все началось с той самой (теперь уже всем известной) ночной контрартподготовки примерно за два часа до начала наступления немцев. Стреляли всем полком в темпе беглого огня по заранее разведанным целям минут 30-40. Потом всё стихло. И тихо было не только до рассвета, примерно до полвосьмого. Немцы вынуждены были отложить начало своего наступления. Их артподготовка была явно ослабленной: мы же часть батарей у них вывели из строя. Более того, с НП комбат нам передал, что на армаду немецких бомбардировщиков со всех сторон набросились наши истребители, сбили многих, а других заставили сбросить бомбы в беспорядке и даже над Белгородом, т.е. на головы немцев! Это совсем хорошо! Ну, а потом мы стреляли весь день. Краска на стволах облезла, и они стали какие-то сизо-белесые, горячие очень. Снаряды нам подвозили машинами непрерывно (35 ящиков снаряд + заряд на автомашине "ЗИС-5"). Разгружали эти снаряды те, кто их привозил. Расчёты были заняты стрельбой. Помогали только собирать гильзы в ящики и грузить их на машины. Тут же подходили новые "ЗИС"ы со снарядами. Очень интересный и важный момент: наши позиции немцы не бомбили, не было слышно и бомбежек ни в первый день, ни в последующие дни. Явно их к нам надежно не пускали, а мы работали ритмично, спокойно, как на учениях. Разумеется, и результаты стрельб были весьма высокими.

Много раз мы слышали: «Спасибо! Молодцы! Благодарность от комдива!».

Непрерывно стреляли мы весь день и 6 июля, и с утра до 15-16 часов 7 июля. Немцы все же прорвали фронт, и от комбата несколько раз прозвучал приказ-просьба; разберите снаряды по знакам (по весу), наводите точнее, бью по нашим окопам, по ним движутся танки и утюжат нашу пехоту! Через некоторое время стволы наших пушек стали поворачивать всё левее и левее и били уже на юг. Стреляли мы куда-то близко навесным гаубичным огнём. Наконец пушки повернули почти назад, на юго-восток, в свой тыл.

Пришел заместитель командира полка и вручил мне письменный приказ выводить орудия на восток. По дороге через Ястребово ехать уже было нельзя, надо было либо карабкаться с пушками на крутой правый (северный) склон балки, либо ... на запад через лесок в вершине балки, который немцы уже обошли. Их автоматчики перебежками двигались по левому гребню балки. Мы их хорошо видели, но они в нас не стреляли и мы их не трогали. Шла обычная суета около пушек, их перевели в походное положение, прицепили к "Сталинцам" (ЧТЗ). В это время появился замполит командира дивизиона и приказал направить пушки на северный склон. Я объяснял, что трактор не вытянет: очень круто. Но снова приказ - пришлось подчиниться. Трактор второго орудия пошел вверх, но на середине подъёма, заглох и больше не заводился; сломалась маленькая пружиночка в магнето. И всё! Пушку хоть бросай! Второе орудие я наотрез отказался вести на склон, хотя на меня капитан кричал и, как мне кажется, крутил около носа свой пистолет. Потом он сказал комдиву, что, и я не за словом в кобуру лазил. В общем, он исчез с батареи. Этот трактор был очень старый, с плохой компрессией и тянул слабо. Поехали мы на Белгород к спасительному лесочку. По нему вилась просёлочная дорога, по ней мы много раз ходили. Подъём был пологий, и трактор шел, затем остановился, но не заглох. Солдаты где-то достали бревно и подкладывали его сзади под колёса пушки. Трактор оседал на пушку, мотор набирал обороты и рывком вперёд. Пройдет 5-8 метров и снова остановка. Опять бревно сзади под колеса. А колёса-то чугунные, литые, тяжелые-претяжёлые, каждое по тонне!

Пушка на гусматике висит за трактором на склоне, а мы этого «бога войны» сдвинуть не можем. И всё же поднялись наверх! Немцев в лесу не было. Повернули вправо, проехали мимо нашей второй пушки и тут встретили Лапердина. Он мне приказал следовать дальше, а второй пушкой он сам займётся, и ещё сказал: «Увидишь танки, бей прямой. Ну, прощай пока!».

Солнце клонилось к закату, но было ещё очень светло. Ехали мы по высоте, немного вниз по склону. И вдруг над нами стала кружить "Рама" и кидать бомбы. Все соскочили с орудия, тракторист уцепился за левый фрикцион, так и держит его. Трактор с пушкой пошел кругами, а "Рама" тоже кругами

и кидает, и кидает, все мимо, хотя и рядом. Бегу я за трактором и ору: "Брось фрикцион, отпусти левый", а он глядит большими глазами вперёд и всё держит левый. Залез я по сцепу на трактор и толкаю тракториста, а он как глухой. Пришлось вытолкнуть его из трактора, он и слетел на землю. Развернул я трактор и повёл его по склону туда, где стояли пушки других наших батарей "Веры" и "Даши" и били прямой наводкой по танкам. Сколько их шло! Громадное стадо! По отношению к нам они двигались облически, т.е. "наискосок" и, если и стреляли по нам, то слабо. Очевидно, у них была другая задача: прорваться глубже в наш тыл, выйти на простор. Но сзади у нас километрах в шести была еще линия обороны с противотанковыми препятствиями. Стал я выворачивать трактор, чтобы направить пушку на танки и вдруг вижу - рядом сидит тракторист и тянется к управлению: «Разрешите, товарищ лейтенант». Передал ему управление, соскочил на землю и стал показывать, как поставить пушку. Поставили быстро, навели, ждут от меня команды. А, у меня… даже бинокля нет. Не положено, видите ли, комвзводу огневого. Потом-то я обзавелся немецким, ну, а тут… снял я оптическую (четырехкратную) наводку-монокуляр с буссоли. В этом монокуляре, как и в бинокле, есть перекрестье и сетка - то, что мне и нужно. Снарядов же всего 10 штук!

- Прицел…, заряд полный с "присыпочкой". Огонь!

Наводчик-сержант Попов. Вот теперь я увидел, как он работает на прямой наводке. У панорамы быть при выстреле нельзя - это не сорокапятка. Наша пушка так прыгает и так ствол отходит назад, что лучше стоять подальше сбоку. Дёрнул за шнур Попов и глядит, приложив руку козырьком. Нашел "свой" взрыв. Ещё раз внимательно посмотрел и говорит, хлопнув руками себя по бедрам: промазал. И я смотрю в свою буссоль-монокль.

- Ты не спеши, Попов, поверни угломер панорамы влево на 0,01 и, как перекрестье, по носу танка, быстро дергай.

Второй выстрел - прямое попадание! И так из 10 снарядов 7 уничтоженных танков. Их экипажи приказали долго жить! Подходит начштаба дивизиона. Он сам видел, как мы стреляли. Похвалил нас, а потом спрашивает, сколько ещё есть снарядов? Посмотрел я вокруг только пустые гильзы. Всё, отстрелялась "Сима"! Приказ: «Уходите на Мясоедово!».

Это километров пять на север. Уже стемнело, когда Лапердин привёл чужим тягачом вторую пушку. Итак, пушек две, а трактор один, да и тот слабосильный. Снял с него командир отделения тяги магнето и пошли вызволять своего стального коня из плена. Ну, а это история как из сверхприключенческого детектива: ибо трактор провели по дороге через село Ястребово, в котором уже были немцы. Самому не верится, но это факт. Трактор-то вот он стоит около "своей" пушки. Пружинку нашли новую, вставили её на место в магнето и снова потянул пушку наш пахарь славный.

Утром 8 июля наша "Сима" в полном составе готовилась уходить дальше, за вторую линию обороны, ибо слева немцы продвинулись от Донца километров на 10-12. Их танки и мотопехота прошли по батареям нашего собрата-полка 1111.

Насмерть они бились. Некоторых из офицеров этого полка я знал, был как-то на двух батареях. Но о том, что произошло 7 июля, мы узнали позже, когда вернулись снова на старые позиции.

А сейчас над нами наши славные соколы штурмовики "ИЛ-2"- целая эскадрилья. Мы им машем пилотками, автоматами, а они как врежут по нам из пулемётов и РС-ов. Потом, видимо, поняли. Во всяком случае, на второй заход не пошли. У нас потерь не было. Хорошо и плохо: раз уж стреляете, то попадайте, только по своим-то не надо бы. Много позже, ухе зимой 1944 года под Кировоградом на НП с Лапердиным попали под артобстрел наших 122 мм гаубиц. Хорошо стрелял тот комбат, кучно клал снаряды. Пришлось нам всем с большой поспешностью перебраться на другую сторону кургана в мертвую зону. Попал-таки "он" в наш блиндаж. Однако до сих пор не понятно, почему была выбрана цель - этот наш курган километра полтора-два стоял в глубине нашей обороны не менее трех суток: было время разобраться кто где! Всякое бывало…

Но вернёмся к летним событиям. Ещё 7.07 вечером я вроде бы нормально разговаривал, а утром 8-го - сипел. Сорвал я свой командирский голос, подавая команды под сплошной грохот канонады три дня подряд. Пришлось заряжающему Вьюну, который как старший друг опекал меня, дублировать мои распоряжения громким голосом.

Выехали на восток походным порядком. Шел весь дивизион пушка за пушкой, но небо было чистым. Это на четвертый-то

день наступления! Хорошо же их укротили наши летчики! Я устроился на маскировочной сетке между уравновешивающими цилиндрами и уснул. Спали все расчёты. Бодрствовали только трактористы и наблюдатели за небом. Солнце палило мне в лицо, оно (особенно нос) сильно обгорело, но я ничего не чувствовал. Меня разбудил громкий голос: "Товарищ лейтенант, к командиру полка!" Вскочил, стою на лафете без сапог, а подполковник Богушевич вот он, на "Виллисе". Я руку к пилотке, а подполковник мне: "Ничего, всё идет неплохо. Спасибо расчётам за службу! Следуйте дальше..." И уехал.

Поставили нас на прямую наводку на опушке большой дубравы. На танкоопасном направлении. Но это уже была не война, а хороший отдых: ни одного снаряда около нас не упало, ни одной бомбы. Через две недели мы вернулись на старые рубежи, только немного левее - там, где до нас были боевые порядки артполка 1111, и мы увидели их разбитые пушки, поклонились братским могилам. Они погибли как герои в тяжелейшем бою; погибли, но не отошли от пушек пока могли стрелять. Много кругом стояло искореженной техники: танков, самоходок, тягачей. Нашему же дивизиону немного повезло - мы стояли в неудобной для танков балке, буквально рядом. По этим местам, очевидно, стреляли пушки нашего дивизиона, когда они были развернуты от Белгорода на юг.

Потери в прошедшей битве были столь большие, что в нашем полку забрали всех, кого возможно: поваров, писарей и даже из огневых взводов для подмоги пехоте. Получил и я приказ переправиться на правый берег Донца, где мы вчетвером "держали оборону" примерно на участке роты. Одновременно это был передовой НП, а комбат расположил свой НП несколько сзади.

Но не это главное. Мне запомнилось другое, страшное. Северный Донец мы переплывали на лодке. При каждом гребке веслом из воды всплывали мертвецы. Вся река переполнена трупами немецких солдат, плавали они и по поверхности реки. Вот какое было вспомогательное направление!

Пришли свежие пехотные части, и мы вернулись на огневую, а потом уже с пушками переехали ещё раз через Донец по понтонному мосту. Белгород был взят. У переправы гремел динамик: введено звание солдат и офицер - это многим тогда

было не понятно, ну, а погоны ввели раньше - мы были уже с погонами.

Впервые салютовала Москва в честь победы, именно в честь взятия Белгорода и Орла!

От Белгорода наша 7-ая Гвардейская армия повернула строго на юг. С боями шли на Харьков. Где-то на полпути между этими городами пушки седьмой батареи были установлены на опушке красивой берёзовой рощи с высокими, стройными деревьями. По краю рощи с восточной стороны была слабо протоптанная просёлочная дорога, по которой, очевидно, гоняли скот в деревню, расположенную ниже в неглубокой балке. Поступил необычный приказ: всё привести в порядок, прибрать местность вокруг батареи. Появились офицеры штаба полка и штаба Армии. Пришлось спешно организовывать уборку и пробить линейку между пушками.

Прибыли представители всех дивизионов нашего полка во главе с комдивами. Здесь у нас на "Симе" будут вручать Гвардейское Знамя нашему полку! Приехал Командарм - 7 гвардии генерал-лейтенант Шумилов М.С., с ним другие генералы и наш комполка подполковник Богушевич И.М. Огневые расчёты нашей батарей стояли в две шеренги с карабинами к ноге у правого орудия, как раз там, где вручали Знамя! Торжественные минуты: Гвардейское Знамя нашего прославленного полка вручил сам Командарм Шумилов М.С. командиру 161 Гвардейского полка Богушевичу И.М. на нашей огневой!

Большая честь для батареи. Такое не забудется никогда!

Когда бы мне ещё пришлось увидеть своего Командарма?! Это и было-то всего два раза. Вначале я увидел его издали на небольшом возвышении. Генерал Шумилов М.С. стоял в генеральской шинели с красными отворотами и смотрел на проходящие войска. И вот здесь, на нашей огневой, с Гвардейским Знаменем нашего полка, рядом, в десяти шагах.

Мы поклялись высоко нести наше Гвардейское Знамя и с честью донести его до полной Победы над врагом!

Наш артполк быстро продвигался с другими частями Армии на юг. 23 августа 1943 года был взят Харьков. В его освобождении участие принимала и 7-ая Гвардейская армия и наш артполк.

В день освобождения Харькова пушки "Симы" стояли в районе посёлка Герцена, на северо-восточной окраине города.

За хлопотами по организации огневой я как-то не сразу заметил, что при орудиях остались только их командиры да часовые. Расчёты исчезли!

Одного солдата я сам отпустил. К сожалению, не помню его фамилии. Помнится только, что ему было тогда 42 года, на "гражданке" он был бухгалтером, жил в Харькове.

Попросил он моего разрешения пойти в город навестить жену и дочку, узнать, живы ли они. До этого нам сообщили специальный приказ никого не отпускать в отлучки. Но этот пожилой мужчина так на меня смотрел, у него были такие глаза, что я его отпустил. Он сказал, что это тут рядом и вернётся он через 6 часов. Пришел он вовремя и принёс мне гостинец - творожные шанежки. Он был такой возбуждённый, радостный: все живы! Он их видел своими глазами! Я пытался отказаться от гостинца, да куда там:

- Это от жены специально Вам. Ведь я ей сказал, что Вы не имели права отпускать меня. Мы все вам благодарны!

Я не был "добреньким" и, если бы меня спросили, то, очевидно, не смог бы толком объяснить, почему я так поступил. Много позже, после войны, когда вспоминался этот эпизод, каждый раз думаю: хорошо, что я не отказал, не допустил ошибки, которую не простил бы себе никогда. Ибо позже, повзрослев, оценил бы свой отказ как жестокость, которая не имеет оправдания.

Спрашиваю старшего сержанта Вавилова: «Где люди?!»

Молчит, потом махнул рукой в сторону посёлка. Пошел я туда и вижу, собрались местные девчата, и все наши тут поют и смеются. Девчата все такие весёлые, молоденькие и красивые... Сто лет мы их не видели. Были, конечно, в полку и в дивизионе санинструкторы, связистки, но их было мало, и все они были старше меня. Для них такие, как я были мальчишками – кругом столько настоящих мужчин! Вернулись на огневую примерно через час. Мне передают приказ явиться к командиру дивизиона вместе с санинструктором и объяснить, где это мы были. Поговорил с комбатом, тот ничего не знает, но раз приказано, бери шнур в руки и в путь. Вышли мы вчетвером: я, старшина-санинструктор и два автоматчика-связиста. Было уже темно. Особой вины я не чувствовал за собой, ибо был недалеко и всё время видел пушки, меня просто было к

ним позвать, да и Лапердина я поставил в известность о своём уходе.

Шли долго, наступила ночь. Вышли на аэродром, разбитые самолёты, ангары. Подходим к зданию сельхозинститута. Тут должен быть НП комдива, но его уже нет здесь: ушли дальше. Сел я на какой-то большой камень и стукаю его пяткой, да и ладонью похлопываю. Тут же старшина присел. Решаем куда теперь идти. А луна возьми и выйди из-за тучи. Стало светло, светло. Глянули мы на свой «камешек» и вмиг подскочили оба; это была 250 килограммовая немецкая бомба! Ударившись об угол здания, она развалила его, но не взорвалась и вот лежит тут. Только теперь мы поняли, почему кругом никого нет, почему все довольно кучно расположились на одном, дальнем конце здания сельхозинститута.

Командира дивизиона капитана Сороку мы нашли, когда было совсем светло. Он очень удивился нашему приходу. Сказал, что не вызывал нас, но выслушал о причине нашего прихода внимательно и приказал немедленно возвращаться, так как батареи готовятся к маршу вперед. Получается, что над нами кто-то "пошутил". Но мы на этого шутника не в обиде. Хотя и немного, но посмотрели на цивильных граждан, на помидоры, которые вёз на базар какой-то харьковчанин и угостил нас. Именно в этот раз я впервые увидел помидоры-сливка. Меня их форма очень удивила, да и спутников моих тоже. Где же их можно было нам увидеть в Сибири или на Урале?! Это сейчас в каждом магазине консервированные "сливки" стоят рядами в баллонах. Ими уже никого не удивишь. А мы ещё были удивительные люди, потому что часто удивлялись.

У меня самые добрые воспоминания о капитане Сорока, о нашем славном командире дивизиона. Он был для меня, да и для всех нас из третьего дивизиона примером во всём. Внешне это был красивый, подтянутый мужчина, весьма эрудированный артиллерист. И на этот раз он вял карту и объяснил мне как проще и быстрее встретиться с батареей, которая была уже в пути.

Встретили мы свои орудия в посёлке Песчанка, Действительно кругом песок и песок и мы очень переживали за трактора, гусеницы которых скрипели и визжали. Не знал я тогда, что через полгода снова окажусь в этом посёлке у родных мое-

го друга по училищу Жени Даниленко.

Харьков мы обошли с востока и с непродолжительными остановками стали двигаться в юго-западном направлении. Нашему полку был присвоено почётное наименование Красноградский, но город Красноград я впервые увидел только в 1981 году, куда мы с женой специально заехали на своих "Жигулях". В центре этого небольшого городка на обелиске среди других частей, его освобождавших, значится и наш 161-й Гвардейский артполк.

Украина - чудеснейшая земля! Именно в те дни мы впервые «познакомились» с кукурузными и подсолнечными полями. За редким исключением, наши огневые размещались в кукурузе или в подсолнухах. Ну, какое это укрытие?! С воздуха наши пушки, как ни маскируй, видны распрекрасно. Маскировались мы, конечно, но больше для порядка, так как авиация противника была уже явно не та – поистрепалась. Видели мы бомбёжки, конечно, но наши батареи на пути до Днепра ни разу не бомбили.

Днепр 7-ая Гвардейская армия форсировала сходу. Вместе с передовыми частями на правый берег были переправлены пушки 8-ой и 9-й батарей. А наша "Сима" поотстала, так как тянули её пушки всё те же пахари – ЧТЗ,

А у «Веры» и «Даши» - немецкие «Бамаги». Скорость у них с пушкой была 30-35 км/ч, а у нас - не более 6 км/ч. Да ещё один из тракторов поломался в пути и его ремонтировали, используя детали от стоявшего в каком-то селе трактора. Поэтому отстали от 8-ой и 9-й батарей более чем на сутки.

Это был знаменитый Бородаевский плацдарм. На его месте сейчас сооружен большой обелиск - памятник в честь 7-ой Гвардейской армии. Красивый вид открывается от обелиска на Днепр и необъятные дали. Издалека приезжают поклониться этому месту. Мы с женой там были дважды. И каждый раз видели, как останавливаются машины, выходят из них люди и долго-долго смотрят на Днепр, на обелиск, кладут цветы. Проезжают свадьбы, фотографируются.

А тогда, в 1943 году, тут кипела земля. Внизу на Днепре была наша переправа. Метрах в двухстах от этой переправы, за пасекой стояли пушки седьмой батареи. От нас через Днепр был проложен по дну реки телефонный кабель к НП нашего комбата. Мы стреляли очень много, "отдувались" за весь диви-

зион, т.к. «Вера» и «Даша» были на прямой наводке и били только по танкам. Да и снаряды через Днепр было трудно доставлять. Переправу немцы непрерывно бомбили. Прилетит 15-20 "Юнкеров" и валятся один за другим, бросая по пять бомб сразу: одна большая падает быстрее остальных, что поменьше, но и они по 50 кг! Что-то в первые дни не ладилось с защитой с воздуха нашей переправы. То крутятся в небе наши "Кобры", шумят, воздух сотрясают. Бензин кончается - улетают. Тут же появляются "Юнкерсы". Отбомбились и улетели... Снова летят "Кобры". Горько было смотреть на эту немыслимую карусель. Нам-то было ещё ничего, хотя тоже приходилось сидеть в ровиках. А вот что творилось на переправе! Рассказывали, что в эти дни прибыл к нам сам генерал Конев И.С., который в то время командовал вторым Украинским фронтом. Дал хорошую взбучку авиационному генералу: "Кобры" стали прибывать вовремя и сбили несколько "Юнкерсов". На переправе стало значительно спокойнее. Нас же стали лучше снабжать снарядами, а до этого мы 2 раза расходовали НЗ. Я сообщаю на НП, что снарядов нет.

Лапердин: - Давай из НЗ!

Я кричу: - Не имею права.

Лапердин: - Давай НЗ, я приказываю!

Стреляли, конечно, оставив по 1-2 снаряда на пушку. Им-то там, за Днепром трудно, а перед нами все же река.

И вдруг сразу 5 машин! Видели бы Вы, как разгружали эти машины. Было это ночью. То в одном месте, то в другом, но недалеко от нас, рвались бомбы, которые бросали ночные румынские кукурузники. К машинам пришли все, снимали и складывали ящики со снарядами, а ящик весит 75-80 кг. Мне кажется, что мы эти 5 машин разгрузили за 10 минут, всё боялись, что машины уйдут на другие батареи. Сразу более 2ОО снарядов, радость-то, какая. Всю ночь их сортировали и укладывали в ровики и у пушек. А дед с пасеки нам ведро мёду с сотами принёс. Уснули только под утро, а часов в шесть команда "К орудиям". Тут-то мы поработали, не скупясь на снаряды.

Запомнился мне (и крепко) такой случай. Вели мы беглый огонь, и у пушек скопилось много стреляных гильз, особенно у первого орудия. Их отбрасывать и подносить снаряды из ровиков должен был солдат по национальности коми, (а вот фа-

милию не помню), ему было 32 года, и он был отцом 10 детей (это я хорошо запомнил). Мне показалось, что отбрасывает он гильзы недостаточно быстро. А это мешает стрельбе. Ну, я и прикрикнул на него (заорал, наверное). И что же получилось? У него задрожали руки и он ... совсем остановился. Был он молчаливым и очень исполнительным солдатом. А тут стоит в одной руке банник, которым он отбрасывал гильзы, а другая просто повисла и молчит. Я, было, снова собрался «прикрикнуть» (стрельба-то идёт), но как-то сразу "дошло", что этого делать нельзя, никак нельзя! Весь пыл-жар с меня сняли эти дрожащие руки. И уже спокойно сказал Вавилову, чтобы он поставил ему в помощь тракториста.

Доскажу уж о нём, о коми. Были мы уже далеко за Днепром. В конце октября стояли хмурые пасмурные дни. Ночами же было так темно, что руку перед носом не видно. Днём коми ходил с каким-то заданием в штаб полка. А вечером того же дня меня вызвали к командиру полка. Вот и повёл он меня. Темень, как в катакомбах. Кругом степь, никаких ориентиров. Ухватился я сзади за его ремень, и мы пошли. Шли быстро, уверенно и привёл он меня точнёхонько ко входу в землянку штаба полка! А вызвали нас вручать награды. Командир полка Герой Советского Союза, гвардии подполковник Богушевич И.М. сам нам вручал, и сам привинчивал к гимнастеркам ордена. Получил и я свой первый орден — «Красную Звезду». Привинтил комполка мне орден, пожал руку и преподнёс стакан водки (я был самым первым в ряду). Крепко я подрастерялся. Дело в том, что я её никогда не пил. А те 100 грамм "Ворошиловских", что мне полагались, отдавал как поощрение отличившимся солдатам или даже сержантам. Тут же сразу целый стакан! Но это пишется долго, выпил я эту водку смаху. Вроде "пошло". А сам думаю, ну и развезёт меня сейчас, сраму не оберешься. Когда вручили всем награды, нас угостили обедом (я почему-то запомнил капусту, давно не ел соленую). Наливали еще, но я старался не очень. Назад тем же манером - рука на ремне коми и он снова привёл меня прямо к пушкам. Как он ориентировался в такой темноте - не знаю.

К водке (к выпивке, тем более, к пьянству) у меня сложилось жестко отрицательное отношение. Много ненужных, сверхнемыслимых смертей я видел из-за этого зелья. Русский солдат умелый, находчивый, добрый, а вот когда он «подвы-

пивший» (часто без меры) - страшный, злой и глупый. Раз мы с Вами, читатель, находимся у Днепра, расскажу два случая, которые произошли на его берегах в ту пору. Большую роль в этих происшествиях сыграла водка. Не было бы её, остались бы трезвыми те, кто её "принял", остались бы живыми и дальше служили бы Родине нужные, умелые люди, чьи-то отцы, мужья, братья, сыны. Можно, конечно, об этом деликатно промолчать, не вспоминать в своих воспоминаниях: что было, то прошло. Если бы выпивка и пьянство не относились у нас к одной из важных социальных проблем и в настоящее время.

Я уже писал, что под стволами пушек нашей "Симы" была пасека, а на ней сторож ("дед", которому чуть более 50 лет). Однажды, кажется, за день или два до того, как перебросили и нашу батарею на плацдарм, к вечеру слышу какой-то шум на пасеке: "дед" не даёт проходящим солдатам брать мёд. Пасека-то… колхозная. Да, да и при немцах была "колхозная"! Шум усилился. И вдруг автоматная очередь. Часовой у второго орудия кричит: "Они деда убили…". Я сразу поднял расчёт и на пасеку, а там пять солдат разбили прикладами улей и вытащили соты, а рядом лежит "дед" и его дробовик. С нами солдаты воевать не стали, побросали свои автоматы. Пьяные они были, решили медком закусить, а "дед" им помешал. Сообщил я в штаб полка, оттуда связались со штабом стрелковой дивизии. Часа через два пришел "Додж" с автоматчиками и увезли этих медовых вояк. Конечно, будет им штрафная рота, но человека-то, который дождался своих освободителей, охранял народное добро, уже нет…

Переправили нашу батарею на правый берег Днепра, едем на большой подъём вдоль села, в котором не видно жителей.

Ушли, наверное, с места боёв. Вдруг появляется наш солдат - тот самый бухгалтер-харьковчанин - и что-то у него в мешке. Суёт мешок на пушку и сам усаживается.

- Что в мешке?

- Да так ...

- Что?!

Открывает мешок, а в нём штук 8 или более кур со свернутыми головами. Ну, я весь разговор воспроизводить не буду. Всё свелось к тому, куда же "их" теперь? Действительно, не выбрасывать же на дорогу. Были бы в селе люди - хотя бы расплатились с ними (в то время все Украинские фронты были

переведены "на подножный корм": на батарею, например, выдавали деньги старшине, и он сам закупал у населения продукты). А тут никого. Ладно, станем на место, поговорим!

Встали же мы не на позицию, в деревне Бородаевка. Завели пушки под большие деревья и начали готовить обед. "Бухгалтер" с добровольцами-помощниками вмиг ощипали кур и в батарейный казан, в суп для всей батареи. Кипит кондёр, аромат разносится… Костёр же разложили посередине большого двора. Тут подъезжает "Виллис", из него выходят трое, один из них полковник "Смерш". Я доложил, но он не очень-то слушал, сразу прошел к костру, взял половник и зачерпывает: курица, ещё раз – снова курица…

«Бухгалтер» мой лепечет, что, дескать, тут одна хромая бегала, так мы её. Усмехнулся полковник, пожелал нам приятного аппетита, и они уехали. Несколько позже я узнал, что были они у нас не зря, но не куры их интересовали, а туша свиньи.

За день до этого трое на открытой легковой машине подстрелили свинью, положили её сзади поперёк машины; ехали, ехали и обнаружили солдата при бочке со спиртом. Решили они и бочку на машину погрузить, а солдат не даёт, кричит. В общем, мешает. Погрузили все же эти трое бочку, а солдат-то сзади бежит за машиной и стреляет в воздух. Ну, а с машины по нему из автомата полоснули. Он упал и больше никогда не встал. Вот эту самую свинью и искали полковник со своими спутниками. И нашли в нашем дивизионе. Всех их осудили, разжаловали и в штрафники. Только один из них вернулся живым и попал к нам в батарею во взвод управления разведчиком в ранге солдата, а ранее был старшим лейтенантом. Он-то и рассказал мне всё с деталями. Главное, все трое были под крепким градусом.

Войска нашей армии стали быстро продвигаться на юго-запад. Когда мы снимались с очередной огневой, к нам на тягач попросился помпотех нашего дивизиона. Его, разумеется, взяли. В одном селе, где была остановка, мне приказали взять на буксир неисправный грузовик. Пока его прицепляли ко второму орудию, помпотех сел на тягач первой пушки и они тронулись вслед за 8-ой батареей. Вначале я не придал этому значения, но потом, когда мы пришли на место, оказалось, что первого орудия нигде нет. Исходили мы в степи под Пятихатками много километров: до вечера и всю ночь. К утру мне, на-

конец, показали место, где недавно стояла 152 мм гаубица-пушка с немецким тягачом (нашу батарею к тому времени перевели на тягу немецкими трофейными «Бамагами», а у первого орудия сменили чугунные колеса на "резиновые"). Возможно, что это наше орудие тут стояло. На его месте, между колеями ... зияла воронка от бомбы! За всю войну не было у меня таких тяжелых дней! Куда идти, где они могут быть?! И мы побрели… в никуда. Шли по дороге. Догоняет нас "Виллис" и останавливается, а в нем наш комполка подполковник Богушевич. Подозвал меня и так спокойно говорит:

- Пушку уже нашли, она на месте. Садитесь! Её утром обнаружили вон у того стога.

Подвёз нас комполка до района наших огневых и уехал. Никаких «оргвыводов» не последовало, т.е. взыскания не было. Очевидно, без моих объяснений комполка разобрался в этом деле и решил, что я и так получил хороший урок. Следующая наша встреча уже описана, когда Богушевич И.М. вручал нам ордена, а потом он приходил навестить меня раненого в санчасть перед отправкой в армейский госпиталь.

Как же получилось, что пушка ушла в сторону? Да очень просто! Они отстали от 8-ой батареи, потеряли её из вида и, вместо того, чтобы остановиться на развилке (я же ехал за ними), лейтенант помпотех убедил командира орудия, что точно надо вон "туда" ехать. Ну, и уехали! А степь-то широкая. Когда я с ним говорил (уже после "прогулки"), то понял, что он сам сильно пережил, а попроще - растерялся. Хорошо ещё, что линию фронта не пересёк! Это не к тому, чтобы как-то себя выгородить: пушки поручены мне и я один за них в ответе и то, что одна из них "уехала" - моя вина. Почему же командир орудия, старший сержант Вавилов, на которого всегда положиться можно, не остановил орудие и послушался лейтенанта? Он плохо себя чувствовал, да и на лейтенанта понадеялся.

Прошел октябрь, потом ноябрь. Мы сменили много огневых. В полку произошли перемещения: стал начальником штаба полка Герой Советского Союза капитан Сорока. Прислали нам нового командира дивизиона, меня перевели во взвод управления к Лапердину. Изменилась моя работа, изменился, (расширился) и кругозор: теперь в руках были бинокль и карта. Главная задача - связь с пехотой, обнаружение и привязка целей. Хотя степь та же, но с огневой видно мало, с НП -

больше, но тоже не всё, что нужно. Поэтому меня выдвигали вперёд, вправо или влево, а иногда самостоятельно вёл стрельбу, если Лапердину плохо была видна цель.

Однажды, получив очередное задание, выдвинулись мы вперёд (со мной было два связиста и два разведчика), и облюбовали большой стог. С него-то получше видно.… Ну, а оказалось, что и нас кое-кому то же стало лучше видно. Только взобрались мы на стог (а это непросто сделать), и связист снизу пытался забросить телефонный провод к нам наверх, справа появился "Фердинанд" (самоходка) и сразу выстрелил по стогу. Снаряд попал в торец стога, его тряхануло так, что мы, как горох, посыпались на землю. Очевидно, это была болванка, так как взрыва снаряда мы не слышали. Ну, а второй снаряд зажёг стог. Он вспыхнул как-то весь сразу. Рядом со мной, немного впереди бежал связист, он всё пытался сматывать шнур на катушку. Следующий снаряд попал в него, ему оторвало ногу. Но он упал не сразу. Мне всё кажется, что он сделал ещё шаг, и упал на катушку. Кровь из артерии била струей, и мы (разведчики подбежали к нам) не успели ничего сделать. На плащ-палатку его положили уже мертвым. Несмотря на то, что уже почти восемь месяцев я был в полосе активных боевых действий, это была первая смерть рядом со мной человека, которого я знал, с которым только что разговаривал.

Самоходку подбили противотанкисты, стрелявшие откуда-то сбоку прямой наводкой.

В декабре стал выпадать снег, но было всё же тепло и, главное, сыро. Земля - чернозем набухла, и было трудно передвигаться. Это создавало большие трудности нашим наступающим войскам. Однажды утром после небольшой артподготовки началось наступление пехоты. Пошли и наши танки - семь Т-34 продвигались вначале по склону высотки потом немного спустились в очень небольшую ложбинку и как-то быстро стали терять подвижность. Противотанковые пушки немцев стали стрелять неожиданно. В течение каких-то считанных минут они подбили одного за другим все семь танков. Хотя эти проклятые пушки были быстро подавлены нашей артиллерией, но своё чёрное дело они сделать успели. Несколько позже, когда мы проходили мимо этого места, увидели, что танки загрузли в черноземе "по брюхо"; за каждым из них тянулась выглаженная полоса земли (это было вспаханное поле), по бо-

кам которой по два углубления от гусениц. В результате экипажи имели возможность покидать свои подбитые машины только через люки в башне, поэтому многие из танкистов погибли. Мы долго стояли молча, отдавая им последнюю честь.

Приближался 1944 год, немного подморозило, и кое-кто даже переобулся в валенки. Снова мы были на передовом НП, расположенном на гребне высоты, которая очень полого уходила вперёд, где примерно в полутора километрах были окопы нашей пехоты, а сзади нас - крутая, глубокая и широкая балка. Сразу за нами на её склоне был уступ, на котором стоял большой стог соломы. День прошел относительно спокойно, но под вечер немцы неожиданно пошли в наступление. Пехота наша отошла, и наш НП оказался вначале в её порядках, а потом и на нейтральной полосе. Доложил об этом своему комбату Лапердину. Он мне приказал отходить. Отстреливаясь из автоматов, мы отходили по мере того, как связист сматывал провод и отошли к стогу, т.е. в балку, где собрались наши пехотинцы. По гребню балки расположились немцы.

Снег сильно подтаял, и мои валенки намокли. Да и делать в балке нам нечего. Связался с Лапердиным, и он отозвал меня к себе. Его "резиденция" была на этот раз не в блиндаже, как обычно, а на восточном склоне высотки в палатке, где стояла настоящая буржуйка! Приняли нас очень хорошо, меня комбат заставил выпить спирта, ибо я изрядно промок. Часа через полтора-два позвонил командир дивизиона. Он спросил, где 703-й (т.е. я), почему он здесь, а не на НП? Значит, он оставил пункт, кто ему разрешил?! Был неприятный разговор, Лапердин настаивал на своём. Тогда комдив подозвал меня к телефону и приказал немедленно вернуться на передовое НП. По его данным пехота сидит в старых окопах. Всё!

Приказ, есть приказ! Лапердин отдал мне свои сапоги (мои валенки были мокрые, а сапоги - на батарее). Пришли мы к стогу. Ночь, звезды. Нашел командира роты - молодого лейтенанта. Они ели (ужин или уже завтрак, попробуй разберись). Я представился. Нас пригласили покушать. Лейтенант спросил, почему это «тяжеловики» к ним пожаловали. Я и рассказал, что мне приказано занять НП на гребне балки. Он вдруг и говорит:

- Что ж попробуем, только надо к комбату (командиру батальона) сходить побеседовать на эту тему.

Ночная атака превзошла все ожидания: мы заняли не только район нашего НП, но вернулись в старые окопы, расположенные километра полтора-два ниже. Когда установили связь, доложил комбату, что я на НП. Лапердин доложил комдиву, что пункт отбит и 703-ий на месте, и снова приказ: перенести передовой НП на курган + 1,4! Нашел я его на карте и пошли мы вперёд вниз. Дошли до переднего края. Пехотинцы уже освоили окопы. Встретились с комроты, а он говорит, что курган за полосой обороны немцев. Утром он будет виден.

Всё же хотелось... продвинуться ещё вперёд. Увидел на ничейной полосе подбитый танк. Мне сказали, что это Т-34. У него разорвана гусеница, а так он целый. Пока было темно, решил с разведчиком добраться до танка и посмотреть из него. Кажется, я ещё спросил у командира роты: нет ли мин в этой полосе? Он ответил, что вроде бы не ставили, все равно скоро наступать. До танка было около ста метров. Мы быстро добрались ползком. Нижний люк был открыт, и мы влезли в танк. На ощупь нашли сидения стрелка и водителя. Немного посидели - холодно, однако, и очень! Значит, в танке долго не усидишь. Кручу ручки горизонтальной и вертикальной наводки: башня и ствол поворачиваются легко, прицел целый, а снаряды вот они - рядом. Хорошо видно, как изредка стреляет трассирующими очередями крупнокалиберный немецкий пулемёт. Стало заметно светлее. Поймал я пулемет в прицел. Определил расстояние (что-то около 200 метров). Вижу даже пулемётчиков: один стреляет, другой в сторонке. Перекрестье прицела точно на пулемёте, такая цель! Немцы же на танк пока не обращали внимания. Дал посмотреть в прицел разведчику:

- Вот садануть бы!

- Саданём, а потом что?!

Глубокий вздох огорчения и разочарования.

- Ну, ладно. Ты вылезай через люк, а я выстрелю и за тобой. Нажал на спуск. Грохот солидный в башне от выстрела. Всё же увидел, что взрыв накрыл цель, и в люк ногами. Подзастрял я в нем в спешке, меня за ноги вытянул разведчик. Вылезли из-под танка и гигантскими скачками во всю прыть к своим окопам. Вот, если бы время засечь, то мировой рекорд скоростного бега на 100 метров на многие годы вперёд был бы за нами! Обстрел начался, когда мы были уже почти, почти.... В

окоп ныряли головами вниз, чтобы побыстрее укрыться в земле.

Разместились мы в большом блиндаже на кургане в полосе наших окопов. Днём у меня поднялась температура, видимо, простыл всё же. Сообщил об этом Лапердину и к вечеру к нам пришел военфельдшер. Наступает новый - 1944 год, мы его встретили в блиндаже при коптилке из гильзы снаряда. Собралось нас в блиндаже довольно много, так как одновременно с фельдшером к нам пришли два разведчика и принесли целый термос супа и полный термос каши с мясом. Такое обилие еды объясняется просто - в этих двух термосах сосредоточилось всё «многоразовое» наше питание на два дня: за 31 декабря 1943 и на I января наступающего 1944 года. К нашему кургану по гладкому пологому склону, покрытому снегом, в светлую часть суток подойти было практически невозможно. Вся местность до самого гребня и нашего старого НП (где теперь разместилась промежуточная станция связистов) хорошо просматривалась и простреливалась немцами из всех видов стрелкового оружия. По совету фельдшера за благополучие всех нас в Новом году свой стакан водки я выпил вместе с двумя пилюлями. И, знаете, помогло: на следующий день чувствовал себя уже нормально.

После ужина наши гости сразу же ушли, а оставшиеся быстро уснули. Утром проснулись от грохота близких взрывов. Немцы решили отметить первый день нового года артналётом из тяжелых орудий. Вдруг что-то тяжело шмякнулось в угол блиндажа. С перекрытия обильно посыпалась земля, и стало светло: сверху в углу открылась большая дыра. Выскочили мы в ход сообщения, огляделись. Вот он, "дорогой" (50 мм снаряд), лежит на бруствере, поблескивая боком на солнце. Не взорвался!

Спасибо тем, кто собирал "такие" снаряды и бомбы! Частенько они не рвались. Вот один и на нашу долю достался. Значит, уж нам еще воевать. Столкнули мы с бруствера, этот "чемоданчик" под курган, он скатился, но так и не взорвался. Залатали, как смогли, дыру в перекрытии, чтобы тепло не уходило. Днём связист позвал меня к телефону.

- Это 703-ий?

- Да, а кто меня спрашивает?

- Поверяющий. Мне приказали узнать действительно ли Вы на кургане +1,4.

- Ну, так приходите к нам и убедитесь в натуре! Познакомлю с командиром роты, покажем и курган + 1,4. Вчера здесь были военфельдшер и связисты, поговорите с ними.

- Да, я с ними беседовал. Вы можете мне всё говорить спокойно, так как провод в тыл я отключил. Если спросят, Вы должны подтвердить, что я у вас был. Я же скажу, что видел Вас. Как вы там устроились?

- Да, хорошо! Только что "чемоданчик" вниз скатили. Приходите, посмотрите, интересно ...

- Какой - такой чемоданчик?

- А это немецкий 150-миллиметровый снаряд. Он почему-то не взорвался в нашем блиндаже.

- Ну, что ж расскажу и про снаряд. До свидания!

Примерно такой состоялся между нами разговор. Можно, конечно, посмеяться над этим разговором, можно подумать, что проверяющий струсил. Но я так не думал. Действительно, к нам днём идти по голому склону весьма рискованно. И делать это можно только, если в этом есть необходимость, оправдывающая риск.

Вечером поступил приказ вернуться на батарею: полк перебрасывают на другой участок.

Прибыли мы на пушках в какое-то большое село, остановились у площади. А на ней рядами кресты, кресты, кресты ... с касками и без. Вот они где наши "крестники". Самый центр выбрали!

Проехали ещё километров тридцать и стали занимать огневые позиции. Мы с комбатом выдвинулись, как обычно, километров на пять вперёд. НП расположили на кургане, где был старый блиндаж и окоп вокруг вершины. Перекрытие в блиндаже "в два наката": тонкие кривые брёвнышки в разрядку вдоль и поперёк такие же, немного соломы, а сверху земля. Ткни рукой и выскочит она наружу. Примерно такие же были у нас блиндажи и в других местах. Редко прочнее. Где их, брёвна-то брать?! Да и не сидели мы в блиндажах при обстрелах и бомбёжках. В ровиках как-то спокойнее и надёжнее. Редко у кого были настоящие "накаты".

Именно на этом кургане перед началом нашего наступления накрыл нас наш коллега по оружию из 122 мм гаубиц. Мы

быстренько ретировались в окоп за вершиной. В блиндаж же было прямое попадание. Немного позже поступил приказ вместе с радистом, двумя разведчиками и военфельдшером следовать за наступающей пехотой и, если необходимо, поддержать её огнём.

Было ещё темно. Мы вышли из окопа пехоты и стали выбирать себе танк. Танки тут же стояли готовые к атаке. Мы стали полукругом и о чём-то говорили и в этот наш "полукруг" упал снаряд, взрыв, все попадали. Ощупываю себя, вроде бы цел, встаю. Поднимаются по одному и другие, только старшина (разведчик) стоит на коленях, уткнувшись головой в землю, и не шевелится. Окликаем, подошли к нему, толкаем в спину, не двигается. Потом и он поднялся на ноги. Удивительно, но все целые, только у двоих полушубки посечены осколками и всё. У меня это уже второй случай: взрыв рядом, а я целый и даже не контужен. Выбираем танк. Я подошел к правому, но старшина остановил меня и говорит: "Пойдём, лейтенант, на этот" (что стоял слева). Сели на него.

Началась наша артподготовка, потом пошла пехота и мы за нею на танках. Стало совсем светло. Танк, что шёл справа ("мой" танк) подорвался на мине, а мы ехали и ехали. Вижу на снегу лежат цепочкой вправо и влево много солдат. Я говорю старшине:

- Что это они залегли?

А он отвечает, что больше они уже не встанут.

Ворвались в деревню, покинутую немцами. Танки и пехота ушли дальше, а нам было приказано ожидать своих. Село большое, в нём было много немецких складов. Мои спутники быстро сориентировались в обстановке: понанесли больших банок с мёдом, маслом, хлеб консервированный в пленочной упаковке. Подержишь такую булку над паром, она быстро разбухает и можно кушать. Вкус какой-то «деревянный», но все же это хлеб. Идёт навстречу мне разведчик и улыбается. Видно, что явно доволен. Вот Вам, товарищ лейтенант. Подаёт две небольших баночки, на которых что-то написано по-немецки.

- Я тут две "штуки" съел. Вкусно. Попробуйте.

Понюхал, пахнет приятно, но все же есть не стал, положил баночки в карман, а ему сказал, чтобы пока больше не ел. Подошли наши и среди них врач, который хорошо знал немецкий язык. Спрашиваю его:

- Что это такое? Солдаты едят и хвалят.

Прочел он и улыбается:

- Это паста для ... чистки пуговиц на мундире. (Вот как!)

- Что же теперь делать с моими разведчиками?

- Скажите, чтобы не ели больше, если почувствуют себя неважно, пусть приходят.

Но всё обошлось. Солдатский желудок и не такое переваривал!

На утро снова приказ двигаться впереди дивизиона в том же составе и тем же методом. С танковым десантом мы на этот раз оторвались от полка километров на 25-30 в направлении на Кировоград. Немцы отошли, и наш десант нигде с ними в контакт (боевой) не вступал. В одном селе, что стоит на пересечении двух больших дорог, мы связались по рации с дивизионом и нам приказали подождать в нём полк. К вечеру налетели немецкие самолёты и стали бомбить село. Все выбежали во двор и спрятались в погребе, а я остался в хате дописывать письмо домой. Прошла волна самолётов, и все вернулись в хату. Тут услышали снова приближающийся гул взрывов бомб. Вслед за всеми выбежал и я, но в погребе мне места не хватило, пришлось стоять в люке на ступеньках так, что верхняя часть тела была над землей. В сгущающихся сумерках хорошо был виден приближавшийся к нам огненный вал разрывов. Что-то ударило меня слева в нижнюю челюсть. Подумалось, камень или комок земли. Но это был небольшой осколочек бомбы размером 6х5х5 мм. Однако он выбил мне пять зубов и расколол челюсть. Вот тут-то оказалось весьма кстати присутствие военфельдшера! Он меня умело перевязал, удалил осколок и выбитые зубы. Прошло ещё две или три волны бомбардировщиков. Если до ранения мне было не очень страшно (сидел же в хате и писал письмо), то теперь, лежа в какой-то неглубокой яме, прикрывал сумкой голову. Всё боялся, что... второй раз попадёт в то же (больное) место.

Произошло это моё ранение в ночь с 6-го на 7-е января, т.е. в самое Рождество Христово. Хорошо "Он" приголубил меня! Только зачем сразу столько зубов выбивать?! Мог бы хотя бы в ночь своего "рождения" не калечить русских солдат. А побито, как мы увидали потом, было много. Многие из раненых погибли на морозе!

Утром меня отвезли в санчасть нашего полка, а потом в армейский госпиталь, где сделали рентген, обнаружили трещину в кости, надели проволочные шинки на зубы и связали нижние и верхние зубы, так, что рот не открывался совсем. Кормили меня тонко растёртыми кашами, супами и поили чаем. Всё это я всасывал из поильника через щели между зубами. В таком положении пробыл более трех недель. Из армейского госпиталя меня с другими тяжело ранеными отправили дальше в тыл. Ехали по железной дороге в теплушках. Часть высадили на правом берегу Днепра против города Кременчуга. Мосты были взорваны и ещё не восстановлены. Поэтому через Днепр нас везли прямо по льду в кузовах "Студебеккеров". У меня началось сильное кровотечение. Кровь проступала через повязку, но самое страшное было в том, что она скапливалась и свертывалась во рту. Мне стало очень трудно дышать.

Вначале нас поместили на первом этаже одной из Кременчугских школ. В вестибюле и в коридорах скопилось много раненых. Их постепенно разбирали по отделениям и палатам госпиталя, но мне-то уже нельзя было ждать своей очереди: кровь заполнила рот, и я задыхался. Несмотря на настоятельные просьбы моих коллег немедленно забрать меня (сам я говорить уже не мог), санитары проходили мимо. Мне и на этот раз повезло, раненый в левую руку капитан-танкист (он почему-то решил, что и я танкист), выхватил из кармана пистолет и заставил санитаров взять меня. Так он и шел с пистолетом в правой руке и загипсованной левой, пока вели меня к операционной. Майор-хирург сразу же взял меня на стол, прямо в гимнастёрке и валенках. Уже потом, в палате он сказал мне: “Молитесь на того капитана, что шум поднял?” Не знаю, кто он - этот танкист, больше я его не встречал, но многим ему обязан.

Далее был Харьковский "челюстной" госпиталь. Он был расположен в центральной части города на площади имени Руднева в здании сельхозинститута. Напротив ДКА (дом Красной Армии), взорванный вместе с немецкими офицерами Харьковскими патриотами. Несколько лет тому назад побывал я в этих местах. Конечно, всё выглядит иначе, не так как было. В этом здании уже не институт, а техникум электрификации сельского хозяйства. В палате, где я лежал, теперь партком

техникума. Дом офицеров заново отстроен, а тогда были глыбы камня. Хорошо его рванули!

"Челюстной" госпиталь - это раны на лице. Понял я тогда, что со мной осколок бомбы весьма ласково обошелся. Тут такие раненые лежали, что и вспоминать страшно. Был такой особо тяжелый и в нашей палате. Лицо его от глаз до низа было завешено салфеткой: осколком вырвало часть носа, губы, передние зубы и язык. Это был стойкий человек, пример для нас всех. Он заставлял всех ходячих (и некоторых лежачих) делать физзарядку по утрам, организовывал турниры в шахматы и домино. Хотя сам играл редко.

Госпитальная жизнь особенная. О ней много можно рассказывать. Я был ходячим, рана моя быстро заживала, но после того, как сняли шины, мой рот все равно не открывался; зубы мне раздвигали в физкабинете, ввинчивая деревянный конический винт между зубами. В город нас, разумеется, не отпускали, но у некоторых, (в том числе и у меня) под матрасом хранились гимнастерки и шинели. Их периодически у нас конфисковали, но как-то так получалось, что они снова у нас появлялись. Патрули в городе нас не трогали, даже не подходили. Объяснялось это очень просто: на наших шинелях хорошо были видны ромбические вмятины от кроватной сетки. Откуда такой солдат может быть с крупной клеткой на груди и на спине, как не из госпиталя! Ходит уже, ну и пусть ходит. Значит, скоро ему, братишке, снова на фронт и нечего его пока беспокоить. Много тогда я походил по Харькову, особенно по его центральной части. Лечился я уже больше трех месяцев. Как-то в начале апреля вызывают меня на проходную госпиталя. Оказалось, что это мама и сестренка моего друга по артучилищу Жени Даниленко. Он им сообщил, что я в Харькове. Обрадовался я им, как родным. Спросили о ране, здоровье, но главный разговор о Жене, ведь они не виделись более двух лет, да ещё каких лет! Письмо они от него получили, как только начала работать почта в освобожденном Харькове. Надо же такому случиться в жизни: тогда, 23 августа, наша батарея прошла по Песчанке совсем рядом с их домом. Пригласили они меня к себе в Песчанку на Пасху (ярый безбожник что-то часто стал "отмечать" религиозные праздники: на Рождество сам отмечен так, что большой части зубов лишился, а тут встреча с семьей друга не иначе, как на Пасху). И всё же это

были самые свежие вести. Мама Жени вдруг говорит, до чего же ты похож на моего сыночка: лица разные, а фигура, походка, движения как у него! Могло ей с тоски, и показаться; но это же говорили о нас в училище. Когда мы уже прощались, она догнала меня у калитки, уткнулась лицом в спину и говорит: "Ох, Женечка, Женечка, дай вам бог, сынки мои родные, живыми домой вернуться". Многого мы тогда ещё не понимали, что мы значили для своих матерей. Как им тяжело было расставаться с нами. Долго после этой встречи мы переписывались: и с фронта, потом снова из госпиталя и из Краснодара после войны. Особенно, когда умерла моя мама, они как самые близкие друзья оказали мне большую поддержку.

В середине апреля меня выписали из госпиталя и направили на фронт. Ехали мы вдвоём с майором-танкистом. Это хорошо - с майором ехать: отношение со стороны комендантов существенно более благожелательное, и аттестаты отоваривались быстрее. А путь получился довольно долгий и отнюдь не по прямой, соединяющей две точки Харьков - штаб второго Украинского фронта. Вначале ехали в плацкартном вагоне (надо же!) до Днепропетровска, а далее в товарных вагонах и даже на их крышах, на северо-запад, затем на юго-запад в Бельцы, а по Румынии на юг. По дороге от Смелы (это около города Черкассы) и до Шполы мы увидели результаты недавних боёв. Вдоль дороги в три-четыре ряда на многие-многие километры стояли впритык друг к другу обгорелые тягачи, автомашины, пушки и даже танки - всё это немцы вынуждены были сжечь, так как снова попали в "котёл" теперь уже в районе Корсунь-Шевченковского. На что ещё мы обратили внимание: дорога на запад от Шполы до Христиановки была двухколейная. Один путь был восстановлен и по нему шел наш поезд, а второй полностью разрушен. На всём протяжении до Христиановки, а может быть и дальше, был подорван каждый стык и каждый рельс посередине. Кроме того, все шпалы до единой были порваны (поломаны) посредине каким-то специальным приспособлением. На одной из станций мы, наконец, увидели, чем "они" это делали. К тендеру паровоза приварена железная рама с толстенным крюком, конец которого заточен. На крюк навешены два колеса от вагонов для груза. Всё это сооружение тянет сцеп двух паровозов. И вот эта «техника» рвёт шпалу за шпалой, а сзади идут подрывники. "Продумано" всё с немец-

кой фундаментальностью. Однако, несмотря на все ухищрения и "технические новинки" уползали в своё логово.

На всю жизнь мне запомнился запах горелой пшеницы, сгоревших саманных хат. Люди боролись с пустынями, орошали земли, рыли каналы, поворачивали реки, сажали сады. А изверги-фашисты специально создавали зону пустыни и где - на благодатнейшей земле Украины!

А была весна, прекрасная украинская весна! Цвели сады. Прекраснейшие виды открывались с крыши вагона движущегося поезда! Чудеснейшие виды освобождённой земли братской Украины!

Наша 7-ая Гвардейская армия была уже в Румынии на реке Сирет и упиралась своим правым флангом в Карпаты. Она была среди самых первых, изгнавших фашистов в апреле 1944 года через государственную границу СССР!

Вернулся я в свой полк 1 мая и первого, кого встретил, был начштаба полка Герой Советского Союза майор Сорока. Он очень тепло меня принял и направил снова в седьмую батарею к Лапердину. Но сразу к своему комбату я не попал: длинными получились эти шесть километров. Перво-наперво, что сказал мне Лапердин по телефону это то, что надо найти вторую пушку, которая не прибыла в район огневой вчера вместе с командиром огневого взвода. Дали мне для сопровождения автоматчика Долгополова и пошли мы обследовать окрестности большого и очень красивого румынского села Думбрэвица, что стоит на перекрестке железной и шоссейной дорог.

Долгополов был светловолос, нос в веснушках и весьма грузноват для своих двадцати лет. Он всё от меня отставал и просил, чтобы я шел потише (помедленнее). Запомнились мне крепко эти два дня Первомайских праздников! Думбрэвицу недавно бомбили. То в одном, то в другом месте стоял столб дыма и пыли, и слышен грохот рвущихся бомб. Немцы почему-то бросали очень большие бомбы по 250 и даже 500 кг. Но рвались они как-то необычно: слишком глубоко уходили в грунт (то ли земля здесь была мягкая, а может взрыватели были неисправными, что вернее) и там, на глубине, рвались. При этом возникали довольно большие курганы-конусы с рваными склонами. В одном месте их было штук 8 или 10. Для полноты картины добавлю, что наша Армия упёрлась в долговременную оборонительную линию с ДОТами, построенными ещё в

1939 году. Справа, на западе от Думбрэвицы, течёт на юг река Сирет, за ней уходящие вдаль к горам зеленые луга. В дымке видны отроги Карпат. Перед нами же, на юге, лесная горная гряда. Вот на ней-то и была долговременная оборонительная линия, тянувшаяся на восток до реки Прут, а может и дальше.

Бродили мы уже долго, но нигде не удалось обнаружить даже следов нашей пушки. Побывали на позициях восьмой и девятой батарей. Одну пушку "Даши" вытянули далеко вперёд на прямую наводку. В полку было очень мало снарядов, да и вообще со снабжением было весьма туго: уж очень далеко мы выдвинулись вперёд. Поэтому в целях экономии снарядов решили лупануть по ДОТам прямой наводкой. Ну, как было не посмотреть на такую стрельбу! Хорошо ещё, что мы с комбатом-9 догадались забраться в ровик (вроде НП при орудии). Пушка стояла под громадным деревом, сзади дом, слева сарай или погреб. Ну, и трахнули мы раза три по ДОТу. А потом сплошная темнота и грохот разрывов на нашей огневой. Когда прекратился артналёт, стали выяснять обстановку. Вроде бы все трое (комбат-9, связист и я) целы, связи нет и темень непроглядная. Зажгли зажигалку, над нами какие-то доски. Попробовали поднять, не очень-то, но все же приподняли. Видим свет. Подбежали солдаты расчёта и освободили нас. Оказалось, что один из первых снарядов артналёта попал в погреб, проломил его крышу и вырвал большую дубовую дверь, которая пролетела более 15 метров и "прикрыла" нас сверху в ровике. Расчёт и пушка не пострадали. Орудие быстро увезли на закрытую позицию. Нас с Долгополовым покормили, и снова мы пошли искать нашу вторую пушку «Симы». Вышли к перекрестку шоссе и железной дороги. У самого виадука на дороге лежал труп нашего солдата, раскатанный в лепешку. Форма тела сохранилась, но оно было неправдоподобно тонким, как ладонь, и плоским, как фанерная мишень. Ранило его или сразу убило ночью. Вот и попал он, бедолага, под колёса и раскатали его проходящие машины. Постояли мы над ним, помолчали и пошли дальше.

Идём вдоль насыпи железной дороги на восток. Слева паханое поле, на котором эти самые курганчики с рваными склонами от разорвавшихся в глубине земли бомб. Долгополов отстал от меня на 40-50 метров и всё взывал, чтобы я шёл помедленнее. И тут мы увидели пушку: она была слева впереди

за полем. До неё метров 250-300. Одновременно я увидал, что прямо на нас заходит группа бомбардировщиков, а побежал в ту сторону, откуда заходили самолёты. Бежал, разумеется, так быстро, как только мог. Первый самолёт пикировал прямо на меня. Я видел летчика в кожаном шлёме и его глаза в очках. Он, конечно, видел бегущих. От самолёта отделились бомбы. Все они полетели туда, откуда я только что убежал. Добежал до пушки и в ровик. Он был мелкий, и я лёг на кого-то сверху. Мое тело было чуть ниже кромки земли. Самолёты высыпали на нас серию металлических контейнеров, в которых много мелких бомбочек. Эти контейнеры открываются в воздухе, и из них сыплется дождь мелких мин. Осколки с визгом летели у меня над спиной. Самолёты отбомбились и улетели. У орудия никого не ранило. Ищу глазами Долгополова, а он… подо мной, в том же ровике! Вот так "тихоход"! Значит, это он меня обогнал, будучи далеко сзади да ещё по пахоте! Ведь я не только быстро ходил, но и бегал, тем более под бомбежкой. Когда и, главное, как он обогнал меня, я не видел!

Жизнь поистине неисчерпаема и удивительна!

Дождались мы ночи и перевезли пушку в тыл к первому орудию. Ехали по селу Думбрэвица. Светила луна, а где-то справа и слева взрывались бомбы, которые ритмично бросали румынские кукурузники.

Спали мы с Долгополовым на деревенском кладбище около церкви между могилами. Утром отправились на НП к Лапердину.

В этот праздничный день 2 мая наш дивизион понес тяжелую утрату: "Мессершмидт" сбросил одну единственную бомбу, но она точно угодила в НП командира дивизиона, убив сразу семерых. Лапердин встретил нас и сообщил о несчастье, постигшем нас, и мы пошли назад хоронить наших погибших товарищей. Похоронили их в братской могиле на площади у церкви, в чужой нам румынской земле.

Вернувшись на НП, стал я знакомиться с местностью (ориентиры, реперы, цели). Неожиданно меня позвали к телефону: сам 1-й (командир полка)! Он поздоровался со мной, поздравил с выздоровлением, возвращением в полк и сказал, что назначает меня командиром 5-ой батареи ("Поли") и я должен отбыть во второй дивизион. Потом он поговорил с Лапердиным.

Хорошо запомнилось, как мы прощались. Лапердин спустился со мной вниз к деревне, и мы зашли в какой-то сарай-погребок. В нём была врыта в землю громадная бочка с вином. Он налил две больших банки (примерно по 1,5 литра) сухого вина: одну мне, другую себе. Поблагодарил меня за службу и пожелал успеха. Выпили мы эти "баночки" до дна, обнялись и разошлись.

Путь наш снова лежал через село, а его все время бомбили. Вино, хотя и сухое, но все же полтора литра. Помнится, что мы несколько раз перебегали центральную улицу села, чтобы не попасть под бомбы, но страшно не было. Пришли на огневую "Поли", посмотрел пушки (они были сильно изношены), познакомился с командиром огневого взвода, с расчётами орудий и их командирами. Осмотрел тягачи. Отпустил своего "сверхбыстрого" оруженосца и пошел к комдиву-2. Так я вступил в командование батареей.

На НП меня встретили настороженно. С питанием было плохо. Где-то нашли подстреленную лошадь. Так вот её тушу разделили на три батареи второго дивизиона. Именно в эти дни понял, что такое махонина - мясо рабочей лошади. Варили его в кипящем котле с утра до обеда, но и после этого оно не меняло своей железо-проволочной структуры. Ели так: резали мясо на мелкие кусочки, их делили на волоконца, долго жевали и так неразжеванным глотали. Но в других дивизионах и этого не было. Хлеба же давали очень мало.

К вечеру все того же 2 мая (но солнце было еще высоко) немце-румыны неожиданно начали обстрел передовой и перешли в наступление. В общем-то, не очень сильная артподготовка была, но пошли танки. Однако не это главное, удивило то, что мимо нас в панике отошла пехота! Тогда как пулемётчики, минометчики и вся артиллерия не дрогнули и остались на месте, а необстрелянные новобранцы драпанули в тыл. О них мы ниже ещё поговорим.

Слева от нас из лесочка на открытый склон высоты выползло пять танков. Между этой и нашей высотой глубокая падь. То есть ситуация не особенно волнительная. Смотрю на эти танки и ничего не понимаю - это же наши Т-34! Их хорошо (чётко) видно. Справа от нашего НП окопались две 122 мм гаубицы. Они и другие противотанкисты пока молчат. Тут

танки открыли огонь, стало яснее, что к чему. Докладываю комдиву, жду распоряжений.

- Вы отсоедините от нас телефон (это значит вроде бы связи нет) и действуйте по обстановке.

Вот так приказ-совет! Танки же продвигаются всё дальше. Начали стрелять 122 мм гаубицы прямой наводкой. Подал команду на «Полю» и я. Но для меня это была сверхнеудобная стрельба с большим смещением по-боковому. То есть рассеяние по дальности я видел, как угловое: правее - левее, а в действительности для пушки ближе - дальше. Расстояние от батареи было более 5 км. Всё же наши снаряды сделали своё дело. В танки мы, конечно, не попали, но разрывы наших "чемоданов" около них заставили их остановиться на какое-то время, а этого было достаточно, чтобы бившие прямой наводкой подбили один танк за другим. На этом «Блицкриг» закончился. Все стихло.

Через некоторое время смотрю, что-то пустовато стало на НП. Куда-то исчезают мои разведчики и связисты. Потом по одному возвращаются и держат ладони подмышками. Пошел я за одним из связистов. Он быстро спускался вниз к дороге и я за ним. А там… строем с автоматами и винтовками идут отступившие. Их, голубчиков, остановили в тылах, построили и направили назад на передовую. Идут, опустив головы. Оставшиеся же на месте артиллеристы, минометчики… врывались в гущу строя и били идущих по чём попало. Все это происходило как-то по-деловому тихо без шума. Тех, кого били, молча закрывали руками или автоматами лица, но не увертывались и шли вперёд. Они сознавали свою вину…. Лупят за дело! Отобьёт себе кулаки "биток", сунет руки подмышки и идёт восвояси, а навстречу ему уже другой идёт. Вот почему на НП пустовато было.

Примерно через месяц наш 161-й Гвардейский артполк переформировали в 41-ю Гвардейскую пушечно-гаубичную артиллерийскую бригаду РГК 7-ой Гвардейской армии. Прислали новую матчасть. Батареи стали четырёхпушечного состава (ранее было по две пушки). Меня снова перевели в третий дивизион в 9 батарею. Командиром дивизиона стал капитан Бородавко И.И.

Потекли недели и месяцы жизни в обороне. Много произошло событий, была даже самодеятельность с песнями и

плясками, была довольно спокойная жизнь на основных НП и длительные – по нескольку часов, "лежания" на дне ровика с полевой сумкой на голове под непрерывным орудийно-минометным обстрелом на передовых НП, находящихся около переднего края.

В начале августа некоторых из командиров батарей бригады направили в город Хырлэу, в глубокий (по нашим понятиям) тыл, где при штабе амии были организованы курсы (как теперь говорят - повышения квалификации). Учили нас корректировать огонь батареи с самолёта. Около городка был громадный фруктовый сад, который мы посещали в свободное от занятий время. Однажды вдвоём с Героем Советского Союза Сыромятниковым мы ходили по этому саду и пробовали сливы. Каких только слив там не было! Оба мы с Урала и вся эта садовая роскошь была нам в диковинку. Многое мы видели впервые. Подошел я к громадному дереву, оно все усыпано темно-зелёными плодами. Сорвал один, покрутил, понюхал и на зуб. Горечь неимоверная! Выбросил я этот плод (это был орех, грецкий орех). Подходит Николай Иванович. Ему тоже это дерево приглянулось:

- Что это?

- Откуда я знаю. Попробуй.

Ну, он и "попробовал", но сделал это энергичнее и фундаментальнее меня. Отплёвывался долго и все посматривал на меня. Потом вместе смеялись.

Жили мы в армейском доме отдыха: комната на двоих-троих, кровати, простыни-наволочки.

15 августа нас отозвали в бригаду, её перебрасывали с правого фланга от реки Сирет под город Яссы; готовился прорыв - Ясско-Кишиневская операция, в которой наша 7-ая Гвардейская армия участвовала на самом правом фланге прорыва.

Две пушки 9-ой батареи оставались на старых позициях с целью вести беспокоящий огонь с разных ОП, чтобы немцы не сразу заметили уход нашей бригады, а я с двумя орудиями отбыл под Яссы вместе с другими батареями бригады.

20 августа, в воскресение, в 6 часов утра началась могучая артподготовка. Румыны стали сдаваться сразу. Они ползли от своих окопов к нашим ещё во время артобстрела и кричали: «Гитлер капут». Если в полосе прорыва (т.е. слева от нас) всё было подавлено, то справа, откуда-то из-за гор, били немецкие

батареи. Я был на пункте командира дивизиона и получил от него задание: подавить эти батареи. Они держали под обстрелом не только нас, но и наблюдательный пункт командующего артиллерией Армии. Да и нам на дивизионном НП крепко доставалось - голову не поднимешь. Пробрался я по ходу сообщения в «тихий» уголок траншеи со стереотрубой и увидел, что на противостоящей нам горе, над обрывом явно поблескивают стекла бинокля. Решил туда ударить. Первые же фугасы удачно попали в эту цель. В обрыв полетели балки, глыбы, камни. И всё стихло. Обстрел прекратился.

Потом мне был дан приказ выдвинуться вперёд. Прибыл на НП командира батальона. Им очень мешал ДЗОТ, из которого непрерывно били крупнокалиберные пулемёты. И тут, на НП комбата, нельзя было высунуться. Грунт на бруствере окопа - слежавшаяся глина. Пули скалывали острые комки, и они сильно били и даже наносили раны, если в кого попадали. Попросил я солдат высовывать над бруствером каски, чтобы отвлечь на них пулеметчиков, а сам отошел в сторону и смог засечь эту изрыгающую огонь амбразуру. Снаряды нашей батареи легли прямо перед этой амбразурой, и сразу же прекратился обстрел нашего НП и залегшей пехоты. Мои разведчики вылезли из окопа и, усевшись на бруствере, закурили. Это же и их триумф! Мне же было видно, как поднялись цепи и быстро прошли линию ДЗОТа. Подавил ещё несколько целей на пути батальона. В общем, все шло штатно. Получил от комдива приказ двигаться вперёд за пехотой. И только мы пошли, раздался взрыв, затем другой. Я лежу с перебитой левой ногой и многочисленными осколками в спине, второй ноге и в руках. Многие из них и сейчас во мне сидят. Это случилось 20 августа 1944 года.

На этом моя фронтовая работа закончилась.

Снова попал в медсанбат, потом в армейский госпиталь и, наконец, в глубокий тыл.

Многое сказано, но можно ещё и ещё говорить с большой душевной благодарностью о наших медиках, которые самоотверженно, не щадя себя, спасали раненых, поднимали уже полумертвых и возвращали их к жизни, а часто и в строй. Низкий им поклон и вечная признательность, и благодарность врачам, медсестрам и всем, кто им помогал!! На их долю выпал тяжелейший труд, и они его с честью выполняли.

Не буду пересказывать то, что слышал от других. Опишу только два случая, которым был сам очевидцем, сам видел.

В санбат, куда меня привезли, раненых перед первичной обработкой размещали в большом сарае на длинных сплошных нарах в два яруса. Меня положили недалеко от входа в сарай на нижние нары. Мне было хорошо видно всех, кого вносили. Принесли тяжело раненого лётчика. Его носилки поставили на пол почти у самых ворот сарая метрах в 7-8 от меня. Лётчик лежал с закрытыми глазами, без движения. Левая его рука лежала на груди, на руке были часы ... (как потом стало известно, трофейные швейцарские). Один из санитаров ушел, другой остался около носилок, нагнулся над лётчиком и стал отстёгивать часы!! Это было так неожиданно, так нелепо и противоречило всем моим понятиям о морали, что я растерялся и смотрел молча. Вдруг вижу, как правая рука лётчика медленно влезла в карман, и в ней оказался небольшой пистолет. Лётчик сразу выстрелил в грудь санитара, и тот упал прямо на него. Что тут поднялось! Оказывается, не один я это видел... Вернулся второй санитар, стянул своего коллегу на землю. Расстегнутые часы лежали тут же на земле ... Прибежали врачи. Лётчика сразу же унесли из сарая. В данном случае справедливая кара настигла мародёра прямо на месте преступления. Но, к сожалению, далеко не всегда так бывало...

Второй случай. Из армейского госпиталя меня решили самолётом отправить дальше, в город Бельцы. Когда принесли мои вещи, то обнаружилось, что в моей полевой сумке нет готовальни (Рихтеровская готовальня, прекраснейший набор инструментов - мой боевой трофей), нет моего поясного ремня со звездой, исчез и почётный знак "'Отличник РККА". Этот ремень с портупеей и знак мне вручили в училище за отличную учёбу. Я в этом ремне воевал, а тут ... Позвал комиссара, но ничего это не дало: самолёт-то не будет ждать. Вместо командирского ремня в мой вещмешок вложили... конскую подпругу: значится ремень и есть ремень. Вот он!

Стоило ли об этом писать?! (Надо же, через 60 лет вспомнил, никак не забудет!). Я, в общем-то, не о себе пекусь, не потому, что это мои вещи (хотя они мне дороги были бы как память), потому, что такая крысиная психология - взять себе то, что (по их убеждению) плохо лежит - всё ещё существует,

все ещё живёт и, к великой нашей беде, мало осуждается и слабо наказуется.

В Бельцы нас привезли в день капитуляции Румынии. В городе было много пленных. Их использовали на разных работах, в частности, для переноски раненых. Помню, что от самолёта до госпиталя через весь город меня несли четыре немца, держа ручки носилок на плечах. На улицах было много людей - местных жителей и военных, они приветствовали нас - раненых, желали скорейшего выздоровления.

Состояние мое ухудшалось с каждым днем: потерял много крови, началась газовая гангрена, поднялась температура. Поэтому пришлось отнять ногу. Мне перелили почти четыре литра донорской крови. Врачи считали, что необходимо ещё перелить кровь. Но, как только я почувствовал себя немного лучше, наотрез отказался от переливаний и от уколов морфия (как обезболивающего), чем весьма удивил сестер. Вокруг было много тяжело раненых, они стойко переносили страдания. Ещё после первого своего ранения усвоил важную истину: многим больнее, состояние их хуже, чем у меня, но они не стонут и не хнычут.

Когда стал "ходячим", т.е. уже мог передвигаться с костылями, нас (целый эшелон) отправили в глубокий тыл в Уфу и поместили в госпиталь, который был в здании средней школы в центре города. В последние 10-15 лет я много раз бывал в Уфе и дважды в Бельцах, но ни в одном из этих городов не нашёл зданий, где размещались когда-то (в 1944 году) «мои» госпитали. В Бельцах мне запомнилось здание с колоннами в большом старом саду. Палаты были с большими окнами и высокими потолками. Был в горбольнице, которая стоит в парке на главной улице города Бельцы, был в (современном) военном госпитале, но нигде ничего не напоминало "то" здание. Так же и в Уфе. Школ в центре несколько. Какая из них "моя"? Во всех были госпитали. Везде старожилы со вниманием выслушивали меня, старались помочь, но настолько все кругом изменилось.

В конце октября 1944 года в Уфу за мной приехала мама. Она провожала меня морозным февральским вечером 1942 года в армию и вот, как только узнала, что я недалеко, приехала в Уфу.

Тогда, зимой 1941-42 годов, поезд с новобранцами уходил из Челябинска поздно вечером. Мне досталась вторая полка, и я видел в окно, как мама стояла в стороне от небольшой группы провожающих под большим голым тополем и все смотрела, и смотрела на вагон. Я махал ей рукой, но она, очевидно, не видела. Так и стояла, пока я не потерял её из вида, когда поезд тронулся. Она не плакала, как другие мамы, и все же не удержалась и сказала, когда мы прощались:

- Ты там будь осторожнее, не высовывайся. Эх, мамы, мамочки наши дорогие, как это можно выполнить ваши наставления на войне?! Как ни странно, именно те, кто уж очень стремился "не высовываться", быстрее погибали.

И вот Уфимский госпиталь. Меня вызвали к завотделением, но не сказали зачем. Вхожу в кабинет на костылях, вместо ноги забинтованная культя по колено. Вижу, на диване сидит моя мама и смотрит на меня. Для неё-то эта встреча не была неожиданной. Она спокойно подошла ко мне, обняла и поцеловала. Ни слезинки, ни вздоха горечи. Мне уже пришлось видеть встречи моих коллег по госпиталю с родными с причитаниями и даже с криком. Всё это можно понять. Позже я понял и оценил, чего стоило моей маме этот спокойный тон, когда она увидела своего сына безногим.

Потом на конных санках начальника госпиталя мы уехали на вокзал и поездом в мой родной Челябинск, где меня поместили в госпиталь в палату 225 на третьем этаже.

И на этот раз мне повезло: главврачом и главным хирургом в этом госпитале был профессор Тарасов Н.В. Только благодаря его умению, его добрым прекрасным рукам удалось сделать невозможное - сохранить мне колено и избежать фантомных болей! Многие знают, что те, у кого отнята рука или нога, ощущают пальцы, ладонь или стопу. Но главного-то не знают, что эти ощущения приходят через сильнейшую боль! Кто, например, знает, что у Николая Ивановича Павленко – участника Великой Отечественной войны, который потерял ногу в боях с фашистами, доцента нашего института ныне покойного, - непрерывные боли?! При этом у него реально ощущение, что стопа опирается… на лезвия бритв, а между пальцами кровь…. Вот, что такое фантомные боли! Так ощущаются утраченные конечности.

Это хорошо знал профессор Тарасов, поэтому прежде чем

провести мне повторную операцию, он долго готовил меня и готовился сам: составлял и отменял план операции, и снова составлял. Почти сорок лет не было у меня этих самых фантомных болей! Теперь иногда появляются, а это значит - бессонная ночь и всё остальное, что "положено" в таких случаях. Но это еще не всё. Профессор предложил мне идти к нему в ученики. По его мнению, из меня получился бы неплохой хирург. Но судьба моя сложилась иначе. Последний раз мы виделись в 1949 году на станции Инза: ехали вместе в одном поезде из Челябинска в Москву - я в Краснодар, а он на сессию Верховного Совета СССР, как депутат. Волжский грузчик стал профессором, депутатом народа! Многим помогли его добрые руки, большие знания, его теплая человеческая доброта.

На этом можно было бы поставить точку, только добавлю, что за успешное выполнение заданий командования в период Ясско-Кишиневской операции меня наградили орденом Отечественной войны I степени. Об этом узнал уже дома, после выписки из госпиталя и демобилизации из армии, а вручили мне орден уже в Краснодаре. Демобилизовался я из Красной Армии в апреле как инвалид войны.

В один из своих приездов в Челябинск собрались мы с братом поискать тот ("Тарасовский") госпиталь и нашли. Теперь там уже не школа, а профучилище. Поднялись вначале на второй этаж и нашли комнату, в которой была перевязочная, а сейчас учительская. На третьем этаже нашли, где была офицерская палата № 225. В ней теперь библиотека, читзал. На «моем» месте стоит небольшой стол. Молоденькие библиотекарши смотрят на нас с интересом. Им странно, что здесь в храме книг, когда-то лежали раненые парни ... Постоял в темном углу, вспомнил Колю Курышкина. Какой он был весельчак и как он не хотел снова на фронт. Нет, нет - он не был трусом! Воевал он отважно, награжден орденом. Как они любили друг друга Коля и Поля!! Попал же он в Манчжурию, а теперь лежит на почётном кладбище у памятника-мемориала в своем родном городе Челябинске. Многих уже нет из тех, что были со мной в 225 палате ...

Мой отец - военный комиссар, партийный и государственный работник официально имел низшее образование - три класса церковно-приходской школы. Правда, уже будучи в звании бригадного комиссара, он экстерном сдал экзамены за

десятилетку, то есть учился вместе со своими детьми. Его заветной мечтой было дать своим детям высшее образование. Он добился этого со значительным "перевыполнением": все трое получили высшее образование, а два сына стали учёными - получили учёные степени.

К середине сентября 1945 года я уже мог понемногу ходить на протезе. Встал вопрос о том, куда пойти учиться. Выбрали юг - Краснодарский институт пищевой промышленности (КИПП). Ходил я, в общем-то, неважно, быстро уставал, нести что-либо ещё не мог. Поэтому со мной в Краснодар поехала моя сестренка Надя. Она в это время училась в Челябинске на третьем курсе Киевского мединститута (так тогда было), но чтобы поддержать меня, перевелась в Краснодарский мединститут.

Приехали мы в Краснодар 17 октября. К этому времени занятия в КИППе уже шли полным ходом, и мне пришлось догонять своих однокурсников сразу по всем предметам.

Попал я в группу 111-ю, которую в шутку называли "цельнометаллическая-непромокаемая", так как состояла она только из парней. И это на технологическом-то факультете, который и в более поздние годы называли "девическим"! Всегда на техфаке преобладающим контингентом были девушки, а тогда, в 1945 году, парней было совсем мало. А тут целая группа 25 человек одни мужчины! Объяснялось же все довольно просто: парни эти почти все - бывшие фронтовики, у них был большой перерыв в учёбе, поэтому по некоторым дисциплинам необходимо было начинать с "азов", проводить занятия по специальной программе. Возможно, что подобные группы были и на мехфаке и на агрономическом факультете. Это тот самый агрофак, на основе которого несколько позже сформировался Краснодарский сельхозинститут (КСХИ). Но на мехфаке и агрофаке вообще было больше парней, поэтому "чисто мужские" группы не были чем-то особенным.

111-я была все же необычной группой: на 25 человек было более 20 боевых орденов! Достаточно сказать, что у Славы Гаври и Серёжи Ванацяна было по три ордена, у некоторых по два, в том числе и у меня. Почти половина состава группы были членами партии.

Трудно ли нам было учиться?! Очевидно, да, но об этом как - то никто не говорил. Нужно было учиться и учились, набира-

лись знаний. Просто ли было, например, выполнять чертёжные или лабораторные работы таким, как Слава Гавря, у которого от общей контузии тряслись руки или Боре Слепченко, у которого осталась только одна рука, да и та с плохо зажившей раной. Важно, что все из 111-ой "непромокаемой" закончили институт, стали инженерами. Если по современным меркам считать, то отсев был минимальным, а причины его сверхуважительные.

Догнать товарищей было моей первой задачей. Пришлось многое постигать самостоятельно в читзале институтской библиотеки. Постепенно систематическая работа с книгами стала привычкой. Догоняя, настолько "разогнался", что по некоторым дисциплинам обогнал группу. Свой первый экзамен (по физике) я сдавал досрочно. В дальнейшем вообще все экзамены летних сессий сдавал до начала этих экзаменационных сессий так, чтобы оставался дополнительный месяц для отдыха дома у родных на Урале. Более того, в первую зимнюю сессию по рекомендации преподавательницы, которая вела в нашей группе иностранный язык, специальной комиссии под председательством заведующей кафедрой, я сдал в один приём сразу все (четыре или пять) экзамены по английскому языку и получил в ещё пустые зачётки в соответствующие семестры отличные оценки (все датированы январём 1946 года).

Может возникнуть впечатление, что мне "просто" легко науки давались.

Однако, главная причина "легкости" – настойчивость, систематичность в изучении любого из предметов. Надо следовать основному и жесткому правилу: ничего не откладывать на завтра, что можно (и нужно) сделать сегодня.

Окончил Краснодарский институт пищевой промышленности в 1950 году (инженерная специальность добывание растительных жиров), обучался в аспирантуре при кафедре технологии виноделия. Кандидат технических наук (февраль 1954 г.), доцент на кафедре органической химии (сентябрь 1959 г.). Доктор химических наук (апрель 1971 г.), профессор и заведующий кафедрой органической химии (с мая 1972 г.). Являюсь научным руководителем проблемной научно-исследовательской лаборатории, которой руководил с января 1960 г. по сентябрь 2003 г. (более 43 лет) вначале доцентом, кандидатом технических наук (до 1971 г.), затем доктором

технических наук, профессором. За этот период под моим руководством выполнено и защищено 42 кандидатские (4 - иностранцами) и 8 докторских диссертаций.

Опубликовано свыше 400 научных работ в различных Всесоюзных и республиканских журналах, 3 книги (одна – учебник на болгарском языке), авторских свидетельств более 210-ти и 20 патентов РФ, сделано 300 докладов на международных конференциях и съезд учёных.

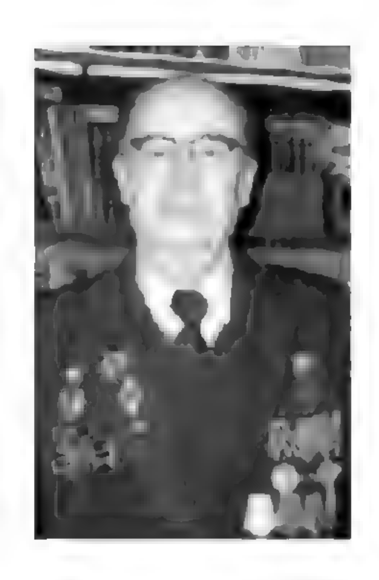
Участник трёх (XI, XII и XIII) Менделеевских съездов, многих Всесоюзных, региональных и Международных симпозиумов и конференций. Имею звание «Заслуженный деятель науки РФ» и «Заслуженный изобретатель РФ».

Обо мне и боевых товарищах есть несколько небольших публикаций в газетах. Мои, небольшие по объёму, воспоминания опубликованы в книге «Баллада о солдатах» (Краснодар, 2000 г.).

Февраль 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 1 курса Кубанского государственного технологического университета **Литвиненко Владимир Геннадьевич***

Кучеренко Вячеслав Леонидович

Дороги и аэродромы

Я родился 28 сентября 1921 года в г. Казатин Винницкой области, в семье служащего, украинец, член ВЛКСМ. В 1927 г. поступил в среднюю железнодорожную школу и окончил её в 1938 г. После окончания школы поступил в Харьковский автодорожный институт.

Начало войны

В один из июньских дней, стояла относительно прохладная погода. Было пасмурно. Я обратил внимание, на то, что несколько человек слушают радиопередачу. Голос диктора объявил, что повторяет передачу сообщения - выступление главы Совета Министров СССР В. М. Молотова. Из первых слов стало понятно, что началась война. Это было 22 июня 1941 года. До сознания тогда ещё не дошло о надвигающейся серьёзной опасности, о будущих суровых испытаниях. Однако уныния не наблюдалось. Я в этот период, будучи студентом 3 курса, был на практике на строительстве военного аэродрома в районе г. Харькова. Был зачислен на должность десятника. На второй день (23 июня) собрали нас, сотрудников управления строительства и объявили, что, по-видимому, война будет серьёзной и, возможно, продолжительной, необходимо пока перейти на казарменное положение. Строительные работы продолжались. Однако в разгар строительных работ ночью

налетели немецкие бомбардировщики и нанесли бомбовые удары по уже готовым бетонным участкам ВПП и другим объектам. Работы на аэродроме были приостановлены.

В июле в институт начали возвращаться с практики студенты, проходившие практику на западе страны. Было объявлено, что первый и второй курсы выбывают в ряды армии, а третий курс должен возвратиться на учёбу. Занятия начнутся с 1 августа. К началу августа собралась в институте некоторая часть студентов III-го курса, но большинство не прибыло. Было объявлено об эвакуации института и распределении прибывших студентов старших курсов в учреждения и подразделения ГУАС НКВД СССР и Военпроектные организации. Много юношей-студентов III-го и IV-го курсов было направлено для продолжения учёбы в Военные Академии. Так получилось, что в Военной Академии оказались мои друзья-однокурсники: Гиль А. И., Олейников А., Трошин Н. А., Дунаевский Г., Спектор Ш., Шамес П. Я. и др., впоследствии ставшие крупными военными и гражданскими специалистами. (Трошин Н. А. – зам. Министра автотранспорта Украины; Гиль А. И. – полковник, руководитель строительства военных объектов; Олейников А. – подполковник, начальник учебной части военной кафедры института; Шамес П. Я. – полковник, начальник военного училища, а в отставке – проректор ТашАДИ т. д.).

Меня и моих сокурсников (Майоров И., Хайкин Г.) передали в распоряжение Киевского Военпроекта, в то время находившегося в Харькове. Мы выполняли обязанности ст. техников по обследованию стратегических дорог и мостов Восточной Украины, частично Воронежской и Ростовской областей. Для определения возможности пропуска военной техники отступающих наших войск, проверяли техническое состояние мостов (визуально) и выполняли расчёты требуемого усиления конструкций, пропускные возможности дорог. Мосты в основном были деревянные, зачастую с пониженной грузоподъёмностью, старые и, практически, требующие перестройки. Покрытия дорог - гравийные, булыжные мостовые и грунтовые.

В сентябре – в начале октября я находился в группе по выполнению полевых проектно-изыскательских работ на аэродроме в районе г. Дебальцево (размещались в посёлке Хацапетовка Донецкой области). Аэродром находился рядом с двухпутным участком железной дороги. Железнодорожные пути

были загружены железнодорожными составами (эшелонами) с эвакуируемым имуществом и людьми из западных районов страны. Однажды, когда мы утром прибыли на аэродром и присели у столика нашей полевой кухни позавтракать, налетели самолёты противника. Они начали с небольшой высоты бросать бомбы на вагоны стоявших поездов и обстреливать из пулемётов, в том числе и в нашу сторону. А в этот период на поверхности еще остались лужи от проливного дождя, прошедшего рано утром. Руководитель группы дал команду всем срочно ложиться. Я впервые попал под пулемётный обстрел и поэтому не придал серьёзного значения такой команде. Я начал осматриваться, где место посуше, чтобы можно было ложиться. В это время самолёты противника сделали следующий заход и начали бомбить и обстреливать. Тогда я побежал в сторону елей (железнодорожных посадок), где, на мой взгляд, было более сухое место (в 20-30 метрах от нашего столика заметил, что у снегозащитной полосы из елей имеется травяной газон, местами лежит солома), я и залёг там. Рядом рвались бомбы (за посадкой елей), и летали пули. Кричали люди, попавшие под взрывы бомб. Начался пожар. Когда проскочило очередное звено самолётов противника, я поднялся и пошёл в сторону нашего столика. Обратил внимание, что руководитель группы лежит в большой луже воды и фыркает. Мне стало смешно. Руководитель поднялся и начал меня ругать, сказал, что я веду себя неосторожно. В таких случаях можно получить ранение или быть убитым. А мой смех отнёс к моему ещё ребячеству. А рядом груды металла, раненые, убитые. В дальнейшем, вспоминая этот случай, понимаешь, как легкомысленно относятся в 18-20 летнем возрасте к такой ситуации.

Когда немецкие войска подошли к городу Сталино (Донецк), было получено распоряжение приостановить работы и возвращаться в Ворошиловград (Луганск). Перемещение в то время было уже сложным. Рядом фронт. Мешали передвижению автомобилей осенняя распутица на грунтовых дорогах и бомбёжки самолётов противника. Самолёты противника гонялись буквально за каждой машиной на дороге.

По прибытии в Ворошиловград нашу проектно-изыскательскую группу переформировали и направили в распоряжение Центрального Военпроектного управления в Сталинград. Во второй половине октября 1941 года выехали в со-

ставе 5 человек (Драполюк, Новиков, Майоров, Хайкин и я) в распоряжение ЦВПУ. В это время железнодорожное пассажирское сообщение было парализовано и не действовало. Через железнодорожные станции стали перемещаться посредством военных комендантов в товарных поездах в сторону Сталинграда. Находясь в пути, через военных комендантов установили, что ЦВПУ находится в Куйбышеве. Продолжили перемещение товарными поездами в сторону Куйбышева (Самары). Скорость перемещения в сутки составляла 20-30 км, т. к. поезда часто попадали под бомбёжку и обстрел самолётов противника. Перемещение происходило в основном в ночное время. Днём больше отстаивались на различных разъездах.

Наконец-то, после ноябрьских праздников добрались до Куйбышева. Предстояло отыскать Военпроектное управление. Правительство страны в это время перебазировалось из Москвы в Куйбышев. В том числе произошло перебазирование Наркомата Обороны страны во главе с маршалом Ворошиловым К.Е. (часто его и Будённого видели в столовой Дома Обороны). Кстати, при продвижении нашей группы в Куйбышев, часто возникала курьёзная ситуация. Во время наших остановок и появления нашей группы у военных комендантов (за получением распоряжения о выдаче нам сухого пайка, - продовольствия), фамилия нашего ведущего инженера нас подводила. Он докладывал военному коменданту, что, он, Драпалюк, и его инженерная группа направлена на выполнение особого задания и предъявлял соответствующие документы. Его фамилия наводила на мысль коменданта (и его сотрудников): «Что? Вы с фронта драпаете?!» Приходилось объяснять, что мы готовы воевать на фронте хоть сейчас, но обязаны выполнять задание вышестоящего руководства по подготовке оборонных мероприятий. В то время большинство молодых людей считали своим долгом выехать на фронт. Пребывание в тылу считалось не престижным. И, например, девушки и молодые женщины смотрели на таких молодых парней с некоторым укором. В то время в армию были мобилизованы все, в возрасте от 18 до 50 лет включительно, в том числе и девушки в возрасте 18-25 лет. Поэтому тот, кто из парней находился в тылу, вызывал даже некоторое презрение (в тылу оставались, в основном, по состоянию здоровья и получившие отсрочку от призыва в армию, - «бронь»). Когда мы делали остановки, и нашу

группу комендант определял на временное пребывание в городе, то он размещал нас в сборных пунктах. В основном, это были здания школ. Туда направлялись командиры, вышедшие из окружения, и ожидали новых назначений. Конечно, при встрече с командирами, вышедшими из окружения, настроение было удручающее. Однако, несмотря на происходившие в то время большие осложнения и потери, у всех было только одно выражение – «мы победим». Эта уверенность, что «мы победим», окрыляла всех, и вся наша деятельность шла под этим лозунгом. И тем более, когда узнали, что Правительство страны перебазировалось в Куйбышев, а Сталин остался в Москве, уверенность в победе над Германией становилась ещё сильнее.

Мы выехали на грузовой автомашине ГАЗ-АА с брезентовым тентом на Юг по левобережью р. Волги. Для обогрева в ночное время останавливались в деревнях. Возглавлял временно нашу группу майор (две шпалы в петлицах) химических войск. По прибытии на место нашей временной «дислокации», мы были определены на временное проживание в частном доме посёлка Горного. Получили задачу на срочное выполнение проектно-изыскательских работ для строительства оборонного объекта у железнодорожной станции Рукополь. Майор возвратился в Куйбышев. Рано утром пешком преодолевали расстояние около 10 км. Проводили инструментальные измерения на местности (теодолит, нивелир, мерные ленты). К нам прикрепили 10 человек красноармейцев. Мы понимали, что необходимо выполнять работы срочно, т. к. уже начали прибывать воинские подразделения строителей, а для выполнения заданного объёма работ наша группа была малочисленна. Поэтому работали почти круглые сутки. С утра до вечера, в светлое время дня выполняли полевые инструментальные работы. Вечером - камеральную обработку и проектные работы. Для этого приблизились к объекту работ. Поселились в селе, арендуя комнату в частном доме. Пока мы находились в командировке, нашу группу определили к Московскому отделению Центрального Военпроекта. Поэтому, на вопрос: «Где служишь?», - коллеги шутники-юмористы отвечали: «В ЦВПУКЭУ ГИУ КА МяО ГАВ ГРР…Р», - чтоб совсем «страшно» было от такой аббревиатуры. В ходе выполнения спецзадания комполка я сильно обморозил лицо и руки и был направлен в госпиталь,

затем был откомандирован в распоряжение Средне-Азиатского Военного Округа.

В Средней Азии было непривычная для нас погода в это время года, было тепло. Я начал становиться работоспособным. Обморожение начало постепенно проходить. Пальцы рук становились более «послушными». Первоначально получил объект, производство полевых инструментальных изысканий, а затем и проектирование аэродрома Нишан Кашкадарьинской области в Узбекистане, расположенного недалеко от границы с Туркменией, в Каршинской степи Кызыл-Кумов (на границе с Кара-Кумами). Климатические условия (для деятельности человека) были суровые. Искусственные водные каналы для аграрно-промышленного освоения земель еще отсутствовали. На несколько сотен километров отсутствовала какая-либо древесно-кустарниковая растительность, речные водоёмы и населённые пункты.

В то время (с 1941 г.) в Каршах была дислоцирована Рязанская Высшая лётная школа. Мы готовили (как нам потом сказали при выдаче задания на производство работ) для этой школы аэродромы в Узбекистане, Таджикистане и Туркмении. Как впоследствии выяснилось из мемуарных воспоминаний Героя Советского Союза, генерала Каманина, бывшего в то время командующего ВВС САВО, аэродромы готовились с целью отражения возможного нападения противника на Среднюю Азию со стороны Ирана и Афганистана. Были такие опасения. В Нишане практически уже начато освоение территории, предназначенной под аэродром. Состояние естественной грунтовой поверхности позволяло выполнять взлёты и посадки самолётов без устройства специальных взлётно-посадочных полос и рулёжных дорожек, требующих определённых затрат на их сооружение. Поэтому, для меня была непонятна поставленная передо мной задача по проектированию взлётно-посадочных полос. Они уже практически были подготовлены, будучи в природном состоянии.

В конце марта получил задание выехать на аэродром в Карши для производства проектно-изыскательских работ. Но, убедившись, что здесь можно использовать площадь так же, как в Нишане, без дополнительных работ, меня направили в составе проектно-изыскательской группы в Чиракчи, а затем в Гузар. В Гузар я был направлен в конце апреля. Необходимо

было установить контакты с райвоенкоматом и держать поставленные передо мной задачи в секрете. На вопросы о моей деятельности объяснять всем, что занимаюсь проблемами оросительной системы по заданию вышестоящих органов (эти проблемы, в условиях Средней Азии, являются весьма актуальными и в настоящее время). Прибыл в Гузар. Все проблемы решил через Мрязева Костю. Он был и моим переводчиком с узбекского на русский. Он хорошо знал узбекский язык, быт и нравы местных жителей. В то время в Гузаре проживала сравнительно небольшая группа из числа переселенцев с территории России и Украины, семьи так называемых «раскулаченных» в 1928-1930 годах, они и были высланы в эти отдалённые от Родины места. Поэтому, они уже адаптировались, и происходило мирное сожительство с местным населением. Кроме русских, проживали татары, язык которых был схож с узбекским, они занимали ключевые посты в местных органах власти района. С 1941 года в Гузаре появилась небольшая группа эвакуированных из Ленинградской и Смоленской областей, которые ещё не успели адаптироваться и чувствовали себя в этих условиях беспомощными. Только благодаря руководителям местных органов власти как-то начали обустраиваться с работой и определением временного проживания в порядке подселения к жителям служебных квартир, а так же и частных домов местных жителей. Кроме того, в 1942 г. начато формирование подразделений польской дивизии (такие формирования были начаты в Самарканде, Шахризябсе и Гузаре) из числа ранее попавших в плен солдат и офицеров Польской армии, воевавших в 1939 г. и находившихся в ссылке в Сибири (поляки и польские евреи). Для польских офицеров была отведена столовая, преобразованная в казино. В это время поляки вели себя самоуверенно, с чувством превосходства над местным населением и эвакуированными россиянами. Они были хорошо обеспечены вещевым, продуктовым и денежным довольствием. А россияне в это время жили бедно, впроголодь. Не все имели возможность приобрести хлеб. (Норма выдачи хлеба для населения в магазинах была установлена от 200 до 400 грамм на человека в день, в зависимости от категории трудовой деятельности. Служащий – 200 гр., рабочий – 400 гр.). Продажа производилась по талонам карточек, выделенных строго по списку местной администрации. Шла война. Необ-

ходимо было обеспечить хлебными продуктами, в первую очередь, армию в составе фронтовых воинских соединений. Был лозунг – «Всё для Фронта!»

Вместе с Мрязевым К. прибыли в колхоз, на территории которого отводились площади земельного участка под аэродром, (это в 20 километрах от Гузара). Председателя колхоза (Раис колхоза) на месте не оказалось. Сказали, что он дома. Зашли к нему в глинобитную кибитку. Он сидел на полу, на паласе (кошме) и курил кальян (небольшой кувшин с длинным носиком-трубкой, через который курильщик вдыхал пары тлеющего наркотика). Когда мы вошли в комнату (а вход сразу же со двора) он не поднялся и продолжал курить. Глазами показал присесть рядом с ним на палас. Мы молча сели. (Откровенно говоря, у тогдашнего населения было феодальное сознание. Если его избрали «Раисом» – это, в его понимании, значило, что ему позволено распоряжаться имуществом колхоза, как своим собственным, людьми - также, во всём прослеживались байские привычки).

Через несколько дней из Сталинабада прибыл инженер-геодезист Ухин. И мы начали выполнять инструментальную съёмку площади. Потом, через несколько дней из Сталинабада прибыл лейтенант Плигин Александр. Он только окончил пехотное училище. Гражданская профессия – грузчик на товарной железнодорожной станции Рязань. Ходил в военной форме пехотинца с двумя кубиками в петлице, и на поясе висела кобура с револьвером. Прибыли из ближайшей воинской части 3 солдата для выполнения работ в качестве подсобных рабочих.

Кстати, о переговорах с узбекским населением. В дальнейшем, когда мы уже овладели отдельными разговорными узбекскими словами, нам рассказывали по этому поводу анекдот. Эвакуировавшийся с Украины крестьянин, украинец обзавёлся хозяйством. Приобрёл корову. Возникла проблема - чем кормить. Он обратился к своему соседу – узбеку со словами: «Ака, у тэбэ сино е?» Сосед не понял украинского языка и отвечает: «Ныма, ныма». А по-украински это значит – нет, нет. Украинец почесал затылок и говорит: «Вот быда, и сина нэма!» Сосед услышал слово «беда» и воскликнул: «Бида бар, бар!» На узбекском языке слово «бида» - сено. Т. е. он гово-

рит: «Сено есть, есть!» Но для украинца это слышалось как отрицание. Поэтому, всё равно друг друга не поняли.

Приехали в Гузар начальник нашего отдела аэродромного строительства майор Иевлев и лейтенант Плигин. По линии райвоенкомата был произведён набор допризывников в армию. По линии райвоенкомата были мобилизованы в местных организациях (у дорожников и МТС) технические средства (тракторы, прицепные грейдеры, автомашины). И начались строительные работы. Плигин был назначен начальником, а я технoруком строительства – считался уже специалистом аэродромщиком. Работы производились в осеннее время. В декабре 1942 г. было тепло, и работы на аэродроме продолжались. Единственное неудобство было в организационном плане, набранные допризывники формировались на аэродроме, проработав 2-3 месяца, выбывали в воинские части, и на их место присылали новый состав, который следовало заново обучить требуемой специальности, и т. д. Роль мастеров выполняли командиры взводов из числа допризывников. Оглядываясь в прошлое, даже не верится, что в возрасте 21 года пришлось выполнять самостоятельно такую большую организационную работу. Необходимо было решать вопросы обеспечения на стройку рабочих рук, несколько сотен человек и специалистов, разместить их, обеспечить питанием, обеспечить доставку строительных материалов, горюче-смазочных материалов, организовать строительные работы и т. д. Правда, в этом оказывали помощь райвоенкоматы, администрация района и другие районные учреждения.

По окончании работ в Гузаре и приёмке выполненных работ, меня перевели на строительство аэродрома в посёлок Китаб на должность технорука строительства.

Однажды, я проводил замер выполненных земляных работ на аэродроме. Присел на возвышенное место, чтобы произвести запись в блокноте. Возле меня присели работавшие на аэродроме призывники в армию (некоторые здесь же и формировались перед отправкой в армейские части). Вдруг почувствовал удар по сапогу в ногу. Я спросил: «В чём дело?» Мне объясняют, что с моей ноги сбросили паука. Это был каракурт. И рассказали, какая угроза исходит от него, если он попадает на обнажённую часть тела. Проползая по оголённой части тела, он оставляет яд, который впитывается через кожный по-

кров и приводит к смертельному исходу. Позже я видел много этих пауков и избегал с ними контакта.

Работать приходилось при изнуряющей жаре, часто превышающей +40^{0}С. Обеденный перерыв устраивали с 12 часов дня до 15 часов. Единственное, что приходилось предпринимать - приучать себя днём не принимать питьевую воду для утоления жажды, т. к. в этом случае, полностью теряется работоспособность (не снижается, а теряется!) Проводили, в основном, утренние и вечерние чаепития, пили зелёный чай.

Я оставался на аэродроме руководителем по всем вопросам в одном лице: по административным, хозяйственным, техническим. Помогали в этом местные органы власти, офицеры райвоенкомата.

Добровольцем – на фронт

После встречи Нового года, в начале января 1944 года получили приказ Верховного Главнокомандующего, Управление 44 Района авиабазирования (авиасоединения) совместно с ротой связи должно прибыть в состав Действующей Армии на 1-ый Украинский Фронт.

Наше строительное подразделение, находившееся в подчинении ОАС 44 РАБ, находилось в Сталинабаде для завершения реконструкции аэродрома.

У меня было противоречивое положение. Числился в штате отдела воинской части п/п55625. С другой стороны, выполнял обязанности технического руководителя на реконструкции военного аэродрома, где были расположены лётные подразделения ШАДа. Мой непосредственный начальник Гаврилкин убеждал меня остаться техноруком для завершения реконструкции аэродрома. В то же время, начальник отдела и офицеры отдела выражали пожелание, чтобы я выехал с ними на Фронт. Со мной уже считались как со специалистом-аэродромщиком. Было принято решение выехать добровольно на фронт.

Едем на фронт. Но было опасение. Могли обвинить в саботаже за самовольный уход от выполнения обязанностей без приказа.

Наш железнодорожный состав двигался на запад в течение целого месяца. Прибыли в Киев и были зачислены в состав 1-

го Украинского Фронта. Началось дальнейшее формирование нашей воинской части. Бои шли южнее Киева и возле Овруча. Через некоторое время нас передислоцировали в район г. Овруч и включили в состав 1-го Белорусского Фронта. Так началась фронтовая жизнь. Первое время я не представлял себе, какие будут мои обязанности в фронтовых условиях. Где моё место в этой ситуации? Ведь все условия резко отличались от тыловых. При том, в отделе все офицеры были значительно старше меня по возрасту и званию.

Бои шли возле Житомира довольно затяжные. Город несколько раз переходил «из рук в руки». Были начаты работы по восстановлению взлётно-посадочных полос в освобождённых районах нашими войсками, силами переданных в наше распоряжение аэродромно-технических рот (АТР), находившихся в составе батальонов аэродромного обслуживания (БАО), и инжбата - батальона аэродромного строительства (под командованием майора Вороны).

В мою задачу входило выполнение расчётно-графических работ. В состав этой группы были переданы 2 девушки в звании сержанта. Эти девушки имели призрачное понятие об аэродромных проблемах, но служили они в нашем отделе исправно.

Изыскания во фронтовых условиях заключались в вылете на самолёте ПО-2 или выезде на автомобиле в разведку по заданию командования в заданный район по определению места устройства ВПП. Обычно это был район, прилегающий к прифронтовой полосе, на днях освобождённой от противника. Задача состояла в том, чтобы изыскать площадь, пригодную для взлётно-посадочной полосы для самолётов-истребителей и штурмовиков, которые уже буквально на взлёте могли бы обстреливать противника. Притом, площадь должна была быть подобрана с минимальным объёмом работ по устройству ВПП и стоянок самолётов, с наличием подъездных дорог для подвоза боеприпасов и ГСМ, с возможностью обеспечения маскировки самолётов и личного состава авиаполка и роты обслуживания (РАО) на определённом расстоянии от населённых пунктов. Изысканные точки держались в секрете. Бывшие аэродромы на освобождённой от противника территории не были пригодны, т. к. они были известны для противника и подвергались обстрелу наземной артиллерии и с воздуха.

Иногда возникали сложные ситуации. Командование давало срочное задание обследовать точку, которая вызывала сомнение, принадлежит ли она уже нашим войскам, или ещё там находится противник. А может, уже были там наши войска, а потом обратно отступили, и овладел этой территорией противник. Трудность заключалась в том, что часто попадаешь под обстрел, во время выполнения рекогносцировки, визуального обследования заданной точки. Трудно было выполнять задание во время продвижения по территории Западной Украины, в районах Сарны, Ковель, Львов.

В течение относительно длительного времени наша воинская часть дислоцировалась у города Сарны (май – июль 1944 г.). Всё время противник интенсивно бомбил, особенно в ночное время. Когда мы стояли в районе Сарны, почти ежедневно, ровно в 7 часов утра регулярно появлялись 2 самолёта – разведчика противника. Они спокойно облетали район нашего расположения. По ним не стреляли зенитки, т. к. это могло вызвать демаскировку. А ночью соответственно проходила бомбардировка нашего расположения налётом нескольких десятков бомбардировщиков противника.

За ночь мы создали из дерева и фанеры макеты двух самолётов-истребителей. Покрасили их и выставили на видном месте у аэродрома. И зная о том, что утром появятся разведчики, соответствующим образом подготовили зенитное вооружение. Утром, ровно в 7 часов появились 2 разведчика противника и сразу же ринулись на 2 фанерных истребителя. В это время зенитки разрушили их в воздухе прямым попаданием. За такую находчивость командующий приказал всех офицеров, участников этой операции, представить к правительственным наградам.

Интересное событие произошло на подступах к Польской территории. Наш отдел занимал в украинском селе (Западной Украины) небольшой домик. Однажды, все офицеры отдела выехали на выполнение заданий командования. Остался в отделе майор Колотухин Сергей Аристархович, я и водитель а/м Кофанов. Майора срочно вызвали в штаб и направили на выполнение задания. Поэтому, майор распорядился перед отъездом, что «старшим» в отделе остаюсь я (оставались солдаты и сержанты). Через несколько часов (около 12 часов дня) ко мне обратился водитель а/м Кофанов с просьбой выделить ему

боевую винтовку. Он объяснил, что за нашим домом находится небольшое озеро (в 50 метрах от дома). Туда прилетел и плавает дикий селезень (утка). Есть возможность полакомиться дикой уткой. А поскольку у него был только автомат, поэтому он просил выделить ему винтовку. И посоветовал, чтобы я отдал распоряжение часовому, охраняющему наш отдел, передать на временное пользование винтовку Кофанову Феде, а взамен вручить ему автомат. Такое распоряжение я дал, и Федя получил винтовку. Он на радостях сообщил, что рядом есть огород. Он с хозяином огорода уже договорился, чтобы накопать картошки, и приглашал к себе на обед. Вскоре был услышан выстрел. Через 2 часа пришёл Федя и пригласил меня и сержанта на импровизированный обед. На костре был приготовлен картофельный суп с уткой. Мы почувствовали приятный запах. У нас сохранились фронтовые «100 грамм», и мы расположились у костра и начали трапезничать. Мимо проходил хозяин соседнего дома, и что-то бормотал об «оборотне». Федя сказал ему: «Что ты там бормочешь о каком-то оборотне. Садись с нами и попробуй, какой получился картофельный суп с дикой уткой. Будешь доволен». Хозяин и ответил: «Я же и говорю, что последний мой оборотень попал в суп». Мы попросили его рассказать, в чём дело, что это за «оборотень». Оказывается, когда находились в селе немцы, хозяин вырастил из яиц диких уток несколько утят, и выращивал их в закрытом помещении, используя домашнюю утку. Однако, вскоре, когда утки «становились на крыло» и стали постепенно из сарая вылетать на «волю», то их немецкие солдаты перестреляли, в том числе и домашнюю утку. Остался один селезень, который, по мнению хозяина, «одомашнился». Он уже привык к людям и не боялся их. И вот он выскочил сегодня из сарая и полетел на озеро. Мы тогда всё поняли всю «трагедию» случившегося. Федя и говорит: «А я и подумал, почему дикий селезень меня так близко подпускает, не взлетает. Я приблизился ползком и метров с 20 сделал выстрел прямо в глаз утки. И был, как охотник, удивлён поведением дикой утки». И говорит хозяину утки: «Ну, что, раз такое случилось, давай выпьем по 100 грамм за твоего оборотня».

Стояли мы в селе Большой Обзыр (в районе г. Ковель). Противник занял оборону в Пинских болотах. Наше продвижение остановилось. Вместе с тем мы ощущали острый недос-

таток в питании. В офицерской столовой на обед обычно нам готовили суп из горохового концентрата и на второе что-нибудь из растительной колбасы (такие у нас были консервы из Америки), какая-нибудь каша, плюс чай и 100 грамм водки. А вообще сильно исхудали. Как-то к нам в отдел зашёл командир инжбата строительного майор Ворона и говорит: «Что это вы такие исхудалые?» На это присутствовавший в отделе зам. начальника отдела по снабжению старший лейтенант Карамов заявил: «Я армянин по национальности, нахожусь в таком состоянии, что мне уже не до женщин. Я еле передвигаюсь к аэродрому и обратно. Нас плохо кормят. Виноваты наши интенданты». Как-то мы сидели в столовой. Нам подавали очередную порцию горохового концентрата. Зашёл в столовую начальник отдела боепитания капитан Никитин и с ним его заместитель старший лейтенант Климов и офицер отдела лейтенант Чекалин. Он спросил: «Опять гороховый концентрат и сухари? Нет, это уже надоело. Есть не будем. Пойдём». Через несколько минут вбежал в столовую старшина и сообщил, что подорвались на мине капитан Никитин и старший лейтенант Климов. А ведь старший лейтенант Климов был известен в нашей воинской части как лучший стрелок. Он это доказал во время нашего пребывания в Средней Азии. Однажды он с командой охотников-офицеров нашей воинской части выехал на охоту в Тигровую Балку (в Таджикистане). И когда один из охотников приблизился к камышам, на него набросился тигр. Все растерялись. Один Климов не растерялся. Он одним выстрелом из винтовки (на расстоянии) убил тигра и спас офицера от гибели (получил увечье). В Б. Обзыре произошла другая серьёзная трагедия. Погиб начальник нашей воинской части полковник Краснобаев во время инспектирования своих подразделений. Он приехал вместе с начальником политотдела подполковником Погореловым для осмотра состояния хранения боеприпасов. Чтобы не демаскировать бомбохранилище, вышли из легковой машины, оставили её под деревьями, а сами пошли пешком по насыпи дороги. Над ними появился самолёт противника, разведчик. Погорелов сказал Краснобаеву, что необходимо спрятаться. Но тот ответил, что не будет же из-за двоих бросать бомбу. Но бомба была брошена. Погорелов, услышав свист бомбы, бросился под откос насыпи дороги. Бомба разорвалась, и Краснобаев упал замертво.

Наконец-то прорвали оборону противника в Пинских болотах. Помогли дорожники. Построили много километров дорог-лежнёвок из древесины. Всё это маскировалось. Эти дороги помогли подтянуть и бросить тяжёлую технику на противника, танки, артиллерию и проч. Противник не ожидал такого натиска и начал интенсивно отступать в сторону Польши. К 1 августа мы подошли к границе с Польшей в районе городка Вогинь. Наша колонна была сосредоточена в лесу. Шли дожди. Разведка доложила, что впереди воинские части противника. К утру доложили, что противник в панике отступает. И мы к 14 часам вступили в город Вогинь. На улице валялись кровати, матрасы, мебель и т. д. Жители города нас встречали на центральной площади города. Начался митинг. Нас поздравляли с победой над немцами бургомистр города, ксёндз и другие представители городской власти. А затем нас распределили, расквартировали. Наш отдел разместили в здании местного помещика. При переходе на территорию Польши из политотдела нас предупредили о лояльности к местному населению независимо от общественного положения. Мы вошли 2-го августа. Дождь прекратился. Сияло солнце. Начальник политотдела Погорелов предложил мне собрать комсомольское собрание и обсудить ситуацию. Я вечером стал обзванивать своих комсомольцев и назначил собрание на следующий день к 11 часам в помещении штаба управления. К 11.00 собрались все комсомольцы за исключением Тони, зам. секретаря комсомольской организации, младшего лейтенанта отдела «Смерш». С недоумением ждём ещё полчаса. И, вдруг, она появляется с возгласом: «Я - святая». Для нас было непонятно её бравурное настроение. Я сделал ей замечание за опоздание. Попросил объяснения. Она начала рассказывать, чем вызвана её бравада. Их отдел «Смерш» разместили в доме местного ксёндза. Он сам их пригласил (конечно, он не знал, что это за отдел). Вечером он долго беседовал с Тоней и пригласил её прибыть на следующий день (т. е. 3-го августа) в костёл. Она поставила об этом в известность своё начальство и прибыла к указанному времени в костёл. Когда она вошла в костёл, все сидели и слушали выступление ксёндза. Когда она вошла в зал, ксёндз прервал выступление и пригласил её подойти к нему. Когда она подошла, он объявил прихожанам, что перед ними впервые появилась женщина-победитель над немецкой армией, ос-

вободитель города Вогинь. В честь этого он предложил записать её имя в святую книгу костёла, как женщину-воина, освободителя города от немецких войск. Таким образом, она стала «святой». Для нас это было потешно, но потом одумались и поняли, что это почётно.

В городе, оказывается, был какой-то штаб противника. При появлении нашей воинской части они запаниковали и спешно бежали, бросив всё имущество. Наш отдел разместили в доме помещика. Он регулярно, по вечерам приглашал на «коляции». Он приходил в наше помещение и объявлял: «Пане офицеже, прошу на коляцию». И мы, проявляя вежливость, приходили в комнату-столовую помещика на кофе.

Вскоре на автомобилях автобата мы продвинулись в сторону г. Люблин. В предместье Люблина прибыли ночью и до утра не разгружались. Бои шли в Люблине. Утром направились всей колонной в село Немцы (в нескольких километрах от Люблина). Утром позвонил начальник политотдела (а связь установилась практически в течение часа), чтобы собрать комсомольский актив. Готовился автобус для выезда в Майданек – концентрационный лагерь смерти, который, по сведениям разведки, немцы оставили, не успев уничтожить. Мы приехали и увидели все те ужасы, которые иногда были опубликованы в нашей печати. Въехали в открытые ворота. Из проволочных ограждений в несколько рядов стояли вышки. При въезде на территорию лагеря обратили внимание на большие качаны капусты диаметром более 0,5 метров. Листья их были сизо-красные. Потом объяснили, что удобрения из человеческого пепла. Оставшийся в живых майор начал показывать это лагерное хозяйство. Стоящие лагерные бараки внешне имели приличный вид. В комнате, где находился комендант лагеря, большой стопкой лежали паспорта людей, которые были в лагере уничтожены. Люди разных национальностей, со всей Европы. Стояла небольшая электрическая лампа с абажуром, изготовленным из человеческой кожи. Прошли в другой барак-навес. Лежали строго отсортированные женские волосы в пучках по размеру и цвету. Прошли в следующий барак, под навесом лежали отсортированные детали обуви, отдельно подмётки, хлястики и т. д. отдельно мужские, женские, детские. Далее были расположены газовые камеры, небольшие, одноэтажные строения и склад газовых банок. Здесь же - станки,

лежаки (ложи) из камня (в виде корыта с отверстием для стока крови). Тележки для транспортировки человеческих тел в печь-крематорий. Несколько печей и кирпичная труба заводского типа (высота несколько десятков метров). Далее, на пониженной местности (по рельефу) длинный ров шириной около 2,5 метров и глубиной 3 метра, в котором лежали штабелями человеческие тела. Немцы не успели их засыпать землёй. В печах ещё остался пепел и несгоревшие человеческие кости.

Всё это выглядело ужасно и страшно.

Получил задание прибыть на аэродром в Люблин. Вышел на КПП, где обычно, по заявке подсаживали проезжающих на попутных машинах. Вскоре, по направлению к аэродрому появилась грузовая автомашина, с бочкотарой, металлической (200 л). Часть из них была заполнена. В принципе, по всем правилам на такую машину в кузов не разрешается принимать пассажиров. Но в данном случае этих правил не придерживались, т. к. движение транспорта было крайне ограничено. На КПП от водителя потребовали взять несколько человек, 2-х офицеров, 3-х солдат и подвезти в попутном направлении. Мне нужно было на аэродром, куда машина и направлялась. В кабину сел ст. л-т, а я с тремя солдатами устроился в кузове автомобиля. Пришлось стоять ближе к заднему борту машины, кузов был заставлен металлическими бочками. Не доезжая до аэродрома, попали под артобстрел. Водитель начал маневрировать между разрывами снарядов. Бочки «забегали» по кузову. На одном из резких поворотов меня выбросило из кузова. Когда я пришёл в себя, автомобиля рядом уже не было. Я оказался на обочине дороги. Когда встал на ноги, почувствовал боль в нижней конечности правой ноги. Обратил внимание, что повреждён сапог правой ноги. Понял, что требуется медицинская помощь. Решил добраться пешком до санчасти аэродрома. Благо, по моим понятиям, если пройти лесной массив напрямик, то сравнительно аэродром уже недалеко. Я направился по грунтовой, извилистой дорожке. Навстречу появилась девушка-офицер в польской форме. Я спросил, где здесь санчасть. Она по-русски объяснила, как туда пройти. Нога стала больше беспокоить. Я обратил внимание, что девушка хорошо говорила по-русски. Она засмеялась и сказала: «А я - рязанская». Она пошла в своём направлении, а я, хромая, пошёл искать санчасть. Прибыл в санчасть. Сидел дежурный

врач ст. л-т и солдат (медбрат). Они сняли с меня сапог. Оказалось, носок и портянка в крови. Они всё промыли и перевязали. И порекомендовали срочно добираться в санчасть своей воинской части. Поэтому, срочно добрался до ближайшего КПП и прибыл в санчасть нашего авиасоединения. В санчасти служила ст. медсестрой Клавдия Коваленко, жена моего начальника. Она говорит: «Слава, ты, чтобы не ожидать в очереди, на следующий день появись ко мне. Я тебе буду промывать и перевязывать». Так по «знакомству» я излечил своё ранение, недели 1,5 лечился.

Вскоре мы получили приказ, что наша авиадивизия 1-го Белорусского Фронта передаётся в Войско Польское, в том числе и наша 6-я Воздушная Армия. А наш 44-й РАБ передаётся в 1-й Украинский Фронт (командующий Фронтом Маршал Конев). Для этой цели, для дальнейшего переформирования воинской части нас направили в г. Ярославль, в тыловые части, где мы формировались осенью 1944 года и встречали Новый 1945 год. Поэтому вспомнилось несколько событий. Когда мы автобусом выезжали в освобождённый лагерь «Майданек», нам встретились колонна машин, знакомых нам по Средней Азии. В этих машинах был лётный состав, который мы обслуживали в Сталинабаде. Разговорились. «Куда вы едете?» - спрашивали мы их. Они отвечали: «На учёбу». У нас отобрали самолёты и перевели в тыл, в наказание за то, что разбомбили свою танковую часть. И маршал Рокоссовский распорядился за это наказать.

Вспомнилось: когда мы должны были сняться с вещевого и продовольственного обеспечения в ОАС 6 ВА. Мы приехали к ним с документацией для отчёта, как это было положено. Была середина дня. Но нас никто не принимает. Офицеры куда-то торопились, на нас не обращали внимание. Мы ожидали, что на нас обратят внимание и отпустят к себе, в свою воинскую часть. Мы рискнули потребовать заняться нами. Нам ответил один офицер, «Подождите, сейчас не до вас. Мы торопимся на службу в костёл». Мы возмутились, что это за «розыгрыши» над нами, причём здесь «костёл». Они говорят: «Да, нас обязали своевременно посещать костёл, т. к. мы в составе Войска Польского». И рассказали анекдот. Ксёндз проводит причащение всем офицерам. Дошла очередь до младшего лейтенанта. Он вдруг в категорической форме отказался причащаться.

Ксёндз пытается его уговорить, что это надо. Но, младший лейтенант заявляет: «Я уже 5 лет в комсомоле состою. И причащаться не буду». Тогда ксёндз и говорит: «Причащайся. Я уже 25 лет в коммунистической партии состою. И требую от тебя. Причащайся!» Пришлось нам до вечера их ожидать, до возвращения из костёла, чтобы оформить передачу документации. Из нашего отдела был переведён в Польскую Армию старший лейтенант Станкевич (он поляк по национальности).

Большинство офицеров отдела по возрасту мне в отцы годилось (45 лет и более), и они по-отечески ко мне относились. В отделе я был самым младшим, и все меня опекали. Однажды, когда мы в Польше перешли в 1-й Украинский фронт, было получено распоряжение от командования, чтобы меня срочно командировали в распоряжение ОАС 2-ой Воздушной Армии. Если перевести на гражданский язык, наш отдел аэродромного строительства являлся как бы филиалом ОАС 2-ой ВА. Офицеры отдела забеспокоились, что придётся со мной расстаться. Убедили начальника отдела подполковника Колтышева (он у нас был новый начальник), чтобы он лично меня сопроводил в ОАС 2-ой ВА, прозондировал предварительно, с какой целью вызывают, и убедил их, чтобы меня не задерживали у себя. Приехали мы на легковой автомашине глубокой ночью. Подполковник оставил меня в машине с водителем, а сам пошёл докладывать начальству о моём прибытии (а это было не так просто – прибыть «на очи» начальству без вызова, ведь его лично не вызывали) и одновременно прозондировать о цели моего вызова. Около первого часа ночи подполковник возвратился и сообщил мне, что необходимо срочно выполнить одно задание. Выполнить камеральные работы по взлётно-посадочным площадкам, которые не успел завершить капитан, офицер отдела аэродромного строительства, накануне погибший во время вылета в разведку самолётом ПО-2 на изыскания новой взлётно-посадочной площадки. Самолёт был сбит противником, и капитан вместе с лётчиком погиб. В отделе 2-ой ВА решили, что эти вопросы находятся в моей компетенции и, как впоследствии выяснилось, предусматривали оставить у себя для дальнейшей службы вместо погибшего капитана. Подполковник меня предупредил, чтобы я особенно не раскрывал свои знания и способности, а в случае предложения остаться для прохождения дальнейшей службы в отделе

аэродромного строительства 2-й ВА, не соглашался на это. Мотивировал такое разъяснение тем, что, если я не возвращусь в 44 РАБ, то ему «достанется» от офицеров отдела 44 РАБ, что он не сумел меня сохранить в своём отделе. Конечно, мне было лестно такое всеобщее внимание. Но, однако, не мог понять и не знал, как это я смогу «не раскрывать свои знания». Ведь для меня это была обязанность – строго выполнять указания и распоряжения командования. Поступил я в распоряжение майора Харькова (сам он москвич, как и большинство офицеров отдела). Получил задание и срок исполнения - 10 суток. Приступил к исполнению задания и выполнил его в течение 6-ти суток. Материалы представил майору Харькову, который, в свою очередь, представил главному инженеру отдела инженер - подполковнику Постникову. Познакомившись с подготовленной документацией, оба прошли к начальнику отдела полковнику Круглову. Через 2 часа майор Харьков возвратился и между нами произошёл буквально такой разговор:

Майор: Выполненная вами работа начальником отдела одобрена. Принято решение, оставить Вас для продолжения дальнейшей службы в нашем отделе. Вам выделяем из звена связи самолёт ПО-2. Необходимо вылететь в расположение своей воинской части, сняться с вещевого и продовольственного довольствия, получить документы и возвращаться через 2 часа на этом же самолете обратно. Распоряжение Вашему командованию уже направлено.

Я: Не могу оставаться в Вашем отделе. Хочу домой.

Майор: Как домой??? Ещё идёт война. (Фронт находился западнее Бреслау (Вроцлав). В самом Бреслау войска противника ещё находились в окружении. Отдел располагался у прифронтовой полосы).

Я: Домой, имеется в виду, в свою воинскую часть. К своим друзьям по службе.

Дело в том, что (уже вспоминая это через многие прошедшие годы) я уже привык к опеке и всеобщему вниманию к себе. Я был избран зам. секретаря комсомольской организации управления, в которую входили солдаты, сержанты, старшины и офицеры Управления 44 РАБ и роты связи. Большинство из них – это бывшие студенты институтов, как и я. Постоянные контакты при исполнении общественной работы и воинских обязанностей сдружило нас. И как-то так сложилось, что за всё

время пребывания в воинской части никто со мной в резкой форме не разговаривал, не унижал. Особенно у нас этим отличался новый начальник района авиабазирования. Однако, со мной он был предельно тактичным (хотя у меня с ним было всего 3 встречи). И распоряжения на выполнение заданий я получал от своего начальства в тактичной форме, без унижения. За время пребывания в ОАС 2-й ВА, естественно, я уже начал скучать по своим друзьям, т. к. в отделе 2-й ВА все офицеры были значительно старше меня (далеко за 40 лет) по воинскому званию – только 2 капитана, остальные звания – майоры и выше. Поэтому я уже начал мечтать о возвращении в свою воинскую часть, которая расположилась восточнее Бреслау. В задачу входило обеспечить работу авиации по ликвидации сопротивляющихся войск противника в Бреслау, окружённого нашими войсками. Однако, естественно, от меня майор Харьков потребовал исполнения распоряжения без его обсуждения. Прибыл на самолёте ПО-2 в расположение нашей воинской части и доложил начальнику отдела о распоряжении командования. Он заявил, что уже знает об этом распоряжении, и ещё не принял по этому поводу соответствующего решения.

Вместе с тем, я рассказал ему и стоявшим рядом офицерам, что лётчик, с которым я летел, вопреки распоряжению командира лётного звена, провёл самолёт над Бреслау (над территорией, на которой находился сопротивлявшийся противник). Хотя я во время полёта требовал выполнять маршрут в соответствии с приказом командира лётного звена севернее Бреслау, где территория была очищена от противника. Южнее Бреслау также нельзя было лететь, т. к. оставался «коридор» шириной 5 км между войсками противника, оставшихся в Бреслау, и войсками противника, удерживающих оборону из чехословацкой группировки. «Коридор» на этом участке, автомагистраль Берлин – Катовице, простреливался с обеих сторон. Но лётчик, молодой лейтенант, просто проявил, мягко говоря, хулиганство. Хотел показать мне свою удаль, бесшабашность.

Начальник отдела собрал офицеров отдела, посоветовался с ними, и было принято решение. Лётчика отправить обратно, не задерживая. А меня оставить в отделе. Когда лётчику сообщили решение, он заявил, что без меня он не может возвра-

щаться. Так ему было приказано его командованием. Ему ответили, что через несколько дней меня откомандируют, а сейчас я не могу обратно лететь. На второй день сообщили, что я заболел и по выздоровлению буду откомандирован в распоряжение ОАС 2-й ВА. Так я остался в ОАС 44 РАБ до окончания войны. В дальнейшем подобное откомандирование повторится, но уже после окончания войны, когда наша воинская часть будет располагаться в Будапеште.

Моему возвращению были все рады, даже предлагали по этому поводу выпить дополнительную порцию водки (в обед полагалась порция водки). Рад был и начальник политотдела района авиабазирования, подполковник Погорелов. Комсорг управления района выбыл в длительную командировку, поэтому, возлагалась вся надежда на меня по организации различных общественно-политических мероприятий среди личного состава управления. Полёты на ПО-2 не всегда для нас заканчивались благополучно. При вылете на трехместном самолёте во время передислокации нашей воинской части упал вместе с самолётом наш начальник отдела майор Колотухин (который возглавлял отдел до подполковника Колтышева). Самолёт попал в штопор, и лётчик не смог вывести самолёт из штопора. Упали на землю. Лётчик оказался с переломом руки и ноги. Сидящий посредине старший лейтенант Сирик, получил серьёзные повреждения внутренних органов тела (от сотрясения при ударе во время падения), а Колотухин, сидевший на крайнем сидении (заднем) был выброшен через козырёк на несколько метров от самолёта, сделав сальто, встал на ноги. Отделался только царапиной на переносице, задев козырёк ветрового стекла самолёта во время «выполнения сальто». Консервные банки и хлеб, находившиеся с ним в вещевом мешке, разбились при ударе об землю. Консервные банки сплющились. Мы интересовались, как это он сумел остаться невредимым? Он сказал, что «когда понял, что из штопора уже не выйти, руками упёрся в расположенный впереди щиток. При ударе руки самортизировали, и его перебросило через козырёк». Его отправили в госпиталь. Однако через 3 дня он оттуда удрал и прибыл в нашу часть.

Похожий случай, но более трагичный, получился с капитаном Черногузовым и механиком-старшиной в Кракове. При

проверке самолёта после ремонта они не смогли выйти из штопора и погибли.

В принципе, мне поручали серьёзные задания, относящиеся к деятельности нашего отдела. Практически мне приходилось часто подменять ст. инженеров отдела, возглавлявших в них отдельные направления деятельности (изыскания, проектирование, строительство, эксплуатация), хотя я и числился старшим техником по строительству аэродромов. По штатному расписанию я обязан был заниматься, в основном, оформлением технической документации. Я практически часто выполнял самостоятельно разведку по изысканию новой ВПП, по инспектированию аэродромно-технических рот (АТР), выполняющих строительные работы, и по инспектированию подразделения инженерного батальона, по обследованию оставленных противником аэродромов; и определял объёмы необходимых работ по восстановлению повреждённых авиабомбами ВПП и объемы, вновь назначаемые к использованию. Конечно, в основном пользовались новыми ВПП, определяемыми в местах, где можно обеспечить маскировку самолётов и сооружений, о которых противник не знал. Старые аэродромы чаще использовались для дезориентации противника, выставляя там макеты самолётов. Пусть там бомбят.

Продвижение наших войск началось стремительное. Поэтому, всё больше мы начинали проводить предварительное обследование и выполняли требуемые восстановительные работы для временного использования ВПП. Однажды, получили задание на срочное изыскание ВПП для авиаполка, где командиром был уже дважды герой Советского Союза майор Покрышкин. Через несколько часов получили сообщение, что задание отменяется, т. к. Покрышкин сам лично изыскал ВПП. Оказывается, он использовал участок дороги Катовице – Берлин, где расстояние между двумя путепроводами, пересекающими эту автостраду, было более 5 км. Ширина земляного полотна составляла 18 метров. Участок дороги был построен в нулевых отметках без насыпи земляного полотна. Поэтому, с проезжей части дороги можно было спокойно переезжать на полосу отвода. У нас говорили: если Покрышкин садился на такую узкую полосу ВПП, значит, каждый подчинённый ему лётчик обязан это выполнить. А в его полку уже было около 10 человек героев. Правда, интенданты от них «бежали».

Слишком требовательны были лётчики. Один из них, капитан интендантской службы (была такая классификация) Николаенко, попал в ХОЗУ нашего Управления. Проворный был офицер.

Наше управление авиасоединения стояло на подступах к Берлину. В ночь с 7 на 8 мая нам сообщили: «Война закончилась». Началось ликование: ночью начались массовые стрельбы из автоматов, винтовок, пистолетов, из ракетниц. Особенно ликовала маршевая рота солдат, проходившая через город в сторону передовых позиций. Солдаты кувыркались на радостях прямо на каменной мостовой проезжей части улицы. Все выбежали на улицы и площади. Утром был проведён митинг авиасоединения, начальник политотдела Погорелов распорядился, чтобы я провёл комсомольское собрание управления авиасоединения и поставил перед ними задачи.

Для меня это было несколько неожиданно, какие я могу поставить задачи?? Я сам ещё толком не разобрался в своих задачах. Однако выполнить распоряжение начальника надо было. И я в 11 часов дня собрал комсомольское собрание и принялся ставить задачи. Прежде всего, подвёл итоги нашей деятельности за период войны и пребывания на фронтах. Подчеркнул, что многие получили житейский опыт, специальности и квалификацию, которую можно и возможно будет использовать в гражданской деятельности, бывшие студенты Вузов должны будут возвратиться в свои Вузы для продолжения учёбы. Лётчики (нашего звена связи) смогут перейти для дальнейшей работы в гражданскую авиацию, как уже имеющие опыт управления полётами самолётов, мотористы также будут востребованы в гражданской авиации. В общем, всем присутствующим пытался дать совет по определению их самостоятельной дальнейшей деятельности и размечтался о дальнейшей мирной жизни. В конце собрания зашёл подполковник Погорелов и молча присел в конце комнаты, опустив голову. Собрание на радостной ноте закончилось, и все стали расходиться. Я подошёл к подполковнику. Он, не поднимая головы, сказал мне: «Слишком рано ты демобилизовался. Ты неправильно поставил задачи. Перемирие подписано, но война ещё продолжается. Сегодня приказано двигаться на Прагу, оказывать помощь чехам». Я был шокирован услышанным: «Но я ведь не знал об этом». Подполковник Погорелов мне ответил:

«Я тоже об этом ничего не знал». И вышел из комнаты. И к концу дня пришло распоряжение для нашей части передислоцироваться в сторону Чехословакии. О том, что война не закончилась, подтвердил и факт дальнейшего её продолжения в войне с Японией, где оказались также и наши отдельные подразделения. С его замечанием нельзя было не согласиться.

Нас направили ночью 9 мая в сторону Праги. Бои шли до 11 мая 1945 года.

В августе 1945 года, когда наша воинская часть находилась в Будапеште, пришло распоряжение о том, чтобы меня откомандировать в распоряжение того же ОАС 2-й ВА, который в это время дислоцировался в Дрездене. Это меня застало полностью врасплох. Дело в том, что нашу воинскую часть постепенно расформировывали, и половина моих друзей-сослуживцев уже выбыла из нашей части. Вместе с тем, я получил сообщение-уведомление из Харьковского автодорожного института, где я до войны учился, что с 1 октября начинаются занятия и для возвратившихся в Харьков, поэтому готовы восстановить на учёбу в институте. Всё это, в какой-то степени, настраивало на то, чтобы скорее выехать на Родину и восстановиться в институте. Моя просьба к нашему командованию, чтобы мне дали возможность выбыть для продолжения учёбы в институте, не была удовлетворена. Все ссылались на необходимость выполнения распоряжения командования 2-й ВА (было телеграфное распоряжение зам. командующего тылом 2-й ВА). Для поездки в Дрезден, предварительно оформив все документы по снятию с довольствия, выделили грузовой автомобиль «Студебеккер» и двух автоматчиков сопровождения. Соответственно с нами направили почту. Ехали мы целые сутки через Вену, Прагу. По прибытии в ОАС 2-й ВА я настойчиво просил, чтобы меня не оставляли здесь. Мне заявили, что оставляют ОАС в составе оккупационных войск. Поэтому, придётся и мне остаться.

Через некоторое время меня отправят в Ленинград для учёбы в институт аэродромного строительства. Всё же, я считал вполне резонным ответить, что, обучаясь в автодорожном институте, я оказался специалистом в какой-то степени по изысканию, проектированию и строительству аэродромов, значит, мне необходимо закончить именно автодорожный институт. А аэродромщиком я всегда смогу работать (конечно, тогда я не

мог предусмотреть дальнейшее развитие авиации и новые требования к строительству аэродромов). В конечном итоге, чашу весов перевесило в мою сторону. Меня откомандировали обратно. Командование ВА разрешило мне вернуться в свою воинскую часть для дальнейшего оформления на выбытие в Харьков – в институт.

Когда я уходил докладывать о своём прибытии, я попросил сопровождавших меня солдат и водителя не уезжать без моего ведома. Они меня ожидали. Таким образом, на этой же машине я возвратился обратно в Будапешт. Перед возвращением в Будапешт, я зашёл к начальнику отдела аэродромного строительства 2-ой ВА полковнику Круглову и сообщил ему, что командование дало разрешение на возвращение в свою часть. Поэтому, я выразил удивление, зачем было меня вызывать в Дрезден и гнать большую машину на дальнее расстояние. На это замечание полковник Круглов ответил: «Ничего, ничего. Зато всю Европу посмотрел. Такую поездку и в лотерею не выиграешь!!». Через некоторое время меня откомандировали в автобат с передислокацией во Львов, откуда отправили домой для продолжения учёбы в институте. Прибыл в Рославль, где проживала моя жена Галина Петровна Кучеренко, возвратившаяся домой из армии в то время, когда наша часть находилась в Польше, возле Люблина.

Награды.

- Орден Отечественной войны II степени
- Медаль «За победу над Германией»
- Медаль «За взятие Берлина»
- Медаль «За освобождение Белоруссии»
- Медаль «За взятие Вены»
- Медаль «За освобождение Праги»
- 15 юбилейных медалей

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь аспирант Кубанского государственного технологического университета ***Симанович Василий Витальевич***

Мартыненко Яков Фёдорович

Разведчик полка

Я родился 16 июня 1923 года на селе Михайловка, Пирятинский район, Полтавская область, Украинская СССР. Украинец. Член КПСС с 1959 года.

22 июня 1941 года, я, восемнадцатилетний студент первого курса Полтавской зубоврачебной школы, готовился к очередному семестровому экзамену. В 12 часов по радио выступил Народный комиссар иностранных дел СССР Молотов В.М. Он сообщил о вероломном нападении на нашу страну фашистской Германии.

Мы были убеждены в неизбежности войны с фашизмом и в тоже время ошеломлены прозвучавшей вестью.

Было не до учебников. Всем стало ясно, что война будет серьёзной и продолжительной. Вышли на улицу. Город в миг преобразился. У почтамта собрались толпы людей, преимущественно в военной форме. Все звонили по междугороднему телефону и подавали телеграммы.

Мы отправились в нашу школу. В актовом зале стихийно собрались почти все студенты трёх курсов. Секретарь комсомольской организации объявил об открытии совместно с профсоюзной организацией митинга. На митинге принято решение о сокращении каникул до одного месяца. На второй день директор школы издал приказ: «Учебный год начать с 1

августа, во время каникул всем студентам устроиться на работу по месту жительства».

Я вернулся в свой родной город Пирятин и поступил работать на мельницу, где ежедневно по 10 часов пилили дрова и кололи чурки для газогенератора, на газе которого и работал главный приводной двигатель. С этого и по сегодняшний день моя судьба связана (по иронии судьбы) с мукомольем.

После работы из колодцев таскали воду и подносили к колоннам войск, двигающихся днём и ночью на Запад. Звучали сирены воздушной тревоги, немецкие самолёты пролетали через город на бомбёжку узловых железнодорожных станций Гребёнка и Бахмач, расположённых недалеко от Пирятина.

В июле появились обозы беженцев из-за Днепра. Школы города были превращены в госпитали. 30 июля уехал в Полтаву. Весь август шли напряжённые занятия. Наступил сентябрь. Ежедневно поступали одна тревожней другой сводки Совинформбюро. Красная Армия, сдерживая бешеный натиск гитлеровского верхмата, отступала.

В начале сентября все студенты города прекратили учёбу и вышли на строительство оборонительных рубежей в 15 километрах западнее Полтавы. А в это время произошло окружение Киевской группировки Красной Армии. Немецкие танки с Кременчугского направления без боя захватили Полтаву. В окружении оказались не только армия, но и сотни тысяч гражданского населения. Так я оказался в лагерях военнопленных. Настали длинные дни невольника в лагерях Кременчуга, Проскурова, Ровно. В мае 1943 года с Ровенского лагеря попал в Германию в Люкенвальдский международный лагерь военнопленных. В том же году при помощи югославского военнопленного удалось бежать и попасть в гражданский лагерь восточных (ost) рабочих.

Так сложилась моя военная судьба в самые первые месяцы войны. Трагическая судьба была у советских военнопленных – длинные колонны, с угрюмой усталостью бредущие по усеянной воронками земле.

В глазах пленных упрямство и отрешённость людей, сражавшихся за Родину до конца, но потерпевших поражение. Могли они догадываться, что ждёт их впереди? Голодная смерть, лагеря, где свирепствовал тиф, каторжный труд под хлыстом опьяненных победами эсэсовцев, «медицинские экс-

перименты», пытки, изощрённые зверства. Сознавали ли интуитивно, что из каждой тысячи пленных лишь 30 человек когда-нибудь снова увидят родной дом.

Мы, «Остовцы», работали на ликвидации завалов после бомбардировок Берлина. В середине января 1945 года, воспользовавшись замешательством при посадке в электричку, вызванным большим воздушным налётом, сбежал и пробился на территорию Польши, где вскоре был освобождён войсками 3-й гвардейской армии, 44 армейским полевым военкоматом был призван в ряды Советской армии и зачислен рядовым разведчиком 889-го стрелкового полка 197-й Брянской имени Яна Фабрициуса дивизии. Это был период так называемой Силезской операции, войска 3-й гвардейской армии очень медленно продвигались вперёд. Сказалась усталость и большой недокомплект. К началу февраля Висло-Одерская операция переросла в Нижне-Силезскую наступательную операцию. Но надо было уничтожить группировку немецко-фашистских войск южнее города Рюттценке. После ликвидации Рюттценской группировки полк был нацелен севернее Бреслау в составе ударной группы. 8 февраля в 6 часов утра после часового артиллерийского удара началось наступление.

До самого конца войны мы только наступали, хотя были и различные курьёзы. На разведвзвод ложилась обязанность: определить состав противостоящего противника, его состояние (силовое, численное, моральное), ближайшие задачи. С этой целью велось непрерывное визуальное наблюдение на фронте полка, прослушивание и подслушивание, как естественное, так и радиотелефонное и, конечно же, поиски «языка». Народ в разведвзводе подобрался бывалый, большинство вкусило фронтовой жизни по самую, как говорят, маковку, побывали в таких переделках, откуда не все и не всегда возвращаются. Война для них стала трудной, опасной, но необходимой работой, без которой и мечтать о Победе нельзя было. Если заводился разговор о военных делах, то говорили просто, понятно, без излишних прикрас, вспоминали бои, давали оценку «фрицу» и иногда вспоминали «курьёзы» не для широкой публики. Вспоминали 41-й и 42-й годы, когда фриц лез напролом. Бывало, возьмёшь в плен – хорохорится, руку тянет вверх: «Хайль Гитлер». А теперь другую песню заводит: «Гитлер капут». Но всё равно дерутся фрицы пока отчаянно, держатся до

конца. Вспомнили, что нашкодили, и придётся держать ответ. Дальше тоже будет тяжело, но опыт есть. Только здоровому коллективу под силу решать сложные задачи. А лёгких задач у разведчиков не бывает.

Самое главное – точная информация. Приукрашивание и враки не в почете. Врёт, значит трус, а трусу в разведке делать нечего. Трудная задача ставилась перед 889 с.п. На его направлении противник очень сильно сопротивлялся. Разведвзводу поставлена задача – нащупать слабое звено в обороне противника.

С 8 февраля началась Нижне-Силезская операция. Солдаты, ругая, на чём свет стоит, распутицу, местность, куда привела их фронтовая судьба, немцев, засевших на господствующих высотках, в хуторах и тёплых хатах Дубравы, продолжали выполнять приказ. По ночам полковые разведчики переходили линию фронта, брали «языков». А брать их было трудно: противник закрепился прочно и выбить его оказалось делом нелёгким. «Языки» добывались с большим трудом и немалыми потерями. Начальство лихорадочно искало выход из тупикового положения. Начало очистки Дубравы положил разведвзвод. Найдя брод, ворвались ночью в деревню и выбили из неё немцев.

Нижне-Силезская операция явилась как бы продолжением Висло-Одерской. Двухнедельные бои к 24 февраля привели нас на реку Нейсе. На нашем участке проходила разграничительная линия 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Севернее Бреслау полк вошёл в состав ударной группы, 8 февраля, после артподготовки группа двинулась на прорыв, развивая успех, и окружила крепость Глагау. Окружённую крепость с небольшими силами оставили в тылу на измор, а главные силы вышли к реке Бобер. Немцы сопротивлялись и одновременно укрепляли оборону по Одеру. Утомлённые войска к 16 февраля начали тяжёлые бои в районе города Губен. Оборона на Одере была прорвана, и войска продвинулись от Одера до Нейсе. С 24 февраля до 16 апреля – до начала Берлинской операции наступила пауза. Войска приводили себя в порядок. Разведка установила, что гитлеровцы сосредоточили, т.н. армию «Центр», более 50 дивизий. Шла с обеих сторон лихорадочная подготовка к Берлинской операции. Наша 197 с.д. сосредоточилась в районе местечка Пфертен. Это лесисто-

болотистая местность. Мы занимали правый фланг 1-го Украинского фронта.

И даже тогда, когда военные сводки сообщают, что «на фронте без перемен», когда всё молчит и лишь одни разведчики, стараясь не дышать, подползают к неприятельскому охранению – всё равно совершается история войны. Разведчики действовали беспрерывно, добыли ни одного «языка».

На нашем пути повстречался крепкий орешек – женский город Фрауенштадт. Надо отрезать подходы к городу по шоссе, только тогда можно будет сбить немцев. На ночь снарядили в обход разведвзвод. Мы оседлали дорогу с противоположной стороны городка. Комполка кинул всевозможные силы на поддержку разведчикам. Начался снегопад, метель. Было тяжело, но и помогла она нам перекинуть через дорогу солидное подкрепление. Захват шоссейной дороги сыграл важную, если не основную роль в овладении городом. Для меня это было первое крупное боевое крещение, а для многих однополчан-старожилов было привычным делом вырывать инициативу у врага. У небольшого немецкого городка Цербау полк сходу атаковал противника, но встретил плотный огонь фашистов. Разведчики установили, что справа и слева от города – небольшие заслоны. Подразделения полка обошли городок, оставили его в тылу, и позднее под натиском небольших сил гарнизон прекратил сопротивление.

В феврале полк в составе дивизии продолжил очищать правобережье Одера. Отражая контратаки противника, мы продвигались всё ближе и ближе к реке, от которой было недалеко и до Берлина. Среди бойцов царил подъём. Вот оно, гнездо фашизма – земля, породившая идеологию человеконенавистничества и страшную истребительную войну, земля, проклятая миллионами людей.

На всех участках фронта шли ожесточённые бои. Несколько дней сряду полк дрался за города Котлау, Мосвиц, Гроуовиц. противник оборонялся упорно, жестоко контратаковал.

Отдыхали урывками, пищу принимали на ходу. Полк, как говорится, находился на колесах. Развернулся бой на подступах к городу-крепости Глагау. Густонаселённый район с разветвлённой сетью шоссейных дорог, давал большие преимущества противнику. Фашисты приспособили под оборону подвалы, нижние этажи зданий, имели прекрасную возможность

манёвра силами и средствами. На угрожающих участках они быстро сосредотачивали мотопехоту, артиллерию, танки. Как только полк подошёл к пригороду Глагау, фашисты начали контратаковать. Первыми встретили врага разведчики. Взвод сдерживал наступающих до прибытия основных сил полка. Несколько дней полк дрался за Нейкранс – пригород Глагау. Небольшой немецкий городок был заранее приготовлен к обороне. В нижних этажах домов установлены пулемёты, в подвалах залегли фаустники, на чердаках оборудовали себе позиции автоматчики. Особенно яростные схватки разгорелись за центральную часть города, церковь и кладбище с двухметровой железобетонной оградой. Разведчики обнаружили на куполе кирхи немецкого корректировщика. Пришлось нашим пушкарям ударить по божьему храму.

Тут особый разговор. После разрушения, при ведении боя, кирх (церквей) во всём мире поднимался дикий газетный вой – русские коммунисты уничтожают национальные святыни. С учётом изложенного, принятие решения на обстрел таких объектов принимался редко, с предварительным обоснованием. Немецкая артиллерия засыпала наши объекты и вела прицельный огонь. Следовательно, где-то был удобно пристроен корректировщик. Нам (мне и Саше Москвичу) дали задание – во чтобы-то ни стало найти гнездо корректировщика. Рассматривая все высокие объекты в противолежащей полку панораме, мы обратили внимание, что створка среднего окошка подкупольной башенки открыта. Почему бы это зимой? С противовоздушной обороны дали на один миг прожекторный луч света, зафиксировали отблеск наблюдательного инструмента и тут же залп, и ура – наблюдателя нет.

Артобстрел врага пошёл на убыль, а потом и вовсе прекратился. К утру батальоны полка ворвались в Глагау. Однако дальше продвинуться не смогли. Перед форсированием Одера на западный берег пробрались разведчики полка: закрепились, и как только была установлена с ними связь, начали организовывать переправу. С началом действия паромной переправы на левый берег перебросили батальон пехоты, затем миномётчиков, артиллерию. Берег Одера оказался забитым войсками. Оставив в тылу Глагау небольшой заслон, полк уже несколько суток ведёт бои за пригороды Губена. Около суток полк

штурмовал небольшой городок Гроссенер. Трудная обстановка сложилась на восточной окраине городка.

При поддержке авиации и танков Гроссенер был взят. На следующий день полк овладел деревней Люксенберг. Пленные показали, что гитлеровцы ожидают подкрепление. И действительно, разведчики приволокли «языка», унтер-офицера из дивизии СС «Великая Германия». Однако планы противника закрепиться на рубеже реки Одер были сорваны.

27 февраля несколько штурмовых групп прорвались к Нейсе, но закрепиться не удалось. Развернулась ожесточённая борьба за центральную часть города Глагау. Враг дрался за каждую квартиру. В середине марта стала остро ощущаться нехватка в личном составе. В 889 с.п. осталось 120 активных штыков на два километра фронта. В ротах полка оставалось по 15-20 человек. И всё же река Нейсе была форсирована, удержаны плацдармы и в полосе 3-й гвардейской и 13-й армии действовало 20 мостов, 9 паромов, 12 десантных переправ и 17 штурмовых мостков. В результате ожесточённых боёв, форсировав Нейсе, наши войска прорвали оборону противника и продвинулись вперёд на глубину 13 километров. Войска главного удара наткнулись на оперативные резервы противника, немцы стремились отбросить нас назад за Нейсе. Командование перебросило за Нейсе несколько танковых бригад. Первая полоса немецкой обороны была прорвана утром рано 16 апреля. На направлении нашего удара оборонялась 4-я танковая армия врага. В ходе боёв она была разорвана на три изолированные части. 889 с.п. действовал на так называемом Котбусском направлении.

В конце дня 17 апреля сначала разведчики, а затем и некоторые роты переправились через реку Шпрее. С 16 по 18 апреля уже были задействованы основные силы и заполыхали жестокие бои. На третий день наступления погода улучшилась и вступила в работу наша авиация, подвергшая массированной бомбардировке укреплённый Котбус, а пехота по-прежнему отбивала непрерывные контратаки немцев. 18 апреля все подразделения нашей армии переправились на левый берег Шпрее. Наши танковые армии развернулись на север и двинулись на Берлин, общевойсковые армии вели ожесточенные бои на обоих флангах. У нас маячил Котбус. На протяжении 19 апреля немцы непрерывно атаковали подразделения 3-ей ар-

мии в районе Форста, а на правом фланге висела сильная Котбуская группировка. 29 апреля, преодолевая заранее подготовленную оборону противника, наши части прорывались сквозь тяжело проходимые леса и болота, которых на подступах южнее Берлина было великое множество.

Продолжались упорные бои с Котбуской группировкой, были отбиты сильные контратаки противника, успели перерезать пути их отступления на запад, прижав противника до болотистой впадины Шпрее. Немцы понимали опасность своего положения и упорно держались за Котбуский узел обороны. Требовалось как можно скорее покончить с Котбуской группировкой.

Срочно требовался язык, а поиски заканчивались неудачей, и тут созрела мысль: провести дневной поиск по поимке языка. В этой операции я участвовал в группе захвата. После суточного наблюдения за передовой в зоне полка пришли к следующему решению. Между полосой нашей обороны и обороны немцев проходила, так называемая автобан, - широкая, метров сорок бетонная автомагистраль с двухсторонним (с разделительной полосой) движением. На опушке лесочка находились окопы первой линии обороны нашего полка, это до дороги метров 120. Столько же от дороги до первой линии обороны немцев, которая проходила по окраине кладбища. Как и на всех немецких кладбищах на входе располагалась часовня с полуподвальным помещением со стенами толщиной в два кирпича. Дверь часовни выходила в сторону кладбища, а окна, в том числе полуподвала, на автобан. В окне подвала в нашу сторону установлен крупнокалиберный пулемёт, обеспечивающий сектор обстрела в сторону нашей обороны. Приняли решение: на рассвете открыть шквальный артиллерийско-миномётный огонь со всей артиллерии полка, обложив часовню, но не повреждая её. Расчёт следующий: плотный на рассвете огонь – признак предстоящего наступления. В этом случае с окопов стрелки уйдут на 2-3 линию обороны или в убежище. Мы провели в тылу полка полусуточную подготовку-тренировку, обдумав и просчитав каждый шаг. Соорудили точную копию часовни, Занин и Лаптев тренировались, как им рациональнее сделать прыжок в подвал часовни, а я с верёвочным шнуром и кляпом у окна в ожидании «подарка». Всё отрепетировали с точностью часового механизма. Группа захва-

та – три человека: я, Занин (житель Алма-Аты) и Лаптев (из Ульяновской области) с гранатами, под прикрытием огня, подползли к часовне, забросали гранатами (не попадая в окно). Двое ворвались в полуподвал, набросились на пулемётчиков, выбросили одного из них через окно. Двое напарников взяли за руки и за ноги крупного (килограмм девяносто) унтер-офицера и бросают мне на плечи, ведут огонь, а я с тяжёлым грузом в полный рост пересекаю нейтральную полосу, в том числе сорок метров бетонки, и мчусь к своим окопам. Сбросил груз, сам упал и спросил: «Фриц жив?». Говорят: «Да». Я успокоился и осел на дно окопа. Моё прикрытие возвратилось в траншеи и первый вопрос: «Фриц жив?». Фрица передали в штаб полка, куда последовал и переводчик Лавров. Видимо, были получены ценные данные, так как моих напарников и якобы меня представили к наградам, но мое прошлое (лагеря) на фоне моих напарников не вписывалось в наградной лист. Но шея (шейные суставы) давала себя знать ещё продолжительное время. Потом всё это прошло, а вот на финише жизни, снова начинают о себе напоминать.

К вечеру 20 апреля образовалось кольцо вокруг франкфурско-губенской группировки, фронт сильно растянулся. Образовался разрыв между войсками 3-й общевойсковой и 3-й танковой армиями. 21 апреля продолжались упорные бои с отрезанной от коммуникации Котбуской группировкой. 22 апреля после двухдневных жестоких боёв войска 3-й армии штурмом овладели Котбусом и полностью разгромили эту группировку. Мы с интересом осмотрели этот город, долго стоявший костью поперёк горла. После ликвидации Котбуской группировки войска занялись уничтожением 9-й армии немцев. К концу дня 22 апреля полностью захлопнулось кольцо франкфурско-губенской группировки. Это огромная площадь лесисто-болотистой местности, с бездорожьем и главное – взята в кольцо войсками двух фронтов, что нередко сказывалось на организации взаимодействия как тактического плана, так и в плане локтевой связи и взаимоподдержки. 23 апреля поступило распоряжение о разграничительной линии между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами. Мы находились в зоне разграничения, являясь правофланговыми 1-го Украинского фронта. При этом была поставлена задача полного окружения и уничтожения франкфурско-губенской группировки, не до-

пустив её прорыва ни на Берлин, ни в западном, ни в юго-западном направлениях. Для нас основным противником явилась окружённая 9-я немецкая армия. Бои велись на уничтожение. У немцев за спиной Берлин и военно-полевые трибуналы, решения которых в отношении дезертирства молниеносно исполнялись. Поэтому сопротивление было упорнейшим. 24 апреля наши войска весь день занимались перегруппировкой, ликвидировали разрывы между подразделениями, создавали сплошной фронт, закрывавший пути отхода франкфурско-губенской группировки. К вечеру мы почувствовали, что на некоторых участках немцы ищут слабое место для прорыва. 25 апреля 9-я немецкая армия прощупывала наши слабые места в надежде на соединение с армией Венке. На 26 апреля в районе франкфурско-губенского котла поступление пленных стало увеличиваться, в том числе были командиры полков, бригад, штабные офицеры дивизионного уровня. Мне попался в руки портфель штабного офицера высокого ранга, и в этом портфеле я носил затем свои «штабные дела» разведвзвода. 27 апреля продолжались бои по ликвидации группировки. Немцы рвались на соединение с армией Венке, и в течение суток у нас менялось направление удара и отпора. Утром фронт на восток, днём на юго-запад, к вечеру на запад и неизвестно, что произойдёт за ночь. Ликвидация группировки заняла десять дней. 28 апреля появилась новая проблема – кто будет брать Прагу. Под вечер 29 апреля войска 1-го Белорусского уже вели бои в центре Берлина, и на конец дня 30 апреля состояние берлинской группировки врага стало безнадёжным.

В первых числах мая в Чехии вспыхнуло восстание, особенно сильное в Праге. На территории Чехословакии действовала мощнейшая (миллионная) группировка Шернера. От Шернера нас отделяли Рудные горы, перевалы и густые леса. Но другого пути не было. Мы двигались в направлении главного удара с запада и юго-запада: Теплиц-Шанов-Прага. Наш полк двигался на Прагу, не встревая в бои за Дрезден. Двигались совместно пехота и танковые подразделения Рыбалко с северной стороны Праги. После прорыва обороны объединённые танковые и пехотные части рвались в направлении Праги без оглядки назад, с целью захвата Праги, а тылы обеспечивали подтягивающиеся общевойсковые части. Передовые части

не ввязывались в боевые действия, обходили сопротивление и двигались вперёд.

В связи с Пражским восстанием (5 мая) наступление началось на день (6 мая) раньше запланированного. В 14.00 после мощной артиллерийской подготовки перешла в наступление пехота, а за ними двинулись танки. Пехота продвигалась по 30-40 километров в сутки, а танкисты продвигались по 50-60 км/сутки. Бои шли всю ночь и продолжались утром 7 мая. 3-я гвардейская армия с танкистами прошла за день 25 километров. Мы захватили местечко Миссен, не причинив ему разрушения.

8 мая пал Дрезден. Вся масса войск двинулась на Прагу. Наши войска смяли противника на рубеже Рудных гор и перевалили через них. Одна за другой наши части вступали на территорию Чехословакии. С большой радостью, хлебом и солью, с цветами встречало нас чешское население. Угощали молоком, вином, а иногда и кое-чем покрепче. Выбрасывали лозунги: «Слава Руда Армада. Маршал Сталин, а президент Бенеш».

Немцам была предложена безоговорочная капитуляция. Противник отказался и подвергся уничтожающему удару. В три часа утра 9 мая советские танки ворвались на улицы Праги. И только через несколько часов на Пражских окраинах появилась пехота. В 9.00 Прага была полностью освобождена. К 13 часам Чехия была полностью освобождена. На этой же неделе был захвачен Власов и взята в плен власовская дивизия генерала Буйнеченка. Итак, 9 мая на броне танков наш разведвзвод очутился в Праге. Когда колонна танков двигалась по улицам Праги, там уже были танкисты 4-й танковой армии. И мы были свидетелями следующего. Толпы народа приветствовали воинов, цветы, угощенья, объятия, поцелуи и вдруг на броню танка падает танкист, которого с чердака напротив стоящего дома снял немецкий снайпер. Часть вооруженных солдат и восставших бросились в подъезд, а часть вела обстрел чердачных окон. Через некоторое время с подъезда вывалила группа красноармейцев и тащила эсэсовского офицера, который стрелял с чердака. Его перехватила масса гражданских (восставших) чехов и, мне кажется, что от «стрелка» ничего не осталось.

Радость от ПОБЕДЫ в первый момент, ни с чем не сравнимое чувство и гордости, и скорбь потерь, и мечты о будущем.

Кто пережил войну, никогда её не забудет – это вечная боль и рана. У нас осталось чувство горечи и потому, что союзники медлили с открытием второго фронта и пытались отделаться от нас тушёнкой и поношенной одеждой.

Взвод разведчиков занял посты в Пражском Граде, и в частности, нам поручили один из дворцов, помню, в котором был Испанский зал. Впервые за много лет и сотен ночей мы в ночь с 9 на 10 мая роскошно спали в мягких роскошных просторных креслах Испанского зала. 11 мая прибыли подразделения внутренних войск, которые приняли под охрану все ценности и архивы Пражского града (Пражского кремля), а мы утром 12 мая пешим маршем двинулись на запад, в Судетскую область. При выходе из города мы остановились на краткий привал и очутились у крыльца здания, на котором восставшие уже соорудили мемориальную доску, которая гласила, что в этом здании (все были записаны даты) под руководством В.И. Ленина проходила в 1912 году, так называемая, Пражская конференция РСДРП. Марш совершали по горно-лесистой местности, по тем дорогам, по которым шли на Прагу. Правда, тогда мы были на броне танков, а теперь шли походным маршем. На одном из участков из леса вышли два немецких солдата с большим (простыня) белым флагом. Они объявили, что майор и 50 солдат хотят сдаться в плен бойцам Красной Армии. Командир разведвзвода, младший лейтенант Сидоров, приказал выходить на дорогу с оружием, но с поднятыми руками. Майор был ранен в ногу, его вынесли солдаты из леса на плащ-палатке. В чехах прорезался «боевой дух». Восставшие в старинном национальном обмундировании с пленными обращались жестоко, и немцы предпочли сдаться в плен Красной Армии, а не повстанцам. Расположился полк в какой-то немецкой деревне. Размещались по дворам.

В июне месяце 1945 года 3-я гвардейская армия была расформирована и личный состав, не подлежащий демобилизации, был передан в состав 36-го стрелкового полка 5-й гвардейской армии, которая после ухода наших войск из Чехословакии перебазировалась в Венгрию.

2 мая 1946 года после демобилизации очередной возрастной группы 36-й стрелковый полк расформировали, и личный состав пополнил ряды мотострелкового корпуса, 44-й полк которого дислоцировался в Вене.

В марте 1947 года демобилизовался. После почти шестилетнего перерыва – родной дом. Время тяжёлое, карточная система, разрушенное хозяйство, надо жить, восстанавливать разрушенное, работать. За годы войны и лагерей познал цену хлеба, поэтому решил посвятить свою жизнь делу хлеба. Пошёл работать в тракторную бригаду, общепит, пищекомбинат. Мало знаний – надо учиться. Потом долгие годы труда и учёбы. Заочный техникум и работа на мукомольном комбинате – помощником крупчатник, нач. ОТХК.

Учёба в заочном институте и работа в должности главного инженера в г. Барвенково Харьковской области. Главный инженер мукомольного комбината в Керчи и заочная аспирантура. После защиты диссертации – доцент Краснодарского политехнического института, а с 1976 по 1993 годы – заведующий кафедрой. В настоящее время – профессор кафедры ТХиПЗ.

Награждён орденом Отечественной войны II ст. 14.03.1985 г., медалью «За победу над фашистской Германией» 13.06.1945 г., медалью «За участие в героическом штурме и освобождении Праги» 14.11.1945 г. и 9 юбилейными медалями.

Февраль 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Рупакова Виктория Викторовна***

Негляд Владимир Артёмович

Юность, опаленная войной

Родился я 28 июля 1927 года. Родом из Кубанской станицы Бриньковской, привольно раскинувшейся вдоль левого берега Бейсугского лимана и устья реки Бейсуг. Благодатные места! Обилие рыбы в лимане и речке, масса дикой птицы в прилежащих плавнях, тучные черноземы, окружавшие станицу, позволяли безбедно жить её населению. Особенное раздолье было детворе; в дни школьных каникул, мы, мальчишки 10-12 лет, целыми днями купались, ловили рыбу, вечерами делали налет на колхозный сад и бахчу, устраивали гонки на самодельных плотах, играли в казаков – разбойников. Все стриженные «наголо», в одних трусах и босиком, с выгоревшими бровями и опаленными носами, загоревшие до черноты, весь день носились из края в край станицы. Подошвы ног были такие толстые и грубые, как кожа у быка, свитая ярмом, ни одна заноза и колючка в нее не втыкалась! И только мать перед сном заставляла их хоть кое-как помыть.

В школе я и мои сверстники, мальчишки и девчонки, старались учиться хорошо. Да и родители, как правило, спуску не давали. Начальную школу я окончил с похвальной грамотой, за что отец забрал меня с собой на летние каникулы пожить на судне. Работал он капитаном (шкипером тогда называли), двухмачтовой парусно-моторной шхуны, обслуживающей рыбаков прибрежного лова в Азовском море. Уж сколько после

этого было у меня рассказов моим станичным друзьям: как я и у руля стоял, как штурвал вращал, как на веслах греб! Боже мой! Сколько было морской травли! По роду своей работы отец очень редко бывал дома, поэтому все домашнее хозяйство велось матерью, да я с младшей сестрой помогали ей. Были у нас всегда корова и теленок, откармливали свинью, были куры и утки, большой огород и сад. Не успеешь еще после школы выполнить домашнее задание, а мать уже свои поручения дает. Там надо прополоть в огороде, нарвать травы корове и свинье, да измельчить ее, подмести двор и прочие работы. И все надо было успеть выполнить засветло, так как в вечернее время при небольшой керосиновой лампе можно было только поужинать, да сбегать к друзьям, живущим по соседству, поделиться с ними новостями или поиграть в «жмурки». В зимнее время суда становились на отстой, и отец появлялся домой; как правило, навещал школу, в которой я учился, разговаривал с учителями, листал классный журнал, просил разрешения присутствовать на уроке, и чтобы меня непременно спросили по изучаемому материалу. Стоя у доски, я заикался и бледнел, что-то шептал, и отец тут же давал оценку – плохо!.. В конце урока он обращался с родительским напутствием о прилежной учебе и заканчивал такими словами: «Я сам рос батраком–дураком, но Вовку выучу!» Дома вечером разбор моих школьных дел, как правило, был продолжен. Припоминались мне все текущие тройки, обнаруженные им в журнале, что-то учителя там целостно высказывались о моем поведении, ну и отец был левша, шлепнул 2 - 3 по «мягкому месту», трудновато приходилось потом сидеть за партой. Наша классная руководительница, Наталья Георгиевна, догадываясь об этих родительских «вышлепках», всякий раз, когда я допускал излишние вольности в школе, или оценки по предметам шли вниз, грозилась: «Владимир, отцу скажу!» Но, честно говоря, мне нравилось учиться, и учеба в школе давалась мне легко. В конце учебного года, как правило, получал похвальные грамоты, был активным пионером, участвовал в школьной самодеятельности, посещал кружок рисования, и был даже удостоен чести на школьном стенде художников демонстрировать свою картину – шхуну отца, нарисованную цветными карандашами.

В 1941 году успешно окончил 6 классов, готовился к активному проведению летних каникул - предполагалось со школь-

ной самодеятельностью поехать в район на смотр, затем побывать в пионерском лагере и в оставшееся время поплавать с отцом в море.

И вдруг ВОЙНА!!! Весть о ней пришла в станицу во второй половине дня. Боже мой, что творилось! Проскакали по станице верховые с возгласами: «Война, Война!» Люди побежали домой, заголосили, закричали дети, собаки подняли вой, казалось, даже день померк. Все это слилось в протяжный надрывный стон, который «висел» над станицей всю войну. Мобилизация! Это хлесткое, грозное слово было главенствующим в этот период. По мобилизации отправляли каждый день мужчин в армию, для армии были мобилизованы автоматы, трактора, лошади, брички, мобилизовалось продовольствие, зерно, женщин отправляли рыть окопы. А нас, школьников старших классов (5 – 7 классы), направляли в колхозы (их в станице было 4 сельскохозяйственных и 1 рыболовецкий) для помощи в выращивании и уборке урожая. В основном использовали нас на прополке подсолнуха и кукурузы, погонщиками быков, на сборе овощей, в работе на токах. Наравне со всеми женщинами мы трудились с раннего утра до позднего вечера без всяких выходных и праздничных дней. До места работы было, как правило, не менее 3 – 5 километров, и все это вышагивалось пешком с тяпкой и узелком харчей через плечо. Клич: «Все для победы! Все для фронта!» воодушевлял всех. Каждый понимал, что своей работой он заменял отца или брата, ушедшего воевать. Не было уже ребячьей возни, игр, но никто не хныкал, все как - то повзрослели, возмужали. А вести с фронта приходили тревожнее и страшнее – наши отступали. В станице появились раненые, стали распространяться слухи об убитых или попавших в плен. Плач и стон не умолкали. Подошло время школьных занятий, нас отпустили с работ, даже насильно гнали на учебу, но матери не могли так уж проявить настойчивость, и многие мальчишки бросали – таки школу. Значительно сократилось количество классов, да и учеников в них. В нашем объединенном из двух 7-х классов было всего 20 человек, а мальчишек из них всего двое: я и мой друг – Колька Хромых. В последний предвоенный 1941 год, в нашей станичной школе впервые был произведен выпуск десятиклассников. Как мы им завидовали, как радовались за них. Они были все комсомольцы и шефствовали над нашими пионерскими круж-

ками, помогали в учебе отстающим, приструнивали шалунов, прогульщиков и особенно тех, кто украдкой пытался курить. Они ходили к родителям нерадивых учеников, выпускали школьную сатирическую газету, и кто попадал в нее – это было позорищем на всю школу.

И вот теперь мы – семиклассники, оказались самыми старшими в школе. Но уже не было прежнего веселья на переменах и после уроков. Все чаще в классах начал раздаваться плач девчонок, в семьи которых приходили недобрые вести с фронта. Учеба для нас – старшеклассников началась почти на месяц позже. Все мы были мобилизованы на уборку хлопка, который в те годы практиковали выращивать на Кубани, к сожалению, за вегетационный период полностью не вызревал, и изначально при его сборе его разбивали на три сорта. На нас навешивали взрослые фартуки с тремя карманами, и мы, проходя в междурядьях хлопчатника, путаясь и падая, распихивали этот хлопок по карманам. Поздней осенью большинство нераскрывшихся коробочек срывали и подводами развозили по станичным дворам, а жители вечерами при лампадках выковыривали хлопковые коконы, которые затем отправлялись куда-то в переработку. А фронт приближался все ближе к Кубани, бои шли уже под Ростовом и в Крыму. Немецкие бомбардировщики днем и ночью, натужно ревя, пролетали над нами на Восток. Бомбили Краснодар, Ейск, Тимашевскую и другие населенные пункты. Доходили слухи, что немцы там-то выбрасывали десант, а там-то поймали лазутчиков или диверсантов. Люди жили в страхе, ночью на улицу никто не показывался. В станице создали истребительный отряд из лиц непризывного возраста. Вооружили их, объявили осадное положение, введена жестокая светомаскировка. Но фронт требовал все больше людских резервов, продовольствия. Почти ежедневно шли проводы призывников, сопровождающиеся слезами и причитаниями. На смену уходящим на фронт для работы на полях и фермах требовались дополнительные рабочие руки. В мае 1942 года были проведены досрочные экзамены в школах станицы, и всех старшеклассников направили в колхозы на работы. Мне шел в ту пору пятнадцатый год – вполне взрослый, так посчитал бригадир полевой бригады, куда я пришел с группой мальчишек устраиваться на работу. Определил меня в помощники к бычатнику – деду Пантелею, в ведении которого

находилось 16 пар рабочих быков, основная тягловая сила в это время, пожалуй, на всей Кубани. Мы должны были кормить и поить их, содержать в исправности «сбрую», ярма, залюзы и цепи, помогать женщинам и мальчишкам, получившим от бригадира наряды на работу, правильно запрячь их, дать инструктаж в правильной эксплуатации этой «техники». Всем этим мастерски занимался дед Пантелей, он знал все повадки и возможности каждого быка, знал, какую пару на какую работу можно отправить, знал, кто из женщин или хлопцев с какими волами сумеет справиться. А у каждого из них свой характер: тот ленив, тот тихоход, тот непослушен и упрям. И тут мудрость деда была неоспорима.

Домой в станицу он почти не ходил, в бригадном стане дневал и ночевал. Быки были его главной заботой, и мне кажется, он их даже любил. Он мог на них кричать, ругаться, но ударить себе не позволял и был в страшном гневе, когда кто-нибудь стегал животное. Была у нас с ним небольшая комнатка с земляным полом, покрытым рваным одеялом, в изголовье лежали кучки полыни – от блох. В этой клетушке было много мух и комаров, но намаявшись, мы урывками в ней спали, не обращая внимания на них. Днем мы с дедом косили траву для быков, заполняли водопойные корыта, дед воротом доставал воду из колодца, а я это тяжелецкое для меня ведро подтаскивал к корытам. К ведру съезжались колхозники, выполнявшие разные работы: кто зерно возил, кто сено или песок, много всяких дел находилось. Мы с дедом помогали впрягать быков, поили их, давали небольшой отдых, а затем я должен был гнать их на выпас в ночное. Дали мне для этого кобылицу – двухлетку, звали ее Кукла. Но из-за малого роста я не мог ее ни взнуздать, ни оседлать, подпряги затянуть – силенок не хватало, да и взобраться на нее не мог, разве что только с какого-нибудь помоста, пришлось приноровить к седлу веревочную лесенку. Помогал мне готовиться на выезд, с ворчанием, все тот же дед Пантелей. Перекрестя меня в дорогу, обязательно наказывал: «Зазря худобу не гоняй, не пускай в кукурузу, уздечкой пригоняй, будешь тащить их и распределять на работу. Если немец налетит, старайся быков в лесопосадке спрятать!» А уже ходили слухи, что немецкие летчики обстреливали женщин, работающих в поле, скотину – на пастбище. Где-то к полуночи я забирался на кучу прошлогодней соломы,

наверху вроде бы было поменьше комаров, привязывал Куклу уздечкой к ноге и тут же засыпал. Рано утром, продрогший от высыпавшей росы, вскакивал, а быков моих нигде не видно! И на Кукле я скакал по полю в поисках их, воображая себя буденовцем, идущим в атаку на беляков. Припоминались мне рассказы отца, как он в гражданскую войну со своей Чонгарской дивизией, которой командовал Ока Иванович Городовиков, форсировали Сиваш и сражались в Крыму с белогвардейцами, как там один офицер рубанул его шашкой по ноге, но, слава богу, не сильно, и они со своим другом ранили этого офицера и пленили. Совершив несколько кругов по полю, я, наконец – то, находил своих беглецов. Они, конечно, спокойно лежали, пережевывая траву. А фронт все стремительнее приближался к Кубани, иногда уже были слышны артиллерийские раскаты со стороны Крыма, Ростова. А в поле зрел хороший урожай ячменя, пшеницы, надо было его быстрее собирать. И вот как - то подзывает меня бригадир, Алексей Иванович, выписавшийся только из госпиталя, без руки, и говорит: «Ну, Володька! Быкам хвосты ты крутить научился, бери теперь лошадей, будешь комбайнерам воду возить». Установили на бричке двухсотлитровую пивную бочку, вмонтировали сливной кран, и я стал водовозом. В станице была всего одна артскважина с самоизвозом. Из нее ведрами, кувшинами, кадушками, бочками разносили и развозили воду по всей станице, и использовали ее только для питья и приготовления пищи. Вода в столичных колодцах была солоноватая. Вода из артскважины частному сектору отпускалась за деньги, работал только один кран, которым командовала очень злая женщина. Народу за водой скапливалось много, всегда стоял шум, крики в очереди, а она наводила порядок; особенно не любила эта женщина детей, а их-то и было большинство. Могла запросто вылить воду из ведра и больше не дать, могла вышвырнуть из очереди, и никакой управы на нее не было. Если кто дома жаловался, так его еще и обвиняли, а если кто-то из взрослых пытался ее урезонить – можешь за водой больше не приходить, не даст. Вот тогда-то я познал цену воды и высочайший авторитет водителей водовоза. Проезжая по станице, ко мне со всех сторон бросались бабушки: «Малых детей надо напоить, кашки им сварить!» Несли мне пирожки, сметану, махорку, в общем, кто, чем был богат. Как правило, все эти подарки я раздавал своим товари-

щам в бригаде, а зелье табачное употреблять еще не научился. Правда, я бабушкам сливал остатки воды, когда ехал к артскважине, а залившись, я уж спешил к комбайнерам. До них надо было добираться 10-15 км. В бригаде на уборке работало всего два прицепных комбайна, и тягали их два гусеничных трактора. Все такие изношенные, все время ломались, у каждого вода из радиатора текла ручьем. Поэтому она требовалась беспрерывно. Июль месяц – жара испепеляющая, зерно от комбайнов подвозилось быками, здесь оно перерабатывалось на веялках, которые вручную крутили женщины, снова загружались в подводы и отправлялись на элеватор. Все для фронта! И так каждый день, с утра до позднего вечера изнурительной работы в течение почти полутора месяцев, пока не закончили уборку. Спали тут же, на рабочих местах, кто, где приткнется. А днем работающим приходилось по несколько раз разбегаться в разные стороны при налетах немецкой авиации. Уже тогда они нагло вели себя в воздухе, гонялись за людьми по полям, обстреливали мирные населенные пункты. А фронт неутолимо приближался, в станице появилось много беженцев из Украины и Крыма. Крымские немцы, по слухам, были в основном евреи, но они почему-то называли себя караитами. Я, правда, до сих пор не знаю, что это за национальность! Началась подготовка к эвакуации в станице, все переустраивались в кибитки, оборудовали походные сумки, формировались стада коров, укладывались всякие походные снаряжения. Зерно, скопившееся на токах и не вывезенное на элеватор, решили раздать, как натуроплату на трудодни, из расчета на один трудодень – пять килограммов зерна. Я, проработавший в сельскохозяйственной бригаде после окончания школы свыше трех месяцев, заработал около ста трудодней и получил почти 500 килограммов пшеницы. Какая это была радость, мать не могла нахвалиться мной! Я, настоящий кормилец семьи, было, чем кормить и домашнюю птицу, и поросенка, и самим хватало на пропитание. У нас, как и в каждой станичной семье, имелась ручная мельница из двух камней, сложенных друг на друга. И все члены семьи целыми днями крутили ее, перемалывая по несколько раз зерно пшеницы или кукурузы, измельчая их в муку или крупу, из которых потом готовилась каша, пышки. Была в этой муке и примесь от стирания мельничных камней, но на это никто не обращал внимания, да и как от нее изба-

вишься? К осени притихла, затаилась станица, наши эвакуировались, немцы не появляются, фронт прошел стороной, все работы заброшены, ниоткуда нет никаких вестей, одна скука. Стали поговаривать, что появились карательные отряды, которые расстреливают всех подряд, какие-то кулаки возвращаются, отнимают свои дома и имущество, полицейские объявились. Взрослые нас, конечно, в эти разговоры не посвящали, да они и сами толком ничего не знали. А нам эти термины только из книжек были известны. Итак, более двух месяцев в станице было полное безвластие. Затем, вдруг объявился атаман станичный, его помощники, писарь, пахнуло стариной. По улицам стали шмыгать какие-то вооруженные винтовками, но в гражданской одежде, с белой повязкой на левой руке, молодые люди, наши станичные (видимо дезертиры), именуемые противным словом – полицейские. И вдруг, страшная весть – в станицу приезжала какая-то группировка, и было расстреляно несколько человек, в основном пожилых людей, не занимавших в последние годы никаких партийных или административных должностей. Говорили, что они были рьяными активистами при раскулачивании и расказачивании в первые годы становления советской власти. Вот, мол, им и припомнили, нашлись «стукачи». Снова страх обуял станичников. Наступила зима 1943 года, морозная, люди попрятались в своих хатах, изредка только кто-нибудь к соседям пробежит, перемолвится словом… И только нам, пацанятам, не сиделось в тепле, особенно нас привлекала разместившаяся на колхозном дворе небольшая румынская воинская часть. Солдаты были все старые, оборванные и голодные, все время ходили по станице и попрошайничали. Вскоре их перестали впускать в дома, а они, не боясь, вскликивали: «Гитлер капут и Михай капут!». Михай, оказывается, был их царь. Мы часто видели, как этих солдат командир бил то плеткой, то руками. Для нас это и дивно и дико. Нам было жаль этих стариков, и мы все время намеревались где-нибудь застукать этого палача и убить или избить. И от этих же солдат к нам пришла радостная весть – о разгроме немцев под Сталинградом. Они бегали по хатам и кричали: «Сталинград! Сталинград! Гитлер капут!»

В станице впервые появились отступающие немецкие войска, пушки, танки и пошло мародерство. Убивали коров, свиней, ловили кур и прочую живность. От страха люди прята-

лись в сараи, погреба. Два дня шли бои за станицу, и немцы отступали. Но уходя, они заживо сожгли более ста красногвардейцев в ветряной мельнице и сарае, какой ужас! Сколько плача было при похоронах погибших в бою. Долго долбили мерзлую землю для братской могилы. Уложили покойников штабелями и забросали комьями мерзлой земли. Пусть земля ВАМ будет пухом!

Фронт двинулся дальше в сторону Тамани и там, на «Голубой линии», оборудованной немцами, задержался надолго. Весна. Непролазная кубанская грязь осложнила победное наступление наших войск. Застряли танки, пушки, даже пешему трудно было пробираться. Для оказания помощи нашим войскам в обеспечении передовой линии боеприпасами и снаряжением, из прилежащих станиц и хуторов было мобилизовано местное население, в основном, женщины и молодежь допризывного возраста 15-17 лет. Пришлось на плечах около 20 дней подряд переносить снаряды: мины, ящики с патронами. До войны на Кубани были в основном только грунтовые дороги, и в распутицу по ним можно было пробираться или верхом, или пешком. Не задолго до освобождения нашей станицы однажды ночью появился наш отец, худой, заросший. Как мы обрадовались его возвращению, ведь столько времени мы о нем ничего не знали. Оказывается, их моторные рыбацкие катера применяли в перевозке войск, боеприпасов и снаряжения через Керченский пролив, сперва в Крым, а затем, при отступлении наших с полуострова, - в обратном направлении – на кубанский берег. И все это под непрерывным огнем вражеской артиллерии и бомбежек немецкой авиации

Надо было организовать добычу рыбы, фронт требовал продовольствия. Настала пора и мне определяться с трудоустройством, школы закрыты, а рабочие руки везде нужны. И вот отец объявляет мне решение родительского совета: «Пойдешь в колхозную мастерскую учиться на сапожника. Я уже с мастером договорился». А мать добавляет: «Там и тепло, и светло, да и работа не тяжелая, специальность хорошая – всегда на кусок хлеба себе заработаешь!». Боже мой, я в слезы! Да в нашей «пацанячьей» среде слово «сапожник» было оскорбительным. «Нет!» - заявил я родителям, и выказал свое желание пойти в рыбаки, как отец. Мать сразу заголосила: «Будешь вечно мокрым, болтаясь в воде, холодным и голодным, нау-

чишься курить и ругаться, хватит с нас и одного рыбака – отца!» Ну, тут уж я заупрямился и не подчинился воле родителей. Мать несколько заблуждалась, с ругательными словами я был знаком еще со школьной скамьи, а вот курить действительно начал, став рыбаком. Определился я в одну из рыболовецких бригад, половина состава которых были женщины, нас – четверо хлопцев, и три мужика, находящихся на брони. Рыбацкое дело очень трудное. Не было ни механизмов, ни моторных лодок – все вручную. На промысел выходили рано утром, баркасы с орудиями лова и лодки гнали на веслах или толкали шестами, редко при попутном ветре пользовались парусом. На руках у меня сразу выскочили мозоли, но потоп постепенно все зажило, кожа на руках загрубела. Отдыхать было некогда. Фронт требовал новых жертв, требовал продовольствия, изматывал всех, от мала до велика.

Прошло полтора года, как я стал рыбаком, шел мне в ту пору семнадцатый год. Я подрос, окреп, возмужал, но из детского возраста еще не совсем вышел. Помню, летом 1944 года собрали нас в районном доме культуры на слет молодых рыбаков. Хорошо нас чествовали, самым заслуженным, мне в том числе, дали похвальные грамоты и выдали по 500 рублей, а остальным подарили рыбацкие сапоги. Когда съезд был окончен, я кинулся искать секретаря райкома партии, который вел этот съезд, и сказал, что деньги – это, конечно, хорошо, но сапог таких нигде не достать. Он меня понял и выдал взамен денежной премии сапоги, чему я был несказанно рад.

Постоянная работа в море на ветру, при качке очень изнуряла, мысли были только о том, как бы поспать немного. Ну а в штормовую погоду, когда добирались до берега, падали замертво.

Подходил черед идти в армию, на фронт. Война все дальше катилась на запад, но до ее окончания было еще далеко. Всех нас «годков» призвали на допризывную подготовку под руководством двух офицеров из райвоенкомата, мы в течение месяца тренировались: учились рыть окопы, ползали, изучали винтовки, автоматы, метали учебные гранаты, стреляли боевыми патронами и даже сделали по одному выстрелу из противотанкового ружья. В общем, хлебнули военной науки, и как нам это потом пригодилось на передовой. Поздней осенью 1944 года призвали на службу, это был последний военный

призыв. Сформировали команду, погрузили в теплушки с двухъярусными нарами, и…застучали по рельсам колеса под звуки маминых рыданий. Вперед, на запад! Проезжали Кубань, Ростовскую область, всю Украину. Из открытых дверей теплушек мы видели следы недавно прошедших боев, разрушенные города, сожженные деревни, изрытые поля, разбитые танки, свежие могилы. Страшные картины военной разрухи, они до сих пор иногда всплывают у меня перед глазами. А старики, дети, женщины на вокзалах! Все худые, в рваной одежде, с узлами, мешками, добирались до своих жилищ. А немецкие самолеты дальней авиации продолжали прорываться через линию фронта и беспрерывно бомбить города и сёла. Совершали налеты на скопления наших войск, и особенно на движущиеся железнодорожные эшелоны с живой силой и техникой. Неоднократно приходилось по команде «воздух» выскакивать из вагона и притаиваться в каких-нибудь укрытиях: кустарниках, лесу, под железнодорожной насыпью. Наконец, мы прибыли в 43-ю стрелковую дивизию, расположенную в недавно освобожденных, польских населенных пунктах Карпат. С первых же дней военной службы началась интенсивная армейская подготовка: строевая, тактическая, огневая, марш броски, рытье окопов, стрельбы – все в ускоренном темпе, фронт требовал пополнения в живой силе!

23 февраля 1945 года в день Красной Армии и военно-морского флота приняли присягу, и сразу же всем бойцам были выданы по две боевые гранаты и патроны. Наша дивизия находилась в резерве главного командования. В горах и лесах Карпат не было сплошной линии фронта, что затрудняло применение авиации, танков, автотранспорта. И боевые действия велись локально. Бывали случаи, когда немцы в отдельных местах прорывали окружение и уходили, как правило, в тыл наших войск, и тогда для ликвидации прорвавшихся группировок противника, привлекались части и подразделения, находящиеся невдалеке от фронта, и часто наш батальон поднимали по тревоге, выдавали боеприпасы, сухой паек на 3-5 дней, грузили в автомобили и бросали к передовой, в помощь фронтовым частям. Бывало, в течение 2-3 дней удавалось ликвидировать просочившуюся группировку врага, частично уничтожали, а многих брали в плен. Война приближалась к победному концу – никому не хотелось умирать.

И вот однажды в середине марта 1945 года мы несколько суток вели бои с одной из окруженных группировок противника. Немцы пытались вырваться из окружения – бросались то в одну, то в другую сторону. Это крупный вооруженный отряд. Они активно маневрировали в огромном лесном массиве, подготавливали заранее боевые позиции, хорошо их укрепляли. Нам – наступающим, приходилось значительно труднее. Рассыпавшись цепью в лесу, мы перебежками, укрываясь за деревьями, зарывались в снег, по-пластунски сжимали все туже кольцо. Бой вспыхивал то в одном, то в другом месте, со всех сторон несется пулеметная и автоматная стрельба, ухают разрывы гранат, снарядов, мин. По цепи нашей команды передается команда: «По выходу на просеку – залечь!» Стрельба как-то утихла, пробивался к этой вожделенной просеке, чтобы немного отдохнуть, пожевать мерзлый хлеб и рисовый концентрат в пакете. Надеялся, что во время привала подтянутся наши минометы, пулеметы, артиллерия. Фух, наконец-то просека! Довольно накатанная пешими, конными и гусеничными следами. Просека как-то разделила густой кустарник, сквозь который мы продирались, и хвойный лес: ели, сосны, такие красавцы стоят, опушенные снегом. Высыпал на просеку солдатский люд: перекур, кто жует, кто оружие протирает, кто лег отдохнуть; каждый занялся своим делом, потеряв всякую бдительность и осторожность. Не долго мы блаженствовали: послышалась команда: «Приготовиться, вперед!» и только мы шагнули к этим елям, как по нашей цепи резанули из пулеметов и автоматов. Свист пуль, крики раненых, мертвые тела! Как опаленные, мы ринулись назад в кустарник, попадали, зарылись в снег. Затихло, снова команда: «Огонь! В атаку! Вперед!» и опять пулеметные очереди, снова мы залегли. Немного очухавшись, повели ответный огонь, но чувствуем, безрезультатно, снова по команде поднимаемся в атаку, и снова нас приземляют, несем потери, а хода нет! И вдруг тут перебежками вдоль цепи появляется наш старшина роты, бывалый фронтовик, кричит: «Стреляйте вверх, там кукушки!» Упал возле меня, приказывает: «Ни с места! Сейчас будем смотреть, откуда он, гад, по нам бьет. Задирай голову вверх!», и, действительно, только рота поднялась в атаку, раздался резкий звук пулемета, и над нашими головами засвистели пули. «Ты видишь его? Вот он, сволочь, бей его!» - кричит старшина. Ударили очере-

дями из автоматов по одной из елей, среди ветвей которой вырвался огонь, что-то грохнулось сверху, и сразу как-то легче стало. Стрельба не прекращалась с обеих сторон, но такой гулкий пулеметный звук прекратился, и страх пропал. (Именно за эту «кукушку» я и получил впоследствии медаль «За Отвагу»). Перебежками добрались до этой злосчастной просеки, а там «птицы», укрывавшиеся за деревьями, встретили нас еще и автоматными очередями и гранатами. Но мы уже «озверели», бросились в рукопашную и разделались с ними быстро. Видимо, это была группа сдерживания или прикрытия, основные же силы немцев бросились в другую сторону, чтобы снова искать слабое место для прорыва. Жаль, наши командиры при первоначальном выходе на просеку не произвели разведку впереди. Этот заслон мог быть еще тогда обнаружен, и, возможно, удалось бы избежать лишних потерь. Недолго длился бой с этой группой, почти все немцы были истреблены, и мы двинулись вглубь леса, догонять уходящего противника. Но в этом бою при наступлении я был ранен осколками немецкой гранаты, и День Победы встречал в медсанбате. День Победы! Сколько радости, ликования, восторгов, он пришел! Все палили из всего имеющегося стрелкового оружия. И каждый, наверное, думал, что это последний раз он сжигает боевой патрон, жаль, что не оправдались их благородные мысли и надежды.

После такой жестокой, долгой войны, наступила пора передышки, перевода всего народного хозяйства на мирный лад. В армии началась демобилизация и реорганизация войсковых частей и соединений.

Еще в первые дни после призыва, мы, группа земляков-кубанцев, в нарушении всяких условных требований, скрытно написали письмо Верховному Главнокомандующему, товарищу Сталину И.В., с просьбой направить нас служить во флот. Не знаю, то ли письмо помогло, то ли фортуна, приехали в наш полк, дислоцирующийся, аж, в Польше, «вербовщики» из Севастополя отбирать добровольцев для службы во флоте. И, наконец, УРА! Я - моряк! Правда, еще пришлось полгода обучаться за партой в учебном отряде, приобретая корабельную специальность – рулевой. Затем, для прохождения дальнейшей службы был направлен в бухту Стрелецкую на морской охотник. Так я на долгие годы связал свою жизнь с морем. К сожа-

лению, отец так и не узнал о моих заслугах. Мать мне долго не сообщала, но оказывается еще в феврале 1945 года по клеветническому доносу одного человека, отец был арестован, осужден по страшной 58 статье УГ РСФСР сроком на 7 лет, куда-то отправлен и там погиб. Потом в справке о реабилитации, присланной матери из Верховного суда РСФСР, указано, что он оправдан со снятием судимости. А место его захоронения я много лет искал, выяснял, но точного ответа так и не получил. Моя мать до конца своих дней ждала отца и искренне верила, что он жив и скоро вернется домой.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Попова Кира Игоревна***

Недосеков Иван Евдокимович

Солдатские байки

Я родился 2 августа 1923 года в с. Рагули, Аппанасенковского района, Ставропольского края. Родители мои были православного христианского вероисповедания. В молодости был атеистом, в настоящее время признаю русскую православную церковь как гуманную религию моих предков. Был пионером в школе, комсомольцем с 1940 г., коммунистом с 1953 г. Состоял в ОСОВИАХИМе г. Пятигорска (1940-1941 гг.), где обучался военно-техническим специальностям: мотоциклист и летчик. Был членом спортивного общества «Буревестник» (г. Пятигорск, 1940-1941 гг.)

Родился в крестьянской семье. Родители мои - Недосековы Евдоким Митрофанович и Мария Пахомовна - занимались сельским хозяйством. В 1931 году пошел учиться в начальную школу в с. Рагули. В поисках лучшей жизни родители часто переезжали, и я отстал в учебе на 2 класса. В 1940 г. поступил в Пятигорский техникум Советской торговли на отделение товароведения.

О начале войны узнал 22 июня 1941. Был воскресный солнечный день. Я готовился к экзаменам в общежитии. В 10:00 по радио передали правительственное сообщение. Началась Великая Отечественная война против фашистской Германии.

В марте 1942 Буденновским РВК (районный военный комиссариат) был призван на службу в Красную Армию, направлен в город Грозный в военно-пехотное училище и зачислен курсантом пулеметной роты. В сентябре 1942 должен был успешно закончить ускоренную шестимесячную программу по закону военного времени и получить воинское звание лейтенант. Однако 12 июля 1942 училище было отправлено на фронт. Я был откомандирован в действующий артиллерийский полк (Южный фронт, июль 1942) в батарею 76-мм горных орудий образца 1909 г. наводчиком.

Боевой путь проходил через Северную Осетию (г. Орджоникидзе, июль 1942) и Кабардино-Балкарию. Бои были только оборонительного характера, поэтому наши населенные пункты освобождать мне не пришлось.

Мы должны были вести огонь из орудий с закрытых позиций за 2-5 км от передовой. Пехота пропускала танки, отсекала автоматчиков и вела с ними бой. Артиллеристам приходилось выкатывать орудия на прямую наводку. 9 октября 1942 в с. Котляревская был ранен осколком в область правой лопатки. Находился на лечении в с. Садон в эвакогоспитале № 99.

После поправки был зачислен на курсы младших лейтенантов «Выстрел» в г. Тула. Курсанты принимали участие в боевых действиях. 26 декабря 1942 получил пулевое ранение в правую ногу и был отправлен в г. Тбилиси в эвакогоспиталь №2524 на лечение. 16 апреля 1943 выписан из госпиталя и направлен в выздоравливающий батальон в село Мцхети ГССР (Грузинская Советская Социалистическая Республика). 23 апреля 1943 был переведен в 11 ПАП (полевой артиллерийский полк) в кандидатскую батарею, откуда был направлен через Среднюю Азию в Ленинградское артиллерийско-техническое училище г. Ижевска и зачислен курсантом-пиротехником. Закончил его по второму разряду. От училища выполнял задание командования фронта по обеспечению войск боеприпасами, за что был награжден медалью "За боевые заслуги", которую получил в 1996 в Карасунском военкомате г. Краснодара.

9 мая 1945 в 4:00 услышал по приемнику об окончании войны. Мы победили.

Память моя хранит некоторые эпизоды из моей армейской жизни. Подобных случаев в солдатских буднях было множество.

Рукопашный бой

Март 1942 года. Я курсант пулеметной роты Грозненского пехотного училища. Помню фамилии: командира взвода старшего лейтенанта Медведева, помкомвзвода Васильева и курсантов Крайнего И., Симонова Н. и Гуляева А.

Обучение было в полном смысле спартанским. На стрельбы – по тревоге с полной выкладкой и марш-броском. По материальной части: детали знать назубок, а разборка и сборка с закрытыми глазами. Марши были до 40 км без привалов. В столовую – через спортивные снаряды. Свободное время проводили на стадионе и полосе препятствий.

Ну и рукопашный бой. Занятия проводились на плацу, который был размечен параллельными линиями и кругами. Я стою на линии в кругу с винтовкой, с правой стороны на поясе лопата в чехле. Против меня на расстоянии полтора метра стоит нападающий с двухметровым шестом с грушей на конце. Программу «боя» задает командир взвода. Например, колотый удар в левое колено. Исходное положение: у нападающего груша в кругу на земле. У меня - «изготовка к бою». Нападающие покажут, как это выполняется. Затем подставят новичка, укажут на ошибки. И начали по команде: «Коли!». Не разрешалось нападающему делать обманные движения, а обороняющемуся изменять прием защиты. Каждый прием отрабатывался до автоматизма. На другое занятие то же самое, но в правое колено. Потом идут позиции: «бедро», «живот», «плечи», «лицо». Затем шли комбинированные позиции: на одном уровне – вправо-влево. На одной стороне верх-низ. Затем перекрестные, но определенные позиции, и в заключении – бой без правил. Если я получил удар и выронил оружие, то нападающий будет наносить удары до тех пор, пока я не вспомню о лопате. Прикрываясь ею, отбиваю удар, хватаюсь за шест, заношу лопату для нанесения удара. Следует команда: «Отставить!». Если видны следы побоев, я должен говорить, что сам ушибся.

Из Буденновска меня проведать приехала мама. Свидание разрешалось в специально отведенной комнате на проходной под контролем дежурного. Мне сообщили, что мама ждет меня на проходной. Сквозь забор она меня увидела и заплакала, причитая: «Как они тебя изувечили». Я ей ответил: «Мама, об этом ни слова, иначе убьют». Она поняла и замолчала. Дежур-

ный при маме спросил: «Где это ты так разукрасился? Что может подумать мать?» Мама никому об этом не рассказывала.

«Студенточка»

Я, мечтавший об авиации, стал курсантом пехотного училища, где строевая подготовка с песней были как дыхание. Хотя, кажется, было не до песен.

Лето 1942 года. Вызывают меня во второй батальон как запевалу. Появилась песня «Вставай, страна огромная…». Нас, запевал, разбили по голосам и группам, вручили каждому по листку с текстом песни, чтобы в каждой роте во главе со старшиной разучить. Пришло начальство: начальник училища, замполит училища, представители обкома партии, политотдела армии, работники театров. Под «шаг на месте» артисты исполнили песню. Затем аналогично это проделал строй запевал. Выступил замполит и сказал: «Песню разучить. Через 2 дня проверка». Разучивали на вечерней поверке при всех передвижениях и на прогулках. Наступил день проверки, роты вышли на исходный рубеж. Начальство обозначило трибуну. Командир роты нас воодушевляет. Среди нас нашлись отчаянные и попросили для начала спеть «Студенточку». На что он ответил: «Немец рвется к кавказской нефти, а мы будем разводить сантименты». Старшина скомандовал: «Шагом марш!.. Строевым… Запевай!». Запевалы сработали «на троечку». Припев получился «кто в лес, кто по дрова». Строй нарушился. Все нервничают. Прозвучала команда: «На исходный рубеж!». На трибуне замешательство. Пауза. Наш командир роты подбегает к нам и говорит старшине: «Давай «Студенточку»! напоминаю первые куплеты:

Студенточка, заря пленистая,
Под липою я ожидал тебя.

и припев:

На берегу пруда твои очи целовал я,
И навеки поклялись с тобой под серебристою луной…

Рота шла строевым шагом, пела в один голос и улыбалась. Без команды она вышла на исходный рубеж. По команде «Запевай!» запевалы начали:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

И рота в один голос подхватила:

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идет война народная,
Священная война.

Трибуна улыбалась. Последовала команда: «Первая рота – прямо. В казарму».

Лошадь

Я был наводчиком 76-мм горного орудия образца 1909 года.

Расчет состоял из 6 человек: командир орудия, наводчик, заряжающий, правильный и ездовой с лошадьми, который во время боя находится в тылу.

Огневая позиция орудия: окоп для орудия, погреба для боеприпасов, щели для укрытия расчета. При совершенствовании оборудуется блиндаж и ходы сообщения. На ночь у орудия выставлялся часовой из расчета.

Спали вповалку, поворачивались по команде.

Правильным у нас был солдат солидного возраста, и звали его дядя Вася. Однажды, когда я сменял его на посту у орудия, произошел такой случай. Я спросил у него «Где ведро с водой? Я хочу пить». Дядя Вася ответил: «Пришла лошадь и выпила всю воду, за что я ее как следует отлупил». И с этим он передал мне винтовку с пятью патронами в магазине. Слышу какие-то шаги. Присмотрелся - лошадь. Дядя Вася говорит: «Я ее сейчас проучу». Подозвал ее: «Псе-псе-псе», взял ее за челку и говорит мне: «Подержи, я ей привяжу к хвосту ведро с крепкой дужкой». Привязал и скомандовал: «Отпусти». И подняв ведро,

бросил. Ведро ударило лошадь по ногам. Она лягнула его копытом. Ведро полетело и упорой дна угодило дяде Васе в лоб. Он, тихо простонав, говорит: «Давай топор». Я стал умолять его не убивать лошадь. На что он ответил: «Мне надо приложить топор ко лбу».

Я приступил к своим обязанностям. Слышу шаги. Окликнул тихо: «Стой! Кто идет?». В ответ ржание. Дядя Вася поднялся и повторил всё сначала. Вплел ведро в хвост, отпустил, отпрыгнул, лошадь лягнула. Ведро, описав дугу, ударило животное по спине. Лошадь заржала, встала на дыбы и прыжком пустилась в галоп.

Звуки ударов ведра и ржание лошади удалялись от нас. «Слава богу, - подумал я, - отделались от ночного гостя».

Но не тут-то было. Впереди слева послышался лай собак, потом отдельные автоматные очереди. Вспыхнули осветительные ракеты, стрельба усилилась, загремели взрывы гранат. На батарее объявили тревогу: «Расчет к орудию! Цель – Репер 1». Я нацелил орудие по Реперу. Дядя Вася подошел ко мне и с видом заговорщика приложил палец к губам – никому ни слова. Я кивнул ему в знак согласия.

Так у орудия мы провели остаток ночи. С рассветом прибыл старшина. Привез завтрак и армейский листок, в котором говорилось, что в результате смелых действий разведчиков противник оставил населенный пункт, а наша часть выровняла линию обороны.

Прямая наводка

17 августа 1942 года полк, который мы поддерживали, продвинулся вперед, и наша батарея заняла новую огневую позицию на кукурузном поле. С рассветом 18 августа стали готовить орудия к стрельбе, вписываться в веер и расчищать сектор обстрела. По человеку от орудия отправились за завтраком. Впереди послышались стрельба и взрывы. Последовала команда: «К орудиям!». С переднего наблюдательного пункта прибегает наблюдатель и кричит: «Танки впереди!». Последовала команда: «К бою. Бронебойным заряжай». Поступил сигнал: «Танки справа».

Слева занимала позицию рота с ПТР (противотанковые ружья), которую тоже атаковали неприятельские танки. Пехота танки пропустила, а с автоматчиками завязала бой.

У нас же орудия подготовлены для стрельбы с закрытых позиций в поле с кукурузой, высота которой достигала двух метров. Боекомплект состоял в основном из осколочных и осколочно-фугасных выстрелов. Была даже картечь. Бронебойных же снарядов было немного. Все снаряды - только с зарядных ящиков передков. Дополнительных снарядов еще не подвезли. Орудия выкатили из окопов на прямую наводку. Послышалась автоматная стрельба. По автоматчикам стреляли картечью, по танкам - бронебойными. Нашей батареей было уничтожено 2 танка, но остальные танки просочились справа и зашли к нам в тыл. Началась охота на лис. Каждое орудие передвигали 4 человека. Один находился у прицела и стрелял, 2 на колесах и 1 на станине. Другие подносили боеприпасы. Орудие удалилось от окопов и действовало самостоятельно. Сзади огневой позиции горели 2 танка. Из трех вступивших в бой орудий осталось только наше. При нем находились: я, командир орудия, 2 солдата с других орудий и корреспондент «Красной Звезды» старший лейтенант, который и командовал нами. Он должен был написать очерк о 7-й батарее. Я пошел за снарядами, но их уже не было. Вернувшись, увидел, что наше орудие лежит на боку. Недалеко грохотал танк. Я от него укрылся. Увидел старшего лейтенанта и двух бронебойщиков.

Старший лейтенант приказал мне отправиться в село Майское и доложить обстановку. За плечами у меня был карабин с пятью патронами, на поясе - противотанковая граната и два запала к ней. Вышел на поляну с поваленной кукурузой, меня обстрелял танк. Я замаскировался. Танк неотвратимо приближался ко мне. Гранату я отстегнул, а вставить запал никак не могу. Страшно. На глаза накатились слезы, но с запалом все же справился. Танк остановился в 7-8 м от меня. Я метнул гранату в гусеницу и сразу же упал. Меня оглушило взрывной волной. Пришел в себя, начал двигать руками и ногами. Поднялся и пошел. Дело к ночи. Едут подводы. Наши. Попросился подвезти: мне было очень плохо. Взобравшись на подводу, я лег между ящиками. Подводы остановил заградотряд. Извозчик ответил, что он везет боеприпасы и контуженого солдата. С подводы меня стащили и определили к какому-то командиру на пе-

редовую, но он от меня отказался. На другой подводе я добрался до села Майское и выполнил приказ, доложив обстановку замполиту 2-го дивизиона. Меня определили в разведроту.

5 июля 1945 мне присвоено первичное воинское звание младший техник-лейтенант. Отделом кадров определен в Управление снабжением боеприпасами Главного Артиллерийского управления и отправлен в ВСВО (Восточно-Сибирский военный округ) на станцию Ададым Красноярского края. В декабре 1952 был переведен в СКВО (Северо-Кавказский военный округ) в г. Моздок, где в 1954 окончил 10 классов средней школы. В августе 1955 был зачислен слушателем Ленинградского Высшего Артиллерийского инженерного училища. Окончил его в декабре 1959 по специальности инженер-механик с присвоением воинского звания инженер-капитан. Далее был направлен в Белорусский военный округ в ракетно-техническую часть, расположенную в Могилевской области Осиповичского района на станции Лапичи.

Демобилизовался в 1969 в звании майора-инженера с должности, приравненной к командиру дивизиона, с местом жительства в г. Могилеве.

В июне 1977 переехал в Краснодар и устроился работать в Краснодарский политехнический институт, в котором работал до 1993 на должностях: ассистент, учебный мастер, заведующий лабораториями кафедры электротехники.

В Великой Отечественной войне участвовали мои родственники: отец – Недосеков Евдоким Митрофанович (1897-1970)- рядовым, сестра – Недосекова Любовь Евдокимовна (1927-1996)- медсестрой. Воевали красноармейцами родственники - дяди – Недосековы Максим Митрофанович, Назар Митрофанович, Егор Митрофанович; последний погиб на войне.

Награды:

- орден Отечественной войны II степени,
- медаль «За победу в Великой Отечественной войне»,
- юбилейные медали «40, 50, 60, 70 лет ВС СССР»,
- медали «За боевые заслуги» - 2 шт.,
- медали «За безупречную службу» I и II степени,
- юбилейные медали – 5 шт.

В 1948 женился. Жена Зинаида Антоновна (1925-1998). Имею 3 детей и 5 внуков.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса Кубанского государственного технологического университета ***Шелудько Мария Геннадьевна***

Николаев Алексей Николаевич

Демобилизоваться я всегда успею

Я родился 30 марта 1914 года в семье кустаря-сапожника в станице Роговской, Тимашевского района, Краснодарского края. Украинец, учёный-атеист. Мой отец – Николай Николаев – был членом большевистской организации нашей станицы. Он погиб в годы гражданской войны.

В 1928 году я был принят в комсомол. В 1929 окончил семилетку в станице Роговской, а в 1932 году – Северо-Кавказский краевой кооперативный техникум в станице Пашковской. По направлению отработал два года в Дагестане в селе Теник. По возвращению домой сельсовет направил меня учителем начальных классов в село Малинино Тимашевского района. Когда я экстерном окончил педучилище, меня назначили директором неполной семилетней школы. Но я решил продолжить учёбу и в 1937 году поступил на первый курс литфака Краснодарского пединститута на заочное отделение. Но учиться не пришлось. Окончил только 2 курса и в ноябре 1939 года был призван на действительную военную службу. Получил направление в учебную роту 29-го отдельного сапёрного батальона 11-го стрелкового корпуса в Белоруссии. В январе 1940 года меня отправили на Финский фронт. 10 марта получил воинское звание замполитрука, а с июня избран комсоргом батальона.

В марте 1941 года наш батальон направили на границу с Германией вблизи города Таураге, в местечко Дидкиемис Литовской ССР. Участвовал в сооружении нового укрепрайона. Строили двухэтажные железобетонные долговременные огневые точки (ДОТы).

В субботу 21 июня 1941 года все взводы и роты разошлись утром по объектам. В обеденный перерыв коммунисты провели партсобрание. Вечером около барака, который занимала одна из рот, посмотрели только что вышедший на экраны фильм «Александр Суворов».

А на рассвете 22 июня мне, сонному, показалось, что под койкой, словно что-то громко ухнуло, и она вздрогнула. Я проснулся и посмотрел на ручные часы: было ровно четыре часа утра! Подумал, что бьёт наша артиллерия. Но гул далёких разрядов нарастал… Это рвались немецкие снаряды и авиабомбы где-то в стороне от города Таураге. Началась война с Германией. Так что в войне я с самых первых её минут.

Под напором превосходящих сил противника наш батальон вместе с кадровыми дивизиями Красной Армии вынужден был покинуть воздвигнутые им укрепления и отходить по республикам Прибалтики в сторону Ленинграда.

9 июля командир 11-го стрелкового корпуса приказал батальону срочно построить наплывной мост через реку Нарва для пропуска через него средних танков. Уже через неделю, к вечеру 18-го, мост возвели на баржах. Но 19-го комбат получил сведения о прорыве немецких войск в район города Пскова. Их механизированные части двигались по восточному берегу Чудского озера в нашу сторону, где был стратегически важный мост.

Комбат приказал мне немедленно возвратиться во 2-ю роту и передать командиру, чтобы не был допущен захват моста противника. Не удастся – уничтожить! Не дать пройти врагу!

Лейтенант Хандыга, выслушав меня, приказал бойцам рыть окопы с обеих сторон моста и, одновременно, готовить его к взрыву!.. Немецкие автоматчики подъехали к мосту после 16 часов и с ходу хотели атаковать роту. Но им этого сделать не удалось. Они были отброшены огнём стрелкового оружия и гранатами. Немцы унесли с собой убитых и раненых, а наша рота не понесла никаких потерь. В 22 часа мост был взорван. Правобережная группа уходила организованно вниз по тече-

нию Нарвы под прикрытием высокого берега, хотя противник открыл по ней миномётный огонь. 20 июля в 10 утра мы подошли к землянке командира роты. Товарищи увидели нас и удивились, что мы живы, поскольку считали нас погибшими.

Но оказалось, что мост подорвали не полностью, и немецкие солдаты по его остаткам смогли перебраться и атаковать нас на левой стороне реки. Комбат приказал мне поджечь ночью три баржи, которые дополняли мост, взяв в помощь себе сапёра.

С рядовым Соломахой мы собрали девять пустых бутылок, заполнили их бензином. К трём из них прикрепили тампоны из белой ваты и вставили в них спички. После полуночи Соломаха грёб вёслами в лодке под прикрытием моста, а я держал бутылки. На все три баржи кинули поровну бутылок и подожгли. Баржи моментально загорелись, а мы быстро возвратились к своему берегу. Успели добежать до окопов до того, как вражеские артиллеристы и миномётчики хватились и открыли огонь.

Когда я пришёл докладывать комбату о выполненном задании, он удовлетворённо резко махнул рукой:

- И так всё видно!..

При дальнейшем отступлении мы с болью в сердце взрывали существующие мосты и досадовали, что вынуждены были это делать, чтобы задержать продвижение вражеских войск. А нам-то потом, во время наступления, опять их возводить!

13 августа мы переправились по мосту через реку Нарва и вступили на Ленинградскую землю. 14 августа наш батальон передали только сформировавшейся 42 армии Ленинградского фронта. В это время фронт был прорван, и нас сразу же включили в бой. В нашем батальоне было два танка КВ. Нам приказали срочно возвести для отступающей 1-й гвардейской дивизии народного ополчения оборонительный рубеж: рыть окопы и ходы сообщения в полный рост, минировать поле перед лесом. К утру 15 августа соорудили минное предполье, 200 мин было уложено, но не хватило взрывателей. Работы закончили, а дивизия не подошла, и батальону приказали с двумя тяжёлыми танками КВ («Клим Ворошилов») оборонять его до утра. В обед этого же дня из леса появилась танковая колонна и развернулась. Оказалось 32 танка и бронетранспортёры! По нашим окопам ударила немецкая артиллерия – вслед за валом разрывавшихся снарядов двинулись бронированные машины.

За ними - немецкие автоматчики. По ним мы ударили из винтовок и пулемётов.

Два танка и бронетранспортёр подорвались на минах и загорелись, а два попало в полосу без взрывателей. По этой полоске они и рванули к нашим окопам.

Надежда была только на наш батальон, никого больше поблизости не было. Под один танк солдат попытался бросить бутылку с горючей смесью, но из танка началась стрельба, и солдат сам подорвался от этой бутылки. Всё же бойцам удалось поджечь один танк, и он загорелся. Левее мой заместитель сумел бросить гранату, но граната взорвалась под брюхом танка, и машина направилась в сторону солдата. Мы посчитали моего зама по комсомолу погибшим, но он, как оказалось, успел опуститься в окоп.

В это время КВ дал свой первый залп. Вся бронетехника противника, видимо, по чьей-то команде развернулась на 180 градусов и скрылась в лесу.

Оставалось уничтожить только один танк. Но КВ подбил ему только трак. Двигаться он не мог, но открыл огонь. Бойцы забросали его бутылками с горючей смесью.

До вечера ещё дважды пытались нас атаковать, но безуспешно, оставляя на минном поле подбитые танки и убитых солдат.

Наш батальон потерял четырёх убитыми и восемь ранеными. Так мало лишь благодаря танкам КВ. Всего два танка выручили весь батальон.

С 12 сентября 1941 года 42-я армия закрепилась на оборонительном рубеже в районе Пулковских высот.

10 ноября наш батальон был переброшен на берег реки Невы в посёлок Невская Дубровка. На нашем берегу был сооружен оборонительный рубеж, на другой стороне – на расстоянии около трёх километров - захвачен плацдарм глубиной 600-700 метров. Его мы называли «чёртов пятачок». Уже после войны, на каждом квадратном его метре обнаружили металла на 2-2,5 кг. Он мешал фашистам, и они пытались от него избавиться, а их оборона была рядом: миномёты, танки, артиллерия, самолёты.

За день мы собирали до полусотни лодок, а оставалось их не больше 15-20 (разбивались фашистами). Ночью перебрасывали боеприпасы и людей, а забирали раненых. Когда подры-

вали лодки, сапёры добирались вплавь до берега. Но, Слава Богу, в этом месте потери у нас были небольшие.

11 ноября нашему взору предстала удивительная картина. Четыре наших истребителя «Чайка» были атакованы четырьмя «мессершмидтами». Наши «Чайки» очень манёвренны, но в открытом бою с ними сражаться нельзя, они сделаны в основном из фанеры, вследствие чего очень уязвимы. Тогда лётчики сделали воздушное колесо по вертикали: первый в хвост второму, второй в хвост третьему, третий в хвост четвёртому. Фашисты никак не могли подобраться к нашим самолётам. Зато наши лётчики сбили один «мессершмидт», а остальные три ушли и увернули в свою сторону. Это зрелище продолжалось около 20 минут. Мы все стояли и с замиранием сердца следили за происходящим. Со сбитого «мессера» пилот выпрыгнул с парашютом на нашу территорию. Его сразу же схватили. В Невской Дубровке я пробыл 4 дня.

14 сентября 1941 года меня вызвали в штаб батальона, вручили приказ политотдела 42-й армии и направили на курсы младших политруков. Там было очень плохое питание, поэтому нам разрешалось один раз в неделю сбегать в часть и там более-менее нормально поесть.

В один из таких дней, когда я уже возвращался из штаба сапёрного батальона, я проходил вблизи Витебского вокзала. Невдалеке я увидел женскую фигуру, она шла и шаталась из стороны в сторону, потом просто упала, рухнула как мешок. Я подбежал. Это была старушка. Проверил – дышит. Аккуратно поднял её на руки. Она весила не более 25 кг. Понёс на вокзал. Там находился сборный пункт для переправы через Ладожское озеро на «большую землю». Там сидели две девушки. Они проверили у женщины дыхание. Сказали, что внесут её в списки, и я могу идти. Я был уже около двери, как услышал крик:

- Эй, ты, замполитрука!

Я не понял, что я плохого сделал. Обернулся и вижу: одна девушка сидит, пишет, вторая стоит с паспортом женщины. Тут одна из них произносит:

- Вашей старушке только недавно исполнилось шестнадцать…

…В 1972 году открыли мемориал на Московском проспекте в Ленинграде. Я приехал туда для встречи со своими бывшими однополчанами. Когда я спускался вниз по лестнице, то уви-

дел перед собой памятник из гранита: солдата с винтовкой на плече, держащего в руках женщину, с безжизненно опущенными головой и ногами. Я мгновенно впал в ступор. И вновь перенёсся в 42-й и увидел перед собой ту девушку. Не знаю, сколько я простоял в таком состоянии, но тут я услышал голос, обращенный ко мне:

- Солдат, зачем стоишь, боишься идти дальше?

- Видите? – указал я на памятник.

- Вижу.

- Так это про меня…

30 декабря 1941 года я закончил курсы, получил звание младшего политрука. В этот же день я с товарищем был направлен в отдельный лыжный батальон 13-й стрелковой дивизии 42-й армии на должность политрука первой лыжной роты. Прослужил там четыре месяца, можно сказать, единоначальником, так как командир батальона был ранен, а прислать нового не было возможности. Мне просто сказали:

- У тебя есть хороший боевой опыт, управишься!

В ночь под 23 февраля весь наш батальон был направлен на остров Баррикад в Невском заливе. Зимний день. Залив во льду. Немцы рассчитывали по льду подойти к Ленинграду, но узнали (разведка у них хорошо работала), что им будет оказано сильное сопротивление, и отступили.

Во время нашего похода через Ленинград на лыжах шёл сильный снег, было очень холодно. Когда мы проходили около колонки, вокруг неё была огромная ледяная лужа, а из-подо льда выглядывала женская рука.

На второй день, когда мы шли обратно, никакой руки не было… Был сильный голод в городе и кто–то её просто отрезал.

23 апреля 1942 года Лыжный батальон был расформирован, и я был назначен на должность комиссара 14-ой отдельной мотострелковой разведроты 42-й армии. Прослужил месяц и три дня.

26 мая при подготовке очередного разведпоиска был тяжело ранен – разбита левая стопа, повреждены оба глаза… Очень тяжело было расставаться с разведчиками.

Пробыл в госпиталях (Ленинградском, Кировском) до 11 ноября 1942 года. Меня отправили в резерв политсостава в

Москву. Там спросили, желаю ли я демобилизоваться. Я ответил, что пока нет, держусь ещё на ногах.

Отправили меня в Горький, там я пробыл всего один день. Я попросил отправить меня в часть. Но мне сказали, что при условии, если буду старшим команды политруков. Необходимо было доставить команду политруков в Саратовскую область. Мы спокойно доехали в Приволжский военный округ г. Саратова. Нас оформили. Меня назначили заместителем командира батальона по политчасти.

В ночь с 12 на 13 февраля 1943 года я уже с подготовленной командой под Саратовом, услышал по радио об освобождении Краснодара и ряда станиц. Среди них была и моя станица Роговская.

Я выскочил на улицу, начал палить из автомата. Проснулись люди, забеспокоились: «Ты чего тревогу поднимаешь?»

Я им рассказал об услышанном, мы быстро нашли общий язык, и люди успокоились.

По закону политруки не могли возглавлять команды на фронт. Но начальник политуправления Приволжского военного округа сказал мне:

- Понимаю тебя, старший лейтенант, по приказу не имею права, но сердце не может отказать.

И я 13 апреля 1943 года с командой в 300 человек прибыл в Ленинград. 14 апреля – в Шлиссельбург в понтонно-мостовую бригаду.

Всё сдал, всё было в порядке. Начальник политотдела бригады спрашивает:

- А сам что делать собираешься?

- В свою часть поеду.

- Не выйдет, вот тебе начальник штаба, сдашь ему свои документы и к нам в бригаду.

Вечером 16 апреля я вместе с новым пополнением находился на территории Финляндского вокзала в Ленинграде. На «большую землю» переправляли команду из 6 человек. До их отъезда оставалось около часа, но тут начался обстрел вокзала. Я быстро посадил их, и пошёл по платформе. Меня обогнали двое: капитан и молодая девушка – военфельдшер. Это была самая красивая девушка, которую я видел в своей жизни. Они немного не добежали, как снаряд ударил в здание КГБ. Второй снаряд попадает в живот девушки. Не в меня, не в капитана, а

в неё! Я сразу подбежал к ним, капитан заревел, заорал на меня. Недалеко была медчасть, и он понёс её туда.

Начался беглый обстрел вокзала тяжёлыми снарядами. Вижу - не добегу. Спрятался за булочной. Внутри была женщина, сказала, что б я зашёл во внутрь, здание всё-таки каменное. Но я ответил, ничего, пережду на улице. Через несколько секунд дёрнуло правую ногу – осколком снаряда перебило подколенную артерию. Пролежал я больше часа, сам перетянул жгутом себе ногу. Но остался уже без правой ноги…

Потом подбежал милиционер, отнёс меня в медчасть. Там я увидел этого капитана. Он сидел и качался из стороны в сторону и повторял одну фразу: «За что её так?!» Врач сказал мне, что мои дела плохи… Я спросил у него, что с девушкой и этим капитаном. Он ответил:

- Принёс мёртвую девушку и просит, чтобы мы её оживили… Пусть сидит, у него шоковое состояние.

В госпиталях я пролежал до 11 ноября 1943 года. Уже на протезе попал в Московский резерв политсостава. Опять отказался демобилизоваться. Отправили меня на Кубань – назначили военным комиссаром Горячеключевского райвоенкомата. С этой должности и демобилизовался 10 октября 1945 года.

9 мая 1945 года я был на охоте за дезертирами. Поздно ночью возвратился домой, динамик, как обычно, работал и вдруг сообщение Совинформбюро: «Подписан протокол о капитуляции Германии». Я выбежал из дому, начал палить из автомата, закричал: «Включите радио! Победа! Закончилась война!»

Утром в 8 часов состоялся митинг.

После окончания войны я решил продолжить обучение в институте, но уже очно. С деканом литфака, Рахинским Владимиром Ивановичем, я был знаком ещё со времён учёбы в кооперативном техникуме. Он там преподавал литературу. Это был удивительный человек. Он мне сказал: «Ты на семь лет от учёбы оторвался, у тебя есть две «тройки». Но ничего, ты пенсию военную получаешь, стипендию получать будешь – выдержишь». Я вновь поступил на второй курс. И в июне 1948 года закончил пединститут с красным дипломом, не имея в табеле ни одной оценки кроме «отлично».

После института год проработал в Кропоткинском горкоме КПСС пропагандистом отдела агитации и пропаганды.

В октябре 1949 поступил в аспирантуру. Для исследования выбрал тему «Противоречия в развитии производительных сил и производственных отношений социалистического общества». Несколько лет не мог найти совет по защите кандидатских диссертаций, который рассмотрел бы моё исследование. И только в 1964 году успешно защитился в Киевском госуниверситете на учёную степень кандидата философских наук.

После окончания аспирантуры, с января 1953 года по сентябрь 1965 года преподавал на кафедре философии Кубанского пединститута.

А с 1 сентября 1965 по конкурсу был зачислен преподавателем на кафедру философии Краснодарского политехнического института. В институте проработал до конца августа 1970 года. За время работы в политехе присвоено учёное звание доцент. В период работы был избран членом парткома, заместителем секретаря по идеологической работе.

Выйдя на пенсию, принимал участие в работе ветеранских организаций, несколько лет был заместителем председателя краевого Совета ветеранов войны и труда. Более десяти лет возглавлял совет кубанских ветеранов войны, защитников Ленинграда.

Награждён двумя орденами Отечественной войны II степени. Они нашли меня уже после войны: первый – в 50-х гг., второй – в 70-х.

Медаль «За отвагу» вручили в апреле 1942 года в политотделе 42-й армии в подвале разрушенного здания.

Медаль «За оборону Ленинграда» получил после второго ранения перед отправлением на «большую землю» в госпитале в июне 1943 года.

Медаль «Победы над Германией» вручили уже при демобилизации из армии в октябре 1945 года.

Ветеран труда. Награждён в 60-х годах в доме офицеров города Краснодара.

Также имеется более десятка юбилейных медалей, вручённых в разные годовщины, юбилеи, памятные даты. Две из них: «300 лет Санкт-Петербургу» и «60 лет полного снятия блокады» лежат в коробочке, никак не доходят руки одеть их на пиджак.

В нашей семье я был единственным мужчиной, участвовавшим в Великой Отечественной войне. Хотя моя мать роди-

ла 6 мальчиков (я был шестым), ни один не прожил более 1,5 лет.

Со своей супругой – Марией Анисьевной Крикливец – я познакомился ещё до войны. В 1935 году мы поженились, а через год родился наш старший сын. Ему сейчас уже почти 70 лет. Закончил Краснодарский политехнический институт, кандидат технических наук. Младшему сыну 60 лет. Он закончил Московский энергетический институт, тоже кандидат технических наук. Также у меня есть две внучки и три правнука. Старшему уже 20 лет, а младшая только в этом году пошла в первый класс.

О войне можно рассказывать бесконечно. У меня моих личных воспоминаний за первые два месяца войны на 170 страниц. Множество статей в газетах Краснодарского края: «Комсомолец Кубани», «Советская Кубань» и другие.

Статьи и воспоминания в книгах:

Харченко И.С. Беспокойные сердца ветеранов. - Краснодар: «Советская Кубань», 2002. - 224 с.

Воин, учёный, педагог / К. Н. - 206-208.

Забвению не подлежит. - Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2003. – 512 с.

«Выручили два танка» - собственное воспоминание (70-73 с.) – не опубликовано.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Рафейчик Анна Игоревна***

Никульшин Пётр Васильевич

Немного о себе и о войне

Я родился 12 июля 1924 года в селе Кирсановка, Грибановского района, Воронежской области в бедной крестьянской семье, русский, православный, член КПСС. Окончил неполную среднюю школу в 1940 году. Трудиться начал с 12-ти лет, во время летних каникул работал в совхозе разнорабочим.

Начало Великой Отечественной войны застало меня на первом курсе автодорожного техникума в г. Борисоглебске Воронежской области на экзамене весенней сессии по физике.

Через месяц после объявления войны были призваны по мобилизации в Красную армию два моих брата и зять. Отец по возрасту мобилизации не подлежал. Оба брата погибли на фронте, зять возвратился с фронта инвалидом после тяжелого ранения.

Меня призвали в Красную Армию в октябре 1942 года по достижению 18-летнего возраста (к тому времени я окончил второй курс автодорожного техникума) и направили на учебу в 1-е Саратовское танковое училище, где готовили командиров средних танков. Вначале изучали английский танк «МК-2с» – «Матильда», о котором курсанты отзывались так: «Англия России подарила танк «МК-2с», - шуму много, толку мало и высокий до небес». Потом, через пять месяцев, стали изучать

вышедший в серийное производство отечественный танк «Т-34».

Окончил училище в декабре 1943 года и наша рота выпускников- младших лейтенантов была направлена на танковый завод в г. Нижний Тагил для получения танков и отправки на фронт.

На заводе вместе со взрослыми работали и 13-15-летние подростки, которым, чтобы дотянуться до рабочего полотна станка, подставляли под ноги ящики из-под снарядов, выполняли свою работу. В цехах завода были вывешены лозунги: «Все для фронта!», «Все для Победы над врагом!».

В течение двух недель получили танки с экипажами, обкатали их, выверили прицельные приспособления, произвели пристрелку вооружения. Была сформирована маршевая танковая рота, погружена в железнодорожные эшелоны и отправлена на 1-й Украинский фронт.

25 января 1944 г. разгрузились на станции Пост-Волынский недалеко, западнее г. Киева. Совершили ночью небольшой марш и прибыли в район сосредоточения 62-й гвардейской танковой бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса 4-ой танковой армии – село Никольская Борщаговка. На следующий день было отдано распоряжение командования: троим офицерам нашей роты, в том числе и мне, передать танки офицерам, которые находились в резерве, по-видимому, они уже имели боевой опыт, а нас откомандировать в 247-й отдельный армейский батальон 4-ой танковой армии. В составе этого батальона мне пришлось участвовать в походах и боях до конца войны.

В начале марта 1944 года началось наступление войск 1-го Украинского фронта. Фронтом командовал маршал Советского Союза Жуков Г.К. В результате боевых действий весной 1944 года наша 4-ая танковая армия прошла более 350 км, освободив от немецко-фашистских оккупантов сотни населенных пунктов, в том числе гг. Копычинцы, Чертков, Гусятин, Каменец-Подольск и др. Армией командовал генерал-лейтенант Лелющенко Д.Д. Со второй половины марта 1944 года войсками 1-го Украинского фронта стал командовать маршал Советского Союза Конев И.С.

Началась подготовка к наступательной операции по освобождению г. Львова. Наша армия начала наступление в общем направлении на г. Золочев, обходя Львов с юга-запада.

Много вражеских войск, окруженных в районе г. Броды, начали прорываться в южном и юго-западном направлении. На рассвете 20 июля 1944 года враг вышел в район м. Княже (10-12 км юго-западнее г. Золочев) в расположение штаба и тыла нашей 4-ой танковой армии. Весь личный состав штаба, рота охраны, мотоциклетный полк и отдельный армейский батальон отражали яростные атаки противника. В этом ожесточенном бою участвовала и 62-ая гвардейская танковая бригада. Вся лощина от г. Золочев в направлении Львова была покрыта трупами вражеских солдат и офицеров. Это была работа 62-ой гвардейской танковой бригады. 27 июля 1944 года город Львов был освобожден.

Далее наша армия наступала в направлении г. Самбор, г. Борислав. В первой половине августа 1944 года переправились через реку Висла, сосредоточились в лесах восточнее г. Сташув (в Польше) на Сандомирском плацдарме и начали подготовку к зимнему наступлению 1945 года.

В итоге Львовско-Сандомирской операции 4-я танковая армия за полтора месяца прошла с боями более 400 км, уничтожила и захватила много вражеской боевой техники, истребив и взяв в плен большое количество солдат и офицеров противника.

Английские и американские войска были зажаты в Арденах, несли большие потери от немцев. Премьер-министр Англии Черчилль и президент США Рузвельт попросили Верховного Главнокомандующего СССР Сталина ускорить начало наступления наших войск. И оно началось 12 января 1945 года, точно в 10.00 началась артподготовка и длилась около двух часов. Ночью с 13 на 14 января под г. Ченстохов шел ожесточенный танковый бой, перемешались свои и чужие. К утру 14 января противнику было нанесено крупное поражение.

Начался прорыв к реке Одеру. За время боев от реки Висла до реки Одер 4-ая танковая армия прошла с боями около 600 км, был занят плацдарм на западном берегу реки Одер.13 февраля 1945 года войска армии овладели городами Штокенау, Примкенау, Зорау (Германия) и устремились к реке Нейсе. В

этот день мне было объявлено командованием о присвоении очередного воинского звания лейтенант.

18 марта 1945 года наша 4-ая танковая армия была переименована в 4-ую гвардейскую танковую армию. Это вызвало прилив новых сил у всех воинов армии. Я и мои однополчане были вдохновлены и готовы к новым ратным испытаниям.

Началась подготовка к наступлению на г. Берлин. В ходе наступления войска 4-ой гвардейской танковой армии овладели городами Калау, Луккау, Бабельсберг (предместье южного Берлина). В этом городе было освобождено из концлагеря много узников различных национальностей. Меня потрясло виденное: измождённые и голодные люди желали нам победы и призывали отомстить за убиенных.

Взято много других городов и населенных пунктов. Из фашистского лагеря в районе г. Троенбрицен было освобождено несколько тысяч французов, англичан, бельгийцев, датчан, норвежцев и заключенных других национальностей. В конце апреля 1945 года крупная немецкая группировка войск, окруженная и почти разгромленная в районе г. Котбус (югозападнее Берлина) стремилась прорваться на запад и сдаться в плен американцам. Недалеко от г. Берлина в районе г. Лукенвальде немцы прорвались к штабу 4-ой гвардейской танковой армии, завязался тяжелый бой.

Первой вступила в бой рота охраны штаба армии и офицеры штаба. В этом бою погибло много моих боевых товарищей. Меня судьба хранила. Потом подоспели на выручку части армейского подчинения: мотоциклетный полк, у него было 10 танков и 200 мотоциклов, вооруженных пулеметами, 247-ой отдельный армейский батальон, подошли саперы и артиллеристы. Объединенным ударом мотоциклистов, артиллеристов, танкистов, саперов и воинов штаба армии враг был разбит. Прорваться ему на запад не удалось. До шести тысяч гитлеровцев было взято в плен. Соединения и части нашей 4-ой гвардейской танковой армии продолжали штурмовать югозападную часть г. Берлина, прижимая врага к Бранденбургским воротам. 2 мая 1945 года Берлин пал. Окруженная в нем 200-тысячная группировка немецких войск капитулировала.

В первых числах мая в Чехословакии активизировалась национально-освободительное движение. Готовилось вооруженное восстание в Праге и других городах. Наша 4-ая гвардей-

ская танковая армия сдала свой боевой участок в Берлине и в ночь с 4 на 5 мая начала марш с боями через г. Дрезден на Чехословакию. В пути мы узнали из радиосообщений, что 5 мая в Праге началось восстание чехословацких патриотов. Для подавления восстания фашистское командование бросило танки и самолеты. Особенно зверствовали эсэсовские части. Пражское радио на русском языке взывало к Красной Армии о помощи восставшей Праге. Дорога была каждая минута. Тяжелым был путь через Рудные горы. Перейдя границу Чехословакии, наши войска были восторженно встречены местным населением. Чехословацкие друзья показывали нам как лучше обойти препятствия. Большую трудность представляло преодоление полуотвесных каменистых склонов гор, покрытых лесом. Пришлось траки на гусеницах танков через один переворачивать гребнем наружу, тогда зацепление за грунт было надежнее. К исходу 7 мая наша 4-ая гвардейская танковая армия главными силами преодолела Рудные горы и оказалась в 150-160 км северо-западнее Праги, 8 мая был взят г. Мост. Навстречу нашим воинам вышли сотни и тысячи мужчин, женщин, подростков. Это были русские, чехи, поляки, французы, датчане, люди многих других национальностей, которых гитлеровцы угнали из родных мест на каторжные работы. Эти люди, изможденные непосильным трудом, бросались к нашим воинам, обнимали и целовали их, бросали цветы на танки, со слезами на глазах, выкрикивали: «Да здравствуют освободители!», «Да здравствуют русские!», «Да здравствует свобода!».

В ночь на 8 мая наши войска ворвались в местечко Жатец (60 км северо-западнее Праги). Здесь разгромили находившийся в движении штаб вражеской группы армий «Центр» генерала-фельдмаршала Шернера, который спешил пробраться на запад для сдачи в плен американцам. Ветер крутил и раскидывал во все стороны штабные бумаги, большинство гитлеровцев сдались в плен, но многие пытались где-нибудь спрятаться. Чехословацкие друзья помогали нам вылавливать их. Шернер, как потом стало известно, с адъютантом, владевшим чешским языком, переодевшись в штатскую одежду, успел скрыться, бросив свои войска на произвол судьбы, пробрались к американцам и сдались в плен. Войска Шернера оказались без централизованного управления. Утром 8 мая 1945 года стало известно, что Германия капитулировала, однако войска

Шернера, не признав капитуляции, продолжали сопротивление. Они пытались пробиться на запад, но были разбиты и пленены нашими войсками.

9 мая 1945 года была освобождена столица Чехословакии г. Прага. Первыми ворвались в город танки 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса на рассвете 9 мая. Войска нашей 4-ой гвардейской танковой армии после освобождения Праги выдвинулись в восточном и юго-восточном направлении и перерезали пути отхода немецким войскам на запад.

10 мая 1945 года основные силы группы армий «Центр», действующей в Чехословакии, были окружены. Только отдельным частям группы армий под названием «Австрия» удалось ускользнуть в зону действий американских войск. Окруженные войска врага сложили оружие.

Боевые действия наших войск закончились 11 мая 1945 года. И долго нам ещё приходилось привыкать к забытой тишине.

Освобождение Чехословакии от гитлеровских полчищ совпало с победоносным окончанием Великой Отечественной войны. Поэтому день 9 мая 1945 года, который все народы мира отмечают как праздник Победы над германским фашизмом, стал также национальным праздником чехословацкого народа.

После окончания войны было желание уволиться с воинской службы в запас, окончить начатый до войны автодорожный техникум, а потом и институт. Но мечта моя не осуществилась. Советской Армии нужны были офицерские кадры. Многие молодые офицеры, в том числе и я, были оставлены для продолжения воинской службы в доблестных Вооруженных Силах СССР, где пришлось завершить свое среднее образование в вечерней школе. Воинской службе Родине я посвятил 30 лет.

Сразу после увольнения из Советской Армии в запас в звании подполковника, я 20 октября 1971 года поступил на работу в Краснодарский политехнический институт (теперь Кубанский государственный технологический университет), где проработал 26 лет, из них: большую часть – инженером, начальником 2 отдела. Непосредственно участвовал в работе по военно-патриотическому воспитанию студенческой молодежи.

С 1974 года по настоящее время выполняю общественную работу, являясь членом совета ветеранов КубГТУ.

Награды.

- Орден Отечественной войны II степени
- Медаль «За боевые заслуги»- 2
- Медаль «За освобождение Праги»
- Медаль «За победу над Германией»
- Медаль « За освобождение Украины»
- Медаль «За безупречную службу в ВС СССР 2 степени»
- Медаль «За безупречную службу 3 степени»
- 12 юбилейных медалей

Март 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса Кубанского государственного технологического университета **Никульшина Юлия Вячеславовна.***

Овчаренко Пётр Филиппович

От Кавказа до Польши – вектор военной судьбы

Я родился 13 июля 1923 года в Спасском селе Акморинской области (Казахстан) в русской православной семье. С 1938 г. являлся членом комсомола, с 1944 г. – членом КПСС.

До начала войны в 1941 г. я окончил 8 классов, в 1944-1947 гг. - Саратовское танковое училище, в 1950-1951 гг. – 9-10 классы вечерней школы в г. Геленджике, в 1953-1958 гг. – Ростовский юридический институт.

Мой боевой путь проходил через г. Грозный (1941 г.), г. Моздок (1942 г.), г. Туапсе, гора Индюк (1942 г.), г. Новороссийск (1942 г.), ст. Шапшукская (1943 г.), г. Геленджик (1943 г.), г. Одесса (1943 г.), г. Кишинёв (1943 г.), река Днепр (1944 г.), г. Минск (1944 г.). Начинал я службу в звании ефрейтора, потом служил сержантом, старшим сержантом, а войну закончил в звании лейтенанта.

О начале войны я узнал по радио, тогда мне не было ещё и 18 лет. Нас неожиданно собрали в местном клубе, это было в 1941 г., в том 41-ом, который оказался роковым для всех нас. Жил я тогда в хуторе Красный Октябрь Ростовской области. После сообщения о начале войны, никто из нас уже не сомневался, что воевать мы пойдём и пойдём добровольно. В сентябре 1941 г. я уже был в г. Грозном и распределён в 4-ю воз-

душно-десантную бригаду. В её составе я находился по март 1942 г.

В мае 1942 г. распределили нас по эшелонам и отправили в район г. Севастополя. Нам была поставлена задача организованно сосредоточиться в районе станции Прохладной. В назначенное время мы были в заданном районе. Однако в боях за освобождение г. Севастополя мы не участвовали, так как к этому времени немцы захватили его. Неожиданно поступает сообщение, что немцы уже вторглись на Кавказ, и мы были переброшены на Северный Кавказ. На базе нашего подразделения была сформирована 8-я гвардейская бригада. Нас в её составе отправили на фронт под Моздок.

Тяжёлым выдалось лето 1942 г. (июнь-сентябрь). Атака немцев была всё сильней, всё трудней было бороться, не хватало техники, снарядов, оружия. Пришлось нам назад отступать через опасное направление на г. Туапсе, который осаждали фашистские войска, укреплённые спецподразделениями горных егерей. Далее из порта Туапсе мы отправились в г. Поти на крейсере «Красный Крым». Перед нами стояла задача - не допустить прорыва немцев к Чёрному морю. Мы десантировались в некоторых приморских городах. С крейсера нам приходилось высаживаться на ходу, прямо в воду, до берега оставалось не менее 100-150 метров. Необходимо было создать укрепления на берегу и скрыться в горах. Десантный отряд, в котором я состоял, добрался до ближайших гор. Мы разместились на горе Индюк под Туапсе. С сентября по октябрь 1942 г. мы занимаемся разведкой и противостояли немцам.

Однажды мы захватили в плен фашиста. Он на ишаке переправлялся через реку и горный хребет с пищей для своих солдат. Этот пленный оказался полезным для нашего отряда, он дал нам необходимую информацию о местонахождении ряда штабов. Нашим войскам удалось организовать стабильный фронт под Туапсе. Немец не прошёл.

В декабре 1942 г. наш отряд переправляют в г. Новороссийск, и он был высажен под г. Геленджиком. Наша задача – перебраться через горы под станицу Крымскую, оставаясь при этом незамеченными. С лошадьми и артиллерией мы перебрались незамеченными через вершины и покатые склоны. Добравшись через несколько дней до места, мы заняли оборону по

фронту, который получил впоследствии название «Голубая линия». Эта линия обороны вошла в историю как самая укреплённая. Тяжело нашим войскам пришлось взламывать оборону немцев.

В январе 1943 г. я получил тяжёлое огнестрельное ранение. В тот день мы держали оборону от наступающих фашистов в станице Шапшукская. После этого несколько дней я находился в Геленджике, в госпитале. Однако ранение оказалось слишком тяжёлым и не позволило мне воевать дальше. Поездом меня и других раненных направили в Армению в 3-й госпиталь города Ленинакан. В госпитале я находился три месяца, а в марте 1943 г. я получил отпуск на 1 месяц и уехал домой, в Ростовскую область, которая к тому времени была уже освобождена от немцев. Этот месяц дома, в кругу семьи, пролетел незаметно.

В мае 1943 г. меня перебросили в 5-ю ударную армию, где я служил сержантом под командованием Лычёва Данила Ивановича, 1915 года рождения (жив до настоящего времени), и командира бригады полковника Крассовского. Под их командованием в составе 5-й ударной армии освобождал ряд городов и населённых пунктов на Украине: г. Одесса (ноябрь 1943 г.), посёлок Рогач, Николаев (ноябрь-декабрь 1943 г.), Сталино (1943 г., ныне Днепропетровск); затем в Молдавии г. Кишинёв (июнь 1944 г.), Котовский (июнь-август 1944 г.); столицу Белоруссии, г. Минск (лето 1944 г.). Самые тяжёлые бои шли за Украину (посёлок Рогач), Одессу и Николаев, Сталино и за Кишинёв. Жители всех городов и посёлков встречали нас со слезами на глазах - слезами радости и счастья. Было много цветов, всевозможного угощения. Но более всего запомнилось ощущение великой нашей радости, что мы живы и мы – освободители. Это - то, чего мы так долго ждали.

Летом 1944 г. поступает приказ: 5-ю ударную армию перебросить на Белорусский фронт, в город Минск. После освобождения Минска, наш отряд освободил и ряд городов Польши.

Встречи поляков мне запомнились ярче всего. За годы войны я впервые увидел счастье на лицах людей: отцов, матерей и детей. Поляки оказались гостеприимным народом, они угощали нас своими национальным блюдом – пиза. Это блюдо схоже со вкусом, с тем вкусом, который забываешь, о котором стараешься не думать, для того, чтобы вставать и идти дальше,

но о котором мечтаешь и вспоминаешь каждый день – вкус хлеба… Да, пиза напомнила мне тогда именно этот вкус, ещё с детства до боли знакомый всем нам, вкус хлеба.

В декабре 1944 г. в нашем отряде производят отбор. Тех, кто давно воевал, переводят в роту Зотова, в роту по предстоящему штурму. 100 человек, в числе которых и я, отправляют на обучение по подготовке к штурму укреплённых крепостей и домов. Мы поняли, что впереди операция по захвату Берлина – столицы вероломной фашистской Германии.

К тому времени мне исполняется 20 лет, и по решению комиссии сержанты, которые имели 8-10 классов образования (50 человек, в том числе и я), были распределены в небольшие группы и направлены в танковое училище в городе Саратов с целью обучения нас работе на штурмовых танках СУ-122. Завершить обучение планировалось в мае-июне 1945 г. Мы с полной энергией и энтузиазмом приступили к занятиям. Но 9 мая весь мир узнал об окончание Великой Отечественной войны, о победе советского народа над фашистской Германией. Однако обучение продлили ещё на два года, и только в марте 1947 г. я демобилизовался по состоянию здоровья.

В годы войны я был награждён орденом Отечественной войны, медалями «За освобождение Кубани», «За боевые заслуги», «За освобождение Белоруссии», «За оборону Кавказа» и др.

После окончания войны все мои родственники остались живы. Брат, Овчаренко Павел Филиппович, воевал в звании сержанта (рядового) и был награждён орденом «За боевые заслуги», орденом «Великой Отечественной войны», медалью «Славы». Сестра Александра Филипповна, 1921 года рождения, воевала в составе военно-воздушной армии, у неё также есть боевые награды.

О моём участии в войне опубликованы материалы:

Ткачёв А. «От Терека до Тамани», стр. 1-8.

Завилова Г. «Жизнь продолжается» // Советская Кубань, июнь 2003 г. № 27, стр. 8.

«Туапсинский вестник». № 181 от 26 сентября 2002 г.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса Кубанского государственного технологического университета ***Терехова Олеся Юрьевна***

Оспищев Павел Фёдорович

Путь советского солдата

Я родился 11 января 1924 года в станице Капынской Ейского района, православный, русский, член комсомола.

В 1935 г. закончил 4 класса. Рано пошёл на работу в рыболовецкую бригаду разнорабочим. Бригаду называли дедовской, так как в ней были одни старики.

О войне узнал, как и все жители нашей станицы, по радио. Мне тогда было 17 лет. На фронт ушёл добровольцем. В мае 1942 года нас направили для несения службы в 149 полк, где нам выдали форму. Здесь мы получили навыки ведения боя и солдатской жизни, научились владеть оружием. В тот момент таким оружием была обычная винтовка Мосина, дальность стрельбы и поражающая способность которой были высокими, однако соперничать с немецкими автоматами было конечно сложно, потому что их скорострельность было гораздо выше.

22 октября 1942 г. наш полк вступил в бой под Туапсе в станице Индюк. Впечатления от первого боя были тяжёлыми. Мы были в обороне, и особенно досаждала нам и наносила большой урон немецкая авиация. К сожалению, в тот период немецкие лётчики значительно превосходили наших, да и самолёты их были более совершенными. В первом бою погибло много наших солдат, особенно молодых, было также много раненных. Меня же судьба хранила. Однако уже через неделю

в очередном бою я получил осколочное ранение в левую ногу, после чего меня отправили в госпиталь № 1434 в г. Тбилиси, где я пробыл с 30 октября 1942 по май 1943 г.

Рана долго не заживала, и нога очень сильно болела, так как в ней остался осколок снаряда. Врачи настаивали на том, чтобы ампутировать мне ногу, и наутро уже была назначена операция. Но помог счастливый случай. Утром в госпиталь приехала медицинская комиссия с проверкой. Было выявлено много всевозможных нарушений, меня это особо не волновало, однако эта комиссия сыграла в моей судьбе большую роль. Было установлено, что хирургическое отделение не особо утруждало себя лечением подобных ранений. Выяснилось, что мою ногу, также как и других раненных можно было спасти. Операция была отменена, осколок был извлечён, ногу мне спасли. Впоследствии мне стало известно, что врачи были строго наказаны.

По окончании лечения к нам в госпиталь приехал командир 4-го казачьего корпуса и отобрал несколько человек. Меня распредели в 9-ю дивизию артиллерийского полка, находящегося в Гомельской области в городе Мозырь, где я воевал до 1944 г. Боёв было много, и мы довольно успешно продвигались, освобождая Белоруссию, затем перешли границу, освобождали Австрию, Венгрию. Особенно тяжелые бои были весной 1945 г. Нас перебросили в район озера Болотон. Там нам предстояла большая битва, в которой погибли многие мои товарищи, а я сам был ранен второй раз. При наступлении снаряд взорвался позади меня, осколки задели голову и ноги, к счастью, ранение оказалось не смертельным. Корпусом тогда командовал, как сейчас помню, Кириченко, позже его сменил Плиев. Командиром подразделения был Наточий Иван с Украины.

Победу мы встретили в Венгрии. Однако вкусить радость победы по-настоящему не удалось, потому что нас перебросили в Прагу для помощи восставшим жителям города. Столица Чехословакии была освобождена.

С завершением Великой Отечественной войны боевые действия для меня не закончились. В это время очень большой урон наносили советским войскам украинские националисты – бендеровцы. Из Праги 30 мая 1945 г. нас направили на борьбу с банд-формированиями бендеровцев. Их место расположения

было в лесах, их позиции были хорошо укреплены, они строили землянки, потайные ходы. Нашей задачей было уничтожить оставшиеся банды. Одним из отрядов бендеровцев командовал Сиротюк, которого долго не могли поймать. Мне и моим товарищам удалось узнать от пленного место нахождения этого бандита. Мы обнаружили его в хорошо укреплённом доме, он оказал нам жесткое сопротивление и был убит. Это был серьёзный успех наших солдат. Наше командование отметило нескольких участников этой операции, в том числе и меня, в приказе по войсковому соединению.

В июне 1945-1946 гг. наш полк был передислоцирован в г. Косшехабле, где нас переформировали в 970 стрелковый полк, и я стал наводчиком. Позже нас отправили в Уссурийск для продолжения войны с Японией. Там иногда происходили стычки с врагом, однако серьёзных сражений не было. После капитуляции Японии наш 970 стрелковый полк направили на Камчатку. Наше месторасположение было недалеко от сухарного завода. Командир поставил перед нами боевую задачу не допускать среди местного населения участившихся случаев насилия и разбоя. Нам удалось решить поставленную задачу.

4 февраля 1947 г. я был демобилизован из советской армии в звании рядового. Так закончилась для меня военная служба.

Свою первую медаль «За боевые заслуги» (№ 230406) я получил, когда мы были на Кавказе. Нас с товарищами послали в разведку боем. В ходе боевого задания мы встретили другую разведгруппу, возвращавшуюся со своего задания, их преследовали немцы. Мы отбили атаку врага, во время которой я спас своего раненного товарища и был ранен сам. Награду мне вручили в госпитале в палате для выздоравливающих, приказ на награду подписал Горкин.

Медаль «За отвагу» (№ 563654) мне вручил наш командир в Праге в 1945 г. за бои, проходившие ранее в районе озера Болотон.

Орден Отечественной войны (№ 248770) был вручен мне командиром полка в 1947 г. за войну против Японии. Также мне вручили медаль Жукова и 8 юбилейных наград.

Война несла в себе как трагическое, так и смешное. Мы были молоды и жили надеждой на победу. Всякое случалось. Расскажу о нескольких эпизодах моей фронтовой жизни.

В моей памяти чётко отпечатался один трагический случай, когда в 1943 г. в боях за Северный Кавказ мы с однополчанином стояли в дозоре (секрете) для ведения скрытного наблюдения за передвижением противника. Мы дежурили по очереди, и когда я сменил товарища, он отошёл в сторону и подорвался на мине, погиб.

Вспоминается и другой случай. В 1945 г. в районе о. Болотон наше подразделение – 2 пушки, 12 человек – занимали боевую позицию, сдерживали возможный прорыв фашистов по проходящей рядом шоссейной дороге. Подразделение партизан под командованием Сабурова в это время преследовало фашистов, которые в ходе своего передвижения оказались буквально на нашей позиции. Мы были уже опытными бойцами, не растерялись и закидали фашистов гранатами. В результате этого боевого столкновения около 40 фашистов было уничтожено, наши потери составили 4 бойца убитыми и 3 раненных.

После этого боя я был представлен к званию сержанта, но моя радость была недолгой. Следующим моим заданием было охранять одну из дорог, ведущую к венгерскому городку. Наш расчёт поставили в одном из разрушенных домов. Мы замаскировали нашу пушку и заняли оборону. С нами был мой товарищ Миша «Чваня», почему мы его так называли, я уже не помню. Он нашёл в одном из заброшенных подвалов очень старый глиняный кувшин, содержимое которого было похоже на варенье. Мы с удовольствием его попробовали. Не помню, что было дальше. Придя в себя, я увидел перед собой командира, который был в ярости от того, что мы «напившись», оставили свой боевой пост. Когда стали выяснять все подробности происшедшего, командир обнаружил, что в кувшине было не варенье, а очень-очень старое вино. Нас оправдали, но до конца службы мы так и остались рядовыми солдатами.

После окончания службы я переехал на Сахалин и устроился работать на буксире плотов между островами. В 1961 г. уехал на целину в г. Актюбинск Казахской республики, работал на лодке механиком. В 1974 г. переехал в Краснодар.

На войне потерял двух братьев: родной - Оспищев Василий Фёдорович – пропал без вести, двоюродный – Оспищев Кузь-

ма Михайлович – погиб на фронте. В живых остались отец Фёдор Степанович и мать Анастасия Максимовна.

Март 2005 года.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4-курса Кубанского государственного технологического университета ***Мартюк Андрей Петрович***

Полушин Семён Андреевич

Возводили военные оборонительные рубежи

Я родился 7 мая 1915 года в селе Топса Архангельской области. По национальности русский, православный христианин. Комсомолец, в партии не состоял. В 1929 году был участником Первого Всесоюзного слета пионеров. В 1929-1930 годы был членом сельскохозяйственной коммуны.

Все события, произошедшие в моей жизни, помню с трехлетнего возраста. Особо запомнилась интервенция англо-американцев 1918-1919 годов. Я тогда, четырехлетний мальчишка, был ранен в надвисочную часть головы - шрам от ранения ношу всю жизнь.

Наша местность - Топса расположена на высоких горах и интервенты не могли ее взять почти полгода. Село обороняли железнодорожные части 6 Красной Армии а также местные жители, многие из которых участвовали в Империалистической войне 1914-1917 годов. Среди них были мой отец Андрей Дмитриевич Полушин и его брат Михаил. С 1919 по 1921 год от них не было никаких вестей, и только весной 1921 года отец и его брат Михаил вернулись домой. Оказалось, что они были переброшены на Кубань, и сражались в рядах 9 Кубанской армии Кавказского фронта. С Кавказа отец вернулся больным человеком (его мучила какая-то лихорадка). Он скончался в 1924 году. Мать умерла еще в 1919 году, поэтому я, мой брат

Дмитрий 1911 г.р. и сестра Мария 1919 г.р. воспитывались вначале опекунами, а с 1927 года в Шенкурском детском доме. После окончания семилетней школы крестьянской молодежи поступил на рабочий факультет. Одновременно работал на лесобирже №27 «Экспортлес». В 1935 году поступил в Архангельский лесотехнический институт на факультет «Механизации лесоразработок и транспорта». В 1940 году мне была присвоена специальность инженер-транспортник. Работать был направлен в трест «Полеслеспром» г. Пинск (Беларусь).

Призван на действительную службу в Красную Армию в ноябре 1940 года в 501 гаубичный артиллерийский полк (ГАП) заряжающим 152мм гаубицы (г. Крустпилс, Латвия). В феврале 1941 года откомандирован в 91й УНС Литва. Участвовал в изыскании узкоколейной железной дороги Батаняй – Паюрис. Затем ее строил.

Войну встретил утром 22 июня 1941 года в местечке Пакражантис на немецко-литовской границе, будучи военнослужащим Красной Армии.

Со времени начала войны отходили с боями из укрепрайона в составе восьмой армии. Участвовал в строительстве оборонительных рубежей по реке Луга (г. Кингисепп), Пулковского рубежа (Большое Кузьмино), в самом центре Ленинграда. При попытке штурмом выбить немцев с Октябрьской железной дороги был ранен около села Ивановское.

Участвовал в боях по снятию блокады Ленинграда в Отдельном лыжном батальоне, 13 стрелковой дивизии. Награжден орденом Красной Звезды приказом 13 сд 30 января 1944 года. За прорыв линии Маннергейма (в п. Муола, будучи командиром саперного взвода, возглавил второй стрелковый батальон 119 стрелкового полка, завел его в тыл к финнам) награжден орденом Отечественная война второй степени. За строительство переправы через Одер (в районе около Козель на Одере) и переправу 296 стрелкового полка 13 стрелковой дивизии на левый берег Одера без потерь, награжден орденом Отечественная война первой степени 15 марта 1945 года. Наше воинское соединение было расформировано 31 мая 1945 года в Чехии.

Я демобилизовался из армии и добровольцем уехал работать на восстановление Сталинграда. Работал в отделе подсобных предприятий Сталинградского тракторного завода, обес-

печивал строителей лесными материалами. Работа была интересная. Понял я, что мне самому пригодились знания как специалиста с инженерным образованием. Я принял решение уйти из снабженческой деятельности и непосредственно заняться заготовкой леса.

С этой целью в феврале 1946 года в тресте «Двинолес» я попросил наихудший, т.е. отсталый, леспромхоз, чтобы вывести его из прорыва и поставить на проектную мощность. Это было амбициозное желание. Был направлен в Концегорский леспромхоз техническим директором и в короткий срок сделал предприятие передовым. Мой рассказ «В те послевоенные» вышел в те годы и подробно описывал наши дела.

В ноябре 1947 года я был направлен работать в трест «Краснодарлес» инженером по мехтранспорту. Курировал по своей работе Апшеронский лесокомбинат (ЛПК), Куринский и Майкопский ЛПХ.

В мае 1950 года был призван в железнодорожные войска (тридцатая железнодорожная бригада). Участвовал в восстановлении железной дороги Донбасса (город Артемьевск, Украина), в строительстве железной дороги Устькаменогорск – Зыряновск, на целину Курган – Пески – Целинные, вторых путей Курган – Свердловск, Среднесибирской магистрали: Омск – Иртыское, Ивдель – Обь, в электрификации Москва – Байкал: Челябинск – Омск.

Демобилизовался из Минска в декабре 1965 г. С июня 1966 г. по май 1987 г. работал в тресте «Краснодарагродорстрой» (поселок Яблоновский) вначале геодезистом, затем сметчиком в техотделе, в ПСГ. Ушел на пенсию в возрасте 72 лет.

Награды:

- орден Красной Звезды №171124 приказ 13СД №015/н от 30.01.1944 г. за снятие блокады Ленинграда;
- орден Отечественной войны II степени №174778 приказ войскам 23 Армии №0246/н от 03.07.1944 г.;
- орден Отечественной войны I степени №270882 приказ войскам 59 Армии №034/н от 15.03.1945 г.;
- медаль «За боевые заслуги» без номера приказ Президиума Верховного Совета СССР 30.12.1956 г.;

- медаль «За победу над Германией» без номера Указ ПВС СССР от 09.05.1945г.

Ранения:

7 ноября 1941 г. - слепое ранение левого предплечья. Направлен на лечение в госпиталь на Малой Охте. Выписан через месяц.

21 июня 1944 г. - осколочное ранение кисти левой руки.

9 августа 1944 г. - осколочное ранение обеих кистей рук.

Находясь на пенсии написал воспоминания:

1. «Максимка» Детство. 1919 – 1929 гг. (Черновики 600 страниц) – не опубликованные.

2. «Пути мои, мои дороги» 1200 страниц. О строительстве железной дороги Устькаменогорск – Зыряновск. Неопубликованные рукописи подарил тридцатой Краснознаменной железнодорожной бригаде и президенту Казахской республики Н.А. Назарбаеву.

Всего о войне 1941 – 1945 годов мною написано 1520 рукописных страниц, в том числе черновиков 370 тетрадных страниц. Часть из них опубликована в сокращённом варианте в газете «Рассвет».

Кроме того, написал пьесу «Сентябрьская симфония». О том, как войска под руководством Жукова Г.К. остановили фашистов на подступах к Ленинграду. Третье действие пьесы (первый вариант) печаталось в газете «Рассвет» в № 41 и 42 в октябре 1996 года. Один экземпляр пьесы подарил литературному музею Краснодара.

Многое из той войны, увенчанной Великой Победой ушло из памяти. Помогают вспомнить мои письма и письма моих друзей, которые я ещё храню. В своих воспоминаниях я хочу воспроизвести письмо, написанное мною брату Дмитрию, которое я писал из блокадного Ленинграда и которое он чудом сохранил. Вот его текст:

«Добрый день братишка Митя! Привет тебе сердечный от Сени. Привет Шуре, Нелли, Мане и дяде Клавдию. Митя, письмо это для тебя и только. Начал, было, я писать все подробно как мы отходили и прочее, только одну двадцатую то-

го, про что я хотел для вас написать уместил на шести почтовых листах и вижу, что полностью все тебе сейчас передать невозможно, поэтому пишу только вкратце. 22 июня подняли нас по боевой тревоге и мы стали по приказу отходить на Шауляй. Первую бомбежку испытал в тот же день вечером, не особенно понравилось. В первые дни войны наших самолетов было почти не видно, а мы же хотели видеть своих и какой бы самолет ни летит завсегда спор: наш, не наш, но когда он пробомбит нас, тогда говорим, что не наш. Потом, увидав самолет, завсегда говорим наш, наш до бомбежки. Затем получили распоряжение отходить из Риги на Мадонну, из Мадонны на Крустпиле, затем хотели чего – то ехать в Двину и, в конце концов, выбрались в Псков. В Пскове отдохнули несколько дней. Митя, трудно передать все то, что было, да и в письме это подчас нехорошо, но я верю тебе и знаю как лучшего друга и брата, который сохранит все это между нами. Вообще, при отходе не надо думать, что все прошло хорошо, был кошмар, хорошо нас «встречали хорошо и провожали» банды, как до Риги, так и в Риге дали жизни. А наши оборонительные части были не вооружены, и это был приписной состав и били их там как мух и бомбили. Сейчас подумаешь, что же мы собой представляли в тот момент – бегущую массу всех мастей (кто в чем и кто как, кто на машине, кто на велосипеде, кто на лошади, кто на своих двоих), брошенную подчас командованием. Выходили одиночками и группами.(!!!!!!). Были случаи мародерства и всего чего хочешь. Регулярные войска тоже отходили не особенно выдержано. Мы из Пскова поехали в Эстонию укреплять подходы и Тарту, но через несколько дней снялись и наметили пути отхода наших частей через Нарву, мы понимали, что дальше фронт будет у Нарвы: Тарту долго держать не будут. Мы переехали в Котлы. Из Котлов нас направили работать в Кингисепп, вот около Кингисеппа мы предполагали держаться, но оказалось, что и тут пришлось отступить, прикатились в Ленинград. Побили на Пулковских высотах, а затем наша часть остановилась в Ленинграде. Я попал на распределительный пункт, ну а там не разбираются, им, главным образом, нужны стрелки для пополнения. И вот я стрелок иду в учебный полк, там попадаю как артиллерист в роту артиллеристов (батарея, проводят одно занятие, дают теплую ру-

башку и отправляют на фронт в распоряжение 55 армии). Идем строем. Жуём сухой паек, хлеба тогда мы получали по 600 грамм и два раза суп, еще было сносно. Из 55 армии идем в 90 дивизион в 19 стрелковый полк. Артиллеристы не нужны и мы 1 ноября ночью прибываем на исходные позиции. Утром приказ перейти в наступление по всему фронту. Были мы у реки Тосна. Задача – освободить северную ж.д. прорвать блокаду. Описывать боя не стану, а то опять не хватит листа и письмо будет большое. Скажу только, что было трудно. Немец крепко уселся, огонь ужасный. Впереди был лесок, в котором стояли лодки для переправы, нам нужно было помочь тянуть лодки саперам, что мы в начале и делали, но впереди нас должно было действовать подразделение, его не оказалось, мы несколько раз нарвались на минные поля. Автоматчики косили саперов, из саперного подразделения осталась кучка людей. Лодки нужно было вытянуть из лесочка, пройти с ними по болоту метров 500, затем спустить их на воду. И мы оказались в положении брошенных, никто нас не охранял, продвигаться надо самим с боем. Из нашей роты при этом погибло уже человек 20. Получаем приказ нашей роте оставить лодки и прочистить болото, переправиться через реку и занять завод. Поднялись (многие были не обучены и не знали тактики пехоты) во весь рост и пошли, конечно, он нас часонул. Командир видит, что дело плохо. Пулеметы молчат – расчеты погибли, минометы тоже, из роты продвигается вперед человек 7, остальные убиты или ранены. Сообщили командованию. Получаем приказ окопаться и занять оборону. Окапываться не приходится – болото, кругом вода. Забираемся в воронку из – под снарядов. До речки мы тогда не дошли метров 400, и он стал нас поливать минометным, пулеметным огнем, так мы лежали 7 дней, 2 дня никто к нам даже не подходил – не было возможности. Жуткая картина: стоны раненных, люди просят о помощи, разрывы снарядов и мин, охота есть, пить – и что кому скажешь. Утром второго ноября подсчитали - нас осталось из роты 9 человек. Третьего числа мы получили горячий завтрак и хлеб. Затем стали получать подкрепление, с хлебом стало хорошо, хлеба стало достаточно. Но плохо днем, нам не дают поднять головы немецкие автоматчики, они совсем где – то рядом, движемся только ночью. Седьмого я обморозил ноги. Пошёл к нам на

кухню получать продукты, а в это время немецкая батарея обстреляла ее, меня ранило осколком снаряда в левую руку. Очнулся на станции «Саперный». Затем на станции «Понтонный» сделали операцию, вынули осколок, затем отвезли в госпиталь. Руке стало плоше, и мое самочувствие плохое, сделали операцию под наркозом, затем еще операцию и через месяц выписали в батальон выздоравливающих с незалеченной раной. В батальоне я пробыл 40 дней, тогда как был выписан на 15. Все это время с питанием было очень скверно, и я истощился настолько, что не было возможности и предполагать о таком состоянии. Я едва хожу, ноги опухли. Насилу поднимаюсь на лестницу. Пульс 40 -45 ударов в минуту. Я уже думаю о кончине – смерти, не от осколка или пули, а от истощения. Представь себе, что человек потерял столько крови и получает 300 грамм недоброкачественного хлеба (если нам давали сухарей 75 грамм за 150 грамм хлеба, то это был праздник). Супы жидкие, одна вода. Люди пользуются обстановкой и крадут направо и налево, но что сделаешь, ты же здесь обессилен. А что с населением, об этом говорить трудно. Надо прямо сказать, что многое перенес ленинградец в блокаду, правда сейчас улучшилось, но надо желать еще многое. Представь себе, все вокруг замерло, все остановилось, нет света, нет движения, нет канализации, нет водоснабжения, рабочие качаются от истощения, не могут отвозить трупы умерших, они валяются повсюду, их никто не убирает. Население нервничает и в то же время стойко держится, не поймешь, что за сила, что за воля, кто может пережить такие страдания и под таким страхом. Что за люди, кто они, одним словом, рабочие! Правда, это в общей массе. Но когда посмотришь на единицы, порой душу рвет – в семье не без урода. Есть ужасные корыстолюбы. Митя, ты не представляешь себе, что такое голод в продолжительное время, и не узнаешь. Эх, если придется мне быть в изобилии продуктов, то я буду кушать масло с маслом и не буду никогда думать ни о чем, кроме как о хлебе. Вы знаете, что такое кусочек ржаного хлеба, нет, вы не знаете его истинного вкуса. Вкус я понял его теперь. Положи передо мной сейчас 5 буханок хлеба, и я их скушаю, не отрываясь. Представляешь себе, я сейчас понял соль хлеба. Я думаю, если все благополучно будет, после войны забраться куда-либо в укромное место, где изобилие

продуктов, а если их не будет, то собрать их самому, грибы, картофель, ягоды и кушать, и кушать их. Вообще, братишка, я увидал то, чего никому в жизни не советую и не желаю видеть. Вот такое состояние, что я едва хожу, рана еще не зажила, вернее, когда она начинает заживать, то рука пухнет, после чего появляется свищ. И вот я думаю, только бы не умереть от истощения, иду на все. Случайно узнаю адрес своей старой части, связываюсь с ней и начальником управления «Л» - даст мне командировочное в один УСПР, где нужно заменить бойца. Меня не выписывают из батальона выздоравливающих. Я иду к начальству санслужбы батальона. Он видит, что человек в крайности и переговаривает с врачом – места в лазарете нет, а чтобы лучше отделаться и не быть в ответе дают мне подкрепительный паек, который выражается в 20 гр. яичного порошка и 3 гр. муки и стакана несладкого какого – то низкого качества какао. Смотрю, рука заживает, и я знаю, что через два дня она распухнет. А затем - свинец, а до назначенного приема еще 4 дня, могу опять остаться в дрянном положении. Я иду на следующий день к врачу, снимаю повязку, вращаю перед его носом рукой и прошу выписать меня из батальона выздоравливающих в часть. Выписывает. Попадаю в распоряжение отдела кадров Ленинградского фронта. Показываю там свою бумажку от начальника «Л» и предъявляю ему документы, что служил в этой части. Направляют в эту часть и дают препроводительную на аттестацию, но с этой аттестацией так дело и заглохло, да и зачем она мне? Мы и работаем и так, правда, при этом до черта несправедливостей. Ставят тебя на должность, а стараются на тебе ездить все кому не лень: ты боец ты – иди и в караул, ты и делай чертежи, то иди и в разведку, а кушать, курить, деньги получать - ты боец. Выходит, что средний командир дурака валяет, а боец все делает за него, то, что он должен делать непосредственно, сам и при этом ругает же тебя и не доволен тобой. Вот такие дела. Пришел в свою часть, там была куплена лошадка, делали дополнительные котлеты, а также делали дополнительно несколько лепешек, я немного ожил. Затем стали давать 400 гр. хлеба и хлеб хороший, правда не стало лошадки, и я стал себя чувствовать плохо. Спрашивают, как поедешь по сборке материалов в Тихвин? Я, правда, мог бы поехать, но нет хорошей

одежды, все старое, поношенное, ветер свищет во всем. А ехать жутко заманчиво, там ведь нет блокады. Я отказываюсь, знаю, что другие об этом мечтают, и вот уезжают другие. Распоряжение из штаба армии: отправить в дивизию по два человека для усиления работы, и что вы думаете? Попадаю я. У меня даже нет поясного ремня, шинель настолько отвратительна, что ее невозможно одевать, и я еду в фуфайке. Сапоги тесные, входят в них ноги с одной летней портянкой. Сам подумай и что же? Через два дня я простыл, губы вздулись и обметались. Приходится ходить на работу, где артиллерийский обстрел. Вчера снаряд разорвался всего лишь в десяти метрах, хорошо пронесло. Сейчас я получаю хлеба уже 800 грамм, крупы 230, сахару 35, масла 43 грамма, мяса 150 грамм в сутки, а все-таки ноги опухают. Работы предстоит много, работать на передовой, как бы дождаться тепла. Говорят, что после первого марта на Ленинград будет наложен карантин, так как есть случаи эпидемии. Придется ли, братишка, нам сидеть за стаканом водки вместе в изобилии продуктов, пусть даже в достаточном количестве редьки и хлеба, и говорить обо всем произошедшим? Война великая, война большая, много посеяла жизней на полях и много будет еще посеяно. Многие будут искать своих родных и знакомых, многие не вернуться в свои семьи, и многие дети не будут знать своих отцов, они будут изучать по книгам, как мы изучали с тобой. Дядя Миша прав был, он никогда ни на что не обращал внимания и мало чему верил, крикунам и болтунам особенно, он сам испытал и видел все через свои очки в своем свете. Нам было приятно с ним проводить время, потому что он многое пережил, душа его была совсем другая, он был человек с душой. Вот так пока я нахожусь в Ленинграде, адрес старый: Действующая армия, полевая почтовая станция №699, 38-ое управление Военного полевого строительства 106 УСПР. Я писал вас по два письма сестре и тебе, получили? Я просил тебя послать посылку сала, масла и табаку, главным образом питательное, если сможешь, то сделай это быстрей.

Привет всем знакомым и друзьям.

Твой брат Сеня.

Письмо написано неважно, это я и сам знаю. Голова, братишка, не тово, да и самочувствие. Как ни говори, и нервы-то расшатаны.

Я думаю, ты поймешь мое состояние.

Сеня».

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса Кубанского государственного технологического университета ***Мартыненко Вячеслав Владимирович***

Савв Рашид Ханашхович

Морской пехотинец

Я родился 15 марта 1922 года в ауле Новобжегокай, Тахтамукайского района, Республики Адыгея, по национальности – адыгеец, вероисповедание – мусульманин. Был членом ВЛКСМ с 1935 по 1945 год, членом ВКП(б) с 1941 года, КПСС по 1991 год.

В 1940 году окончил педагогическое училище. Работал учителем в школе.

С 5 мая 1941 года по октябрь 1941 года служил на Тихоокеанской военно-морской базе на острове Русском. В момент начала Великой Отечественной войны учился на курсах младшего начальствующего состава в училище Тихоокеанского флота, был курсантом-старшиной. Окончил курсы в августе 1941 года, где было мне присвоено звание старшины. Затем служил на корабле им. Сталина командиром отделения электриков. В это время очень захотел уехать на фронт, чтобы защитить с оружием в руках свою Родину. Дважды обращался к командующему Тихоокеанского флота вице-адмиралу Юмашеву (в последствии ставшему адмиралом, Героем Советского Союза). В середине октября 1941 года со всех кораблей, соединений по 2-3 человека отправили в пункт формирования на ст. Линда (недалеко от г. Владивостока). Через 2-3 суток нас, добровольцев, посадили в эшелон и отправили на фронт. По

пути в Хабаровске к нам присоединились добровольцы из Амурской флотилии. Ехали быстро, приехали в г. Москву на Белорусский вокзал 29 октября 1941 года, отсюда мы отправились на фронт в район Яхромы, г. Орешек (40-50 км от Москвы по направлению на г. Клин).

Морских пехотинцев, прибывших с Дальнего Востока, объединили в 84 отдельную стрелковую бригаду морской пехоты (командир бригады полковник Молев), которая входила в 1-ю ударную армию (командующим был генерал-майор В.И. Кузнецов).

Мы заняли оборону, отбивали по 6-7 атак противника в день. Это был тяжелейший период Великой Отечественной войны. Фашисты, уверенные в том, что им удастся захватить Москву, вели массивное наступление.

Наступили сильные морозы до 45-50°, выпал глубокий снег. Но мы были одеты тепло, лично я, южанин, но холод переносил удовлетворительно.

Сценарий боев всех дней до 5 декабря 1941 г. были одинаковы. Ежедневно противник рвался вперед, стремился во чтобы то ни стало выйти на Москву, предпринимал несколько атак. Во время атак танки были впереди, а пехота за ними.

В один из дней ноября 1941 года с утра фашисты пошли в наступление, и оно беспрерывно продолжалось целый день. Мы уже отбили шесть атак. Каждый наш воин твердо стоял на своем месте с оружием в руках, наносив смертоносные удары фашистским войскам. Кругом все горело, в воздухе был удушающий запах пороха. Целый день наши воины, среди которых был и я, на ногах, не ели и не пили. К вечеру, противник еще предпринял атаку. Мы «колотили» танки и пехоту. Но два танка врага прорвали оборону, прошли над нами. Мы не растерялись, забросали их гранатами – танки загорелись, сгорели их экипажи…

Такими были все дни во время обороны столицы Родины. Никто из морских пехотинцев, сражавшихся там, не думал о себе, о славе, о чине и о награде.

В тяжелейших и жесточайших боях они проявили чудеса храбрости, отваги и героизма, покрыли себя неувядаемой славой. Я восхищаюсь их героизмом.

Тысячи людей погибли здесь. Сраженные пулей или осколком, наши воины произносили последние слова на родном

языке - «О мать моя!» Эти слова произносились на разных языках. Часто мы пополнялись и не знали фамилию, имя друг друга. Чудом для меня оказалось, когда адыгеец, служивший в роте, где я был старшиной, а я об этом не знал, сраженный пулей из пулемета произнес на адыгейском языке «О моя мать родная!»

Образцом для меня в этих боях был командир нашей бригады полковник Молев (к сожалению, имя отчество забыл). Он навсегда остался в моей памяти. Истинный патриот, храбрейший воин, проявлял мужество и отвагу, героически сражался с врагом. Когда отбивали яростные атаки противника, он появлялся там, где становилось тяжело, и противник имел преимущество, Молев воодушевлял морских пехотинцев призывом: «Ребята, ни шагу назад! Позади сердце Родины!» Успевал и командовать, и сражаться с врагом. В наступательных боях в числе первых бросался на врага, выбивал его из занимаемых позиций. Так было ни раз. При освобождении деревни по направлению на Клин во время наступления с нами, он погиб в бою.

Такими были морские пехотинцы 84 ОСБМП. Многие из них в схватках со злейшим врагом, проявив героизм пали в бою. Они остались не награжденными.

Среди участников кровопролитных боев под Москвой на фронте Яхрома-Орешек-Клин был и я. Будучи старшиной роты ночью снабжал свое подразделение со своими помощниками оружием, боеприпасами, обмундированием и продуктами, а днем вместе со своими со снайперской винтовкой сражался с врагом, уничтожал огневые точки противника. Так я сражался на этом участке с 29 октября по 15 декабря 1941 года.

15 декабря 1941 года наша рота пошла в наступление, но фашисты, укрепившись в каком-то строении (животноводческое помещение), расположенное выше, чем мы, открыли ураганный огонь из всех видов оружия, не давая нам продвигаться вперед. Был получен приказ – «Немедленно уничтожить сильно укрепленную оборону противника». Два раза была сделана попытка уничтожить это укрепление, но не удачно. Погибали солдаты, наступление захлебывалось. Командир батальона в категорической форме требовал от командира роты немедленно уничтожить укрепление и засевших там захватчиков. Я изъявил желание взять ответственность за уничтожение

вражеского укрепления, доложил командиру роты и предложил выделить мне отделение, поделив это отделение на две части, отойти друг от друга метров на 300 и наступать попеременно:

- А как же быть без Вас? Вы ведь старшина! – сказал командир роты после моего доклада.

- Ведь я совсем не ухожу от Вас, уничтожим окопавшихся оккупантов, и вернусь. – ответил я ему.

Тут же было выделено отделение, поделили его на две части, с одной я, а с другой командир отделения. Быстро отошли друг от друга в противоположные стороны. По сигналу начали наступление. Когда одна группа наступает, на нее противник сосредотачивает огонь, когда наступает другая - на нее. Так попеременно наступали. За исключением троих, остальные 11 человек погибли. Мы втроем подошли к одной двери выбили ее прикладом винтовки и забросали гранатами, выполнив приказ об уничтожении укрепления противника. Но на нас один раненный фашист бросил гранату с деревянной ручкой, она взорвалась. Я получил ранение в ногу, потерял сознание, но наши подоспели и подобрали меня. Кровью были залиты кальсоны, ватные брюки, валенки – был сильный мороз. А наши пошли в наступление. Мне перевязали рану. Несли меня два санитара на руках, потому что как только я наступал на раненную ногу, несмотря на то, что она перевязана, кровь сочилась струей. Уже от передовой на пути встретили комиссара батальона, который спросил:

- Как дела?

- Уничтожили сильное укрепление противника, наши наступают и добрались до этого укрепления. Несем командира, который возглавлял команду. Он ранен. – ответили санитары.

- Кто Вы такой? – подошел комиссар ко мне ближе и спросил.

- Старшина Савв Рашид, – ответил я.

- Как, как? Саев, Исаев, Саав? – старался уточнить комиссар.

- Савв Рашид? – повторил фамилию.

- Считайте, что Вы награждены орденом за мужество и героизм, – утвердительно сказал он.

Далее я попал в медсанбат 1-й ударной армии. В этот день меня понесли на носилках на операцию. В операционной у меня вытащили осколок, обработали и перевязали рану.

Мы в медсанбате лежали на носилках, завернутые в ватные одеяла, застегнутые на пуговицы (называли их конвертами).

Через некоторое время, медицинская сестра, в военной форме в звании старшины, подошла ко мне и спросила:

- Вы Савв?

- Да, – ответил я.

- Вы откуда? – говорит по-адыгейски. Очевидно, она узнала обо мне из справки о ранении.

Я ответил на все вопросы: откуда, где мои родители.

Она тоже рассказала о себе. Оказывается старшина медицинской службы, энергичная, смелая девушка Аллель Хайрет Салимовна, работавшая операционной сестрой в медсанбате из аула Афипсип, 10 км от аула, где я родился в Адыгее.

«Вам, что-нибудь хочется, может принести нужно что-то?» - хотела она мне помочь. Я попросил, чтобы меня никуда не отправили, вылечили в медсанбате и обратно отправили на передовую. Кроме этого попросил ее, чтобы она принесла мне рассол из-под солений капусты или помидоров. Она сказала мне, что скоро меня на машине отправят на станцию, где санитарный поезд, а рассол противопоказан, принесу вина или молока. От них я отказался. Подошла санитарка и сказала моей землячке, что ее срочно вызывает майор медицинской службы. Она попрощалась и ушла…

Санитарный поезд, в котором я находился вместе с ранеными, отправился в г. Саратов.

Я попал в санитарно-эвакогоспиталь, который находился в здании школы недалеко от р. Волги. Здесь все возможное и даже невозможное сделал медицинский персонал, чтобы за короткое время вернуть меня в строй.

Через полтора месяца в конце февраля 1942 года меня выписали, и я прибыл в формировочный пункт г. Ростов-на-Дону. Прибыл почти домой, до Краснодара менее 300 км.

Из пункта формирования меня направили на фронт в р-н Малахова кургана около реки Миус, Ростовской области. Эту местность можно назвать «болото в квадрате». Служил в 68-й стрелковой бригаде морской пехоты.

Шли бои местного значения. Ночью мы ходили в атаку по болотной грязи. Противник ракетами освещал местность, открывал огонь из пулеметов, минометов, приходилось ложиться. Удобные расположения, превосходство в технике и людях позволяли фашистам отбивать наши атаки… Мы к утру возвращались на свои позиции, все в грязи. Целый день сушились, чистились от болотной грязи…

Весной 1942 года командование фашистской армии сосредоточило огромное количество своих войск на юге страны. В районе Харькова им удалось окружить и уничтожить наши войска. Затем они перешли в наступление на Юге.

Мы вынуждены были в тяжелейших условиях сражаться с вражескими отборными войсками. Противник имел явное превосходство во всем: в вооружении, живой силе, взаимодействии всех родов войск. Одновременно самолеты бомбили, артиллерия била по нам, танки обычно впереди пехоты.

Днем отбивали атаки противника, а ночью отступали. Шли на Восток пешком. Самолеты спускались низко, бросали бомбы. Вражеские солдаты на мотоциклах или машинах охотились за нами. Жалко было оставлять наши населенные пункты.

Было лето, жарко. Поставки продовольствия и боеприпасов были нарушены. Приходилось есть то, что попадалось в пути.

Отступали организованно от Мамаева Кургана до Ростова-на-Дону.

В Ростове 5-7 дней пробыли, а затем началось отступление. Многие отступали на Юг, а многие на Восток. Вдруг шум, свист, взрыв бомб, вижу, огромное количество вражеских самолетов налетели на город, казалось небо почернело, снижаются, бросают бомбы. Город горел, иногда бомбы попадали в реку, взрывались, поднимая столбом воду.

После бомбежки пошел дальше на восток. Иду, вдруг вижу в ивовых зарослях человека, который сидит и ест хлеб, масло, селедку. Он заметил, что я очень хочу есть, и поделился со мной. Голод ушел кое-как. Через некоторое время жажда стала мучить меня. Дошли мы до какого-то хутора, вижу колодец. Возле него стоят люди с ведрами в порядке очереди. В колодце вода собиралась медленно, люди поднимали воду с илом и пили. Я стал в очередь. Подошла какая-то женщина с ведром и тихо произнесла: «Братцы, вы окружены! В овраге за хутором

танки фашистов». Вдруг выстрел и снайпер послал смертельную пулю в сердце, и она упала на землю.

Среди нас был капитан. Он быстро собрал нас в зарослях, создал, так называемые, штурмовые отряды (всего три), которые должны были уничтожить танки противника противотанковыми гранатами. Первый отряд напал на танки в половину первого ночи, а за ними остальные группы и к трем часам ночи мы уничтожили танки и их экипажи, вырвались из стального кольца. Мы оказались в составе 212 пехотной дивизии (командир – полковник Сарабиянов). В день мы отступали с боями на 20-25 км. В районе Верхнего Чира хутора Новохатский был легко ранен. Снова отправили в медсанбат, а затем в санитарно-эвакогоспиталь г. Энгельс.

Фашисты рвались к Сталинграду. Радио, газеты говорили о том, что в Сталинграде – решается судьба Родины. Они призывали: «Отстоим Сталинград! Слава защитникам Сталинграда!»

Я со своими товарищами попросился выписаться из госпиталя, нашу просьбу удовлетворили, и мы отправились на фронт. В начале сентября 1942 года мы прибыли в г. Ленинск (60 км от Сталинграда) в распределительный пункт. Как положено морскому пехотинцу, меня зачислили в морскую пехоту, которая прибывала из города Ступино под Москвой.

Еще эшелон с половиной бригады был на пути, только половина прибыла в Ленинск.

Но кровопролитные бои шли в Сталинграде. В районе р. Царицы – на элеваторе захватчикам удалось смять нашу дивизию и подойти к берегу Волги, фашисты приготовились переправляться на левый берег. Если бы это удалось войскам противника, последствия для нашей страны были бы тяжелейшими, ей пришлось бы воевать на трех фронтах.

Срочно прибывшая половина 92 отдельной стрелковой бригады морской пехоты (командир полковник Тарасов, комиссар батальонный – комиссар Андреев) переправилась через Волгу, вступила в бой в составе 62-й ордена Ленина гвардейской армии (командующий генерал-майор, впоследствии маршал Чуйков В.И.)

Морские пехотинцы переправились около Речного порта, начали громить фашистов.

Трудно выразить словами того героизма, который продемонстрировали морские пехотинцы на этом участке. Они наносили смертоносные удары отборным силам противника, продвинулись вперед на 1,5-2 км до товарной станции Сталинград. Против воинов 92-й бригады фашистское командование бросило три дивизии вооруженных до зубов. Морские пехотинцы бросили клич: «Победа или смерть!». Противнику удалось продвинуться там, где моряки пали смертью храбрых. Оставалось 150-200 человек. Противник восхищался героизмом защитников элеватора.

Бригада стала Краснознаменной, улицу Рабоче-крестьянскую переименовали в улицу им. 92-й бригады, здесь установили памятник воинам этой части.

Оставшиеся воины вместе с прибывшими войсками, которые перебросили в район завода «Красный Октябрь», где они героически сражались против захватчиков, показывая героизм, покрыли себя неувядаемой славой.

Здесь мужественным воинам 92-й бригады установлена мемориальная доска, указывающая о героизме моряков.

Член Совета ветеранов 92-й бригады Александр Зотов в очерке «У стен Сталинграда» в газете «По ленинскому пути» за 8 мая 1984 года писал:

«У стен Сталинграда геройски сражался с врагом уроженец Новобжегокая Рашид Савв. Он был отличным снайпером, беспощадно истреблял гитлеровских автоматчиков в районе Царица-Элеватор. Ночью ходил в разведку, уточнял пути и тропы движения неприятельских войск. А с утра отбивал атаки. Здесь в очередной раз ранен Рашид осколком снаряда. Истекая кровью он добрался до своих, где ему оказали помощь, затем переправили через р. Волгу и в пос. Рабочий ему вытащили осколок.

Снова он в строю и с прибывшими сюда тихоокеанцами в должности замполита саперного подразделения, заместителя комиссара Матвея Ивановича Сидорова.

Здесь он встретил своих земляков Валентина Николаева из Новороссийска и Гиссу Натхо из аула Псейтук.

Они погибли в бою, проявив мужество и героизм».

По приказу комиссара батальона я был направлен политруком в комсомольско-молодежную автоматную роту. Эта рота вела наступление в районе Мамаева Кургана. С 25 по 26 нояб-

ря 1942 года рота поднималась в атаку 14 раз, и столько же раз фашисты сбрасывали ее с кургана, затем рота овладела им.

Здесь во время наступления я был тяжело ранен. Это было третье ранение, и оно было тяжелым. Лечился на Урале. В августе 1944 года был демобилизован.

Награды:

- орден Отечественной войны I степени № 082082;
- орден Славы III степени №728710 (Награжден указом Верховного Президиума Совета СССР от 24 сентября 1966 г.);
- медаль «За оборону Сталинграда». Протокол вручения от 22.02.1969 г., награжден знаком «Ветеран 62-8-й Гвардейской армии»;
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» дата вручения 4 марта 1967 года;
- знак «Фронтовик 1941-1945 г.»;
- почетный знак «60 лет освобождению Кубани от Немецко-Фашистских захватчиков»;
- знак «За заслуги перед Тахтамукайским районом» 28.05.2004 г.

В мирное время окончил учительский институт и заочно педагогический институт по специальности история. В 1968 году закончил аспирантуру и защитил диссертацию. Работал 25 лет старшим преподавателем, доцентом, заведующим кафедрой, деканом факультета общенаучных дисциплин.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса Кубанского Государственного Технологического университета ***Савв Максим Юрьевич***

Серых Георгий Моисеевич

Если завтра война…

Я родился 18 мая 1924 года в русской семье врача в г. Семипалатинске (Казахстан). Я атеист, член КПСС с 1943 г. Также являлся членом ОСОАВИАХИМа, общества изобретателей и внештатным журналистом. В 1941 г. окончил школу, в 1942 г. – Забайкальское пулемётно-миномётное училище и 1-й курс геологоразведочного факультета Иркутского горно-металлургического института.

60 лет отделяют нас от дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Написаны тысячи статей, книг, поставлено громадное количество спектаклей и фильмов. Разным людям эта грандиозная война представлялась по-разному. Я, участник той страшной войны, беру в руки общую фотографию нашего выпускного десятого класса 35-й Улан-Удэнской средней школы 1941 года, вспоминаю своих школьных друзей, вспоминаю их судьбы, тесно связанные с судьбой страны, и всё, что связано с этим далёким прошлым.

В памяти осталось ощущение торжества при вручении аттестатов зрелости. А потом был выпускной вечер, где было произнесено много хороших слов и в адрес выпускников и в адрес наших добрых и терпеливых учителей и даже сторожихи школы тёти Маши. А надо сказать, что в то далёкое время тётя Маша была очень важной персоной, на которую была возло-

жена задача охраны школы и школьного имущества. А ведь тогда не было ни охранников с пистолетами, ни решёток на окнах. Единственным оружием тёти Маши была клюка, на которую она опиралась, а роль ОМОНа выполнял мелкий пёс неизвестной породы по кличке Жиган. В этой школе я начал учиться с седьмого класса и не припомню случая, чтобы в ней что-то пропало, либо была кража. А жили мы очень бедно. Из двадцати пяти учеников нашего класса у тринадцати были неполные семьи, не хватало либо мамы, либо отца. У шестерых отцы были репрессированы по 58-й статье как враги народа. Это уже потом, после смерти Сталина они все были реабилитированы. Многие ребята в то время где-нибудь подрабатывали. Лично я после ареста моего отца брался за любую работу, чтобы прокормить себя и свою больную, абсолютно глухую мать. Чистил уборные, был подмастерьем у печника, с бригадой сплавлял лес, ловил на продажу рыбу, белковал в тайге. Смотрю теперь на фотографию нашего класса и удивляюсь, как такие мальчишки и девчонки не сломались и смогли выдержать эту нечеловеческую моральную и физическую нагрузку. Как не струсили, а подставили свои ещё не окрепшие плечи под беды, свалившиеся на страну. Кто воспитал в них это несгибаемое мужество, эту государственную ответственность за судьбу страны. Этот непонятный миру жертвенный патриотизм. Вот так мы жили и учились тогда, перед началом войны.

После всех торжеств, связанных с окончанием школы, с обсуждением планов на будущее, мы решили провести ещё и прощальный пикник на природе. Мне поручили очень ответственное задание: подобрать и обустроить место для его проведения. Я предложил провести последний пикник на острове, который с одной стороны был окружён рекой Селенга, текущей с предгорьев Монголии, а с другой - протокой Селенги Прорвой. Посредине этого зелёного острова поблёскивало длинное озеро Карасье, которое мы между собой называли Керосинкой. «Пойдём на Керосинку», - означало: с собой на ночное хлеб, лук, соль, перец, а крупная рыба и караси – в котёл прямо из Керосинки.

К обеду весь класс уже переправился через Прорву. Босиком по траве дошли до Керосинки и встали табором. Как сильно запахи будят память. До сих пор аромат цветущей че-

рёмухи с подмешенным к нему запахом лугов воскрешает в памяти картины последних мирных дней перед войной. А тогда этот запах цветов, трав, духов моих одноклассниц кружил голову, и хотелось всем говорить какие-то необычно хорошие слова. Мы с приятелем приехали на остров накануне и как можно уютнее оборудовали место будущего табора. Поставили из накошенного камыша два больших шалаша, стол из старых досок на кольях, сиденья из жердей и место для кострища. Прибывшие одобрили наше усердие. Начались хлопоты и приготовления к празднику. Когда все уселись за стол, наш классный руководитель произнес краткую речь. Он говорил о партии, о нашем героическом народе, о фашистской чуме, закабалившей Европу. Он ещё говорил о дальновидности нашей внешней политики и заключении договора о ненападении с Германией. Похвалил нас, что мы все имеем значки ГТО, пожелал нам дальнейшей учёбы и, «Если завтра война», то всем встать на защиту Родины. Потом выпили за Сталина, за Родину, за нашу школу и её учителей, а уже потом был конкурс на лучший тост. Все были веселы, играл баян, танцевали и плясали до рассвета. И всё-таки угроза возможной войны витала в разговорах, но успокоительный тон нашей печати и заявление руководства армии, что если нам придётся воевать, то воевать мы будем только на территории врага, убаюкивали наши тревоги. Мы были молоды и сильны, и все угрозы были нам нипочём. К вечеру следующего дня разошлись по домам. Я занялся своими обычными делами: ловил рыбу, а хозяйка квартиры реализовала её на базаре, натаскивал своих охотничьих собак в тайге. 20 июня я ушёл вместе с братом моей одноклассницы Вали Чернышковой в тайгу за Каменное озеро в изумительное по красоте место. На каменных террасах, как на ступенях громадной лестницы, спускавшейся прямо в озеро, росли красивые стройные сосны. А на противоположном берегу был чудесный песчаный пляж. Целый день мы рыбачили, купались и загорали в этом таёжном раю. Нам даже в голову не приходило, что нашим юношеским планам не суждено будет осуществиться, что в далёкой Германии утверждены другие планы, где наше будущее не предусмотрено. 22 июня рано утром мы уже выходили из леса, спускались с горы, и нам хорошо были видны и город с его улицами, и Прорва, остров, где

мы отмечали окончание школы. Указывая на город, мой товарищ сказал:

- Гоша, посмотри, в городе какая-то демонстрация. Народ по улицам идет к центру с красными флагами.

- Может быть, какие-то городские соревнования. Отсюда не разберёшь, - сказал я, - пойдём ближе – увидим.

- А что ближе? Вон дойдём до первого дома – спросим.

Подошли к дому. На крыльце сидела старуха. Я спросил:

- Бабушка, а что это народ идет с флагами?

- Чо… Гитлер напал на нас. Война.

- Брось ты бабка, какая война. У нас с Германией заключён договор о ненападении.

- Эх, мил человек! Радио говорило, напали фашисты на нас. Киев бомбили.

Это известие потрясло нас, и мы бегом с горы побежали вниз домой. Едва я открыл дверь, мама бросилась ко мне со слезами:

- Сынок, на нас напали фашисты. Бомбят города, жгут деревни, большое горе. На площади идёт митинг.

Через полчаса я был уже на площади, где шёл митинг. С грузовика, обтянутого красной материей, как с трибуны, выступал секретарь горкома. Его гневные слова в адрес фашистов, его призывы встать на защиту Родины на фронте и в тылу находили отклик в толпе. Выступили ещё несколько человек. В речах была уверенность, что мы разобьём проклятых фашистов и будем воевать на территории врага. Тут же на нескольких столах шла запись добровольцев. Из громкоговорителя, висящего на столбе, звучали слова песни «Если завтра война, если враг нападёт…». Вот так мы жили и учились перед самым началом этой страшной и большой войны. Вот такими нас воспитали комсомол, партия и Советская страна.

Попытки записаться добровольцем на фронт окончились ничем.

- Сколько, сколько тебе лет? - спросил военный с тремя кубиками на петлицах.

- Восемнадцать, - сказал я и покраснел.

- Иди, малый, гуляй. Ты думаешь, ты один такой. Война – не игра в Чапаева. Понадобишься – позовём.. А пока найди себе место, где будешь полезен Родине.

И он занялся следующим, стоявшим за мной.

Маме я рассказал об этом. Она молча смотрела на меня. У неё из глаз катились слёзы. Наконец, она сказала:

- А обо мне ты подумал? Как же я здесь останусь одна без слуха и помощи?

- Подумал, - сказал я примирительно, - поэтому и пришёл домой. Обнял маму, она прислонилась ко мне как маленький беззащитный ребёнок и продолжала всхлипывать.

Из-за того, что мать интуитивно искала у меня защиты, я как-то внутренне почувствовал себя взрослым, отвечающим за всё. Немного успокоившись, она сказала, что приходила девочка из моего класса, и что весь наш класс собирается в школе в пять вечера. Вечером я встретил своих друзей. Куда делась вчерашняя беззаботность. За партами на своих местах сидели как-то сразу повзрослевшие мои однокашники. Решение было принято единогласно: всем классом идти на фронт. В последующие дни произошло несколько встреч с одноклассниками. Уж так сформировался наш класс, что я по возрасту был самый младший. Все остальные были «старики». Большинство из них 22 и 23 года рождения. Пока отмобилизовывались старшие возраста, их направляли на авиационный завод кузнецами и клепальщиками. Они делали самолёты для войны, для защиты Родины. Девочки проходили ускоренные курсы медицинских сестёр. Наш классный руководитель Григорий Руфович по дороге на фронт застрял комиссаром в Иркутском военно-инженерном училище, чтобы говорить там вдохновенные слова о борьбе с проклятым фашизмом. Шло время, мама встала на ноги, поступила на работу счетоводом в Буркоопинсоюз. Я поехал в Иркутск и поступил в Иркутский горно-металлургический институт на геологический факультет. После первого семестра я попросил директора разрешить мне сдать экзамены экстерном за второй семестр. За месяц я прошёл самостоятельно лабораторные работы, сдал экзамены за второй семестр и приехал в Улан-Удэ. Когда я появился в военкомате во второй раз после приезда из Иркутска, комиссар посмотрел на меня более внимательно и сказал:

- Чтобы ты больше не отнимал у меня времени, я тебе сейчас выпишу предписание. Он написал что-то на бланке, вручил мне и сказал: «Иди». Я вышел в коридор и прочитал: «Серых Г.М. надлежит к 8-ми утра явится в распоряжение начальника энергосбыта города Улан-Удэ» Утром следующего дня я

явился. Начальник энергосбыта, пожилой интеллигентный человек в пенсне, Александр Сергеевич внимательно посмотрел на меня, спросил, где и кем я работал раньше, удивился тому, что я знаю и умею. Спросил как-то незаметно кое-что относящееся к энергетике и, подумав пару минут, сказал:

- В общем, так, молодой человек, сегодня вы занимаетесь своими делами, а завтра с восьми ноль-ноль вы на военном положении. Сдавайте экзамены по технике безопасности, принимайте бригаду монтёров и оборудование.

До обеда на следующий день я сдал экзамен, а после встретился с бригадой. Когда я зашёл в комнату бригады, на меня с любопытством и даже с озорством смотрела бригада: шесть женщин неопределённо - разного возраста. И один маленький мужичок ещё более неопределённого возраста, которого все звали Лёха. Следом зашёл Александр Сергеевич и представил меня: Серых Георгий Моисеевич, закончил первый курс Иркутского горно-металлургического института и согласно военному предписанию направлен к нам на должность заведующего абонентным отделом. Все его распоряжения выполнять неукоснительно. Вопросы есть?

- А они, Георгий Моисеевич, женаты? – пискнула одна из моих подчиненных.

Александр Сергеевич вопросительно посмотрел на меня. Я, выручая начальство, грубо сказал, чтобы прекратить дальнейшее ехидство:

- Холост, есть невеста

Последующие несколько дней ушли на разборку документации, графиков ремонта, подключения- отключения, проверки расчётов за электроэнергию, наложение штрафов за воровство энергии и решение ещё кучи различных, неизвестных мне ранее вопросов. Александр Сергеевич как-то незаметно, но вовремя помогал мне войти в круг новых сложных обязанностей и большой ответственности перед делом и людьми. Почти всех мужчин энергосбыта мобилизовали в армию, остались женщины, старики и калеки, и только два специалиста получили бронь. Поэтому я работал, выполняя не только свои непосредственные обязанности, но помогал Александру Сергеевичу. Труднее всего приходилось при ликвидации аварий на сетях. Хотя женщины-монтёры, одетые в комбинезоны лазили по столбам как кошки, но при сложных развязках они пасова-

ли, и поэтому приходилось лазить на столбы и ликвидировать аварии и мне. К тому же летом в комбинезонах жарко, поэтому они надевали легкие штаны. Зеваки скалили зубы:

- Чо это у вас бабы как турчанки в штанах ходют?

Те за словом в карман не лезли и отвечали:

- А это, чтоб белобилетники и неспособные мужики, оставшиеся тута, снизу к нам зря под юбки не заглядывали.

Я заканчивал месячный отчёт, когда зашёл встревоженный Александр Сергеевич.

- Георгий Моисеевич, авария! Отключён хлебозавод.

Я схватил пояс, когти, перчатки и помчал на хлебозавод. Там не работали транспортёры, моторы и часть печей. Обрыв фазы на линии. Разыскал быстро. Влез на столб – оказалось сгорела перемычка. Мальчишки-голубятники, гоняя чужого турмана, забросили на столб кусок проволоки. Со столба я увидел какого-то тщедушного субъекта в защитной форме.

Эй, монтёр, - проскрипел он, - если сейчас же не включишь хлебозавод – пойдёшь под трибунал.

Я работал под напряжением, рисковал, поэтому мне стало обидно, и я грубо сказал ему:

- Если ты, болезный, не уметёшься от столба и будешь меня отвлекать, вот эта железяка может упасть. Тогда тебя унесут вперёд ногами намного дальше трибунала. Похоже, что до него дошло, и он удалился, бормоча что-то себе под нос.

Шли дни за днями, и, наконец, в августе 1942 года пришла долгожданная повестка. Я собрался в дорогу, пришёл в военкомат, где уже было человек тридцать молодых парней 22 –23-го годов рождения. Перекличка, прощание с мамой, погрузка в вагоны – и мы поехали. Через час поезд остановился. Команда: «Выходи, строиться!». Это мы прибыли на станцию Дивизионная. Она где-то километров в пятнадцати от Улан-Удэ. Нас встретил капитан и сообщил, что мы направляемся в Пулемётно-миномётное училище. Так я стал курсантом. Пять месяцев изнурительной учёбы: изучение матчасти оружия, тактики ведения боя, огневая подготовка из всех видов оружия, рекогносцировка на местности, испытание выносливости в походах и многое другое, что может пригодиться в бою.. И когда до выпуска остался один месяц, ночью прозвучал сигнал тревоги, и в составе Сталинской курсантской бригады я выехал на фронт.

До Москвы мы ехали десять суток. Перед Москвой эшелон попал под бомбёжку. Бомба попала в последний вагон. Четверо курсантов было убито и несколько человек - ранено. Раненых на станции отправили в госпиталь, а убитых накрыли простынями и унесли. Страха не было, но какая-то щемящая жалость в груди к убитым и раненым затеняла все другие эмоции. Вспоминая убитых, говорили о них приглушенно. Разбитый вагон отцепили, а ночью перед рассветом всех высадили на какой-то тупиковой ветке в густом еловом лесу. Нас построили в четыре длинных шеренги, сделали перекличку, выдали всем сухой паёк – хлеб и кусок колбасы, затем объявили, что будет распределение по частям. Прозвучал приказ: «Огня не разжигать, слушать команды!» Первая последовала незамедлительно: «Трактористы, три шага вперёд!» Вышло несколько десятков человек. «Направо шагом марш!» - и они ушли в темноту. «Знающие немецкий язык, три шага вперёд!» Их было не более десятка, и они тоже ушли. «Лыжники, три шага вперёд!» Вышло много людей. В самом конце: «Имеющие высшее образование и студенты, три шага вперёд!» Я вышел. Нас набралось человек двадцать. Лейтенант нас увёл по проторенной дороге вглубь леса. Пройдя около двух километров, колонна остановилась у землянок. Вышел стройный высокий капитан и сказал:

- Поздравляю прибывшее пополнение в 347-й отдельный истребительный противотанковый дивизион резерва главного командования. Сейчас вас разведут по подразделениям. В 11-00 всем быть на построении.

Светало. Ожидая разводящего, я рассматривал окрестности. Мы стояли на краю большой поляны, занесённой снегом. По обеим сторонам поляны в подлесье были вырыты целые цепи землянок. Из некоторых прямо под ели струились дымки. Пришёл разводящий и к нам — невысокий, кряжистый, с усами и слегка раскосыми глазами старшина.

- Я старшина роты ПТР с Хабаровска. Есть земляки?

Земляков не оказалось.

- Ничего, - с сожалением примирительно сказал старшина, - мы теперь под Москвой все земляки. Наш боевой дивизион прибыл сюда из-под Сталинграда. Это наши ребята били танки Манштейна. У нас есть орденоносцы и один Герой Советского Союза. Но он сейчас после тяжёлого ранения лечится в госпи-

тале. В общем, не пожалеете, что попали в нашу особую часть. А теперь я разведу вас по землянкам.

Первое, что я увидел, спустившись по ступенькам и откинув полог в землянку, была маленькая ёлочка, стоявшая на полочке между лежаками, которая была украшена привязанными пустыми гильзами вместо игрушек, шариками из ваты и тонюсенькой свечкой, зажжённой, похоже, в связи с моим прибытием во фронтовое братство. Много потом в моей жизни было приветствий и поздравлений, но это оставило тёплый след на всю жизнь. В землянке, куда меня определил старшина, было пять человек. Четверо молодых ребят и один пожилой. Я оказался шестым. Пожилым он мне тогда казался по сравнению со мной. Ему, Егору Ивановичу Челей, шёл тридцать девятый год, он был из Казани, и у него было трое детей. Двое солдат были из Казахстана, и один — из Кирова. Подумать только, полстраны было представлено в одной фронтовой землянке. Когда я, по обычаю, представился и познакомился со всеми, понял, что в землянке вместе со мной – три противотанковых расчёта ружей ПТР. Егор Иванович, узнав из моего рассказа, что я всего месяц недоучился до звания лейтенанта, и что умею стрелять из всех видов полевого оружия, включая ПТР и пушку, утвердительно мне сообщил, что быть мне первым номером в его расчёте. Так всё и произошло. На построении командир 347-го отдельного противотанкового дивизиона резерва главного командования капитан Чернецкий рассказал о боевом пути дивизиона, о его героях и орденоносцах, о его победах и о памяти погибших, о главном назначении нашей части – прикрывать танкоопасное направление, часто стоять на позициях впереди пехоты, чтобы её не смяли наступающие танковые колонны противника. Потом помощник начальника штаба зачитал весь список части с делением людей по подразделениям. Я, как и предсказывал Егор Иванович, стал первым номером расчёта ружья ПТР в противотанковой роте дивизиона. Неделю заняло знакомство с частью, общевойсковая подготовка и тактика. А затем – марш под город Киров у станции Фаянсовая на стык дивизий 10-й армии. На передовую пришли ночью следующего дня. Сменили пехотную часть и после краткого отдыха прямо на снегу начали обустройство огневой. Промёрзлая земля поддавалась только ударам кувалды по стальным клиньям и ломам. Мы не копали, а вгрызались в

промёрзшую землю. Несмотря на мороз, работали в одних гимнастёрках. С рассветом докопались до талого грунта. К обеду, не обращая внимания на беспокоящий огонь немцев, закончили огневые и основные трассы траншей. Наша с Егором Ивановичем огневая было слева от первого орудия второго взвода, и поэтому вскорости я стал своим человеком в этом орудийном расчёте. Фронт остановился, и все ждали нового наступления. Ночью на наши позиции пришёл офицер в белом полушубке с тремя сапёрами в белых маскхалатах. Сапёры вскоре скользнули через бруствер и исчезли в ночи на нейтралке. Сначала в свете немецких осветительных ракет были заметны их силуэты на снегу, затем они слились с окружающим пространством. После полуночи, ближе к рассвету послышался шорох, тихий вопрос часового: «Стой, кто идёт?» Пароль, ответ – и в наш окоп скользнул первый сапёр. Приглушенный разговор с ожидающим их офицером. Затем перевалили бруствер, запорошенный снегом, ещё двое. Офицер и сапёры ушли на наш КП, а через полчаса с этим офицером пришло пятеро тоже в маскхалатах, под которыми обозначались амуниция и вещмешки. Они все повернулись в сторону офицера так, что лиц их не было видно. Каждого из них он обнял, хлопнул по плечу, что-то сказал, и они один за другим между всполохами ракет исчезли в морозной тишине на нейтралке. Офицер долго и напряжено смотрел в бинокль, что-то отмечал у себя на карте, потом присел на дно окопа и, прикрывая рукой трофейную немецкую зажигалку, закурил. Угостил нас с Егором Ивановичем «Казбеком», расспросил откуда мы родом, а мы про него спросить постеснялись. Минут через сорок справа от нас послышались пулемётные очереди, стрельба и всполохи разрывов снарядов над траншеями немцев. Немцы всполошились, и весь правый фланг озарился светом ракет, разрывом мин и снарядов. Послышались взрывы и на нашей стороне.

- Огрызаются сволочи, - сказал Егор Иванович.

- А что же им делать, - заметил офицер, - забрались в чужой дом, поэтому за каждым кустом им русские Иваны мерещатся. Как-то под Гжатском мы разгромили штаб одной из частей немецкой танковой армии. В развалинах дома среди барахла солдаты обнаружили белый ящик с ручками. Думали сейф, а оказался переносный туалет для высшего офицерского соста-

ва. Боялись сволочи оправляться выходить ночью на улицу, в комнате, где ели, там и срали, а денщики за ними убирали. Пришёл радист и сказал офицеру:

- Порядок, они на точке.

- Добро, теперь будем ждать.

И он ушёл вместе с радистом на КП, оставив нам начатую пачку «Казбека».

С рассветом немцы начали беспокоящий обстрел. Стреляли во всё, что казалось им подозрительным. Было приказано тщательно проверить всю маскировку, чтобы ничто не привлекало внимание врага. Старшина где-то разжился кусками белой матери от трофейного немецкого грузового парашюта, и мы накрыли огневую орудия и наши бруствера прочной кисейной сеткой. Наша маскировка была очень кстати. Едва мы её закончили, как прилетела Рама. Прошлась над нашими позициями, получила привет от зенитчиков, что стояли где-то в тылу, дёрнулась от разрывов и улетела восвояси.

- Зря эта тварь не прилетает, - сказал Егор Иванович, - жди вскорости какой-нибудь пакости от немцев.

- А что если из ПТР её шарахнуть, - спросил я.

- Почему же нельзя? Можно, наверное. У нас были ребята, которые почти за пятьсот метров в коробку «Казбека» с первого выстрела попадали.

- Так коробка-то неподвижная, а у этой твари скорость километров пятьсот будет.

- А зачем тебе голова? Целься с упреждением, и твоя пуля попадёт как раз туда, куда ты хочешь.

- Глянь, кругом нас берёзки растут, так что можно выбрать ветку, подходящую для рогатины. А с рогатины-то стрелять куда удобнее, чем с плеча Егора Ивановича. К тому же стрелять надо из укрытия, а то два таких гуся как мы с тобой – явная цель на поражение. Давай мы продолбим дырку в полу окопа, туда будем вставлять рогатину, а с неё ты будешь иметь круговой обстрел, и мы оба будем не на виду, а в укрытии.

Через час рогатина была на месте, и с помощью её можно было вести круговой обстрел. Слух о нашей самоделке дошёл до командира роты. Он пришёл, посмотрел, приказал старшине ознакомить с нашей придумкой все расчёты роты, а нам выдать премию: по пачке «Беломора» и по банке тушёнки. Это был мой первый гонорар за изобретение.

Пострелять в этот день с рогатины по немецким самолётам нам не удалось. Утром следующего дня немцы пустили на разведку один танк. Он смело шёл на наши позиции, зная, что впереди минного поля нет, так как мы не успели ещё поставить внешнее пассивное заграждение. Пришла команда: «Огня не открывать, позиции не демаскировать!». Метров сто танк резво бежал по снегу на наши позиции. Мы молчали. Потом танк так же быстро развернулся и умчал назад.

- Подсадная утка, - заметил Егор Иванович, - очень фрицам хочется, чтобы мы начали стрельбу и обнаружили бы свои огневые точки. Должно быть, дураки дураков ищут. А ведь боятся твари ближе подойти.

Однако немцы, действительно, что-то заметили, пока их танк крутился перед нами. Едва он скрылся в лесочке, как грохнули их орудия, прошелестели над нами снаряды и разорвались метрах в пятидесяти в тылу нашей обороны. Видно было, как в воздух взлетели короткие брёвна наката землянки или укрытия, потом послышался сдавленный крик, команды – и всё стихло. Зазвонил телефон на наблюдательном пункте. Короткий разговор и опять тишина. Немцы выждали с полчаса, затем кинули еще десять снарядов на расположение первого взвода, который занимал участок левее нас. После одного из взрывов к нам на бруствер упала чья-то оторванная взрывом нога с куском прилипшей штанины. Страшно было смотреть, как на ноге шевелились окровавленные пальцы. Послышались крики раненых и короткие команды по их спасению и эвакуации. Прибежал нарочный.

- Это провокационный артналет. Немцы боятся идти в атаку, провоцируют нас. Соблюдать спокойствие! Посмотрев на ногу, он сказал:

- Погиб весь расчет третьего орудия первого взвода. Взрывом разорвало наблюдателя батареи Островцева, это, наверное, его нога. Отнесите её в тыл, где убитые.

Егор Иванович молча отрезал финкой кусок маскировочной сетки, завернул в неё окровавленную мягкую, безжизненную ногу, взял руками так, чтобы капающая из неё кровь не запачкала одежду, и понес её вверх по склону. Я смотрел на удаляющуюся фигуру своего второго номера и мне было жалко погибшего Островцева, жалко было и Егора Ивановича, несущего свою тяжелую ношу. Позднее выяснилось, что в резуль-

тате артналета прямым попаданием были убиты одновременно с Островцевым еще два человека из расчета третьего орудия, и двое были ранены. Поздно вечером, когда старшина накормил нас, пришла команда: «Из каждого орудийного расчета выделить по одному человеку для рытья общей могилы погибшим».

Командир нашего орудия выделил подносчика снарядов казаха Есынбаева. Он ушёл, захватив с собой лом и лопату. Мы закрыли вход в наше убежище палаткой, зажгли сделанный из пустой гильзы ружья ПТР светильник и сидели молча, смотря на пляшущий от нашего дыхания огонёк фитилька. Маленький огонёк как живое существо трепетал в темноте, отгораживая нас от ужаса происходящего. Мы сидели молча, и каждый думал о своём. Мне вспомнились мама, наш дом, наш выпускной вечер, байкальская тайга, мои охотничьи собаки – всё, что незримыми нитями связывало меня настоящего с тем, что было в моей довоенной мирной жизни. Приятные воспоминания были прерваны разводящим. Пришла моя очередь встать на пост. Я проверил автомат, прицепил на пояс лимонку, закутался плотнее и сменил часового. Было уже за полночь. На ночном небе ярко горели звёзды. Сквозь верхушки деревьев просвечивала луна, освещая морозные дали, искрящийся снег, создавая переливы света на заснеженной равнине. Короткие очереди выстрелов, всполохи немецких осветительных ракет нарушали эту извечную гармонию жизни, а удары немецких пуль в мерзлую землю бруствера окопа недвусмысленно напоминали мне, что смерть совсем рядом с этим заснеженным благолепием. Послышался скрип снега под сапогами идущего. Я негромко крикнул:

- Стой, кто идёт?

- Свои, Гоша. Это я, Есынбаев.

В руках у него были лопата и лом.

- Могилу копал, ребят хоронил. Я даже немного плакал. Шибко жалко. Сволочь немецкий, шайтан Гитлер двух моих братьев убил под Сталинградом. Мстить за всех, Гоша, будем, однако.

- Обязательно будем, - подтвердил я и обнял его.

Меня сменил Егор Иванович, а я нырнул под полог палатки, улёгся на дно окопа на еловые ветки, на прогретое место, где прежде дремал Егор Иванович и стал смотреть свои забай-

кальские сны. Но разве окопные сны бывают длинными. Только приладился, пригрелся, уснул и не успел досмотреть первый сон, как послышался голос старшины:

- Быстро получить завтрак: рисовая каша с мясом, крепкий горячий сладкий чай.

Наблюдатель, который заменил убитого Островцева, сообщил:

- Немцы пьют утренний кофе и разогревают танки. Их разведка вышла за передний край в редкий лесок.

Послышалась команда взводного:

- Усилить наблюдение.

Прошла пара часов ожидания. Затем команда: «Воздух!» И сбоку над нами пролетела Рама.

- Сейчас начнёт кружить, - сказал Егор Иванович. – Давай, Гоша, установим свою конструкцию.

Когда Рама развернулась, Егор Иванович подал патрон, и я прицелился в надвигающийся на нас самолёт. Захлопали зенитки, послышались очереди спаренных пулемётов. И в этом грохоте первого боя прозвучал и наш с Егором Ивановичем выстрел. Рама пролетела почти над нами, но высоко. Мы перезарядили ружьё и развернулись её встречать. Через несколько минут она выплыла из-за деревьев. Я тщательно прицелился и с учётом опережения сладострастно нажал курок. Удар приклада в плечо. Рама, как мне показалось, вздрогнула, из неё потянулась дымная полоска, и она ушла за передовую.

- Егор Иванович! Мы попали в гадюку!

- Может и не мы… Смотри, сколько людей одновременно стреляли и хотели её сбить. Факт, что мы прогнали её, а может и серьёзно покалечили.

Командир нашего орудия, Николай Подов, крепыш, который боевое крещение принял под Сталинградом, пожал нам руки и сказал:

- Спасибо, ребята, за службу. Только так нужно встречать эту фашистскую нечисть.

Не прошло и получаса, как заухали немецкие орудия. Первый снаряд взорвался в пяти метрах позади нашего окопа. Нас оглушило и засыпало комьями мёрзлой земли. Сломало сосёнку и срезало осколками кусты. Из воронки шёл пар.

- До талого грунта долбанул, - сказал Егор Иванович, - завалил, гад, траншею. Пока земля талая, надо почистить, чтоб не смёрзлось.

Но немцы относительно наших планов думали иначе. Следом за первым залпом последовала серьёзная обработка наших позиций. Мы сидели в укрытии, а кругом стоял грохот разрывов. Сыпалась мёрзлая земля, фрагменты укреплений, ящики от снарядов. Егор Иванович тронул меня за плечо:

- Не боись, это начало. Зря пахать нашу передовую немец не будет. Сейчас должно быть танки полезут на нас.

Немцы перенесли основной огонь артиллерии в тыл нашей обороны, придавив нас запрещающим огнём пулемётов и мелкокалиберных орудий. От деревьев летели щепки, пули свистали над головами и взрывались фонтанчиками снега. Я выглянул из-за дерева – на нас шло шесть танков в сопровождении цепей автоматчиков.

- Надеваем, Гоша, каски, немцы полезли всерьёз. И это не разведка боем.

Когда танки оказались на линии вероятного поражения. ударили все наши орудия. Мы с Егором Ивановичем начали стрелять по гусеницам ближайшего к нам танка. После третьего выстрела его левую гусеницу заклинило, он попытался развернуться, но она, разорванная сползла, и танк оказался повёрнутым к нам правым боком. В него сразу же влепил подкалиберный снаряд командир нашего орудия Николай Подов. Видно было, как немецкие автоматчики перебежали к другому танку. Они знали, что подбитый, стоящий в сотне метров от русских танк, будет добит и сожжён. И действительно, через десять минут танк уже горел. Мы перенесли свой огонь на правый танк. Он двигался вдоль небольшой ложбины, и нам были видны только корпус и башня с орудием.

- Клинь башню! – сказал Егор Иванович.

Я сделал три выстрела. Видел отметину на стыке башни и танка, но башня всё равно крутилась. Ну почему башня крутится, а танк стоит? После боя оказалось, что его подорвали противотанковой гранатой пехотинцы. Крутил же башню не командир, а контуженый механик. Когда после боя его вытащили из танка, он плакал, размазывая сопли по чёрному от масла и гари лицу и бормотал: «Их бин арбайтер, Гитлер капут».

- Если ты рабочий, то какого хрена попёр на рабочих? Гоша, ты знаешь немецкий, переведи ему.

- Яволь, яволь. Руссиш карош, - бормотал он всхлипывая.

Только один танк из шести, оставляя за собой дымный след, убежал восвояси. Четыре горело, один подбитый стоял с открытыми люками. К концу дня комиссар дивизиона на совещании сказал:

- Это первый бой нового пополнения, и вы его выдержали с честью. Командирам подразделений подать рапорты на награждение отличившихся. Наши товарищи, погибшие смертью храбрых и раненые включены мною в списки награждённых. Командирам написать самые тёплые письма родным погибших. От командования мы напишем официальные соболезнования. Похороны сегодня в 20-00.

Когда я пришёл с похорон, Егор Иванович сообщил, что был старшина, что он принёс по сто грамм и закуску помянуть погибших в бою. Мы выпили, зажгли свой фитилёк и долго говорили о жизни, о бое, о погибших товарищах, о горе их родных, о тонкой границе между жизнью и смертью, по которой мы ходим как бессменные часовые.

После некоторого затишья вновь начались бои. Войска обеих сторон дошли до возможных позиций и окопались. Напряжённая обстановка встречного яростного, беспощадного боя сменилась окопными перестрелками, укреплением позиций, усилением работы разведок и минированием переднего края. Участились командирские проверки. Вместо свиста пуль слышались команды начальства тыловых подразделений по наведению порядка, который один Бог знает, сколько подержится. Вот разведка прощупает передний край противника, найдёт слабое место, более выгодные позиции впереди, и снова вся масса людей придёт в движение, подчиняясь одной цели: прорвать оборону противника, разгромить всё, что мешает продвижению, и занять новый, более выгодный с военной точки зрения рубеж, с которого опять будет прорыв и освобождение захваченной территории от врага. А на местах прорыва останутся развороченная земля, разбитая техника, убитые и разорванные в клочья люди.

Если бой скоротечный, без больших потерь, то похоронят своих сами, завернув тело в плащ-палатку. Поставят вместо памятника знак со звёздочкой, вырезанной из фанеры, и над-

писью химическим карандашом фамилий тех, кто похоронен здесь. Хорошо, если отпишут родным грубым солдатским языком тёплые слова о героизме погибшего. Это будет единственное утешение родственникам: им судьба открыла свои карты. А сколько героев осталось непохороненными без известий о них родным матерям. Сколько ещё слёз будет пролито, сколько надежд умрёт вместе со смертью беззаветно надеявшихся на чудо. Не видевшим, не испытавшим ужасов боя, не понять, через что прошёл солдат. Какие муки, какое горе он пережил, хороня своих друзей. И если он потом придёт домой с израненным телом, с искалеченной душой, разве найдутся на белом свете доктора, которые могли бы всё это вылечить и восстановить.

17 февраля меня первый раз ранило. Мина взорвалась прямо в траншее за поворотом. Осколки пробили голенище левого сапога и впились в тело. Егор Иванович тщательно очистил свои руки снегом, всё, что можно было достал из тела и сказал:

- На, держи на память два осколка, а другие мне не вытянуть, нужен инструмент. Сейчас я тебе сделаю костыль и отведу тебя к врачу.

Наш дивизионный врач осмотрел мою ногу и решил, что для удаления осколков меня нужно отвести в полевой госпиталь. Вечером я, как белый человек, с четырьмя осколками, завёрнутыми в кусочек марли на память лежал в исподнем на топчане, глядя на голубое небо через дыру в палатке. Размышляя о произошедшем, я пришёл к выводу, что мне крупно повезло. Если бы снаряд взорвался на метр выше, не любовался бы я сейчас ни небом, ни хорошенькой курносой сестрой, что хлопотала у раненого в грудь, что лежал на соседнем топчане. Выдали костыли, и я начал обучение новому способу перемещения в пространстве. К вечеру обменял костыли на палку и, примостившись на краешке стола, стал писать письма своей маме, подружке Дусе, которая вместе с моей мамой провожала меня на фронт, директору нашей школы Николаю Сергеевичу Котову, начальнику энергосбыта Александру Сергеевичу и другим знакомым. Когда на столе лежала уже стопка фронтовых треугольников, я сдал их все дежурной сестре и с сознанием выполненного долга улёгся на топчан. На следующее утро после перевязки, выйдя во двор, я увидел, что около дне-

вального стоят Егор Иванович с Есынбаевым и в чём-то убеждают дневального. Я подошёл и поздоровался.

- Здравствуй, Гоша. Как нога? Кости целы?

- Целы. А мясо нарастёт. Но меня хотят отправить в Сухиничи на стационар.

- Ну, а ты?

- Что я? Хочу домой – в дивизион.

- Вот хорошо. Мы за этим и заехали к тебе. Нас отвели на переформировку где-то километрах в трёх отсюда. Так что бери шмутьё, мы тебя ждём.

Но взять шмутьё без оформления оказалось нельзя. Запасливый Егор Иванович отдал очень бдительному дневальному остатки спирта из фляжки. Его напарник принёс мои вещи, и через час я из гостей прибыл домой. Встретили меня приветливо и с участием. Дали мне место в землянке у печки. Принесли полкотелка гречневой каши с мясом. И хотя я не очень давно завтракал, но не обижать же друзей.

Шла переформировка. Пришло новое пополнение для замены выбывших из строя. Егор Иванович сказал мне, что перед уходом на формировку был тот офицер, что подарил нам пачку «Казбека». И он сказал, что в прошлый раз его разведчики вышли через резервный проход в десяти километрах южнее и привели с собой немецкого связиста, обер-лейтенанта. Двое ребят были легко ранены. Спрашивал офицер у Егора Ивановича про меня, просил передать мне привет. Это известие вдобавок к письмам от мамы и Дуськи стало для меня приятной неожиданностью. Мама писала, что у неё всё хорошо, что к новому году её премировали отрезом на платье, что Дуся еженедельно заходит в гости. А Дуся хвасталась, что сдала экзамены в техникум на отлично. Как много значат эти весточки от родных и знакомых, они на своих листочках издалека несут тёплые слова поддержки и уверенности, что мы победим. 22 февраля нам всем вручили подарки к празднику Советской Армии. Я получил посылку от учеников пятого класса десятой средней школы города Кургана. В посылке были тёплые шерстяные носки, варежки и кисет с махоркой. Но самое главное – чётким почерком написанное письмо без единой помарки фронтовой цензуры. Прошло с тех пор так много лет, а я до сих пор помню содержание этого письма: «Дорогой дядя, боец нашей Красной Армии! Мы, ученики пятого класса Оля Буту-

зова и Галя Пермякова, целый месяц пряли шерсть, которую нам дала бабушка, и вязали эти носки, чтобы Вам было тепло. Все классы нашей школы готовили подарки фронтовикам. А ириски, которые в носках, — это мы с Галей получили подарки к новому году. И съели мы только один подарок, а второй – посылаем Вам. Сами посудите, где вам на фронте к празднику взять ириски, а мы их Вам посылаем. Мой папа работает на заводе, его забронировали и на фронт не пускают. А папа Гали лежит в больнице. Напишите, пожалуйста, нам письмо, как Вы воюете. Мы скоро будем писать сочинение на тему: «Чем ты помог фронту?». Напишите, чем Вам помочь бить проклятых фашистов. Остаёмся ждать ответа. Оля и Галя.»

Ириски я раздал ребятам, а это письмо отдал комиссару, и его напечатали во фронтовой газете 50-й армии.

Всё это было лишь началом. Впереди были новые бои, новые ранения и возвращение домой.

Награды:

- орден Красной Звезды,
- орден Отечественной войны II степени,
- медаль «За победу над Германией»,
- 3 юбилейных медали.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь аспирант Кубанского государственного технологического университета ***Панченко Олег Николаевич***

Сорокин Григорий Андреевич

Флот под Полярной звездой

«Все для фронта, все для победы!» - четыре долгих года солдаты на фронте и труженики тыла жили и работали ради этого майского дня. Безусловно, говоря о Великой Отечественной войне, чаще рассказывают о действиях сухопутных войск, которые вели боевые действия на фронтах, протянувшихся от Баренцева до Черного моря. Но моряки Северного флота тоже сыграли большую роль в борьбе против фашистской Германии. Хотя за весь период Великой Отечественной войны не было морских сражений между эскадрами крупных надводных кораблей, моряки-североморцы честно и до конца выполнили свой воинский долг, проявляя чудеса героизма во время проводки союзнических конвоев, отражая атаки немецкого флота и авиации, участвуя в десантных операциях и охоте за подводными лодками противника, выполняя боевое патрулирование в высоких широтах.

Родился я 12 марта 1926 года в семье служащего, в г. Калач. Когда началась война, я еще учился в краснодарской средней школе. Как и всех старшеклассников города нас привлекали к сельскохозяйственным работам, чтобы как-то заменить мужчин, ушедших на фронт. Летом 1942 года немецкие войска прорвали фронт и стальной лавиной хлынули на Северный Кавказ. Около полугода Краснодар был оккупирован фашистами, но 12 февраля 1943 года в город ворвались советские

войска. Ровно через месяц мне исполнилось 17 лет, а уже в апреле 1943 года я был призван в Красную Армию.

На фронт я попал не сразу. Вначале меня и многих других призывников направили из военкомата в Военно-Морскую школу города Энгельса, который расположен на Волге. Там нас в течение семи месяцев учили азам военно-морской науки.

После окончания Военно-Морской школы по специальности моториста лёгкого топлива меня направили служить на Северный флот. В апреле 1944 года я получил назначение на лидер эсминцев «Баку», где проходил стажировку в качестве моториста-дублера. Служить матросом на этом корабле считалось большой честью, так как он был одним из флагманов Северного флота. Лидер «Баку» вместе с другими кораблями Тихоокеанской флотилии в 1942 году совершил легендарный переход по северному морскому пути от Владивостока до Мурманска, а за отличие в боях удостоился ордена Красного Знамени.

Именно тогда я впервые и познакомился с фронтовой жизнью. Война шла не только на суше, но и на море. Практически ежедневно немецкая авиация пыталась атаковать наши военно-морские базы. Я видел, как немцы отчаянно пытались не допустить прохода союзнических конвоев в наши северные порты. Корабли северного флота обеспечивали поддержку сухопутным войскам на мурманском направлении, защищали внешние и внутренние коммуникации в Заполярье, затрудняли перевозку противника и вывоз стратегического сырья из Финляндии и Норвегии в Германию.

Позже, после окончания стажировки, я был направлен служить на базу Полярная. Там базировалась Гвардейская Краснознаменная ордена Ушакова бригада сторожевых кораблей. Свою воинскую службу я продолжил мотористом на катере РТС. Эти катера называли истребителями подводных лодок. Именно на таком маленьком катере я впервые вышел в открытое море.

Наш катер находился в составе отряда кораблей, который перебрасывал подкрепление на полуостров Рыбачий, где много месяцев велись ожесточенные позиционные бои. Весь переход от базы до пункта десантирования нас отчаянно болтало. Начинался сильный шторм – совсем не редкость в северных

широтах. Снег, смешанный с дождем, закрыл горизонт. Но вот из-за пелены снега показались темные скалы Рыбачьего.

И тогда началось самое страшное – наш катер засекли немцы и их береговые батареи открыли ураганный огонь. Прямо по курсу, слева и справа по борту вставали высоченные столбы воды от разрывов крупнокалиберных снарядов. В машинном отделении, перекрывая натужный рев двигателей, был слышен грохот близких разрывов, а иногда и стук осколков, бивших по обшивке катера. Я никогда не забуду этот первый бой. Нашему отряду, наконец, удалось вырваться из сектора обстрела и произвести выгрузку подкреплений для морской пехоты. Только благодаря мужеству и мастерству командиров и матросов, мы успешно выполнили боевое задание и без потерь вернулись на базу в Полярный.

А потом началась рутинная боевая работа. Наши катера РТС каждый день выходили на дозорную службу. Служба эта состояла в поиске и уничтожении плавающих мин, сопровождении союзнических конвоев, в спасении английских и американских моряков с транспортных кораблей, торпедированных немецкими подводными лодками. Мы часто выходили в море на поиски вражеских субмарин и, если их удавалось обнаружить, сбрасывали глубинные бомбы. Таким образом, наши катера совместно с другими кораблями Северного Флота, обеспечивали безопасность транспортных поставок по ленд-лизу.

Северные морские коммуникации были наиболее короткой и удобной дорогой для перевозки вооружения, оборудования, сырья, продовольствия и амуниции из Англии и США. Эти поставки сыграли значительную роль в нашей общей борьбе с фашизмом. Североморцы успешно обеспечивали проводку союзных конвоев и безопасность судоходства в операционной зоне Северного флота, прикрывали союзные конвои, которые постоянно подвергались атаке немецкой авиации, подводных лодок и надводных кораблей.

Наступило лето 1944 года. В свободное от боевых походов время матросы и старшины нашей бригады сторожевых катеров МО («Малый охотник»), РТС (истребитель подводных лодок), БО («Большой охотник») привлекались на строительство сухопутной дороги между главной базой Полярная и плавучей базой сторожевых кораблей гвардейской ордена Ушакова Краснознамённой бригады сторожевых кораблей охраны вод-

ных рубежей Северного Флота. Дорога предназначалась для бесперебойного снабжения боевых кораблей боеприпасами и продовольствием. Поэтому мы вгрызались в вечную мерзлоту в любую погоду. На этой стройке я получил свою первую награду – путевку в дом отдыха полярников Северного Флота.

В 1944 году началось массированное наступление советских войск на всех фронтах. К лету от фашистских захватчиков были освобождены многие черноморские военно-морские базы. За три года войны Черноморский Флот понес значительные потери, поэтому Ставка приняла решение о переброске части малых кораблей Северного Флота на юг. Пока я находился в доме отдыха, мой родной катер РТС через Беломорский канал ушел в Черное море. Меня ждало новое назначение на сторожевой катер МО (малый охотник).

Малые морские охотники – небольшие кораблики водоизмещением около 60 тонн выполняли боевые задания по установке в ночное время минных заграждений у входов во вражеские порты Киркенес, Петсамо и Варде. Они занимались поисками и бомбежками глубинными бомбами немецких подводных лодок, уничтожением плавучих мин, обнаруженных в наших водах, обеспечивали охрану транспортных конвоев союзников на подходах к Кольскому заливу. Но боевые действия этих кораблей очень сильно зависели от метеоусловий, поскольку от осенних дождей и зимних морозов, и сильных штормов происходило обледенение корпуса, что снижало его маневренность.

19 сентября 1944 года Финляндия вышла из войны, но немецкие войска не собирались покидать Заполярье. Они продолжали упорно сопротивляться в окрестностях финского порта Петсамо. Чтобы выбить фашистские войска с их позиций была подготовлена крупная десантная операция. Морской берег в районе высадки был изрезан глубокими фиордами, в прибрежных водах в изобилии встречались подводные скалы и отмели. Поэтому к проведению десантной операции были привлечены небольшие суда, имевшие малую осадку, в том числе и наш катер МО. Высадка десанта была назначена на 7 октября. Десантные корабли сумели незаметно выйти к пункту десантирования, но крупная волна не дала подойти вплотную к берегу. Сходни, поданные на скалистый берег, не доставали береговой кромки. Тогда матросы палубных команд прыгали в

ледяную воду и на руках удерживали трапы, чтобы дать возможность десантникам уйти в бой сухими.

После окончания Петсамо-Киркенесской десантной операции меня зачислили в спецкоманду для отправки в США. Мы должны были пройти обучение на американских торпедных катерах и перегнать их на Северный Флот. Однако мне так и не привелось побывать в Америке, так как через короткое время спецкоманду расформировали, а меня направили проходить службу на торпедном катере «Элка» американского производства. Эти катера, обладавшие высокой скоростью и великолепной технической оснащенностью, осуществляли поиск немецких надводных кораблей и подводных лодок, сближение с ними, проведение торпедных атак и преследование противника. Наш катер до конца войны во взаимодействии с другими надводными кораблями, подводными лодками и авиацией Северного Флота участвовали в боевых операциях по предотвращению эвакуации германских войск и боевой техники из северной Норвегии. Там за Полярным кругом я и встретил долгожданный День Победы.

Награды:

- орден Отечественной войны II степени,
- медаль «За победу над Германией»,
- медаль «За оборону Сов. Заполярья»,
- медаль «За трудовую доблесть»,
- 5 юбилейных наград.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 5 курса Кубанского государственного технологического университета ***Молдаванова Екатерина Сергеевна***

Сорокин Михаил Иванович

Подвиг во имя жизни

Я родился в день создания РККА, 23 февраля 1918 года, в семье крестьян-середняков в деревне Поповское Вологодской губернии. В годы коллективизации закончил трехгодичное педучилище, и меня направили в начальную школу Череповецкого района.

В 1940 году меня призвали в Красную армию, попал я в Архангельск, в учебную батарею. В июне 1941 г., будучи сержантом, подал заявление в Ленинградское артиллерийское училище. Утро 22 июня встретил в казарме артполка. Мечта стать артиллерийским офицером растаяла… Уже в октябре 1941 г. стоял в строю. Потом отступление – летом 1942 года отходили на Ростов, но так как враг опередил и занял его, пришлось идти на Сталинград. В Миллерово – бой, в Котельниково – снова бой.

С августа 1942 года я служил в саперной роте 204-ой стрелковой дивизии, которая прибыла на огненную волжскую землю с Дальнего Востока. Дивизия вошла в состав 64 армии. Это ее в своих мемуарах маршал А.И. Еременко, командующий Сталинградским фронтом, назовет в числе наиболее боеспособных соединений. А потом наступил неизгладимый в памяти день 19 ноября 1942 г. Тогда снова отличилась 204-я стрелковая дивизия. Несмотря на отчаянное сопротивление, она прорвется к Волге, и ее воины обнимутся с солдатами пробирав-

шейся навстречу 13-ой гвардейской дивизии генерала Родимцева. И сама она станет 78-ой гвардейской, ее перебросят на Курск.

1943 год – год коренного перелома в ходе войны в пользу Советской Армии. Это год крупнейших победоносных сражений с захватчиками. Это и Сталинградская битва, и бои на Курской дуге, и форсирование Днепра. Мне довелось участвовать во всех этих трех решающих сражениях.

В Сталинграде жестокие бои шли за каждый дом. Угловое здание (бывшую школу) надо было очистить от врага любой ценой. Подкрались незаметно, в подъезд ворвались внезапно. Не задерживаясь – на второй этаж. Внизу, на случай контратаки, с тремя бойцами остался политрук роты Николай Савкин. Пробегая в числе первых, я обратил внимание на пустой дверной проем. На всякий случай кинул внутрь гранату и сам, после взрыва, бросился в комнату. Поспешил к окну, свесил голову, оглядел двор – не подбираются ли к дому опомнившиеся немцы. Услышав за спиной выстрел, отпрянул, обернулся: на полу, обливаясь кровью, лежал фашист с кинжалом в руке, а в пустом проеме – наш солдат с автоматом. И тут же услыхал внизу шум и выстрелы, кинулся туда. Увиденная картина навсегда запечатлелась в памяти: один наш солдат лежал мертвый, другой корчился от ран, третий схватился с врагом в рукопашной. Двое немцев повисли на политруке Савкине, прижав его к перилам лестничного марша. Но я сумел сорвать с пояса противотанковую гранату и ударил ею в перила. Сильным взрывом тела Николая Савкина и немцев разметало по подъезду. Остальные гитлеровцы кинулись наутек.

Позднее, под грохот Сталинградской битвы, я вступил в партию и остаюсь верен ей до сих пор.

В Сталинградских боях 330-тысячная отборная немецкая армия потерпела сокрушительное поражение. За успешные боевые действия наша 204 стрелковая дивизия приказом НКО за № 104 от первого марта 1943 года была преобразована в 78 гвардейскую стрелковую дивизию. Отличившиеся в боях по достоинству были отмечены правительственными наградами. Мне был вручен орден боевого Красного Знамени, присвоено звание лейтенанта, назначен на должность командира взвода.

После разгрома германской армии под Сталинградом 78 гвардейской стрелковой дивизии в составе 7 гвардейской ар-

мии (ранее 64 армия) прибыла в конце марта 1943 г. на Курскую дугу под Белгород. Дивизия заняла оборону по Северному Донцу по фронту 10 км (Нижний Ольшанец, Дорогобужино, Дальние Пески). Ставка Верховного Главнокомандования знала о наступлении немецких войск и готовила войска к обороне. Замысел Ставки предусматривал встретить германское наступление активной обороной, затем перейти в контрнаступление и разгромить группировку противника.

С апреля по июнь Советские войска подготовили на Курском выступе восемь оборонительных рубежей общей глубиной 250-300 км. За все годы войны нашим войскам не приходилось создавать такой совершенной обороны. Строилась она в первую очередь как противотанковая. Хорошо продуманная и построенная противотанковая оборона помогла нашим войскам уничтожать и «Тигров» и «Пантер», с невиданной доселе броней и мощными крупнокалиберными пушками. Против Советских войск было сосредоточено более двух с половиной тысяч танков и самоходных артустановок, около десяти тысяч орудий и минометов, более двух тысяч самолетов. В битву было брошено до 900 тысяч солдат и офицеров.

Но против военной мощи захватчиков была не меньшая и даже большая сила защитников социалистической Родины. По сравнению с декабрем 1941 года (контрнаступление под Москвой), численность личного состава возросла в 1,5 раза, а количество боевой техники увеличилось в 4-5 раз. Имелись уже крупные резервы – девять общевойсковых и две танковые армии (маршал Василевский).

И грянул бой.

5 июля 1943 года немцы нанесли огромной силы удар по нашему переднему краю обороны. Взрывы тысяч бомб, снарядов и мин, гул танковых моторов и лязг гусениц сотрясали воздух. Трудно было поверить, что в этом аду осталось что-либо живое, способное оказывать сопротивление. За день боя противнику удалось вклиниться в оборону дивизии на три-четыре километра, но не удалось прорвать ее. За день боя было сожжено 60 и подбито 50 танков. Наша главная задача была выбить противника.

На другой день, 6 июля на дивизию двинулось более 200 танков, было сожжено 65 танков, 12 бронетранспортеров. Истребителями танков были не только артиллеристы, но и бро-

небойщики с ПТР, бойцы с бутылками с горючей смесью, с противотанковой гранатой. Конечно же, за танками бежали немецкие солдаты с автоматами, выставленными дулами вперед. Немецкий солдат и автомат – это единый организм. Это машина для убийства. Эту машину тоже надо было остановить. Мы их отсекали от танков ружейно-пулеметным огнем, вынуждали залечь. До рукопашной дело не доходило.

Ставка Гитлера большие надежды возлагало на новые типы танков «Тигры» и «Пантеры». Лязганье их гусениц пришлось и мне услышать над головой. Спасали окопы и траншеи, вырытые в полный профиль. В стенках окопов были вырыты ячейки, где лежали запасные диски к автомату, обоймы с патронами, гранаты, бутылки с горючей смесью.

В первый день отражения танковой лавины в грохоте боя увидел, как на меня надвигается огнедышащее чудовище. Спешил, руки дрожали, бросил гранату – не долетела. Танк надвигался. Отскочил в сторону, присел, махина из железа и огня перевалила через траншею. Вслед бросил бутылку с горючей смесью. Попала в раскаленную моторную часть. Танк вспыхнул. Тут уже товарищи справа и слева взяли автоматы на изготовку, чтобы не дать экипажу танка уйти. Кто-то даже выполз из окопа и бросил в танк гранату или со зла, или для верности. Но вскоре нам пришлось прятать головы, так как в танке начали рваться снаряды.

Ночью я подсчитал потери в своем взводе, запаслись боеприпасами, поделились опытом противотанковых боев. Мы заняли окопы второго оборонительного рубежа с траншеями, дзотами, ходами сообщения, с запасом боеприпасов.

Утро началось с артиллерийского налета, разрывов авиабомб. Все было, как и вчера. И снова танки. Снаряд из танковой пушки угодил в бруствер окопа. Взрывная волна бросила на дно. На время оглох. Я уже не слышал, как падали на меня комья земли, но чувствовал их тяжесть. Не мог и пошевелиться. Через какое-то время я увидел просветы, стало легче дышать, приподнялся. Справа и слева от меня увидел с лопатами в руках моих боевых друзей. Но, поскольку я не слышу стрельбы, то первым вопросом было: «в чем дело, почему не стреляют и где фрицы?». Они с удивлением переглянулись. Но когда я закрыл ладонями уши, все поняли. Показали в сторону немцев. Выглянул и увидел, что отражают атаку немецких

солдат не только мой взвод, но и соседи справа и слева. Стреляют из всех видов стрелкового оружия, ротных и батальонных минометов. Передал командование взводом помощнику. Выбрался из окопа, залег за ручной пулемет. Стрелял и не слышал своих выстрелов. И эта очередная атака немецкой пехоты была отбита.

Под вечер наши силы были на исходе, но и немцы выдохлись. Наступила передышка до следующего утра. Ночью постепенно ко мне стал возвращаться слух. И вот что удивило: вначале я был даже не рад этому – так хотелось тишины и покоя. Но … увы, утром снова грохот боя.

Разрывы снарядов и авиабомб больно бьют по ушам и голове. Так продолжалось две недели. Запущенная для убийства колоссальная немецкая машина сначала забуксовала, затем стала. В сражение на Курской дуге советские войска не только выстояли на заранее выбранных рубежах, они переломили ударную силу Германии и в нужный момент нанесли ответные удары, перейдя в наступление.

Курская дуга, как исполинская стальная пружина, развернулась и ударила по врагу с сокрушительной силой.

Немцы потеряли на Курской дуге около 500 тысяч солдат и офицеров, 1500 танков, 3 тысячи орудий и минометов. Восполнить эти колоссальные потери Германия уже не могла. Соотношение сил еще больше изменилось в пользу Советской Армии. Верховный Главнокомандующий Сталин в докладе 6 ноября 1943 года говорил: «Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой».

Директивой Ставки от 16 июля 1943 года приказывалось Степному фронту перейти в наступление 20 июля. Ему передавалась из Воронежского фронта (командующий генерал Н.Ф. Ватутин) 7-ая гвардейская армия, а значит, и наша 78-ая гв. с.д.; 7-ая гвардейская армия (М.С. Шумилов) действовала на левом крыле Степного фронта (И.С. Конев).

При контрнаступлении нам эффективно помогала артиллерия, ее огневой вал на глубину 1,5 – 2 километра для поддержки атаки пехоты и танков, поддерживали нас сомоходно-артиллерийские полки. Это разоблачает ложь продажных СМИ о том, что Советская Армия побеждала с «трехлинейкой» и только лишь количеством солдат шла к победе по их

трупам. Эту нелепость стараются подтвердить нашими потерями в войне. Называется цифра 27 миллионов человек. Но не говорят о том, сколько же немецкие палачи уничтожили гражданского населения. И создается впечатление, что все 27 млн. погибли на фронте.

Но факты таковы: в 1993 году было официальное сообщение под названием «гриф секретности снят», что потери советских войск в войне с Германией и Японией убитыми и пропавшими без вести, не вернувшимися из плена, умершие от ран составили 8668400 военнослужащих, а общие потери Германии на советско-германском фронте составили 8882000 человек. Но фальсификаторы эти цифры не приводят, так как они разоблачают их ложь о, якобы, «пирровой победе» Советской армии. Вы не прочтете и не услышите от них таких вот слов Ф. Рузвельта: «Русские войска уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов, чем все остальные объединенные нации вместе взятые».

Контрнаступление Степного фронта развивалось стремительно. Прорыв обороны противника был осуществлен после мощной артиллерийской подготовки с плотностью 230-205 орудий и минометов на один километр фронта. С артиллерией тесно взаимодействовала авиация. Пехота быстро освоила тактику идти за огневым валом. Враг, огрызаясь, отступал.

78-ая гвардейская стрелковая дивизия участвовала в окружении и разгроме Белгородской группировки врага, освобождении Харькова. Советские войска стремительно наступали, освобождая города и села Украины. 9 сентября 1943 года было освобождено село Первомайское. В селе пришлось задержаться. Перед отступлением немецкие изверги загнали в церковь людей, заперли и взорвали церковь. Мы разбирали завалы, выносили погибших, вырыли братскую могилу и похоронили около двухсот жертв немецко-фашистских злодеяний. Продолжая наступать, дивизия овладела станцией Константиноград, 18 сентября освободила г. Красноград и устремилась к Днепру в междуречье Воркслы и Орель.

В результате победы советских войск на Курской дуге и выхода к Днепру завершился коренной перелом не только в ходе Великой Отечественной, но и всей Мировой войны.

Потом была операция по форсированию Днепра… И когда фашисты, теснимые нашими бойцами, побежали, я расстрели-

вал их в упор. Потом со своим «Дегтеревым» я лежал в окопе на правом берегу, сдерживая натиск немцев. Вдруг увидел, как напротив моей позиции выкатился и затрясся от очередей станковый пулемет. Гитлеровцы под его прикрытием пошли в атаку. Впрочем, вскоре их заставили залечь. А пулемет все бил, немцы готовились к новому броску. И тогда я, без приказа, прижимаясь к земле, пополз навстречу огню. Пули просвистывали сверху. Метр, еще метр… Еще чуть-чуть… Уже достаточно, чтобы добросить гранату. Я вскочил, взмахнул «лимонкой». Немец тоже был хват – отреагировал мгновенно, крутнув стволом, полоснул очередью… Граната и пули разминулись во встречном полете. Я ощутил сильную боль выше колена, и уже лежа на земле, услышал впереди взрыв и увидел, как перевернулся вражеский пулемет. Наши в едином порыве бросились в атаку.

Меня госпитализировали и ампутировали ногу. На войне как на войне: мы знали, на что идем и понимали, что, возможно, нас ожидает смерть. Поэтому и цель была одна – дороже продать свою жизнь, умереть не зря. Выполняя свой долг перед Родиной, мы меньше всего думали о себе.

Вскоре за бои при форсировании Днепра из рук тезки – Михаила Ивановича Калинина в Кремле мне вручили Золотую Звезду и орден Ленина. А душа рвалась в Курск. Там в госпитале, когда не представлял себе, как буду жить без ноги, познакомился с чудной девушкой Людой. Тепло и заботу подарила она мне, вдохнула в меня веру, стала женой.

Герою Советского Союза М.И. Сорокину кубанский поэт К. Обойщиков посвятил такие строки:

Когда порой на дождь заноют раны,
Вся жизнь пройдет, как старое кино:
Лесные вологодские поляны
И речки Кономы глухое дно,
Роса в траве, опята под осиной
И храп коня в полночной тишине.
Бревенчатая тихая Россия
Ему ни раз приснится на войне.
Судьба вела дорогой невеселой,
И там, где были села сожжены,
Солдат, историк деревенской школы,

Он делал сам историю страны.
В военной биографии комвзвода
Был Сталинград и Курск и путь к Днепру,
Где в сорок третьем осенью холодной
Саперы шли на лодках поутру.
Земля от бомб шаталась и взлетала,
И Днепр горел, и плавилась броня.
А люди, что надежнее металла,
Шли сквозь лавину стали и огня.
У каждого свои земные сроки.
И пуля никого не бережет.
Но долг сильней. И коммунист Сорокин
Ползет с гранатой на фашистский дзот.
Там, на Днепре, на островке песчаном
В тылы врага сорокинцы зашли.
И "Дегтяревы" яро застучали,
Спасая честь измученной земли.
Шли в бой, рванув на вороте рубаху,
Кубанцы, вологодцы, пермяки.
О русский дух, разбуженный атакой,
Тебя запомнят надолго враги,
И Михаил – два кубика в петличке –
Встал... И упал на мерзлые кусты.
И бледная, дрожащая сестричка
На нем крутила красные бинты.
Висело солнце, будто крови сгусток,
И плыл в тумане почерневший лес...
Потом санбат и госпиталь под Курском
И костыли, и кожаный протез.
В начале жизни без ноги остаться...
Но девушка смягчала его жизнь.
– Еще мы сходим, Мишенька, на танцы.
Ведь ты герой, не отступай, держись!
Вносила Люда свет в его палату
И говорила нежно о любви.
И сладостным торжественным раскатом
Им курские гремели соловьи.
Прошли года – любовь не погасили.
И жалко не потерянной ноги,
А то, что снова милую Россию

Терзают златожадные враги.
Но вспомним, друг, труднее нам бывало.
И побеждали, Родину любя.
И победим!
Поднимем же бокалы
За Армию родную, за тебя!

После окончания войны я поступил в педагогический институт г. Курска, а с 1954 года стал преподавать в Краснодарском политехническом институте.

Март 2005 года.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса Кубанского государственного технологического университета ***Сорокина Екатерина Игоревна.***

Сорокин Николай Данилович

В Берлине закончил свой поход…

Я родился 25 декабря 1913 года. В этом году мне исполнится 91 год. За свою жизнь мне приходилось заниматься многим, я видел и пережил огромное количество событий, но не одно из них не оставило в моём сердце и сознании такого глубокого следа, как Великая Отечественная война.

Когда она началась, мне уже было 28 лет. Я ступил на тропу войны, будучи уже взрослым мужчиной, человеком дела, патриотом своей Родины, и только поэтому я вынес это испытание. Чтобы стать таким человеком, мне пришлось многому научиться, многое понять и осознать.

Всё началось, когда мне было 12 лет. Вместе с родителями мы переехали из глухой казахской глубинки в Оренбургскую область. В четырнадцать лет я пошёл на курсы трактористов, действовавшие на станции Яйсан. Спустя всего два месяца меня вдруг вызвали с занятий: нужно было срочно перегнать конфискованный у кулака двадцатисильный колёсный трактор «фордзон» в посёлок. Спустя год в посёлке был организован колхоз. Учёбу пришлось тут же бросить. В 1930-м году в 17 лет я стал бригадиром тракторной колонны, в которую входили уже шесть «путиловцев» и шесть «фордзонов». В октябре райком партии отправил меня на краткосрочные учительские курсы в Актюбинск. Уже спустя четыре месяца обком комсо-

мола направил меня обучать грамоте взрослых и детей в один из отдалённых казахских аулов. Я свободно делал это на казахском языке, так как знал его с детства.

А в 1931 г. меня назначили директором сорок пятой железнодорожной школы Актюбинска, где 14 из 22 учителей имели высшее образование. У меня же за плечами было 3 класса сельской школы и учительские курсы. Но я нашёл выход: систематически под видом контроля я посещал занятия наиболее опытных педагогов и старался учиться у них.

В тридцать втором я был избран делегатом девятого съезда комсомола страны и увидел там впервые в президиуме съезда Сталина, Молотова, Дыбенко, Косарева. В эти же дни сборная стрелковая команда Казахстана, в составе которой был и я, в соревновании заняла второе место в стране.

Вскоре с большим трудом я добился направления меня на учёбу в Омский финансовый техникум. В 1935 г. я окончил его и, как отличник, получил право на продолжение учёбы в Ленинградском финансово-экономическом институте.

В 1936 году я получил звание мастера стрелкового спорта и был включён в сборную Союза. Обучаясь в институте, я подготовил более ста ворошиловских стрелков и двадцать три снайпера. Очень скоро этот опыт мне пригодился. Я закончил институт, и в декабре 1939 года меня призвали в армию и, как снайпера, отправили для борьбы с финскими «кукушками». Так называли финских снайперов, которые «охотились» за командным составом наших войск.

У меня был именной снайперский прицел. Я смонтировал его на трёхлинейной винтовке Мосина и уже в двадцатых числах декабря представился командиру стрелковой роты, расположившейся немного западнее Суоярви.

Я вышел на свою первую «охоту» на рассвете. Заполз на приглянувшуюся мне на нейтральной полосе высотку, оставив лыжи внизу, и залёг за большим, запорошенным снегом валуном. Помню, было холодно. Наверное, около минус двадцати градусов. Хорошо, что одет я был тепло: на ногах были толстые носки, тёплые портянки и большие не по размеру валенки; белый маскировочный халат прикрывал шинель, одетую на ватные брюки и телогрейку; под гимнастёркой на мне было добротное тёплое бельё. Но самое главное у снайпера – руки. На мне были надеты перчатки из верблюжьей шерсти и мехо-

вые рукавицы. Я знал, что ждать придётся долго. Мороз цепко хватал меня за нос и щёки, их приходилось периодически растирать рукавицей.

Моей задачей было обнаружить и уничтожить вражеского снайпера, спрятавшегося где-то неподалёку. За последние три дня он убил и ранил семь наших бойцов и младших командиров. Солдаты роты буквально не могли поднять головы. Кормить людей, менять охранение, вывозить раненных в тыл удавалось лишь по ночам.

Я пролежал около трёх часов, ожидая выстрелов «кукушки», и обнаружил его в трёхстах метрах от себя на скальном бугре между двумя валунами, откуда открывался хороший обзор наших позиций. Как и я, он был в белом халате, на фоне которого хорошо просматривалась его винтовка. Выждав, когда финн приподнялся для наблюдения за местностью, убил его выстрелом в лицевую часть головы. Сразу же после этого я сполз по снегу вниз и, одев лыжи, отошёл в тыл. Позавтракав и отогревшись, я попросил ротного собрать для беседы лучших стрелков. Таковых оказалось пятеро. Я рассказал им, как должен действовать в бою снайпер, как он должен обращаться с оружием. Во второй половине дня, уже через час наблюдения, я уничтожил ещё одного вражеского снайпера.

Всего за полтора месяца, которые я провёл на этом участке фронта, я убил полтора десятка «кукушек». Приходилось участвовать в самых разных операциях, выводить из строя через амбразуры дотов и танковых башен пулемётные расчёты и танковые экипажи. Кроме этого, я подготовил группу снайперов, которых поочерёдно брал с собой на «охоту», обучая их практическим навыкам прямо в деле.

В марте 1940 года меня перевели в Петрозаводск, где я восемь месяцев обучался в учебной батарее, а в ноябре направили в Ленинград на курсы младших политруков.

Первого июня 1941 года курсы политсостава вывели в летние лагеря под Ленинградом. У нас начались интенсивные полевые занятия по боевой подготовке. Несмотря на успокоительное заявление ТАСС от 14 июня, все мы ощущали приближение войны.

Так получилось, что в ночь с 21 июня всех курсантов отпустили в Парголовский парк для встречи белых ночей. Около четырёх часов утра я услышал сильный взрыв. Вскоре стало

известно, что это взорвался на собственных бомбах сбитый зенитчиками немецкий самолёт.

Мы бегом возвратились в лагерь, а в пятом часу дежурный получил по телефону приказание из штаба округа о приведении курсов в боевую готовность. А в девять – начальник лагерного сбора полковник Фаин на общем построении объявил нам о нападении фашистской Германии на СССР.

В начале июля наши курсы реорганизовали в самостоятельное подразделение-отряд под командованием Фаина, и перебросили на автобусах по Лужскому шоссе к реке Луга. Мы заняли оборону на восточном берегу, используя инженерные сооружения лужских военных лагерей. Справа и слева от нас окапывались курсанты первого и второго ленинградских училищ.

Я был назначен командиром взвода, который состоял из четырёх отделений по специальности курсантов: артиллеристов, сапёров, стрелков и разведчиков. Все мы были вооружены винтовками. Вскоре наш взвод получил два ручных пулемёта, каждому выдали по сто патронов и по две ручных гранаты. Мы организовали наблюдение и тщательно замаскировались. Немцы долго не появлялись, лишь изредка в сторону Ленинграда пролетали отдельные группы немецких самолётов.

В полдень 10 июля внезапно начался артиллерийский обстрел позиций нашего отряда. Он продолжался около часа. К счастью, мы не понесли потерь. Вскоре между кустов на том берегу Луги обнаружены два-три десятка мотоциклистов. Подпустив их поближе, мы открыли ружейно-пулемётный огонь. Несколько мотоциклистов опрокинулись, остальные развернулись и быстро скрылись. Больше в этот день нападений не было. Ночью все мы спали. Где-то далеко были слышны редкие выстрелы. Под утро привезли и раздали кашу с тушёнкой, каждый получил трёхдневный сухой паёк.

В этот день немцы начали более массированный артиллерийский обстрел наших позиций, который длился свыше двух часов. Затем при поддержке танков к реке рванулись две плотные цепи автоматчиков. Бой длился четыре часа, немцы потеряли свыше ста человек и форсировать реку не стали. Мы тоже понесли потери: в моём взводе было пятеро убитых и семеро раненных. Ночью случилось ещё несколько перестрелок, а

иногда с той стороны взлетали и медленно гасли яркие осветительные ракеты.

На следующий день немцы прорвали оборону на участке, где оборону держало народное ополчение; большие потери понесли курсанты артиллерийских училищ, и их вывели из района боёв. Мы оказались в окружении. Наш отряд получил задание вести разведку, собирать и переправлять в тыл разрозненные подразделения и группы наших бойцов, отступавших к Ленинграду.

22 августа наш отряд уже под командованием капитана Лебедева получил приказ вернуться в Ленинград для распределения в войска. Чёткой линии фронта здесь ещё не было, хотя фашисты уже заняли Гатчину в тылу Лужского района и вышли на ближние подступы к Ленинграду. Наш отряд выходил из окружения в четыре часа утра у деревни Выра. Мой взвод двигался первым. Поэтому мы первые обнаружили стоящие на огневой позиции немецкие орудия. Часовые проглядели нас. Внезапность дала возможность практически без единого выстрела переколоть вражеских артиллеристов и захватить три орудия с боезапасами.

В этой обстановке капитан Лебедев приказал мне вместе с отделением артиллеристов прикрыть выход отряда, используя вражеские орудия. Решение было своевременным, потому что скоро гитлеровцы заметили движение нашего отряда. В нескольких сотнях метров показались три танка и пять самоходных орудий. Нас спасло то, что их экипажи не совсем представляли себе, где находится наш отряд. Поэтому они двигались не на нас, а, выстроившись в линию, подставляли нам свои борта. Этого оказалось достаточно, чтобы мы буквально в течение десяти минут прямой наводкой подбили все вражеские машины.

Наш отряд, воспользовавшись замешательством фашистов, прошёл линию фронта без потерь. Но немцы определили, где находится моя группа, и подвергли этот район артиллерийскому удару и миномётному огню. Несколько человек было убито сразу же. И выведя из строя немецкие орудия, поредевшей цепочкой мы бросились в лесные заросли.

Из двенадцати человек в моём подразделении осталось шесть. Мы несли на руках раненого товарища. Я бежал последним и вдруг в нескольких метрах от себя услышал вы-

стрел – в меня стрелял затаившийся гитлеровец. К счастью, он промахнулся. Я опередил второй выстрел, заколов врага ударом штыка.

Когда наша группа углубилась в лес на несколько сот метров, я приказал сделать короткий привал, чтобы отдышаться и уточнить направление дальнейшего движения. Но не успели мы повалиться на землю, как начался беспорядочный обстрел этого района леса. В верхушках деревьев, под которыми мы остановились, внезапно взорвалось несколько мин: осколки сыпались вниз дождём и один из них задел меня, сидевшего под сосной на корточках. Я почувствовал острую боль в спине и упал на траву. Я ощущал, как пульсирует из раны горячая кровь, заливая мне спину. Меня переложили на плащ-накидку и, сняв ремень, стянули к шее гимнастёрку. Оказалось, что крупный, сантиметров в восемь, вертикальный осколок ударил по касательной между лопаток и наполовину торчал из тела.

Я приказал вытащить осколок. И усевшись для удобства мне на поясницу, командир отделения Фёдор Трубицин рывком вырвал осколок. От сильной боли я потерял сознание. Очнулся, как мне сказали уже через полчаса. К этому времени в рану уже натолкали тампонов и крест-накрест перебинтовали спину. Движение нашей группы резко замедлилось: я потерял много крови и не мог идти сам. Теперь нас было двое раненных, и обоих несли на плащ-накидках.

Двое суток мы выходили из вражеского тыла. Очень хотелось есть, но кроме двухсотграммовой пачечки масла еды у нас не было. Каждый получал по кусочку масла три раза в день. Лишь на рассвете 25 августа мы вышли к станции Сусанино, которая уже оставлялась нашими подразделениями. Буквально последним паровозом меня и ещё одного раненого отправили в Ленинград.

Я попал в госпиталь, который был развёрнут в бывшей больнице имени Мечникова на Петроградской стороне. Там меня раздели и положили в тёплую ванну, чтобы смыть кровяную коросту, наслоившуюся на спине после ранения. Последнее, что я запомнил, это жалостливые лица санитарных медсестёр, осторожно опускающих меня в воду.

Очнулся я лишь на двенадцатые сутки. И уже на следующий день меня навестили друзья по учёбе, принёсшие с собой газету Ленинградского фронта «На страже Родины», в которой

был описан эпизод нашего боя у деревни Выра, когда мы побили вражеские танки и самоходки. Я прочитал заметку и вновь потерял сознание, правда, теперь только лишь на полдня.

Я вышел из госпиталя 22 сентября 1941 года.

Одним из первых на Ленинградском фронте я был награждён орденом Красной Звезды. Меня назначили комиссаром артиллерийского дивизиона 42-й армии, занимавшей позиции на Пулковских высотах. Но уже в декабре я попал на Северо-Западный фронт, где стал комиссаром отдельного стрелкового батальона. Мне ни раз пришлось побывать в весьма трудных ситуациях, но вражеские пули обходили меня стороной. Лишь 8 ноября 1943 г. я был ранен, на этот раз ниже колена. Это случилось в бою под деревней Смычкино, что на реке Ловать под Новгородом.

После излечения я был назначен на должность секретаря партийного комитета зенитного полка и дошёл с ним до Берлина.

Помню: был вечер 1 мая. Расположившись на окраине обширного парка в западной части Тиргартена, что в самом центре Берлина, отдельный зенитный полк вместе со всей артиллерией 8-й гвардейской армии вёл огонь прямой наводкой по зданию имперской канцелярии и рейхстага. Где-то там, глубоко под землёй, находилось последнее логовище Гитлера. И я, парторг полка майор Николай Сорокин, не мог отвести взгляда от неповторимого фейерверка разрывов. Ведь война заканчивалась, впереди – Победа.

Перечень наград: орден Красной Звезды – 2, орден Отечественной войны – 2, орден Жукова, медаль «За победу над Германией», медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За освобождение Варшавы», медаль «За взятие Берлина» и 10 юбилейных медалей.

Война закончилась, наступило мирное время. Впереди меня ждали годы тихой, обычной жизни.

В мае 1948 года я завершил службу в армии. В 1962 году я защитил кандидатскую диссертацию, а несколько лет спустя был избран доцентом кафедры политэкономии Краснодарского политехнического института, в котором и проработал более 30 лет.

Несмотря на возраст, я принимал активное участие в учебно-воспитательной и военно-патриотической работе. Был избран председателем Совета ветеранов войны и труда нашего института. Сегодня я – кавалер 17 боевых наград, и каждый раз, встречая годовщину Великой Победы, я вспоминаю своих боевых друзей, всех тех, с кем пришлось мне пройти по фронтовым дорогам с первого и до последнего дня войны.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 2 курса Кубанского государственного технологического университета ***Калмыков Вадим Евгеньевич***

Степанов Николай Петрович

В боях за Северный Кавказ

Я родился 22 мая 1917 года в г. Казани в русской, православной семье служащих. Являлся членом КПСС. В 1935 г. закончил среднюю школу. В 1936 г. поступил в Казанский инженерно-строительный институт.

21 июня 1941 г. я защитил дипломный проект в и получил квалификацию инженера. А 24 июня я получил в военкомате предписание немедленно направиться в Москву, в Военно-инженерную академию им. Куйбышева. Там я был зачислен слушателем 4-го курса факультета инженерного строительства. Начались напряженные занятия в летних лагерях академии под Москвой...

В середине октября, когда завязались бои на Московском направлении, из слушателей академии были созданы группы подрывников. По заданию командования мы создавали минновзрывные заграждения на подступах к Москве и подготавливали к взрыву объекты, которые оказались под угрозой захвата противником. В эти дни мне было присвоено воинское звание лейтенант.

Весной 1942 г., в связи с резким ухудшением положения советских войск на южном участке фронта, был произведен досрочный выпуск слушателей академии. Я был направлен в распоряжение начальника инженерных войск Северо-Кавказского фронта, где стал командиром роты 189 отдельно-

го батальона инженерных заграждений. Штаб нашей бригады располагался в Краснодаре. Здесь я с группой офицеров получил приказание выехать на станцию Зимовники (за Сальском), где нам следовало немедленно приступить к формированию батальона, который числился пока что лишь на бумаге.

В середине июля немецко-фашистские войска форсировали Дон и образовали Цымлянский плацдарм. Наш, наспех сформированный батальон, получил задание прикрыть минновзрывными заграждениями оборону 51-й армии. Я со своей ротой под огнем противника устанавливал минные поля на танкоопасных направлениях, устраивал фугасы против танков, минировал мосты и дорожные сооружения.

В конце июля противник нанес мощный танковый удар и вынудил нас отступать. Немцы заняли Сальск. Несмотря на большие потери, преследуемые мотопехотными подразделениями, под бомбежками с воздуха, мы прорвались через горящую степь к Кизляру. Здесь батальон получил пополнение за счет отступивших в этот район солдат других частей.

По приказу командования наш батальон был переброшен в город Нальчик и придан 37-й армии, части которой занимали оборону по рекам Баксан и Терек. 25 октября 1942 г. после мощной авиационной и артиллерийской подготовки немцы нанесли сильный массированный танковый удар на Нальчикском направлении. 25 и 26 октября моя рота минновзрывными заграждениями сдерживала танковые атаки противника. За это время на наших минах подорвались семь танков противника. Но враг лез напролом и, заняв Нальчик, оттеснил наши войска в горы. Моя рота выполняла в это время очень важную работу по прокладке дорог в горах, оборудованию переправ через горные реки и минированию горных троп, по которым рвались в наши тылы вражеские егеря ...

В ходе изматывающих кровопролитных боев все попытки противника прорваться в Закавказье были пресечены. В начале января 1943 г. началось наступление советских войск на этом участке фронта. Совершив переход через горные перевалы, наши части в первой половине января освободили Нальчик, Ессентуки, Черкесск. Гитлеровцы поспешно отходили, прикрываясь сильными арьергардами, минируя дороги и взрывая мосты. Теперь наше подразделение обезвреживало мины и фугасы противника, строило и восстанавливало мосты, оборудо-

вало переправы. Продолжая наступление на Краснодарском направлении, наши войска освободили г. Армавир, ст. Тбилисскую, ст. Ладожскую, г. Усть-Лабинск ...

В Усть-Лабинске наш инженерный батальон получил задачу: обеспечить движение войск вдоль реки Кубань на Краснодар. Оттепель и дожди сделали дороги непроходимыми для боевой техники и транспорта. Все мосты были взорваны, все низины и каналы были переполнены талой водой. Поэтому работать приходилось днем и ночью, часто под обстрелом противника. Завязнув в сплошном месиве кубанской распутицы, наша артиллерия, обозы, кухни отстали на десятки километров от передовых стрелковых частей. Отходящий противник широко применял противопехотные и противотанковые мины и фугасы. Мины, установленные осенью и зимой, перемешались с землей, водой и грязью. Их обнаружение и разминирование стало исключительно трудным. Мои солдаты часто при разминировании подрывались сами. Продвигаясь вместе с передовыми частями, роты нашего батальона двигались перекатами к Краснодару. 11 февраля моя рота вступила в станицу Пашковскую. 12 февраля был освобожден Краснодар, а мы приступили к разминированию горящего элеватора.

В дальнейшем наш батальон был передан 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко и переименован в 120-й гвардейский саперный батальон.

В должности начальника штаба, затем и командира этого батальона, а впоследствии и бригадного инженера я участвовал в Курской битве, в форсировании Днепра и освобождении Киева, форсировании Вислы, Немана и Одера.

На заключительном этапе войны мне пришлось принять участие в Берлинской и Пражской операциях.

За активное участие в Великой Отечественной войне я был награжден орденами:

«Красного Знамени»,
«Александра Невского»,
«Отечественной войны» I степени,
«Красной Звезды» – (два);
и медалями:
«За боевые заслуги» - (две);
«За победу над Германией»;
«За оборону Кавказа»;

«За взятие Берлина»;

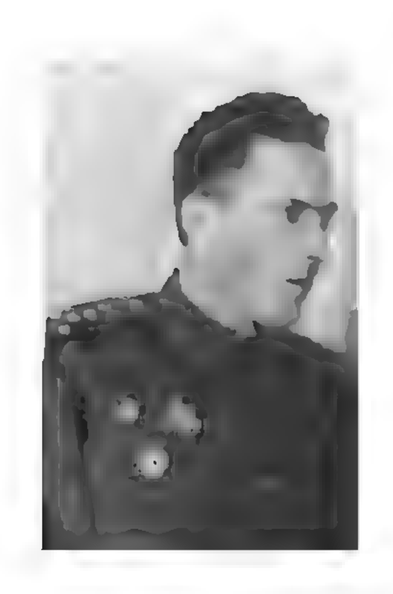
«За освобождение Праги», а так же имею 11 юбилейных медалей.

Войну я окончил в звании капитана.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 4 курса Кубанского государственного технологического института ***Захаров Евгений Сергеевич***

Суржан Григорий Иванович

Гвардейцы в боях за Родину

Я родился 12 февраля 1914 г. в селе Каменка, Старобельского района, Донецкой (Луганской) области. По национальности - украинец. В 1931 году окончил Рубежанскую фабрично-заводскую семилетку, затем, в 1936 году Славянский педагогический техникум Донецкой области. Работая в школе учителем, поступил в Донецкий институт народного образования и в 1940 году успешно его окончил. До войны я работал директором школы, за таким мирным и благородным трудом и застала меня война.

Узнал о начале войны 22 июня утром из выступления Молотова по радио. В этот момент находился в селе Залиман Кременского района Луганской области, где работал директором школы.

Время неумолимо нас приближает к 60-летию победы в Великой Отечественной войне против фашистской Германии 1941–1945 гг. Время стирает в памяти имена боевых товарищей, с которыми прошли долгий фронтовой путь. Всё дальше уходят вглубь истории грозные годы ВОВ. Но время не властно предать их забвению, вытравить из памяти народной. В послевоенные годы вышло много различной литературы: книг, мемуаров о ВОВ. А каждое правдивое произведение об этой священной для советских людей войне – ещё одно свидетельство великого подвига, совершённого нашим народом во имя

свободы и независимости своей Родины, мира и прогресса. Воспоминания участников мировой войны – свидетельство огромной исторической важности. Никакие документальные материалы не в состоянии передать всю сложность и динамичность военных событий, проходивших на обширных просторах. Каждый человек – участник боевых действий, его воспоминания – это отдельная страница истории ВОВ, это судьба, тесно вплетённая в судьбу Родины.

Воспоминания дороги нам и своей конкретностью, так как авторы их были прямыми участниками сражений на фронтах войны. Воспоминания нужны не ради воспоминаний, они нужны для будущих поколений, ибо воспоминания участника боёв и сражений, даже одного человека есть страница истории общества, страны, в которой жил, трудился и воевал человек.

Я буду писать свои воспоминания только о боях и сражениях в годы ВОВ, в которых я принимал непосредственное участие, видел всё своими глазами.

Несколько слов о себе.

С 1940 года я был в рядах ВКП(б). На десятые сутки войны меня призвали в ряды защитников Родины. Мне довелось воевать с начала войны и до конца на пяти фронтах: Юго-Западном – под Сталинградом, Брянском, Центральном – Курская битва, Белорусском – 1-м Белорусском.

Участвовал в освобождении Белоруссии и города Минска, форсировании Днепра, освобождении Польши и Варшавы, в Берлинском сражении и штурме Рейхстага. 31 декабря 1943 года был контужен. Лечился в госпитале около трёх недель. Боевые действия окончил 2 мая 1945 года в Берлине.

Во время войны были в плену две младшие сестры: Анастасия и Лиза. Они были захвачены немцами в Донбассе и пробыли три года во Франкфурте-на-Майне. Были освобождены американцами.

Сначала был назначен политруком истребительного батальона (хотя звание мне не было ещё присвоено), который вёл борьбу с парашютными и наземными десантами, которых в 1941 фашисты засылали в тылы наших войск. Оперативно был подчинён командарму 6-ой армии Р.Я Малиновскому.

С Юго-Западного фронта меня перебросили под Сталинград в 1942 г. в распоряжение политотдела 62 армии генерала Чуйкова.

Из-под Сталинграда меня направили на краткосрочные курсы военных комиссаров батарей и дивизионов, по окончании которых был направлен в сентябре 1942 года под Москву, где формировались новые гвардейские части "катюш", новые соединения бригад: 22 и 23 гвардейские бригады и 5-ая гвардейская дивизия РС (ракетных установок). Это были новые соединения, вооруженные новым мощным оружием – реактивными снарядами, которые предназначались для взламывания, разрушения сильно укреплённых вражеских узлов сопротивления, и которые сыграли большую роль в разгроме врага.

В 1942 году в сентябре мне присвоено звание политрука и я был назначен военным комиссаром гвардейского дивизиона 23 гвардейской бригады, 5-ой гвардейской дивизии под командованием полковника А.М. Лобанова.

В связи со сложившейся сложной обстановкой Воронежского и Брянского фронтов 17 января 1943 года начали Воронежско-Косторинскую операцию с целью обеспечения прорыва обороны противника войсками Брянского фронта западнее Ливны (24 января 1943 года), в которой участвовала 5-ая гвардейская минометная дивизия. Дивизии предстояло совершить 500 километровый марш в трудных условиях зимы по маршруту Москва – Подольск – Тула – Ефремов – Ливны. 26 января в 6 часов утра гром артиллерийской канонады возвестил о начале артиллерийской атаки 22 и 23 гвардейских бригад 5-ой гвардейской дивизии, которая подавила вражескую оборону на переднем крае и обеспечила успех 13-ой армии с Севера, которой командовал генерал Н.П. Пухов, и с юга 40-ой армии. Атака продолжалась 15 минут. Кольцо вокруг Воронежско-Косторинской группировки замкнулось. В котле оказались около 10 вражеских дивизий, большое количество легковых машин, железнодорожных эшелонов с боевой техникой, боеприпасами и горючим. Враг понёс большие потери в боевой силе и технике.

В первой половине февраля 5-ая гвардейская дивизия поддерживала боевые действия войск 48-ой армии (командарм Романенко). В ходе боёв были освобождены: районный центр Орловской области, Малоархангельск, Золотухино, Казинка,

Самодуровка, Ольховатка и ряд других населённых пунктов. Враг понёс большие потери в боевой силе и технике.

15 февраля командармом дивизии был назначен полковник Е.А. Фирсов - опытный офицер. Любое наступательное действие фронтов и армий сопровождалось огневой мощью гвардейской дивизии. К весне 1943 г. 5-ая гвардейская дивизия была включена в состав Центрального фронта, которым командовал К.К. Рокоссовский.

Разгром Воронежско-Косторинской группировки врага создал условия нашим войскам успешно продвигаться вперёд. Несмотря на катастрофические последствия битвы на Волге, провал планов зимней кампании, гитлеровские политики и стратеги решили провести летом 1943 г. на советско-германском фронте большое летнее наступление. К этому времени линия фронта почти по прямой линии проходила от Ленинграда до Таганрога, только в районе Курска войска Центрального и Воронежского фронтов вклинились в расположение противника на глубину до 200 км (Курский выступ, протянувшийся более чем на 500 км, проходил от Змиевки к Тагино и далее через Севск, Рыльск, Сумп, Белгород). Гитлеровское командование нашло этот участок самым удобным для нанесения решительного удара. Оно рассчитывало срезать выступ, уничтожить окружённые советские войска, а затем повернуть на северо-восток, в сторону Москвы. План этой операции получил условное название "Цитадель". В одном из своих приказов Гитлер провозгласил: "Я решил провести наступление "Цитадель" – первое наступление в этом году. На направлении главного удара должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боевой силы и техники. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира". Для осуществления этого плана в район Орла и севернее Харькова были переброшены 5 некоторых дивизий из Франции, Германии, Норвегии (второй фронт ещё не был открыт). Большие надежды противник возлагал на новую боевую технику: танки "Тигр", "Пантера" с мощной бронёй, самоходное оружие "Фердинанд", истребители "Фокке-Вульф-1900" и штурмовики "Хеншель-129". К началу Курской битвы на Советско-Германском фронте находилось 232 вражеских дивизии (более 5,3 млн. человек), 54,3 тыс. орудий и миномётов, 5850 танков и

штурмовых орудий, 2980 боевых самолётов. Как свидетельствует бывший гитлеровский генерал Ф. Меллентин, ни одно наступление не было так подготовлено как это. В течение апреля – июня 1943 г. на всём курском выступе развернулась гигантская, поистине титаническая работа по созданию преднамеренной мощной, глубоко эшелонированной противотанковой обороны. По предложению Г.К. Жукова Верховное главнокомандование Вооружённых сил СССР приняло решение организовать, главным образом, преднамеренную противотанковую оборону против наступательных бронетанковых сил фашистской Германии. Г.К. Жуков докладывал в Ставку, что лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы переходом в общее наступление, окончательно добьём основную группировку противника. Штаб артиллерии Центрального фронта привлёк к участию контрподготовки около 600 орудий и миномётов. К концу июня оборона наших войск была завершена.

Курская битва началась не так, как планировало гитлеровское командование. Оно ошибочно считало, что советские войска первыми перейдут в наступление. Однако это не произошло.

Вечером 4 июля командующему фронтом генералу К.К. Рокоссовскому доложили, что захваченный разведчиками 13 армии немецкий сапёр показал, что наступление назначено на 3 часа 5 июля. Этот срок совпал с сообщением перебежчика на Воронежском фронте. Это позволило командующим фронтами определить моменты начала артиллерийской контрподготовки, упреждающий удар противника на Центральном фронте. Он был нанесён в полосах 81-ой и 15-ой стрелковой дивизии в 2 часа 30 минут 5 июля 1943 года. Ночную темень разорвали миллиарды вспышек залпов орудий и гвардейских миномётов. Тысячи разрывов снарядов образовали в стане врага сплошную огненную стену, протянувшуюся на много километров по фронту и в глубину. Прогромыхало 7 дивизионных и 7 батарейных залпов с боевых установок. Сошло более 1300 тяжёлых реактивных снарядов. Не переходя в наступление, вражеские войска несли серьёзные потери. Немецко-фашистскому командованию потребовалось более 2-х часов, чтобы прейти в себя от неожиданной лавины огня и металла. Пленный командир роты 9-й немецкой танковой дивизии сказал: “Эти 30 ми-

нут были настоящим кошмаром”. Обезумевшие от страха офицеры спрашивали друг друга: “Кто же собирается наступать: мы или русские: четвёртая рота потеряла 30 человек убитыми и 38 ранеными. Убит командир нашего батальона, 6 танков вышли из строя”. Этим упреждающим ударом нашей артиллерии и ракетных частей было задержано на 2,5 часа немецкое наступление. В 5 часов 30 минут противник после непродолжительной артиллерийской и авиационной обработки бросил в бой армии, 9 дивизий, две танковые (до 500 танков), среди них тяжёлые “Тигры” и “Пантеры” и тяжёлые самоходные орудия “Фердинанды” и 300 бомбардировщиков. Казалось, что перед такой мощной стальной лавиной не устоит ничто живое.

День 5 июля был ясный, солнечный, но гигантское сражение, развернувшееся на земле и в воздухе, превратило в кошмарную ночь. Небо почернело от дыма и пыли. Едкие газы от взрывов снарядов и мин слепили глаза. От грохота орудий и миномётов, лязга гусениц воины теряли слух, но дрались с беспримерным мужеством. Даже танки и машины шли с зажженными фарами. Это был кромешный ад, это была гигантская мясорубка, которая перемалывала не только грозную технику, но и людей. В Курской битве фашисты теряли ежедневно до 10 тысяч солдат и офицеров. Все вражеские атаки в первый день сражения были отбиты, фашисты понесли большие потери в живой силе и технике.

6 июля враг бросает одну за другой несколько бешеных танковых атак. Наша 5-ая гвардейская ракетная дивизия совместно с артиллерией 13-й армии отбивают все вражеские атаки. Враг несёт большие потери. Враг отчаянно пытался взорвать нашу оборону, но все его атаки были отбиты. Бахвальство бесноватого фюрера, который хвастался, что он своими “Тиграми” и “Пантерами” раздавит нашу оборону, проутюжит её от начала и до конца, оказалось пустым звуком, несбыточной мечтой.

С 8 по 12 июля бои носили упорный характер. Враг бросал в бой всё новые и новые силы. Наши войска в ожесточённых боях перемалывали живую силу и технику врага, отразив все его попытки прорвать оборону.

К 12 июля в Курской битве наступил перелом. За 8 дней Советские войска в ожесточённых боях измотали и обескрови-

ли ударные группировки противника. Так были созданы условия для перехода Советских войск в контрнаступление. Немалую роль по срыву наступления противника сыграла реактивная артиллерия, в том числе 5-ая гвардейская минометная дивизия. Только за 8 дней оборонительных боёв произвели свыше 50 дивизионных и батарейных залпов по врагу, выпущено около 200 снарядов, огнём дивизии подбито и сожжено 47 танков и штурмовых орудий, 42 автомашины, 7 миномётных батарей, сорвано 8 атак, рассеяно и уничтожено более 4000 солдат и офицеров противника. Задуманная гитлеровским командованием наступательная операция на Курской дуге потерпела провал. Трудно переоценить значение в этой выдающейся победе Красной Армии действия гвардейских миномётных частей на Центральном фронте. За период с 4 по 15 июля 5-ой гвардейской дивизией было подбито 108 танков, сожжено 90 танков, 12 автомашин, уничтожено до 8 батальонов пехоты, 2 миномётные и 2 артиллерийские батареи, 17 огневых точек, 3 склада с боеприпасами, отбили 15 атак больших сил противника, поддерживаемых авиацией. О величайшем мужестве и стойкости в период оборонительных сражений на Курской дуге воинов-артиллеристов и гвардейцев-ракетчиков генерал армии К.К. Рокоссовский пишет в книге воспоминаний: “Величайшую стойкость, превосходную выучку показали артиллеристы и ракетчики. Здесь отличились тысячи бойцов, командиров и политработников. Трудно найти слова, чтобы воздать должное их мужеству и героизму. Это об их стойкость разбилась бронированная лавина врага, превратив хвалёные “Тигры” и “Фердинанды” в бесформенные груды искорёженного металла. Завершилась гигантская битва на Курской дуге, в ходе которой Советские войска разгромили 30 вражеских дивизий, в том числе 7 танковых, уничтожено более 500 тысяч солдат и офицеров, 1500 танков, 3000 орудий и более 3700 самолётов”.

После Курской битвы гитлеровское командование окончательно отказалось от наступательных действий. Закончу о Курской битве словами поэта Е. Долматовского из поэмы “Поныри”:

Здесь не было ни гор, ни скал
Здесь не было ни рвов, ни рек
Здесь русский человек стоял,

Советский человек

После Курской битвы наша 5-я гвардейская дивизия вела активные боевые действия по освобождению Белоруссии. В осенне-зимнюю кампанию 1943 года был освобождён областной центр Гомель. Далее шло освобождение г. Речецы, Жлобина, Осиповичей, Калинковичей. Нашей дивизии было присвоено звание Калинковичская. Весной 1944 г. дивизия участвовала в выполнении задания по освобождению Белоруссии под названием “Багратион”. Мой дивизион - 1-й гвардейский штурмовой “Катюш” 22-й гвардейской бригады 5-й гвардейской дивизии получил приказ поддерживать и сопровождать конно-механизированную группу под командованием генерала И.А. Плиева в рейде по тылам врага в Белоруссии. С 23 июня 1944 г. по 10 июля дивизион прошёл с конно-механизированной группой сотни километров по тылам врага. КМГ и мой дивизион уничтожали тыловые склады, базы, боевую технику и боевые припасы. Дивизионом была уничтожена в г. Слицке большая база элементов с горючим, боеприпасами, был уничтожен вражеский гарнизон. Следующим гарнизоном и крупной фашистской базой оказался город Столбцы. Мой дивизион залповым ударом уничтожил 8 элементов, готовых к отправке в Германию. Гарнизон был уничтожен, магистральная железная дорога и автомагистраль были перерезаны и разрушены, что не давало возможности фашистам пополнять свои войска в Белоруссии, а также отступать. Фашистские танки “Тигры” и “Пантеры” и другие рвались уничтожить нас и восстановить прерванные железнодорожные пути и автострады. 5 дней и ночей дивизиону пришлось вести борьбу с фашистскими танками. Гвардейцы-ракетчики выдержали натиск. Следующим крупным городом на нашем пути был г. Барановичи - железнодорожный и автомагистральный узел. Огромное количество боевой техники и личного состава скопилось на окраине этого города. По приказу командующего генерала Плиева дивизион нанёс ракетный удар по скоплению вражеских войск в Барановичах. В результате этого было уничтожено много боевой техники, танков и личного состава. Это дало возможность группе генерала Плиева успешно продвигаться на запад к Бресту.

Выполнив боевые задачи в рейде, дивизион совершил 1000 километровый маршрут в тыл врага на самое левое крыло 1-го Белорусского фронта. Здесь во Львовской области дивизион освободил несколько населённых пунктов. Перешагнув через Буг, дивизион участвовал в освобождении польских городов Хелм, Люблин, Любарту, Прагу (Варшавскую). 16 – 17 января 1945 г. была освобождена Варшава и ряд городов Польши: Кутно, Ковель, Конно и Познань.

В марте 1945 г. вся наша дивизия (5 гв.), в том числе и мой дивизион, участвовали в разгроме немцев в Восточной Померании. Дивизия и мой дивизион участвовали в последнем решающем наступлении на Берлин; мой дивизион поддерживал 3-ю Ударную армию в штурме Рейхстага, воины которой водрузили знамя победы на Рейхстаге.

На рассвете 2 мая капитулировал берлинский гарнизон под командованием генерала Войдлинга. Так закончилась Великая Отечественная война Советского Союза с фашистскими захватчиками в Берлине.

Награды:

- орден Красной Звезды №167922. Награждён командармом 13-й армии генералом Пуховым 12 июля 1943 г. Орден вручил командир 23 гв. бригады полковник Н. Корытько;
- орден Отечественной Войны II степени №351069. Награждён командармом конно-механизированной группы. Орден вручил генерал Плиев И.А. 10 июля 1944 г.;
- орден Отечественной Войны I степени № 102120. Награждён командармом 8-ой гвардейской армии В. Чуйковым. Орден вручил командир 22 гв. бригады полковник В. Фирсов;
- орден Красного Знамени № 375265. Награждён командармом 3-й Ударной армии 10 мая 1945 г. Орден вручил командир 32 артдивизии генерал Колесников 6 сентября 1945 г.;
- орден Красной Звезды №3431668. Награждён командующим СКВО в 1951 г. (за выслугу лет). Орден вручил начальник гарнизона г. Краснодара;
- орден Отечественной Войны I степени № 082503 за храбрость, стойкость и мужество, проявленное в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменование 40-летия

победы советского народа в ВОВ 1941–1945 гг. Награждён указом Президиума верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.;

- медаль «За боевые заслуги» (за выслугу лет). Награждён командующим Северо-Кавказского военного округа.

Публикации:

- Книга воспоминаний о ВОВ "Когда поют Катюши". Издана 10.02.2004 г., 164 стр., автор Суржан Г.И.;
- статья в газете "За инженерные кадры" от 20 апреля 1995 г. "50 лет Великой победы";
- статья в журнале "Знание" "Крах операции "Цитадель"", опубликована к 40-летию Курской битвы;
- статья в краевой газете "Рассвет" "Последний штурм" о последнем штурме гвардейского дивизиона в Берлине;
- статья в краевой газете "Инвалид Кубани" "Письмо из музея";
- статья в краевой книге о столетии со дня рождения Г.К. Жукова "Великий сын России" (стр. 224 – 226). Книга издана краснодарским книжным издательством 26.02.1996 г.;
- статья в газете "Кубанские новости" "Кубанцы идут в рейд" опубликована к 50-летию Ленинградского рейда Кубанских Конников, Кубанского кавкорпуса и моего гвардейского дивизиона в рейде по тылам врага в Белоруссии в 1944 г.;
- статья в газете "Провал операции "Цитадель"" опубликована к 60-летию Курской битвы 11 июля 2003 г.;
- статья в газете "Ежедневная краевая творческая газета" "Залп гвардейских миномётов". Опубликована 26 июля 2002 г.;
- статья в газете "Вольная Кубань" "От обороны к победе", опубликована 10 июля 2002 г. к 59-летию Курской битвы.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса Кубанского государственного технологического университета ***Яковенко Ирина Геннадьевна***

Тумасов Борис Евгеньевич

Мальчишки, мальчишки…

(О товарищах моих, о друзьях павших слово горькое…)

Я родился 20 декабря 1926 года в станице Ленинградская Краснодарского края в семье рабочего, член КПСС. Там же прошли мои детские годы. В апреле 1943 года добровольцем ушёл на фронт. Воевал на 1-м Украинском, затем на 1-м Белорусском фронтах. Принимал участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Польше и Германии. В августе 1945 г. после демобилизации вернулся в родную станицу. С 1947-1949 гг. учился в Ростовском-на-Дону государственном университете на историко-филологическом факультете. С 1950-1955 гг. работал учителем истории и логики в средних школах № 8 и 12. С 1955 г. кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Кубанского государственного технологического университета. Член Союза писателей России и СССР. Заслуженный работник культуры России.

Годы неумолимы...

Шестьдесят лет минуло, как загремели залпы Великой Отечественной...

Четыре года стонала и плакала земля, и ложились в нее солдаты. Сколько же их потеряло мое многонациональное Отечество? Называли десять миллионов... По истечении вре-

мени эту цифру удвоили... Сегодня говорят о тридцати миллионах...

А так ли?

Где гремели малые и большие бои, остались безымянные могилы... И в них навеки легли солдаты-мальчишки... Нецелованные, не изведавшие любви и отцовских чувств... Несвершившиеся писатели и ученые, прекрасные труженики страны моей...

Помните о них, люди. О тех мальчишках помните...

И ни в какое пехотное училище, как предсказывал Колька, мы не попали...

Нас будят на рассвете, и по теплушкам катится команда:

- Выходи строиться!

Эшелон из множества товарных вагонов остановился на маленькой станции, которой, по всей видимости, даже нет на карте. Колька уже успел пронюхать, что нас ожидает запасной пехотный полк. Он преподносит нам эту новость, когда колонна выходит в открытую степь. Занимается заря. Воздух свежий и чистый. Он вольно гуляет из одного края степи в другой. Мы идем по накатанной дороге, а по сторонам, куда ни глянь - простор. Степь уже поросла первой травой. Выводят утреннюю зорю жаворонки. Моздокская степь...

Дивизия стоит на Кавказе в нескольких населенных пунктах, а наш полк в станице Солдатской. Это станица терских казаков. От давних времен местные старики сохранили степенность, торжественную молчаливость. По вечерам девчата выходят на улицу, лущат семечки и поют свои песни. От всего этого приходят на ум страницы повести Толстого о казаках...

Наши казармы на окраине станицы. Мы строим их сами. Из леса носим бревна и хворост, делаем турлук и месим глину. Казармы получаются длинные, как конюшни, а вдоль стен нары в два этажа.

Рядом с казармами быстрая речка Малка. Мы засыпаем под ее рокот и поднимаемся по сигналу трубача. Когда горнист играет побудку, из крайнего двора выходит осел и криком вторит трубе. Ослу, видимо, нравится звук трубы, и он не пропускает ни одной зори. Но мне побудка горниста и команда дежурного «Подъем!» совсем не по душе. Мы прыгаем как ошпаренные с верхних нар прямо в ботинки, на которых еще с вечера расстелены портянки, скачем попеременно то на одной,

то на другой ноге, мотаем обмотки. Руки работают одна быстрее другой. Никому не хочется опаздывать на построение и попадать в пятерку тех, на чью долю выпадет уборка казармы. А с улицы уже доносится певучий голос старшины:

- Становись!

Нелегка же ты, служба солдатская! Особенно нам, новичкам, да еще в запасном пехотном. На физзарядку строем, умываться строем и даже в столовую строем. То и дело мы слышим: «Равняйсь! Смирно! Налево! Кругом!»

Завтракаем у кухни, на трапе.

- Рота, садись! Начинай! - поет старшина, и наперегонки от котелков ко рту и от рта к котелку мечутся ложки. Но вот снова раздается голос старшины:

- Поели? Встать, выходи строиться! - И тут же: - Смирно!

Старшина проходит вдоль строя, останавливается то у одного, то у другого, хмурится.

- Где заправка? Ишь, живот!

А откуда ему быть, животу-то? Из столовой уходишь - вроде и не ел.

Форма просторная и висит мешком, а воротник гимнастерки на двоих. Мы заворачиваем его наполовину и наглухо пришиваем черными нитками.

Из окон казармы виднеются горы с заснеженными лысинами. Их вершины, одетые в белые папахи, курятся в облаках. Горы манят. Кажется, они совсем рядом, но попробуй дойти до них.

После завтрака горнист трубит общеполковое построение. Мы маршируем через станицу, выходим на каменистую дорогу, по обе стороны которой тянутся виноградники. Это наш путь на учебный полигон.

Мы проходим его два раза в день, туда и обратно. До полигона добрый десяток километров. Наш взвод шагает с песней:

Белоруссия родная,
Украина золотая...

Другой взвод заводит свою:

Пропеллер, громче
Песню пой.

Наверное, запевала этого взвода собирался стать летчиком, а попал в пехоту.

Комвзвода, лейтенант в годах, шагает в стороне. На нем гимнастерка, задубевшая от соли, пыльные кирзовые сапоги и старая, выгоревшая на солнце фуражка.

Лейтенант бреется редко, и его лицо заросло щетиной. Стоит по команде «Запевай!» не запеть, как тут же следует: «Бегом марш!» И мы бежим до самого полигона, мимо арыка с холодной водой. А пить так хочется. И с нами вместе, топая сапогами, бежит комвзвода.

На полигоне он снова приказывает: «Запевай»!

Но теперь мы молчим. И снова «Бегом!», и снова «Запевай»! В запасном младшие командиры, заставшие довоенную службу, делают из нас солдат. На штурмовой полосе мы тренируемся в ближнем бое. Над полигоном с утра до ночи висит: «Длинным коли! Вправо, вниз, отбей!»

И мы, что есть силы, наносим удары в сплетенные из ивовых прутьев чучела, бросаем деревянные, обтянутые железными кожухами гранаты.

А лейтенант стоит тут же и лишь изредка подает голос:

- Коли! Где у тебя сила? Перед тобой фашист! Силу в удар! Дальше от себя кидай гранату!

А потом мы учимся окапываться саперными лопатками, ползать по-пластунски и снова слышим:

- Не держи зад чемоданом! Пулю-дуру ловишь? - И тут же следует: - Цепью бегом!

Рассыпавшись цепью, винтовки наперевес, мы бежим на невидимого врага...

В перерывах комвзвода разбирает прошедшее учение и читает нам наставление по рукопашному бою.

Мы принимаем присягу. Стоит солнечное утро.

Все на нас начищено и выстирано. Галифе мы разгладили под матрацами, а на гимнастерки подшили белые воротнички, на которые старшина изодрал целую простыню. Даже ботинки и обмотки, предметы наших постоянных огорчений, и те выглядят празднично.

Мы стоим строем с винтовками к ноге. Старые трехлинейки, они тоже выдраены до блеска.

Винтовка, с примкнутым граненым штыком выше меня ростом, но это моя винтовка, мое личное оружие, и с ним вме-

сте кончилось мое детство, моя юность. С оружием мальчишка становится мужчиной, у него есть свои обязанности, свой долг.

Мы выходим поочередно к покрытому красным сукном столу и читаем присягу. Замер строй, и в тишине торжественно и сурово звучат слова: «Я, гражданин Советского Союза...»

Отныне в наших солдатских книжках будет написано: присягу принял в мае сорок третьего в запасном пехотном полку...

В этот день мы не ходим на полигон, и даже обед у нас праздничный. Это день отдыха. После обеда я выхожу в степь и ложусь на траву. При немцах в степи был аэродром, и еще до сих пор у земляных ангаров валяются бомбы. Я пишу письма домой и Женьке. Иногда мы получаем письма и от него. Он пишет об учебе в Ереване, рассказывает о товарищах по училищу. Учиться ему еще больше года. Потом Женька будет лейтенантом. В моем представлении Женька и офицер не вяжутся, но таким, как наш взводный, я знаю, он никогда не будет.

Мы с Иваном читаем Женькины письма и вспоминаем Привольную, детство. На память ни раз приходила родная хата и моя комната. Закрою глаза и вижу ее: два окна во двор, два на улицу. У глухой стены железная кровать. Между окнами с одной стороны столик, с другой — старый пузатый комод, а посреди комнаты небольшой пятиящиковый письменный стол на точеных ножках...

И еще я часто думаю о родных. Отец и мать видятся мне такими, какими я запомнил их в последний раз: отца в день проводов на фронт, а мать - когда мы покидали станицу.

Ивану приходили письма от Галки. В одном из них она прислала фотокарточку. На ней Галка вдвоем с Аннушкой. Наверное, такая же есть и у Женьки. Я завидую Женьке и Ивану и мечтаю получить письмо от Тинки. Но где-то ты, Тинка, девчонка с голубыми глазами-озерами и короткими русыми косичками? Я не раз пытаюсь припомнить твое лицо, а оно появляется и снова растворяется, как в тумане. Ты для меня далекая и близкая. Я говорю тебе, Тинка, о том, что думаю, но ты не слышишь меня. Сейчас меня слушает одна только степь.

Степь! Она похожа на нашу привольненскую. Те же ковыли и мята, чабрец и маки. Те же на тонких ножках одуванчики в

пушистых шапочках. Степь напоминает мне те времена, когда мы ходили за воронцами и были мальчишками...

Теперь тех дней уже не воротить. Здесь, в моздокской степи, я снова почувствовал себя мальчишкой, не солдатом. Но это время короткое. Заиграет горнист - и оно кончится...

Стоит сухое жаркое лето. Днем каменистая земля раскаляется и горячий воздух обжигает. Но ночи холодные, и на посту не спасает даже шинель.

В солнцепек дорога на полигон становится долгой и утомительной, а привал у арыка превращается в пытку. Десять минут отдыха — это когда мы сидим у воды, смотрим на нее и облизываем пересохшие губы. Смотреть смотри, а пить не смей, таков приказ. После утренней соленой селедки и кружки чая нас приучают переносить жажду. И мы терпим. А вода журчит, дразнит. И вот уже кто-нибудь не выдерживает, пригибается, шмыгает к арыку и снова на место. Но у отделенных глаз наметанный. Следует команда «Встать!». И пусть еще время отдыха не закончилось, в наказание мы лишаемся привала.

Запасная пехотная дивизия напоминает перевалочную базу. В дивизию люди приходят отовсюду и отсюда они уходят с маршевыми батальонами на фронт. Люди в дивизии меняются ежедневно, но нас, молодых, необстрелянных, обучают долго и основательно.

Первым из взвода ушел Колька Голов. Его забирают в оружейные мастерские. Потом расстаемся с Маркелом. Он уехал в зенитный полк.

А однажды на полигоне появился незнакомый капитан с орденом Красного Знамени на вылинявшей гимнастерке. Капитан был немолодой, с седыми прядками волос, выбившимися из-под фуражки. Он долго смотрит, как мы занимаемся штыковым боем, потом, улучив время, спрашивает совсем не по-военному:

- Ну, хлопцы, кто из вас механики, трактористы, шоферы?

Иван делает шаг вперед.

- Я тракторист!

Капитан поглядел на Ивана одобрительно:

- На каких работал - колесных, гусеничных?

- Колесных, товарищ капитан.

- Так-так, ну добре, выучим тебя на водителя танка, коли желание имеешь...

Я слежу за Иваном, и мне становится грустно. Тяжело провожать Друга, и кто знает, насколько расстаемся. Но Иван доволен. Сбывается его мечта. Он попадает в учебный танковый батальон.

Через пару дней мы прощаемся с Иваном. Солнце еще не выгрело, но роса уже спала, и воздух пахнет разнотравьем.

Иван утешает:

- Ничего, Толька, после войны встретимся... В степь сходим, в рощу... Непременно сходим... Об этом Женьке написать надо. А может и Жека откликнется.

Миновала неделя, и с маршевым батальоном мы тоже уходим на фронт.

Война тянется третий год. Третий год пашут землю снаряды и мины, роют бомбы и саперные лопаты. От разрывов сотрясается земля, и на сотни километров день и ночь не гаснет алое зарево...

Как-то еще в школьную бытность мы узнали от учителя истории, что древние римляне назвали планету Марсом — богом войны — за огненную окраску. Кровь и пожарища сделали землю тоже огненной. Но наша земля не была богом войны. У нас в роте служит старый солдат Антоныч - донской хлебороб. Он сказал мне как-то:

- Ты, сынок, приложись к земле ухом да послушай, как она нынче стонет и плачет.

И этот солдат с сизыми от махорочного дыма усами любил, закрыв глаза, рассказывать о том, как пахнет весной земля и как маслом мажется первый пласт. О земле он мог говорить часами, и когда кто-нибудь из новичков начинал сомневаться, солдат расстегивал гимнастерку, снимал с шеи мешочек с горстью донской земли, говорил: «Погляди!» И, бережно развязав тесемку, показывал сухую, перетертую в порошок землю.

Антоныч учил нас любить землю. Он говорил, что тот, кто полюбит ее и поймет, тому она раскроет свои тайны - знай бери их. А секреты земли такие же мудрые и древние, как и она сама.

Да, секреты земли и люди... Люди! Сколько их прошло перед моими глазами, и каждый из них - это целая история. Вот у нас в роте старшина - парторг. Человек как человек, с виду

обычный, а приглядись — большой души человек. Помню, перед моим первым боем он сказал мне ободряюще:

- Ты, Анатолий, фашиста не трусь. Он храбрый с теми, кто его боится. Фриц, он на психику жмет. Ворот нараспашку, рукава под локоть подкатаны... А то еще пилотку за пояс, каску рядом с фляжкой подвесит и прет, гляди, мол, какие мы арийцы.

А ты, Анатолий, когда он вот так на тебя полезет, приглядись: немец-то пьян. Вот ты его подпусти, а потом и дай, чтоб нашей русской земли наелся.

В том первом бою старшина стоял рядом со мной в окопе, и с ним я чувствовал себя смелее.

Высунувшись из-за бруствера, я смотрел, как за приземистыми танками перебегала пехота. Зеленые мундиры все ближе и ближе. Позади наших окопов рвались снаряды. Это немцы отсекали от нас второй эшелон. Теперь первый эшелон обстреливали только автоматчики да прострачивали из пулеметов. Пули с присвистом буравили землю.

Фашисты - вот они, совсем рядом. Приложившись к автомату, я ждал команды. Левая рука придерживала диск, а правая, зажав шейку ложа указательным пальцем, готова была нажать спусковой крючок. Мушка прыгала перед моими глазами, и я, сам того не замечая, повторил слова старшины: «Спокойно, Толька, спокойно». Как сквозь сон донесся его голос:

- Гляди, Анатолий, наша артиллерия ударила! Поле закрыли фонтаны земли. Орудия били густо, отсекая пехоту. Но вот батареи замолкли — и наступила непривычная тишина. Дымились на поле подбитые танки да повсюду валялись трупы, а оставшиеся в живых немцы бежали назад.

- Ну, теперь слово за нами, - совсем по обыденному сказал старшина-парторг и легко вскочил на бруствер. Поднявшись во весь рост, он крикнул:

- За Родину! Впере-ед!

И вся наша рота пришла в движение. Ожили окопы, выбросили солдатскую лавину.

Какое же это огромное расстояние - от окопа к окопу! Сбоку от меня бежал, шинель нараспашку, немолодой солдат. Я не знал его имени. Он появился во взводе с новым пополнением перед самым боем. Мне был виден его открытый рот и небри-

тый подбородок. Солдат что-то кричал. Я тоже кричал. Неожиданно солдат исчез. Я замедлил бег и увидел его. Он лежал ничком на земле.

Вот и неприятельская оборона. Мы ворвались в окопы буквально на спинах убегавших, закрепились на новом рубеже и до самой ночи ждали новой атаки, но ее в тот день так и не было...

А потом был еще ни один бой и сидения в окопах, марши, формировки.

Но иногда наша атака захлебывалась, и немцы нас теснили. Тогда, оставив убитых, мы откатывались. А когда долго сидели в обороне, то на ничейной земле трупы распухали и темнели.

На фронте я научился сворачивать из газетной полоски козью ножку, спать сидя в траншее, на лютом морозе, заложив руки в рукава шинели, шагать, не замечая устали, ни один десяток километров.

На отдыхе мы тоже не теряли времени, жарили в дезкамерах гимнастерки и шинели, парились докрасна в поездах-банях или в каком-нибудь глухом селении топили по-черному землянку-баню. И набегали дни за днями в неделю, недели - в месяцы, а месяцы - в год. За это время немало пройдено и пережито. Зачастую бывало трудно, случалось ошибаться, но люди всегда приходили мне на помощь, и за это я у них в неоплатном долгу.

До Днепра подать рукой. В лунную ночь он отливает матовым светом и кажется неподвижным.

В верховьях Днепр неширокий. Но правый берег обрывистый и голый. В школе мы учили: «Чуден Днепр при тихой погоде...». Но сегодня погода ветреная, то с колючим не *в* меру ранним морозцем. Изредка тишину будоражит ленивая перестрелка.

Днепр в эту ночь не чуден. Мы должны его форсировать, а враги намерены отсидеться на той стороне, собраться с силами. Но тому не быть, и не для того наш марш-бросок был таким стремительным, чтобы теперь задерживаться на левобережье.

Передышка короткая. Взвод располагается в сожженной деревне. Вместо хат торчат трубы да темнеют развалины печек.

Яша Лаврушевич, сокращенно Лавруша, рыжий, как Жека, худой, как Иван, и длинный, как Женька, предлагает:

- Ах, какую я тут печь видел, може-таки там теплее будет?

Я устал, и мне лень идти. Однако предложение Лавруши заманчиво, и я соглашаюсь. Но пока мы решали, лежанку уже заняли. Яша снимает шинель и, расстегнув хлястик, разбрасывает ее на земле. Мы ложимся в обнимку, тесно прижимаемся друг к другу, а моей шинелью укрываемся с головой. Однако холод залезает отовсюду. Первым дают знать о себе ноги. На них шинели не положено, и кирза на сапогах делается железной, а ноги деревянными. Благо Яша отвлекает:

- Ты вот скажи, что такое Минск? А, не знаешь! - Яша тепло дышит мне в щеку. - И как ты жил на свете? Нет, я тебе покажу наш Минск и сестренок покажу.

- А может, они на тебя похожи? Яша обиженно замолкает.

С лязгом откидывается люк зарытого в землю танка, и недовольный голос ворчит:

- Вылезай!

Яша глухо смеется:

- Ха, суслики!

Это кто-то из наших решил переспать в танке, но там внутри от брони еще холоднее, чем на земле.

«Суслики» с шумом умащиваются рядом с нами.

- Так-таки не выдержали? - любопытствует Яша.

- Полезай, попробуешь, - сердится один из них.

Я узнаю по голосу второй номер пулеметного расчета. Значит, с ним вместе и его напарник. Они неразлучные друзья.

Вскоре все успокаиваются. Яша сопит над ухом. Сбоку похрапывает кто-то из пулеметчиков. Интересно, что кому снится в эту ночь?

Я отлежал один бок, но переворачиваться на другой нельзя, моя рука лежит под Яшиной шеей. А может, постараться все-таки заснуть? Я закрываю глаза и принимаюсь считать до ста, потом обратно.

Тем, кому доведется вернуться домой, перина и теплое одеяло покажутся раем.

Наверное, мы, вчерашние мальчишки, в самостоятельную жизнь вступили резко, без перехода. Были мамы, которые опекали нас, берегли от простуды, боялись, чтоб не остались на ночь голодными. А тут сразу марш-бросок и сон на голой зем-

ле, да ко всему кухня отстала почти на сутки. Хорошо еще, если сухой паек будет, а то затяни пояс и жди. Злей будешь. Сон приходит медленно. Он переносит меня домой, в Привольную. Мне снится, что я катаюсь на коньках и вдруг проваливаюсь в полынью. Женька что-то кричит и протягивает клюшку. Я хватаюсь за нее и - вылезаю на лед. Брюки на мне обмерзают колом. Я просыпаюсь и теперь уже наяву чувствую, что от холода не могу пошевелиться. Надо мной раздается голос отделенного:

- Подъем! Твое время на пост заступать.

Поразительно, как наш сержант разыскивает нас даже в потемках, я спрашиваю его об этом, а сам делаю разминку: раз - присел, два - поднялся. Ага, кажется, согреваюсь.

Отделенный простужено смеется:

- Ты послужи с мое.

Иней посеребрил землю. Похрустывает под ногами высохший на корню бурьян. Сержант идет впереди. От ходьбы ноги у меня разогрелись.

- Смотри же ты, - не то мне, не то сам себе говорит отделенный, - они еще верят Геббельсу, что нам не осилить этот рубеж. Поглядим. Нынче не то время, когда мы воевать не умели. Теперь научились. В войне, как и во всяком деле, порядок нужен.

Я отмалчиваюсь. Сержант не любит, когда его перебивают. Но, оказывается, он говорит это для меня.

- Ты бывал когда-нибудь в здешних местах?

- Никак нет!

- А я всю жизнь тут пробыл. Только ниже, под Кременчугом. Слыхал о таком городе?

- Так точно!

- Что ты заладил? «Никак нет! Так точно!» - обиженно замолкает отделенный.

Нас останавливает окрик:

- Стой, кто идет?

Голос раздается из-под земли. Сержант называет пароль, и из замаскированного окопчика появляется Кузечкин. Это самый дисциплинированный солдат взвода. Кузечкина всегда ставят в пример.

Я залезаю в окопчик, а отделенный уводит Кузечкина. Здесь, пожалуй, не так холодно. Кузя нагрел. И обзор хороший

- далеко видно. Прямо от меня должен быть Днепр. Слева, между мной и деревней, поле. Время тянется медленно. В развалинах, нагоняя тоску, заплакал сыч. Проклятая птица, даже жутко от ее сиплого воя. Бабка говорила: «Сыч на дому кричит, хозяина выживает». Деревня обезлюдела, ни старого, ни малого. И сколько таких сел и разрушенных городов на нашем пути! Сколько рвов с расстрелянными и казненными. Кто творит все это? Может, история повернулась вспять, и по нашей земле снова прошли дикие кочевники или гунны пронеслись черной тучей? Через поле идет человек. Я окликаю:

- Кто идет? Пароль!

- Левобережье! - отзывается знакомый голос.

Я узнаю старшину-парторга. Это он проверяет посты.

- Ну, как тут, все в порядке?

- Так точно!

- И добре. Теперь уже скоро переправляться начнем. Там наши плоты вяжут. Неподалеку сарай бревенчатый уцелел.

На той стороне Днепра, правее от нас, взвилась осветительная ракета и медленно опустилась. Беспорядочно затекал пулемет.

- С перепугу в белый свет, - усмехнулся старшина. - Трусливый нынче немец, не тот, что был в сорок первом. Тогда от его нахальства жизни не было. - И чуть помедлив, добавил: - А вышли мы, кажется, удачно. Прямо против нас стык. Тут у них участок послабее будет.

Старшина уходит, а я смотрю в небо. Белой дорогой протянулся Млечный Путь. Синеватое небо усеяно далекими звездами. Они перемаргиваются. У нас на юге в Привольной ночами небо черное и звезды крупные, редкие. Интересно, живут ли еще где-нибудь люди? Или только на нашей земле? А если живут, то бывают ли там войны?

Левый берег пустынный и кустарниковый, но заморозки в этом году ранние, и лист уже осыпается. А у нас в Привольной, наверное, еще тепло и деревья стоят зеленые. Бывали годы, что в октябре мы купались. Но в эту ночь не спасает даже шинель.

Спиной ко мне сидит Кузечкин. Он, как обычно, молчит. О чем он думает? Может, вспоминает свою Пензу.

Яша сокрушается вполголоса:

- Ай-яй, и курить нельзя. Так-таки и привыкну не курить.

Я сорвал лист, жую. Он пахнет дымом и горчит. Дымом листья прокоптились, наверное, когда горела деревня.

Первый взвод уже на том берегу и завязал бой с охранением. Стрекочут автоматы, рвутся гранаты. От осветительных ракет то светится, как днем, то погружается в темень.

Справа и слева от нас, по всему Днепру, уже слышится бой. Это начали переправу наши соседи. Им тяжелее, чем нам. Мы вышли в стык, а против них главные силы. Команда застает нас врасплох. Мы бежим к берегу. Саперная лопатка бьет по ногам, а сумки с гранатами и запасными дисками оттягивают пояс. Но мы не слышим этого.

Я вскакиваю в лодку вслед за Лаврушей. Удивительно, как она уцелела, и кто разыскал ее в потемках?

За нами прыгают Антоныч и Кузечкин.

- Еще два - и все, - говорит солдат на веслах.

С берега доносится шепот:

- Держи!

В руки мне тыкается длинноствольное противотанковое ружье, а за ним в лодке умащивается расчет пэтээровцев, два ефрейтора, коренастые, похожие друг на друга, как близнецы.

Лодка садится в воде глубоко. Чуть качни - и пошел ко дну. Солдат на веслах предупреждает:

- Сидите спокойно.

- Ах, он еще нас предупреждает. Какая трогательная забота, - посмеивается Яша.

Солдат отталкивается от берега и гонит лодку наискось через реку. Сбоку от нас темнеют плоты. На одном из них переправляются наши автоматчики, на другом - минометчики.

Вспыхивает ракета, и мы поясно кланяемся днищу. Одна за другой внизу по течению ахают мины. Иногда где-то вверху с шелестом пролетают снаряды и рвутся у левого берега. Немцы стреляют вслепую, наугад. Небо горит бледно-розовым цветом. Лодка тыкается в мель. Солдат на веслах командует:

- Прыгай!

Один за другим мы лезем в воду. Она обжигающе холодная. Антоныч бредет, выставив перед собой автомат. На берегу я осматриваюсь. Лавруша и Кузечкин уже выкручивают портянки. Яша приговаривает:

- Ай-яй, моя бедная мамочка! Так боялась, чтобы я не простудился.

Теперь я чувствую, что вода хлюпает у меня в сапогах. Я переобуваюсь и вслед за Яшей взбираюсь на кручу, бегу вперед. Там наш взвод зарывается в землю. Старшина подает голос:

- Давай, ребята, поднажми, иначе утром фриц не даст жизни, а нам держаться, пока саперы переправу не наладят.

Пэтээровцы занимают оборону впереди. Им-то скучать не придется. Фашисты наверняка бросят против них танки.

Рядом что-то треснуло, и Кузя говорит:

- Беда, братцы, держак лопнул.

- Он так и не научился еще, как крот, руками рыть, ай-яй! - удивляется Яша.

Кузя отмалчивается. А мы и на самом деле напоминаем кротов. Саперная лопатка короткая. Без сноровки трудно ею орудовать. Спасибо, в запасном нас этому обучили. Теперь я понимаю, что там, на Кавказе, взводный гонял нас неспроста. Видно, он хорошо знал мудреную науку войны.

Небо сереет. Одна за другой гаснут звезды. К утру мы кончаем окапываться.

- Вот и пустили корни, — удовлетворенно говорит старшина.

- Для пехоты главное окопаться. Теперь и размяться не грех.

Мы встаем во весь рост, потягиваемся с хрустом, курим в рукава шинелей.

От Днепра тянет холодом. Тихо и как-то не верится, что идет война, что вот-вот начнется бой. И кто знает, может, у каждого из нас это последняя разминка. Но об этом не то что говорить, и думать не хочется.

Первый номер пулеметного расчета, усевшись на приступочке, говорит:

- Фрицу и невдомек, что мы уже закрепились. Второй номер суеверен, он перебивает товарища:

- Не сглазь!

Но вот впереди с хряканьем рвется мина. И пошло-поехало, света белого не стало видно. Мы жмемся к земле. Перелет! Недолет! Ну а этот снаряд куда, наш, что ли? Наконец все стихает. Теперь жди атаки. В самом деле, немцы поднялись и идут смело. Видно, считают, что после артобстрела нас можно взять голыми руками.

- Какие тебе сволочи! Они думают, что мы покойники, - возмущается Яша. - А этого не хотите? - и дает короткую очередь.

Заработал пулемет, затрещали автоматы. Позади ударили наши минометы. Немцы залегают, потом короткими перебежками катятся назад.

- Во, наелись! - кричит злорадно Яша.

- Не радуйся, - перебивает его второй номер. - Это только начало.

- Ох и характер у тебя, парень, - подмечает Антоныч. - Скрипишь, ровно телега.

Издалека доносится гул моторов. Он нарастает. Разговоры умолкают. Но вот кто-то выдыхает единым словом:

- Танки!

- Видим, не слепые, - обрывают его.

- Не отходи, братцы, держись! - раздался чей-то голос на правом фланге.

Солдат со странной фамилией Нетудышапка высунулся из-за бруствера, шепчет:

- Передавят.

Антоныч слышит, говорит удивительно спокойно:

- Умереть дело нехитрое, ты за жизнь дерись. Танки идут беспорядочно: один, два, три... шесть...

За ними снова поднимается пехота. Раздается голос Лавруши:

- А может, кому невмоготу, так вода рядом и баня не потребуется.

- Помолчи, балаболка, - обрывает Яшу Кузечкин.

- Я таки и жду, Кузя, когда же ты мне это скажешь.

- Прекратить разговоры! Приготовиться к бою!

Ага, это дал о себе знать отделенный. Из вырытого в рост человека окопа раздается голос взводного. Он надрывается в трубку:

- Танки! Дайте огонька!

Что ему отвечает КП? По-осиному гудит зуммер. И снова:

- Танки! Просим поддержки! Ориентир?

А они совсем рядом, недалеко. То один, то другой приостановится, выплюнет смертоносный заряд и снова лезет вперед. Почти беззвучно щелкнуло противотанковое ружье, и ближний танк завертелся юлой.

- Приготовить гранаты! - подал голос сержант. Но в этот раз они нам не потребовались. С левой стороны Днепра ударила артиллерия большой мощности. С ревом над нашим плацдармом пронеслись штурмовики. Вот они, наши родные ИЛы, окрещенные немцами «черной смертью». Сплошной дым и тучи застлали небо.

- Ну, теперь держись! — приподнялся за пулеметом первый номер. Перекрывая грохот, закричал Кузечкин:

- Старшину Ивана Семеновича убили!

И едва стихает огневой шквал, как рота поднимается в атаку. Нас подняло чувство мести и злость. Злость на тех, кто убил старшину. В гневе страшен солдат, и ничто его не остановит. Мы дойдем до врага даже через собственную смерть. От них нас отделяет кочковатое поле и рой пуль. Рывок — и падаешь ниц. Прыжок в сторону — и снова носом в землю. Еще рывок вперед. Ухают минометы. То сбоку, то впереди встают фонтаны земли.

Бежать в шинели тяжело и жарко, каска сползает на лоб, но мешкать нельзя, иначе смерть. А пули свистят с переливом, по-птичьи: пиу-пиу, чив-чик, фить-фьют!

Мы перекатываемся через передний скат, но немцы не принимают рукопашной и беспорядочно отходят.

Когда стих бой, старшину положили на плащ-палатку у самой реки. Днепр кипел от разрывов, а на той стороне саперы уже спускали на воду понтоны. Переправа продолжалась.

Полк на марше.

Весна. Распутица. Непролазная грязь.

На сапогах пудовые комья глины. Полы шинели подоткнуты. Артиллеристы подталкивают пушки. В колдобинах колеса уходят в грязь по самую ступицу.

Мы идем к передовой. Чем ближе фронт, тем отчетливее канонада. Дороги забиты искореженными немецкими машинами, разбитыми телегами. В стороне зарылся носом в воронку танк. На боку зловеще белеет крест. У кустарников задрало к небу хобот зенитное орудие. Ствол окольцован отметинами подбитых целей.

У обочины дороги остановились трехосные «тудеры» с прицепленными минометами на дутых шинах. Урчат моторы. Тут же у машин топчутся расчеты. Перекуривают.

Хорошо им на мехтяге. А тут все на своих двоих. Впереди меня бредет Нетудышапка и чадит самокруткой. Махорочный дым назойливо лезет в нос. Хочется курить, а табак давно уже закончился. Но у Нетудышапки пайки всегда хватает от получки до получки. Он мужик прижимистый.

Второй номер пулеметного расчета, навьючив станок, еле переставляет ноги, канючит:

- Нетудышапка, дай покурить.

Нетудышапка молчит, будто не слышит.

- Подтянись! Равнение налево! — вполголоса подает команду отделенный.

Это сержант заметил на развилке дороги девушку-регулировщицу. Она стоит на сухом пятачке земли, и в руках у нее бойко гуляют флажки. Из-под лихо сбитой набекрень шапки-ушанки выглядывают белокурые локоны, а офицерский ремень туго перехватил шинель в талии. На погонах у девчонки ефрейторские нашивки.

Мы подтягиваемся, берем равнение и замедляем шаг.

- Ах, и в каких землях родятся такие красавицы! - восхищается Яша.

- В воронежских! - не теряется регулировщица.

- Эй, Юрка, Лесных! - зовем мы хором шагавшего на правом фланге румяного здоровяка. - Землячка твоя!

- А ну-ка, дайте пройти, - пробирается рядами Юрка. Он выпячивает грудь колесом, проверяет заправочку шинели.

- Ай-яй, Юрка, — сокрушается Яша, - ты еще скажи, скажи, почему шинель не скинул, так-таки и брелок землячка не увидит.

Брелок - Юркина слабость. За неимением часов Юрка пристегнул его к брючному карману. Во взводе связи девчата поют специально для Юрки:

Милый мой, часы при вас,
Расскажи, который час!

- Это, милка, не часы,
Лишь цепочка для красы!

- Посторонись, — проталкивается Юрка, — дайте с землячкой поговорить. Так что, воронежская? - переспрашивает он. - И я воронежский.

- На какой улице жил?

- В Усмани! — басит Юрка.

- Вот так земляк! — задорно смеется девчонка. - Разве Усмань - это Воронеж? Это ж у вас, что ни двор, то пес за забором.

Последнее девчонка-регулировщица успевает крикнуть издалека.

Юрка возвращается в строй, а нам дай потешиться.

- Ну как, Лесных, землячка?

- Помолчали бы, - ворчит Юрка.

- Я таки и думаю, отчего у тебя на брелоке целая свора псов. Може, это собачий ошейник.

- Яша, отстань.

- Ах, какая замечательная девушка, - еще долго не успокаивается Яша.

Странно, но я почему-то раньше не задумывался над тем, что все люди с разными характерами. Каждый имеет что-то свое, особенное. Яша, к примеру, веселый балагур; Кузечкин, наоборот, молчун; Лесных - флегматик; Антоныч - хозяин, знает, в чем смысл жизни; отделенный - философ; Нетудышапка - прижимистый мужичок. Но всех нас роднят взвод, рота, батальон, полк. Вместе мы идем в атаку, едим из одного котла, коротаем время на привалах, хороним товарищей. И ни за какие блага не покинем свою часть до конца войны.

Смеркается, когда полк вступает в село. Сонные белые мазанки, крытые соломой, прилепились к меловой горе. Покосившиеся плетни и темный ряд тополей вдоль улиц, высокий журавель с бадьей и старый замшелый сруб над колодцем, толпа вездесущих мальчишек у дороги встречали нас.

От головы колонны прокатилась команда.

Мы расходимся по избам на ночевку.

Я захожу в ближнюю большую избу и попадаю к девчатам взвода связи. Девчата в полку сибирячки, веселые, молодые. При виде их я теряюсь, и они, зная это, частенько вгоняют меня в краску.

В просторной комнате горит карбидка. Окно завешено плащ-палаткой. Я круто поворачиваю к двери, но Валька Брызгалова уже заметила меня:

- Ой, поглядите, Тольку в наш взвод перевели! Я краснею, а девчата смеются.

- Оставайся, Толик, у нас! - подмигивает Катя Петрова.

Смех девчат обрывает звонкий голос Топоровой. Ленка единственная, кто не подсмеивается надо мной.

Воспользовавшись минутной тишиной, я выскакиваю во двор, со злостью хлопаю дверью и не замечаю, как следом выходит Топорова. Она зовет:

- Анатолий!

Я останавливалось.

Она подходит. Мне не видны ее глаза, но я знаю, ресницы у нее длинные, загнутые кверху.

- Ты не обижайся на них, - говорит Ленка. — Они просто шутят. Ты еще мальчишка и у тебя все впереди, а им лучшие годы суждено проходить в гимнастерке и кирзовых сапогах.

Топорова поворачивается и медленно уходит в избу. Я тоже, потоптавшись, иду искать себе ночлег.

С улицы доносится оживленный разговор. Я чувствую, что пора подниматься. По голосам определяю: Юрка Лесных о чем-то просит Яшу, а тот ломается, отнекивается. Я прислушиваюсь.

- Слышь-ка, побрей. - умоляет Юрка.

- Ах, он видите ли, побриться изволит. А что брить, ты таки подумал?

- Смотри, какая борода.

- Это же пух.

- Побрей, Яша, - басит Юрка.

- Так он не отстанет. И что ты, Юрка, за человек? Возьми в моем вещмешке бритву - и на здоровье!

- Да я никогда бритвы и в руках не держал.

- Ах, он, видите ли, не умеет. Он думает, что я ему цирюльник. Ну садись.

Я открыл глаза. Юрка умащивается верхом на табуретке, а Яша, достав из вещмешка бритву и помазок, густо взбивает в стаканчике мыло.

- Плохо, - говорит Юрка, - зеркала нет.

Ах, может тебе еще трюмо и духи «Кристалл»? - замечает Яша, размазывая пену на розовых Юркиных щеках.

Посреди избы Кузечкин и Нетудышапка сворачивают шинель в скатку. В ход идут колени, и скатка получается тугой, аккуратной. Заметив, что у меня глаза открыты, Яша хитро подмаргивает и тут же принимается водить тупой стороной бритвы по Юркиным щекам. Я креплюсь, чтоб не рассмеяться, а Яша спрашивает как ни в чем не бывало:

- Вас не беспокоит?

- Нет.

- Ай-яй, какая щетина. Ну вот здесь и еще вот тут, и все готово, - говорит Яша, обушком бритвы очищая пену с Юркиного подбородка. - Еще одна такая борода - и позубрю бритву. А ты мне скажи, где я на фронте точильщика найду?

Юрка уходит довольный, а Кузечкин укоряет:

- Хоть бы сказал ему, а то ведь думает, что и в самом деле побрился.

Яша посмеивается. В приоткрытую дверь просовывается голова отделенного.

- Завтрак получать!

Пока я умываюсь, Яша хватает котелки, бежит на ротную кухню. Возвращается он с шумом:

- Овсянка! - потрясает он котелками. - Я так-таки скоро лошадью стану.

С поваром Яша ругается на день три раза. Каждый раз Яша требует от него вареной картошки.

- Кому как, а мне овсянка нравится, - возражает Кузечкин.

- Пшенный концентрат все же лучше, - говорю я.

- Да еще с тушенкой, - добавляет Нетудышапка.

- А какие моя мамочка клецки варит! - Яша прикрывает глаза, причмокивает от наслаждения.

- Прекратить разговоры! - вмешивается отделенный и стучит трофейной ложкой-вилкой по столу. - А то вы скоро отбивную или шашлык потребуете.

- А вы скажите, товарищ сержант, вы пробовали когда-нибудь шашлык? - спрашивает Яша, выскребывая котелок.

- Не приходилось, — чистосердечно признается отделенный. - Вот закончится война, куплю путевку в Сочи, там непременно поем, а дома перво-наперво скажу, чтоб борщ со старым салом сварили.

Сигнал трубы нарушает мечты сержанта, и мы, расхватав автоматы, выбегаем на построение.

За околицей села полк обгоняет танковая колонна. Лязгая и грохоча, они обходят нас полем. Танкисты в черных шлемах кричат:

- Эй, пехота, шире шаг!

Мы отмалчиваемся. Да и что им скажешь?

Танки проскакивают один за другим. Где-то вот так же катит и Иван. А может, он здесь, в этой колонне? Выйти бы из строя да крикнуть, чтоб заглушить рев моторов: «Ваня, Иван, где ты, отзовись!»

У пэтээровцев новый взводный. Кого он мне напоминает? Где я видел эти озорные глаза? Я думаю об этом, но не могу ответить на свой вопрос. Спросить разве у лейтенанта? Но что он может мне сказать?

Вот уже неделя, как мы стоим в обороне. Затишье. Такое выпадает редко, и мы занимаемся кто чем хочет. Антоныч в землянке оборудовал баню. Вместо корыта трофейная бочка из-под бензина. В углу на треноге еще бочка с водой. Топится баня по-черному, дым в дверь валит, по ходам сообщения растекается, к сырой земле льнет. В бане не столько вымоешься, сколько накашляешься.

У пэтээровцев выискался художник. Долговязый солдат в шинели с короткими рукавами примостился у блиндажа, рисует на клочках бумаги портреты товарищей. Получается здорово!

Тут же Юрка Лесных подрыл сбоку в траншее небольшое углубление и в этом «аппендиците» на маленьком костре кипятит в котелке чай. На заварку у него молодые ветки вишни. Чай чуть-чуть терпкий, но пахнет вкусно — вишней.

Я усаживаюсь позади солдата-художника и наблюдаю за ним.

Ефрейтор позирует и рассуждает:

- Фашисту за все полной меркой надо платить. За все бабьи слезы. И хоть сказывают, что у бабы слеза - лучший лекарь, я в то не верю.

Солдат-художник поддакивает ему, добавляет:

- Письмо получил я давеча из дому. Пишут, дружка моего закадычного убили. Мать у него одна осталась... Извелась...

Коли доведется воротиться да в глаза ей глянуть, веришь, озноб берет...

По траншее идет комвзвода пэтээровцев, останавливается за спиной художника, разглядывает рисунок. Высоко над нашими позициями повис «фоккевульф». Нудно, по-осиному гудят его моторы. Ефрейтор, не прекращая позировать, ругается:

- Ишь, высматривает.

- Не лайся, Круглов, он твою фотокарточку, может, Гитлеру хочет послать.

И тут в памяти неожиданно всплывает картина: станица, сад. Жека держит на поводу лошадей, ездовой Соболь и веселый артиллерист. Это же его слова: «Не лайся, Соболь, твою фотокарточку самому Гитлеру пошлют».

Я вскакиваю, гляжу на взводного. Так и есть, тот самый красноармеец! Вот откуда я знаю его. Я напоминаю о том лейтенанту, но он смотрит на меня долго и не соображает, о чем я говорю. Наконец припоминает, и лицо у него светлеет.

- Так это ты просился тогда с нами?

И тут же его лицо меняется, становится задумчивым.

- Друга-то твоего не уберегли мы... Давай присядем.

И вот что я узнал от него.

Степь сливалась с небом, и не было у них ни начала, ни конца. Так думал Жека, так думали заросший седой щетиной ездовой Соболь и безусый комбат, так думали и остальные бойцы батареи.

Где небо слилось со степью, переливалась прозрачная дымка. Она недалеко, но сколько ни ехали, дымка стояла на месте.

Жека говорил, что раньше марево манило его. Там были всякие неизвестности, а нынче у него убеждение, что за маревом опять же степь...

Иногда дымка застилалась пылью. Она назойливо лезла в нос, скрипела на зубах. Пыль висела над колонной сплошной завесой. Топот копыт, пыль и отдаленные орудийные раскаты сопровождали бойцов.

Батарее доставалась вся пыль. Она замыкала колонну. В батарее всего два орудия, два зарядных ящика, усталые кони и не менее усталые люди.

Стремя в стремя с Жекой ехал веселый красноармеец, нынешний взводный, и беззлобно посмеивался над его рыжими волосами:

- А что, рыжих и у святых нет, а у нас на батарее завелся...

Ездовой Соболь прикрикнул:

- Хватит язык чесать.

Соболя уважали все. Сам он хоть и был ездовым, но храбрости ему не занимать.

С высоты седла Жеке было видно широкую спину комбата, затянутую в ремни портупеи. Комбат никогда не улыбался. Но он только с виду был суровым, и то, наверное, потому, что хотел казаться старше годами.

От головы колонны, нарастая, прокатилось:

- Комбата к командиру полка!

Съехав на обочину дороги, комбат пустил коня рысью.

- Ну, рыжий да красный - человек опасный, чую, дадут нам работенку, - сказал Жеке веселый красноармеец.

Комбат возвратился вскоре. Остановив коня у первого орудия, он приподнялся в стременах, пропел команду:

- Ба-та-ре-я, сто-ой!

Глухо застучали барки упряжи. Жека придержал коня.

- Командиры расчетов, ко мне!

Отделенные первого и второго орудия подъехали к комбату. До Жеки донеслись отрывистые голоса:

- ...Прорвались... Задача - задержать... Готовьте позицию... Оборону займем вон там...

Засуетились. Орудия отъехали в сторону от дороги, ездовые увели коней в балку. Расчеты принялись рыть дворики, маскировать брустверы пластами дерна, травой. Жека работал вместе со всеми. Было жарко, хотелось пить, но фляжка у него давно опустела. Воды не было ни у кого.

Они вкатили орудия на места. Комбат оглядел позицию, удовлетворенно сказал:

- Кажется, все...

За этот день Жека заметно осунулся, а лицо стало серогрязным от пота и пыли. Но он не жаловался. Жека, не спеша, умостился у первого орудия.

- Ну, рыжий, маскируй огненный чуб, а то фрицы по тебе батарею засекут.

Все, кроме комбата и Соболя, рассмеялись. Жека тоже улыбнулся. Потом все затихли. Но вот издалека донесся лязг гусениц, затем увидели их, приземистых, широких, похожих на черепах.

Танки, их было два, шли, тяжело переваливаясь, покачивая орудийными хоботами. На первом, держась за откинутый люк, по пояс высунулся танкист в фуражке, но без мундира. Жена со злости сплюнул:

- В-вот. собака, едет, как п-по Германии, - и посмотрел на наводчика. Тот припал к панораме.

У орудия пригнулся со снарядом заряжающий.

Все застыли наготове. Танки ближе и ближе. Уже видны бело-черные кресты на броне. Дрожала земля.

- По головному - огонь! - раздался голос комбата, и враз ударила сорокапятка. Ей откликнулась другая. Танк вздрогнул, крутнулся на месте и стал. Его хобот медленно повернулся. Но тут снова стукнула сорокапятка, и хобот замер.

- Башню заклинило! - закричал Жека. Второй танк, на ходу стреляя, двинулся на батарею.

Вокруг рвались снаряды. Упал заряжающий. На его место стал Соболь. Он крикнул Жеке:

- Подавай снаряды!

Жека бросился на помощь. Выхватив из ящика снаряд, он метнулся к орудию...

А танк наползал, и земля под его гусеницами дрожала.

Было страшно... Но неожиданно танк остановился и, огрызаясь, пополз назад.

- Удирает! - Жека сорвал с головы фуражку, вскочил на бруствер.

- Назад! - закричал ему командир орудия. Но было уже поздно. Жека не услышал разрыва снаряда, он увидел только белое облачко у хобота танка и краешек неба...

Там, совсем неподалеку от Привольной, в опаленной от зноя степи, в братской могиле похоронили Жеку.

Теперь нас трое: Женька, Иван и я.

От Женьки пришло письмо. Он писал:

«Здравствуй, Толька! Две недели как я на фронте. Дорогой из Еревана проезжал почти рядом с домом, но в станице побывать не удалось. Зато я видел нашу степь! Она, конечно, осенью не та, что ранним летом. Но все равно - это наша степь. Помнишь, Толька, как летом в степи розово цветут колокольчики и синеют по пшенице васильки, фонариками горят маки и кричат перепелки? А по весне степь пряно пахнет мятой и чебрецом, да дурманяще пьянит разнотравьем. Молодой ко-

выль густо застилает землю, и только темнеет лысина древнего кургана.

Выйди на тот курган — и степь как на ладони. А вдали за садами наша станица...

Закончим войну, соберемся, выйдем в степь, и Жека затянет: «На Дальнем Востоке акула...»

Отныне я командир взвода минометчиков. Веришь, когда ехал, было боязно: как, думаю, встретят меня? Не скажут ли: «Прислали нам безусого».

Но все обошлось хорошо. Бойцы в моем взводе замечательные. Где ошибусь, подскажут. А работы у меня! Теперь я знаю, что взводом командовать - не то что учиться. Училище я окончил на «отлично», но вот пришел во взвод и поначалу растерялся...

А еще, Толька, что я хочу тебе написать. За эти две недели на фронте я не раз вспоминал, как раньше война казалась нам забавой. Так думали я и ты, так думали Иван и Жека.

Теперь я жду, не дождусь, когда она закончится. Но знаешь, Толька, я все равно не пойду на гражданку, даже после войны. Хочу остаться в армии на всю жизнь.

Скоро наш полк выйдет к Висле.

А как мне, Толька, хочется увидеть тебя, Жеку, Ивана... Где они, что ты о них знаешь?»

Я сворачиваю Женькино письмо-треугольник, кладу в карман и, вскинув автомат на плечо, иду по глубокой траншее в землянку.

Мы вышли к польской границе. На противоположной стороне Буга за рядами колючей проволоки немецкие укрепления. У немцев тихо, но стоит высунуть голову из-за бруствера, как пули начинает свистеть и щелкать.

Мы ждем ночи, чтобы начать переправу. Холодный ветер гонит тучи. Они ползут низко над землей, космами цепляются за кустарники, деревья. Вода в реке пенится белыми барашками.

В землянке жарко, и воздух густой, спертый.

Бойко горит самодельная печка. Антоныч читает книжку. Положив ее на колени, он водит по странице толстым узловатым пальцем и беззвучно шевелит губами. Антоныч читает книжку с толком. Интересные места прочитывает вслух.

За Антонычем интересно наблюдать, когда он получает письмо от внука. Письмо всегда короткое, написанное печатными буквами, но Антоныч разглядывает его долго, глаза у него добреют, а рот расплывается в улыбке.

Наверное, Антоныч хороший дед. Мне с дедом довелось мало жить. Он умер, но я помню, как дед мастерил мне из дерева игрушки, учил ездить на коне и рассказывал о тех странах, где побывал за долгую царскую службу. Антоныч напоминает мне моего деда.

В углу Нетудышапка что-то варит на трофейной спиртовке. На полу первый и второй номер смазывают пулемет и напевают негромко в два голоса:

Темная ночь,
Только пули свистят по степи...

Хорошо поют пулеметчики. У одного мягкий тенор, у другого баритон.

Я подсаживаюсь к Антонычу, достаю лист бумаги и карандаш. Что написать Женьке?

Да, у войны свои законы. Нередко по одной фронтовой дороге шагаешь сто, двести, тысячу километров и не знаешь, что где-то рядом твой товарищ, твой старый друг...

Иван окончил школу механиков-водителей и воевал на одном фронте со мною. Мы входили в одну армию, с одних складов получали обмундирование и продовольствие, но нам ни разу не довелось встретиться.

И вот Ивана уже нет. Иван погиб. О его смерти я узнал из нашей армейской газеты.

В тот день мы сосредоточились на рубеже атаки. Я заканчивал набивать запасной диск автомата и дожидался сигнала. Он будет вслед за артподготовкой. Орудия расчистят нам дорогу, а танки прикроют. Их много, новеньких тридцатьчетверок, стоят замаскированные ветками на лесной опушке. Танки должны подбросить нас к вражеским окопам на скорости. Так будет меньше потерь.

На приступочке траншеи тесно сидели Яша, Лесных, Кузечкин, отделенный. Молчали. Даже Яша. Из рук в руки переходила самокрутка.

Рядом со мной Антоныч, уставился в газету. Неужели он не волнуется? Я хотел спросить его об этом, обернулся и не мог слова промолвить. Со страницы газеты на меня глянул Иван.

Шлем сбит лихо на затылок, а глаза задиристые. Я узнал бы их из тысячи.

- Дай! - только и вымолвил.

«Это случилось совсем недавно, - писал фронтовой корреспондент. - Накануне наступления танковый экипаж вел разведку боем. Выполнив задание, танк возвращался назад, когда в машину попал снаряд. Полыхнуло пламя. Оно расползалось по броне. И тогда произошло то, чего никто не предвидел. Танк развернулся и, оставляя за собой черный султан дыма, ринулся на вражеские заграждения. Вот он прорвал их и, нагоняя на фашистов страх, утюжил и утюжил вражеские окопы, пока не заглох мотор, и не стали рваться снаряды».

Водителем того танка был Иван. В ту пору ему шел девятнадцатый год...

Нас осталось двое.

Мокрый снег лепит весь день крупными хлопьями, застилает землю белым покрывалом. Снег налипает на колючей проволоке, гнет голые ветки деревьев, мокрым пластом ложится на шапки и плечи. Шинели от сырости становятся тяжелыми.

В ближнем кустарнике Кузечкин нарезал веток, навязал метелок, и мы смахиваем ими друг с друга снег. С той и другой стороны постреливает артиллерия. Лесных сидит, прижавшись к стене траншей, весь в снегу, и от нечего делать угадывает калибр орудий.

- Дивизионная бьет... А это полковая ударила...

Заслышав режущий уши звук, выругается:

- Скрипач заиграл.

Скрипачами кто-то назвал немецкие десятиствольные минометы. Кузечкин говорит:

- Ты, Юрка, снег бы лучше стряхнул с себя. Но Лесных и ухом не ведет.

- Ты что, оглох? — спрашивает Кузечкин.

- Я принципиальный. Либо меня снег завалит, либо я его пересижу, - отвечает Юрка и продолжает свое.

Мы по очереди бегаем в блиндаж отогреваться, но там не теплей, чем в окопе, разве что сухо.

Ночью на ту сторону отправляется разведка. Разведчики в белых маскхалатах дожидаются темноты в нашем блиндаже. Их трое: два молодых, а один, наверное, одногодок Антонычу.

Разведчики молчат, курят. Наконец тот, что постарше, промолвил:

- Пора!

И они уходят.

Возвращаются разведчики перед утром тоже через расположение нашего взвода, но уже вдвоем, без старшего. Они волокут с собой «языка», тщедушного фрица с ефрейторскими нашивками на лягушачьей шинели.

Разведчики проходят молча, и никто не спрашивает у них, где же старший. Каждому это и без слов понятно, что третий остался там навсегда.

Днем мы переходим в наступление. Танки, разрывая гусеницами снег до самой земли, катятся впереди нас. Мы идем под прикрытием их брони, и мне чудится, что ближнюю от меня тридцатьчетверку ведет Иван.

Командный пункт полка расположился в лесочке. Деревья стоят израненные, растрепанные. Но уйдет фронт, наступит весна, лес оденется, и зелень прикроет раны. А с годами поднимется молодая поросль - и зарубцуются последние следы войны.

Через лесок пролегает дорога. Она ведет в хозяйство Максимова. Максимов - это наш командир полка, и указатель означает, что здесь территория его полка, вправо и влево от нас - другие хозяйства. Мы стоим перед Варшавой. Позади осталось больше сотни километров изрезанной на межи польской земли с сиротливыми хуторами и местечками, городами с узкими улочками, одетыми в булыжник, островерхими костелами, маленькими полутемными магазинчиками, где торгуют всем, начиная от польской водки-бимбера до леденцов.

От Варшавы нас отделяет Висла, но с плацдарма город уже охватывают наши войска. Мы тоже с часу на час ждем приказа. Река вздыбилась ледяными торосами, меж ними темнеет вода. Торосы эти не весенние, когда от тепла лед шевелится, как живой, звонко трескается и наползает друг на друга глыбами. Немецкие минометы время от времени колотят по льду. Угодишь в такую полынью с полной выкладкой, крещение примешь.

Но мы вступаем в Варшаву без боя. Фашисты покинули ее, оставив в городе только отряды прикрытия. Лениво, как занавес на сцене, подминается туман, открывая обгорелые скелеты

домов, кучи дымящейся щебенки да засыпанные снегом улицы. Квартал за кварталом мы прочесываем город. Нашу группу ведет Антоныч. Он идет впереди, а мы с Лесных чуть поодаль. Из ближнего подвала ударила автоматная очередь. Мы жмемся к стене. Здесь участок не простреливается и пули щелкают мимо. Немец, видимо, замечает, что мы в мертвом пространстве, и автомат смолкает. Антоныч достает из-за пояса трофейную гранату на длинной деревянной ручке, кричит:

- Выходи! Слышь!

В ответ немец снова дает очередь.

- Ух, ты, сволочь! - ругается Антоныч и через оконный проем швыряет гранату в подвал. - Твоим же салом да тебя по мусалам.

Мы дожидаемся недолго. Из подвала на снег летит автомат, а вслед за ним, подняв руки, выползает и его хозяин, заросший, в зеленой шинели и клетчатом платке, из-под которого проглядывает краешек пилотки. Немец испуганно смотрит на наставленные на него автоматы, что-то бормочет.

- Фашист ты был, фашистом и остался, - сокрушается Антоныч. - Гони его в тыл, - говорит он Лесных.

В переулке мы сталкиваемся с отделенным и Кузечкиным.

- Лаврушевича ранили, - сообщает сержант, - в грудь угодило, кажись, здорово. В санбат понесли.

В обед мы с Юркой отправляемся навестить Яшу. Медсанбат разместился в приземистом кирпичном особняке. Я несу под шинелью плоский немецкий котелок с картошкой, поджаренной на свином сале с тушенкой. Это ротный повар приготовил специально для Яши.

Молоденькая большеглазая медсестра долго не пропускает нас в палату, но Юрка неотразим. Он то ругается, то канючит, как нищий, то вдруг пускается в ухаживания. Не знаю, что больше подействовало на медсестру, но она не выдерживает.

Яша лежит неподвижно на матраце, грудь его в бинтах.

- Я таки ждал, что придете, - с трудом говорит он, и глаза у него слезятся. - А меня скоро в госпиталь увезут.

Мы присаживаемся на корточки, и я протягиваю Яше котелок.

- Это от повара.

- Он таки помнит меня, - улыбается Яша и заговорщицки подмигивает мне.

Я тоже подмаргиваю ему, а Яша, продолжая улыбаться, вдруг говорит:

- Толька, ты таки неравнодушен к Топоровой.

У Яши это звучит категорично, и я отмалчиваюсь, но чую, как предательски краснеют уши.

Поразительно, до чего же тонкий нюх у Яши. От него ничего не скроешь, чует за версту. Интересно, откуда Яша взял, что мне Топорова нравится? Наверно, с того дня, как мы в последний раз стояли во втором эшелоне.

Второй эшелон на фронте - это уже рай. Там и баня есть, и повар в свои часы кормит. Правда, меню у него скудное: суп гороховый да каша перловая либо овсянка, зато горячо и наваристо. Во втором эшелоне даже снаряды рвутся редко.

У связисток землянка напоминает прачечную. От дерева к дереву на протянутой веревке полоскались гимнастерки и юбки. За водой ходить было далеко, и связистки эксплуатировали солдат. Время от времени выскочит какая-нибудь из девчат из землянки, сунет первому встречному солдату ведро - и попробуй откажись.

Я тоже носил воду Топоровой, но ходил по своей охоте. Яша, верно, и приметил это.

Входят два санитара, кладут Яшу на носилки.

- В тыл тебя, брат, отправляем, на лечение, - говорит один из них.

Мы идем следом за носилками. Крытая брезентом машина урчит. Раненых осторожно размещают в кузове. Следом на машину лезет большеглазая медсестра. Она будет сопровождать раненых до санпоезда.

Машина трогается.

- Поправляйся, Яша! Возвращайся быстрее! - напутствуем мы с Юркой.

- Обязательно вернется! - отвечает за Яшу медсестра.

О смерти Ивана Женька не узнал. Женька тоже погиб. О его гибели сообщил Женькин фронтовой товарищ. Он писал: «Мне тяжело, но война есть война. Мы служили с Евгением совсем мало. Прошли короткий путь. Но коротким он был только по расстоянию. В бою же это равняется тысячам километров, потому что на своем пути мы оставляем товарищей.

С Евгением мы стояли на Сандомирском плацдарме. Тот маленький клочок земли дался нам нелегко. И хотя это польская земля, там наша кровь. Мы не уступили врагу ни пяди...

А знаешь ли ты, что такое пядь? Это исконно русская мера. Она равняется расстоянию от большего до указательного пальца. Так вот, даже такого клочка земли не отдали фашисту...

А потом мы наступали. Дорогу нам преградил сильный оборонительный рубеж. Не раз поднимались в атаку и откатывались.

К вечеру снова пошли в атаку. Небо было пасмурным, срывался первый снег. Он падал большими хлопьями, и за его завесой мы сошлись в рукопашную. Немцы держались крепко, но мы отбросили их...

В том бою убили Евгения...

Похоронили мы его на польской земле».

Я читал это письмо, а перед глазами у меня стоял Женька таким, каким видели мы его на вокзале в день проводов. Просто не верилось, что Женьки уже нет в живых. Письмо я перешлю Аннушке...

В тот день тучи плыли с запада на восток. Они приняли солдатский салют над Женькиной могилой и понесли в его родные края. Над кубанской станицей Привольной, над бескрайней степью тучи опустились мягким снегом, чтобы по вешней талой воде досыта напоить землю.

Солдатские фронтовые будни...

Закончится война, и писатели напишут о них книги, а солдаты, возвратившись домой, будут вспоминать пережитое и рассказывать о нем мальчишкам.

Мы роем траншеи. На человека семь погонных метров в день. Траншеи в рост человека. Сколько мы их изрыли за свою службу? А долго ли задерживались? День-два - и пошел дальше.

Вот и сейчас впереди немецкие траншеи, первая, вторая, третья, и за каждую немец держится, как черт за грешную душу. Но, держись не держись, а мы уже в Германии. Мы пришли сюда с боем, в эту подстриженную, прилизанную страну, где все не так, как у нас в России.

Далеко от Германии моя станица, но мне хочется дожить до того дня, когда я вернусь в Привольную и проеду по ее тихим улицам.

Тот час будет для меня радостным и горьким. Совсем недавно нас было четверо. Четверо неразлучных друзей. Теперь я остался один.

Но впереди еще ни один бой - и в каждом можно ждать встречи со смертью.

Прожили мои друзья-товарищи короткую жизнь. Промчалась она быстро, как весенний грозовой ливень. В детстве палило нас горячее солнце, ласкала тихая речка, а степь пела нам свою песню. Эта песня всегда будет звенеть многими голосами. Степь пела нам, она будет петь и для тех мальчишек, которые займут наше место.

Награды:

- орден Отечественной войны II степени,
- медаль «За боевые заслуги»,
- медаль «За победу над Германией»,
- медаль «За освобождение Варшавы»,
- медаль «За взятие Берлина»,
- 2 юбилейные медали.

О моей военной службе написано немного. Мною же опубликовано более 30 исторических романов общим тиражом более 6 млн. экземпляров.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Петрова Оксана Сергеевна***

Ужвенко Михаил Фёдорович

Защита Родины превыше всего

Я родился 5 ноября 1926 г. в станице Ярославской, Ярославского района, Краснодарского края в семье крестьян, русский, православный. Учился в средней школе, был любознателен, прилежен, умел ценить время. Думаю, что эти черты остались у меня на всю жизнь. В 15 лет я перечитал почти все, что имелось для школьников в небогатых в то время районной и школьной библиотеках. Книги наводили на раздумья, порождали одну мечту за другой.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, я говорил родителям: «Еще два года — и институт». «Да за два года столько может случиться», — шутили отец с матерью. А случилось самое неожиданное и, вместе с тем, неизбежное - война. Окончен только девятый класс, а в далекую предгорную станицу знойным летом 1942 года пришли немцы. Черные крылья тревоги заслонили юношеские мечты, но не закрыли надежды на скорое освобождение. Я, как и все мои 15-16-летние друзья, сразу повзрослел. Мальчишеское озорство сменилось повзрослому' рассудительной осторожностью.

Осознание беспомощности перед фашистскими оккупантами угнетало, тревожило, причиняло тяжкую боль в сердце. Полгода оккупации показались длиннее прожитых до этого 15 лет. Весна 1943 года принесла освобождение. Это был счастливый миг в наступившей жизни. Но это была еще не победа.

Вся тяжесть войны впереди. Мы понимали это повзрослевшими сердцами. Что делать дальше было ясно: военкомат. Я был добровольно призван в Советскую Армию. Затем последовали несколько месяцев солдатского учения и фронт.

В октябре 1943 г. начинаются мои солдатские будни в Сталинградском корпусе ПВО, 1-го Прибалтийского фронта в г. Запорожье.

Я долго служил в артиллерийской части, в частности в зенитной артиллерии, в войсках ПВО. Движение моего подразделения совпадало с движением фронтов. Мы охраняли важные объекты на Украине, в Запорожье. Там есть остров Хортица. Днепр разделен на два рукава, и маленькую полоску, 15 км длиной и 3 км шириной, называют островом. В этом месте стояли зенитные части ПВО, которые охраняли важные объекты: железнодорожный мост через реку, военную технику и многое другое. Наша задача состояла в отражении налетов фашистских самолетов и обеспечении сохранности военных объектов, Запорожской ГРЭС, мостов через реку Днепр и идущих эшелонов с техникой.

Гитлер планировал создать восточный вал по Днепру, задержать наши войска. Еще в марте 1943 года в Запорожье, в штабе группы армии «Юг», Гитлер заявлял, что Никополь и Донбасс не могут обойтись без электростанции в Запорожье. И Вермахт бросил в больших количествах своих солдат и офицеров сражаться за Запорожье до последнего. Нашим войскам пришлось тогда нелегко. Современное поколение знает об этом только из книг, кинофильмов, а я был непосредственным участником тех событий.

Больше всего из периода военного времени запомнил призыв. Это было в 1943 году. Из военкомата нас направили не сразу на фронт, а вначале в запасной полк, находящийся в городе Моздоке на Кавказе. Там нас, юношей 17-ти лет и даже младше, построили на плацу. У командования был довольно оригинальный критерий для отбора тех, кого можно отправлять на фронт, а кого нет. Подходили к строю с тросточкой, выполняющей функцию линейки. У кого рост ниже этой тросточки - домой, совпадает или выше - будешь служить. Поскольку я был худеньким, но высоким, мне повезло. В то время все юноши стремились попасть на войну. В запасном полку нас некоторое время учили, а затем сформировали артилле-

рийскую часть, погрузили в эшелоны и отправили на фронт. Конечно, это не 1941 год. Наша армия уже имела большие успехи: были освобождены половина Украины, часть Белоруссии, но все-таки еще были жаркие бои.

Когда я служил, в нашей батарее крепко дружили военнослужащие разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, и даже курд был.

Завершился мой боевой путь в Прибалтике в феврале 1944 г. После расформирования моего защитно-артиллерийского полка в связи с прекращением налетов немецкой авиации, нас передали 51-й Гвардейской дивизии, в составе которой я закончил войну и встретил Победу.

Нелегкие фронтовые дороги привели к победе. Но моя служба в Армии продолжается. Короткие часы самоподготовки посвящаю книгам. Тогда для солдат в подразделении открыли годичные курсы бухгалтеров промышленного учета. Я записался на них вроде бы от нечего делать, а потом увлекся. Оказывается и "цифры умеют говорить", да еще как!

В 1950 г. я демобилизовался в звании старшего сержанта. Но не пробыв дома и недели, пришел в Ярославский районный финансовый отдел. Показал удостоверение об окончании курсов бухгалтеров. Меня приняли счетоводом, потом перевели участковым налоговым инспектором, затем старшим налоговым инспектором. Работы прибавилось, а знания прежние. Надо было учиться. Но, как и где? Как раз в Ярославской открылась вечерняя школа. Закончил десятый класс. Еще пять лет, и я в 1959г. с отличием оканчиваю заочное отделение финансово-экономического института. Еще год, и меня принимают в аспирантуру кафедры «Финансы» при Московском финансовом институте. Нелегко было сочетать работу с учебой, нередко приходилось ущемлять себя в эстетическом удовольствии; но учеба — не только право советского человека, по-моему, это уже долг. Благодаря тем знаниям, которые получил за 18 лет учебы, я смог совмещать две такие должности в Райфо, как старший экономист по финансам и начальник инспекции госдоходов.

В последующие годы я переехал в Краснодар, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук и работал преподавателем, зав. кафедрой экономики в Краснодарском политехническом институте. Сегодня я про-

должаю трудиться в родном КубГТУ, являюсь доцентом кафедры Экономики и финансов.

Как участник Великой Отечественной войны, я награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией»; имею несколько юбилейных медалей.

Февраль 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь студент 5 курса Кубанского государственного технологического университета ***Осадчук Максим Сергеевич***

Федотов Пётр Васильевич

Не забыть весны 45-го…

Я родился 30 ноября 1924 года в семье крестьян в селе Алакаевка Куйбышевской области. По национальности русский, родители православные. Перед войной поступил в Сызранский горно-нефтяной техникум, собирался стать нефтяником, давать стране чёрное золото. О начале войны узнал во время лекции по истории. Теперь, с высоты прожитых лет видно, как круто изменила судьбу война, сколько мечтаний, планов не было реализовано и воплощено в жизнь.

Проходят годы, но не уходит из памяти то грозное время для нашей родины, что связано с Великой Отечественной войной. Мне так же, как и многим моим сверстникам пришлось принимать участие в этой войне. Когда началась война, я был студентом техникума и к 1942 году планировал защитить дипломный проект. Но всё получилось иначе.

29 мая 1942 года мне исполнилось семнадцать с половиной лет, и я добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Сызранский горвоенкомат направил меня в Москву на пополнение гвардейских миномётных частей. Из Москвы был направлен на учёбу в Первое гвардейское миномётно-артиллерийское училище имени Красина в город Миасс Челябинской области. После окончания училища в сентябре 1943 года был направлен в состав действующей армии. Сначала находился в резерве гвардейских миномётных частей 1-го Украинского фронта. Из

резерва в звании лейтенанта получил направление на должность командира взвода в 440-й Отдельной Гвардейской миномётной дивизии 3-ей Гвардейской танковой армии. Одним из её соединений был 7-й Гвардейский танковый корпус, в состав которого входил 440-й Отдельный Гвардейский миномётный дивизион, с которым, начиная с декабря 1943 года, я прошёл путь от Житомира до Берлина и Праги. Этот прославленный дивизион "Катюш", как любовно называли эти системы в народе, в период боевых действий наносил большой урон гитлеровским захватчикам. Нами было подавлено несколько артиллерийских и миномётных батарей, сожжено и разрушено несколько продовольственных и вещевых складов, было уничтожено несколько сотен гитлеровцев. Большую часть своих задач дивизиону приходилось решать в составе передовых отрядов, назначаемых от корпуса.

Отряду ставились разные задачи. Например, ставилась задача - преследуя отходящего противника не дать возможности ему закрепиться на заранее подготовленном рубеже. Так было в Львовской, Верхне-Силезской, Висло-Одерской и Берлинской операциях. Были такие случаи, когда дивизиону приходилось вести огонь прямой наводкой. Это было под г. Бунцлау в феврале 1944 года, когда части корпуса оказались в тяжёлом положении. Нам пришлось копать траншеи, вести огонь из карабинов и выпускать по 2-3 снаряда из боевых машин. Там же мне в тяжёлые минуты боя было приказано отправить в тыл боевое Гвардейское Красное Знамя. Мне был выделен взвод автоматчиков на машине ГАЗ-51 и штабная будка на машине типа "Шевроле". Положение было очень напряжённое. Все полевые дороги были перепрофилированы, так что трудно было разобраться, в каком направлении двигаться. До места назначения г. Бунцлау было около 50 км. Руководствуясь картой и чувством интуиции, мы правильно сориентировались и благополучно прибыли в Бунцлау. Незадолго до нашего места назначения мы проезжали местечко Тиллендорф, где было захоронено сердце нашего выдающегося полководца М.И. Кутузова. Постояв у потемневшего от времени монумента, мы почтили память великого предка.

Расположившись в одном из домов этого красивого города, личный состав получил возможность отдохнуть от того морального и физического напряжения, пережитого нами 2-3 ча-

са назад. Но недолго нам пришлось отдыхать. К вечеру того же дня машинами корпуса нам был доставлен дивизионный залп боеприпасов, которые немедленно нужно было доставить в дивизион. В два часа ночи с командиром транспортного взвода А. Нестеровым на двух машинах мы выехали в дивизион, но доставить боеприпасы нам не удалось. Немецкая разведка встретила нас огнём, предварительно заминировав дорогу. Только на вторые сутки нам удалось доставить боеприпасы в дивизион. В этой Верхне-Силезской операции дивизион потерял начальника разведки старшего лейтенанта Баранова, командира отделения разведки сержанта Филимонова, командира расчёта Н. Тельманова, заведующего секретным делопроизводством Ф. Тихонова. Это были тяжёлые потери. Страшно было то, что гибель моих друзей произошла на завершающем этапе войны. Мы это чувствовали и понимали.

После боевых действий в Силезии части корпуса стали готовиться к Берлинской операции. 14 апреля дивизион прибыл в выжидательный район Гиссен. До Берлина было немногим более 100 километров. 16 апреля после мощной артподготовки началось наступление на Берлин. Всего по столице Германии дивизион произвёл три залпа. С 24 апреля части корпуса начали принимать участие в уличных боях в Берлине. Мужество и героизм воинов корпуса способствовал войскам приступить к штурму Рейхстага, который начался в ночь на 29 апреля 1945 года.

30 апреля 1945 года в ночь на 1 мая над Рейхстагом было водружено Красное Знамя Победы. Ночь с первого на второе мая для нашего дивизиона была беспокойной. Накануне вечером мы загнали свои гвардейские миномёты в просторный двор одного из особняков в районе Берлинского парка Тильгартен, в этом особняке до войны располагалось американское посольство. Бои за Берлин подходили к концу. В полдень 2 мая, когда капитуляция войск Берлинского гарнизона приняла всеобщий характер, дивизион получил приказ подготовиться к маршу для участия в операции по освобождению Праги. Нам предстояло совершить марш в 150-200 км и войти в состав ударной группы, предназначенной для действий в направлении главного удара Теплице-Шанов-Прага. Тогда в мае 1945 года я не знал, что в самом конце войны, после падения Берлина на территории Чехословакии продолжает упорную борь-

бу против Советской Армии крупная группировка фашистских войск "Центр", командовал которой генерал Шернер. Командование группировки принимало все меры, чтобы избежать капитуляции на восточном фронте и отвести свои войска на запад, за линию американских войск. Ещё 5 мая, когда мы начали после марша занимать исходное положение для наступления, в Праге началось народное восстание. Для его подавления фашистское военное руководство в помощь пражскому гарнизону направило три танковые дивизии СС.

Наступление началось утром 6 мая. В течение 6-8 мая войска нашей ударной группировки сломили сопротивление противника на рубеже Рудных гор, захватили горные перевалы и вступили на территорию Чехословакии с севера. Утром 8 мая мы втянулись на главную улицу небольшого чешского города Теплице-Шанов, находившегося на половине нашего маршрута. До Праги оставалось не более 120 км.

Не успели наши водители заглушить моторы, как все мы оказались в окружении восторженных чехов всех возрастов. Соскочившие с машин расчёты тут же были засыпаны цветами и буквально взяты в братский плен. Молоко, пиво, вино - всё протягивалось нам со всех сторон, отовсюду слышались возгласы: "Наздар!". Нам жали руки, по-товарищески хлопали по плечам, а то и просто обнимали. К 10 часам утра 9 мая мы вошли в Прагу. Город был уже полностью очищен от гитлеровцев. На улицах шли демонстрации жителей. Через несколько часов части нашего корпуса были выведены из города и заняли позиции в 30-40 км от Праги. Наш дивизион оставался в красивом городке Гор Почернице в 30 км восточнее Праги. До сих пор вспоминается, каким вниманием и заботой окружали нас тогда местные жители. Радушно угощали личный состав всякой домашней снедью и особенно замечательной сдобой собственного приготовления. Через два дня основная масса окружённой группировки немцев была пленена.

Вскоре дивизион перевели в небольшую деревеньку в нескольких километрах южнее Гор Почернице, где дивизион добавил к своему наименованию слово "Пражский" и получил наконец долгожданный отдых. Ведь позади были бои под Житомиром и Львовом, под Ченстоховом, Гёрлицей, Берлином. Да разве можно перечислить все те пункты, которые прошли машины дивизиона по фронтовым дорогам за годы войны,

прежде чем завершить освободительный поход на запад к красавице-Праге.

Война закончилась победой, но служба за рубежом Родины продолжалась. Вскоре нас перевели в Австрию, а через год в июне 1946 года мы были уже в составе группы советских войск в Германии.

В 1950 году я был переведён в Северо-Кавказский Военный Округ, служил в г. Усть-Лабинске, потом в Краснодаре. В 1959 году вернулся снова в Германию, где прослужил до 1965 года. С 1967 года по 2001 преподавал на военной кафедре Кубанского Государственного Технологического Университета.

Много времени прошло с тех пор, но в памяти навсегда сохранились эти майские дни победной весны 1945 года, весны освобождения советского народа и народа братской Чехословакии.

В заключении хотелось бы заметить, что где бы ни была Советская Армия, в Польше, Чехословакии, Австрии, везде она встречала тёплый, братский приём народов этих стран. Эта Армия-победительница несла с собой свободу и надежду на будущее, прогресс и процветание. В настоящий момент наши Вооружённые Силы находятся в тяжёлом положении и требуют не только материальной, но и моральной поддержки. Поддержка эта должна быть, прежде всего, со стороны общества, народа. Без взаимопонимания народа и армии не может быть построено полноценной обороны страны. В этой связи хотелось бы привести слова И.В. Сталина, произнесённые им в конце мая 1941 года на заседании политбюро ВКП(б).

"История учит, что когда об армии нет должной заботы и ей не оказывается моральная поддержка, появляется новая мораль, разлагающая армию. К военным начинают относиться пренебрежительно, что всегда приводит такую страну и такой народ к катастрофе. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства - в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. В этом залог успеха, в этом залог победы".

Хотелось бы, чтобы сегодня вся военно-патриотическая работа во всех звеньях нашей общественной жизни была проникнута заботой и вниманием к нашей армии. Чтобы каждый из нас испытывал к ней такое же уважение и любовь, как это было в годы Великой Отечественной Войны.

Награды:

- орден Красной Звезды,
- орден Отечественной войны II степени – 2 шт.,
- медаль «За боевые заслуги»,
- медаль «За победу над Германией»,
- медаль «За освобождение Праги»,
- медаль «За безупречную службу» I и II степени,
- медаль «За свободу» (польская),
- медаль «За храбрость» (чехословацкая),
- 5 юбилейных медалей.

В настоящее время я – полковник в отставке Федотов Пётр Васильевич – нахожусь на заслуженном отдыхе.

Март 2005 г.

*В подготовке текста воспоминаний оказал помощь аспирант Кубанского государственного университета **Аббязов Роман Равельевич***

Харченко Иван Степанович

Зенитчики

Я родился 20 января 1924 г. в городе Бутурлиновке Воронежской области. Мои родители русские. Отец мой Степан Алексеевич - служащий, мать - домохозяйка. Отец умер в 1940 году, мать Анна Васильевна осталась с двумя сыновьями и дочерью. Родители имели начальное образование.

1930 году в Бутурлиновке было введено украинское образование, в городе осталась только одна русская школа, которую я посещал. Был принят в пионеры и комсомол, принимал активное участие в общественной жизни. Избирался в учком и комитет ВЛКСМ, участвовал в работе школьного драмкружка.

В 1938 г. родители переехали в город Воронеж.

Мне никогда не забыть, как начиналась война. Мы чувствовали, что в воздухе пахнет войной. Страна готовилась к обороне. Школьники занимались военной подготовкой, с интересом сдавали нормы на значки ГТО, «Ворошиловский стрелок».

21 июня 1941 г. при окончании 10 класса 57 средней школы города Воронеж мне был вручен аттестат отличника. В школе шумел веселый выпускной бал. На следующий день, 22 июня наш класс собрался с учителем в городском саду. Здесь неожиданно мы услышали, что началась война. По-разному реагировали ребята на это тревожное сообщение - от необузданного оптимизма до серьезно взвешенной оценки. Вскоре все ребята нашего класса, да и некоторые девушки, оказались в

рядах Красной Армии. В боях с немецкими захватчиками погибли мои одноклассники Володя Тимофеев, Вадим Кан, Борис Фролов и некоторые другие.

Через несколько дней двое моих друзей, 17-летних ребят - Виктор Калинин, Яков Панков и я - по направлению горвоенкомата уже ехали для поступления в Ленинградское артиллерийско-техническое училище зенитной артиллерии (ЛАТУЗА). Познакомиться с легендарным городом нам не удалось. Успешно сданы вступительные экзамены, и мы были зачислены курсантами. В это время училище находилось в летних лагерях в Красном селе, недалеко от города.

К этому времени в училище был создан боевой дивизион в составе батареи 85, 76 и 37-мм пушек и отделение пулеметчиков. Они выполняли приказ по отражению налетов вражеской авиации на город и отражение атак танкистов. В состав батарей вошли ребята старших курсов. Начиная с 4 июля 1941 г. началось боевое дежурство. Через несколько дней был сбит первый немецкий бомбардировщик «Юнкерс-88», а экипаж самолета взят в плен. В целом за июль курсантские батареи училища сбили 9 самолетов, в том числе «Хенкель-111» и разведчик «Фокке-Вульф-189».

Курсанты набора 1941 г. занимались строительством оборонительных сооружений, ходили в ночные дозоры и наряды, осваивали использование стрелкового оружия.

16 июля 194I г. Государственный комитет Обороны принял специальное постановление «О подготовке резервов в системе Наркомата Обороны и Военно-морского Флота». В соответствии с этим Постановлением Генеральный Штаб Красной Армии издал приказ о передислокации училища из Ленинграда в Сибирь.

Перед отъездом не забыть нам, курсантам, памятный концерт знаменитой певицы Клавдии Шульженко, который был дан на открытой поляне с автомашины с открытыми бортами.

9 августа училище на четырех эшелонах с личным составом и учебным оборудованием отбыло на Восток.

С понятным укором смотрели жители проезжающих городов и сел на наш эшелон, который шел не на Запад, а почему-то на Восток.

22 августа 1941 года эшелоны прибыли на станцию Тайга, а потом и в город Томск. Училище было размешено в помещениях Томского политехнического института. Напротив корпусов нашего училища размещалось другое артучилище.

Курсантов редко отпускали в увольнение в город. Во время одного такого отпуска из увольнения по неизвестной причине не вернулся один курсант.

Срок обучения был резко сокращен вдвое, вместо двух лет до одного года. Из-за отсутствия учебных помещений занятия проходили в три смены. Проходили они и на открытом воздухе, зимой в тайге.

В училище мы узнали об истории развития зенитной артиллерии в нашей стране. В годы первой мировой войны стали применяться в боевых действиях авиация, самолеты и дирижабли. Все это потребовало создания войск противовоздушной обороны. В это время первая зенитная пушка была изготовлена на Путиловском заводе. Её характеризовали такие данные: начальная скорость снаряда в полете 600 метров в секунду, скорострельность 10-12 выстрелов в минуту, дальность полета снаряда по высоте – до 5 тысяч метров. На один сбитый самолет расходовалось примерно 11 тысяч снарядов. Для своего времени это были неплохие показатели.

В 1917 году на Путиловском заводе был изготовлен бронепоезд «Стальной противосамолетный артдивизион», вооруженный пушками и пулеметами.

В 1932 г. было создано Управление ПВО Красной Армии. В 1940 г. – I Главное Управление ПВО Красной Армии. Была разработана сеть войсковых полков прикрытия действующей армии, а также система ПВО вокруг крупных городов и важных оборонных объектов.

В 1941 г. Красная Армия имела 250 зенитных батарей. На вооружении батарей имелись стереоскопические дальномеры и приборы управления артиллерийским огнем (ПУАЗО).

До войны войсками ПВО командовал Главный маршал артиллерии. В июле 1941 г. были сформированы Западный и Восточный фронты ПВО. Разграничение фронтов шло по линии Архангельск, Армавир, Кисловодск. Восточный фронт ПВО обеспечивал оборону крупных городов и оборонных объектов городов Горького, Саратова, Ярославля, Ростова и других. Командующим Восточным фронтом ПВО был с августа

1943 г. по июль 1944 г. генерал-полковник артиллерии Г.С. Зашихин. В составе Восточного фронта ПВО находился Горьковский корпусной район ПВО. В 1941 г. он располагал 430 орудиями среднего калибра, 80 малокалиберными пушками, около 50 истребителей ночного действия, 230 прожекторов и аэростатами заграждения.

22 июня 1941 г. фашисты направили на Москву 220 самолетов, но к столице из них прорвалось только несколько. Было сбито 22 вражеских самолета, в том числе зенитной артиллерией - 10 бомбардировщиков. В этот день фашисты направили на советско-германский фронт более 5 тысяч самолетов. В этот день начала войны зенитной артиллерией и летчиками было сбито 65 самолетов противника.

Летом 1942 г. я был выпущен из училища, основанного в 1928 г. Через несколько десятилетий мне довелось вновь посетить родные стены учебного заведения, которое в восьмидесятые годы уже называлось - Ленинградское высшее зенитное ракетное командное ордена Красной Звезды училище имени 60-летия Великого Октября. Офицеры штаба подробно познакомили меня с работой училища, его богатой учебной, материальной базой, выдающимися выпускниками. За материальную помощь фронту в адрес училища поступило несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего Красной Армии И.В. Сталина. Два воспитанника училища были удостоены звания Героя Советского Союза. Многие награждены орденами и медалями.

Летом 1942 г. я в звании техника-лейтенанта был направлен на Восточный фронт ПВО в Горьковский корпусной район. Город Горький был крупным оборонным объектом. Он выпускал артвооружение, автомашины, стрелковое орудие и другое вооружение.

Я был направлен в 742 зенитно-артиллерийский полк (ЗАП). Штаб полка дислоцировался на станции Толконцево и размещался в клубе войлочной фабрики. Командиром полка был майор А. Лебедев, начальником штаба - капитан С. Пономаренко, начальником арттехснабжения - старший техник-лейтенант Д. Гаврилов. Полк имел три дивизиона, в каждом из которых было три батареи пушек среднего калибра.

Я был назначен арттехником старшим во второй дивизион, который базировался рядом с деревней Бочкариха. Штаб диви-

зиона находился в хорошо оборудованных землянках, рядом с 4-й батареей. При первом знакомстве с вооружением 4-й батареи меня поразило то, что она имела устаревшие пушки образца 1-ой Мировой войны, простейшее механическое ПУАЗО-1. Но вскоре это устаревшее вооружение было заменено на современное.

Полк дислоцировался на правом берегу Волги, расположение 5 и 6 батарей весной заливалось водой. Батареи находились на расстоянии нескольких километров друг от друга.

Командиром дивизиона был недавно призванный из запаса старший лейтенант М. Капышев, начальником штаба - старший лейтенант А. Сотниченко, командиром взвода управления лейтенант - М. Тереков. В штабе дивизиона находились старший арттехник, техник по приборам, парторг Л. Потапов, комсорг В. Фролова, медицинский фельдшер. Взвод управления состоял из девушек, парней 17 лет и нескольких мужчин преклонного возраста.

Командирами батарей были молодые энергичные офицеры: младший лейтенант А. Челышев, лейтенант А. Вялых и А. Миронов. Под их руководством командиры огневых взводов хорошо натренировали орудийные расчеты, которые уверенно, слаженно действовали во время ночных боевых стрельб и в дневные стрельбы.

Одной из особенностей зенитных полков ПВО по защите объектов, расположенных сравнительно далеко от фронта, было то, что в них служило много девушек со средним образованием из многих областей страны. Девушки в основном выполняли обязанности воздушных разведчиков, связистов, дальномерщиков, прибористов, поваров.

Фронтовику никогда не забыть вражеские налеты бомбардировочной авиации на оборонные объекты города Горького в 1942 и особенно в 1943 годах. Налеты обычно совершались в ночное время, рано утром или поздно вечером. Первыми в бой вступали летчики. После того, как они «отработают», вступала в бой зенитная артиллерия. Дальномерщики передавали свои данные прибористам ПУАЗО-3. Обработанные данные для стрельбы по кабелям поступали на приборы на орудиях. Орудийные номера совмещением механических индексов с электрическими наводили орудия для стрельбы с упреждением на вероятную точку встречи снаряда с самолетом. Комбат дает

приказ открыть огонь и нажимает на кнопку. Звучит «Ревун». За залпом следует залп заградительных завес. В воздухе рвутся снаряды, шрапнели и гранаты. Нередко батареи атаковали по 8-10 вражеских самолетов, которые сбрасывали десятки 100- и 200-килограмовых авиабомб, обстреливали батареи пулеметным огнем. Появляются первые раненые, поврежденные орудия, приборы и дальномеры. Нарушается связь. Но батареи продолжают вести огонь, пока не поступит приказ его прекратить.

За время войны полк не понес потерь убитыми.

Мне неоднократно приходилось находиться на батареи, ведущей бой. Я был свидетелем мужественного поведения солдат, сержантов и офицеров. И такие схватки с коварным врагом продолжались неоднократно за прошедшие годы войны.

Было невозможно подсчитать, сколько самолетов сбила батарея, так как огонь вели одновременно несколько полков.

Только в 1943 г. с 4 по 22 июня было совершено семь массированных налетов вражеской авиации. Но к цели могли прорваться только несколько самолетов, сбросивших беспорядочные бомбы на объекты. Фактически ни один оборонный объект не был выведен из строя. А что осталось бы от города Горького, если бы долетели все направленные на него 700 вражеских бомбардировщиков!

В 1944 г. на территории Прибалтики находилась крупная фашистская группа армии «Север». Летом перешли в наступление 1, 2, 3 Прибалтийские и Ленинградские фронты. Вскоре противник оказался зажатым в Курляндском котле, упорно сопротивляясь. В ходе сражений было разгромлено 26 вражеских дивизий. К столице Латвии подошли части и соединения 2 и 3 Прибалтийских фронтов. Они стремились сохранить её от ненужного разрушения. 19 октября Рига была освобождена.

В это время в Ригу был перебазирован 742/1877 наш зенитный полк. Штаб 2-го дивизиона был размещён в Межапарке, около Кишазире в 2-х этажном здании. С местным населением сложились нормальные отношения. Война шла к концу. Немцам уже не было необходимости бомбить Ригу. Полку не пришлось вести боевую стрельбу. Долгожданную Победу зенитчики встретили в Риге. Боевая деятельность зенитчиков была отмечена орденами и медалями. В 1946 г. полк был расформи-

рован, солдаты, сержанты и офицеры были демобилизованы, в том числе и я 19 июня 1946 г. по ст. 43, пункт А.

Нелегко досталась нам Победа над сильным и коварным врагом. Наша страна потеряла 27 миллионов лучших своих сынов и дочерей. У многих было искалечено здоровье и жизнь. Из каждых ста ребят моего года рождения в живых осталось только три человека. Не было почти ни одной советской семьи, которая не потеряла своих близких. На фронте был ранен мой дядя, Малышенко Г. В., попал в плен и калекой вернулся домой. На фронте сражались мои три двоюродных брата: Н. Попков и К. Житковский погибли на фронте, живым вернулся только Н. Деркачев.

После войны я неоднократно проходил армейские сборы, после успешного их прохождения мне присваивали очередное воинское звание. На сборах я узнал, что наши 130-миллиметровые пушки значительно превосходят заграничные по высоте и дальности полета снарядов, скорострельности… Появились новые высокоэффективные ракетные зенитные установки залпового огня. Наши современные боевые ракеты летают в космосе со скоростью, превосходящей скорость света в 6-14 раз, с поразительной точностью поражают заданную цель. У нас есть чем и что защищать от воздушного противника.

Приятно знать, что наши потомки чтят память своих дедов и прадедов. Только в нашем крае установлена 80 мм пушка на месте захоронения погибших воинов 57 ОЗАД. Имеются зенитные орудия прошедшей войны в городском музее боевой техники г. Краснодара и в музее «Военная горка» в городе Темрюке.

В годы войны наш дом в городке Воронеже был разбит и сгорел. Поэтому после демобилизации я приехал к родственнику в город Краснодар. Стал на партийный учет в Сталинском райкоме партии, который направил меня на работу учеником технолога Краснодарского станкостроительного завода имени Седина. Проработал некоторое время и меня избрали секретарем комитета ВЛКСМ. У нас была крупная комсомольская организация, которая активно работала по восстановлению и развитию предприятия и пользовалась известным авторитетом в городе.

На очередных комсомольских конференциях я был избран в состав райкома, а потом горкома и крайкома ВЛКСМ. В 1947 г. был избран секретарём Сталинского райкома комсомола. Комсомольцы и молодёжь района активно помогали в работе партийным комитетам по благоустройству района и города, переоборудованию трамвайных линий, шефству над сельскими районами Адыгеи. Были разбиты два комсомольских парка (в районе и в городе).

Во время выборов в местные Советы народных депутатов я и несколько активных комсомольцев были избраны депутатами районного и городского Советов народных депутатов. Добросовестно работали над выполнением наказов избирателей.

В 1949 г. меня направили на учебу в двухгодичную Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ в Москве. Во время учебы в ЦКШ (Центральной комсомольской школе) я имел возможность экстерном закончить исторический факультет Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина.

Был я и на переподготовке преподавателей общественных наук в Институте повышения квалификации при Московском госуниверситете имени М.В. Ломоносова.

Несколько позже мне довелось учиться в аспирантуре Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова для подготовки и защиты кандидатской диссертации на ученую степень кандидата исторических наук.

Годы учёбы в Москве незабываемы. Здесь я познакомился и женился на слушательнице ЦКШ Анне Гурьяновой. Родилась моя первая дочь Татьяна. А во скольких театрах и музеях довелось побывать, о чём раньше и не приходилось мечтать.

После окончания ЦКШ в 1951 г. был направлен ЦК ВЛКСМ на работу на Дальний Восток. На комсомольской конференции был избран секретарем Хабаровского краевого комитета комсомола. Всего проработал на Дальнем востоке почти десять лет. Довелось познакомиться с работой комсомольцев Чукотки, Камчатки, Нижнеамурской и Еврейской автономных областей, Комсомольска-на-Амуре, районов Охотского побережья. Надолго, если не навсегда, запомнилась отчетно-выборная комсомольская конференция в Анадыре накануне нового 1952 г., когда пурга не давала пройти от дома до другого здания. Чуть не потерпел аварию от мощного боково-

го ветра наш самолет в Магаданском аэропорту, после того как мы ожидали вылета из поселка Елизово на Камчатке.

После работы в комсомоле я трудился инструктором краевого комитета партии, секретарем партбюро и преподавателем на кафедре истории Хабаровского государственного педагогического института. Был свидетелем и участником мероприятий по установлению и развитию самых дружеских отношений с работниками и жителями Китайской народной республики. Довелось мне в составе туристический группы проехать весь Китай от Харбина, Пекина, Шанхая и Тяньзиня, где нас всегда тепло встречали студенты, простые рабочие и крестьяне в городах и селах, на Великой Китайской стене, в императорских дворцах и парках.

В 1960 г. по семейным обстоятельствам возвратился в Краснодар. Здесь я работал ассистентом, старшим преподавателем и доцентом кафедры истории Краснодарского политехнического института (ныне КубГТУ). Вместе со студентами ежегодно в сентябре выезжал на сельхозуборочные работы в колхозы и совхозы края.

Руководил работой студентов над рефератами по военно-патриотической тематике. Одна из наших работ была удостоена всесоюзной премии по теме «О развитии рисосеяния на Кубани». Ежегодно проводились научно-теоретические конференции на актуальные общественные темы. Было налажено выступление студентов по путевкам на патриотические темы перед школьниками. Ежегодно организовывались поездки лучших студентов по историческим и памятным местам боев на Кубани в годы Великой Отечественной войны: город-герой Новороссийск, Керчь, на «Голубую линию» в Крымском районе, в музей семьи советских патриотов Степановых в Тимашевске и другим местам.

Неоднократно избирался членом парткома института. Около двадцати лет был деканом (на общественных началах) факультета общественных профессий, на котором было подготовлено несколько тысяч инженеров - общественников. Был членом совета по делам ФОП при Министерстве высшего и среднего образования СССР.

В свободное каникулярное время побывал в туристических поездках в 20 странах Европы, Азии, Африки и Тихого океана,

в Японии и на Филиппинах. О своих впечатлениях делился со студентами и коллегами по работе.

В 1981 г. за заслуги в области высшего образования Министр высшего образования СССР и Председатель ЦК профсоюза наградили меня нагрудным знаком «За отличные успехи в работе».

В 2000 г. Президиум краевого патриотического движения «Отечество» (Кондратенко) наградил юбилейной медалью «За большой вклад в патриотическое движение Кубани».

Вместе с Героем Советского Союза В.В. Козловым принимал участие в создании в институте организации ветеранов войны и труда. Был избран председателем Совета ветеранов войны и труда института при подготовке 55-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне. Избирался членом краевого комитета памяти маршала Г.К. Жукова, членом Совета ветеранов войны и труда Центрального округа г. Краснодара, членом городского и краевого Советов ветеранов войны и труда, членом краевого комитета ветеранов войны и военной службы. Работал членом пресс-группы крайсовета ветеранов, опубликовал материалы о фронтовиках и ветеранских организациях в краевой и республиканской прессе. Член комиссии по патриотическому воспитанию молодежи крайсовета ветеранов. В 2004 г. за активное участие в ветеранском движении Республиканский комитет вручил мне нагрудный «Почетный знак РК ВВВС».

В 2004 г. друзья и товарищи по длительной совместной работе, окружные, городские и краевые общественные и административные организации торжественно отметили мое 80-летие.

Мною опубликованы материалы:

Харченко И., Ананьев С. Первый на Кубани. - Краснодарское изд-во, 1965. – 56 с.

Харченко И., Никитюк О. Во имя человека труда. - Краснодарское изд-во, 1980. - 80 с.

Сб. Беспокойные сердца ветеранов. - Краснодарское изд-во, 2000. – 225 с.

Харченко И. Пока бьется сердце ветерана. – Краснодар: Изд-во «Здравствуйте», 2005. - 200 с.

Харченко И. Эстафета поколений / Сб. Ветераны всегда в строю. – Краснодар. – С. 46-48.

Харченко И. На переднем крае // Вестник высшей школы, 1975, № 5.- С. 58-59.

Харченко И. Жаркое лето Кубани // Ветеран войны, 2003, №5. – С. 43-46.

Некоторые материалы обо мне:

Голянова В. Слово о коллеге/ Сб. Баллада о солдатах. – Краснодар: КубГТУ. – С. 34-39.

Приходько Н. Славные пути – дороги // Над Кубанью, 16 января 2004.

Февраль 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказал помощь правнук, ученик 8 класса 78 школы г. Краснодара ***Шепелев Роман Александрович***

Царевский Давид Исаакович

Фронтовые метели

Я родился 26 января 1922 года в г. Киеве. Являлся членом КПСС. В 1940 г. окончил артиллерийскую спецшколу № 12 г. Киева и поступил в Киевское артиллерийское училище № 2. Проучился в училище 10 месяцев, и началась война. Нас досрочно выпустили в звании лейтенанта и 1 августа 1941 г. попал на фронт.

Со временем многое забывается, но есть эпизоды, которых не забыть. У меня это чаще бывает, когда в воздухе запляшут хороводы снежинок. Тогда за белой пеленой вдруг послышатся пулеметные скороговорки, заухают орудия. Видимо, виновата первая метель в январе 1942-го. Тогда, после изматывающих душу месяцев отступления, мы впервые пошли на запад.

Вокруг бушевала метель. Кавалерийский корпус генерала А.А. Гречко, прорвав глубоко эшелонированную оборону немцев на Северском Донце, шел на Барвенково.

Я рысью вел свой огневой взвод полковой батареи, стараясь не отстать от эскадрона Володьки Вышинского. Снежные хлопья слепили глаза, но лица бойцов светились радостью: «Наша берет!».

Поздно вечером, после стремительной кавалерийской атаки, эскадроны ворвались на улицы города. И тут нашлась работа нашим пушкам. Сбивали засевших в домах пулеметчиков, расчищали путь спешившимся конникам. К полуночи

дошли до железнодорожной станции и ахнули: на путях стояли эшелоны с военной техникой и продовольствием!

Такое событие нельзя было не отметить. Пили трофейное шампанское, поминая погибших товарищей. Друзья поздравляли меня с юбилеем — стукнуло аж двадцать в этот день. А я мысленно возвращался к началу моей фронтовой биографии. За шесть месяцев боев наша дивизия прошла тысячи километров фронтовых дорог. Нас бросали туда, где враг, прорвав оборону, угрожал окружением пехоте. Наш командир (тогда еще полковник Андрей Антонович Гречко) в совершенстве владел искусством боевого маневра, и, несмотря на подавляющее превосходство врага в технике на земле и в воздухе, конники, появляясь внезапно, наносили ему чувствительные удары.

Ранний рассвет застал нас в седле. Под прикрытием метели конники стремительно шли на запад. Над нами коршунами кружили немецкие самолеты, но их бомбы, как правило, рвались в стороне от колонны.

По дороге мы захватывали отставшие обозы, команды, комендатуры. Жители сел выбегали на дорогу, повторяли в тревоге: «Откуда вы, родные, ведь кругом немцы».

Так, почти не слезая с коней, на рысях шли мы два дня. Под вечер на окраине Александровки разведка наткнулась на немецкие танки.

Стальные махины шли развернутым фронтом, поливая окраину деревни свинцовым дождем. А у конников ни окопов, ни противотанковых средств. Наши короткоствольные пушки устаревшего образца были рассчитаны лишь на борьбу с пехотой.

Я получил приказ прикрыть своим взводом отход полка. Быстро занял огневую позицию у дороги, открыл огонь, затем поменял позицию; сделал несколько выстрелов и снова переместился, пользуясь защитой построек и густой пеленой снегопада. Смена позиций создала у противника видимость солидной противотанковой обороны и вынудила его замедлить ход. Это помогло нам продержаться около часа, пока один танк не нащупал нашу огневую и снаряды не начали рваться вплотную.

Были убиты два бойца, я получил удар осколком по затылку. Удалось вывести орудия из-под обстрела, но когда я добе-

жал до хаты, за которой оставил коневода, - его на месте не оказалось, удрал. Полк отошел. И вот я бегу по улице по колено в снегу, вокруг свистят пули, сознание мутится от раны в голове: «Неужели все? Лучше смерть, чем плен». Но нет. Из переулка на рослом коне вылетает - не может быть - Володька Вышинский, с которым мы ни раз хлебали на привале из одного котелка.

Не раздумывая, он освобождает стремя и подает мне руку. Вдвоем мы вскоре догоняем последнюю повозку, где мне перевязывают рану и на которой добираюсь к своим. Попробуй, забудь такую метель!

Вторая памятная метель произошла через год. За это время я был тяжело ранен и отлежался в госпитале в Баку. Фашисты прорвали нашу оборону на юге и подошли к Сталинграду и к предгорьям Кавказа. Однако Новый год они уже встречали в Сталинградском котле, а с Кавказа пришлось убираться восвояси, хотя, по словам Геббельса, они лишь «выравнивали фронт».

Наша 43-я стрелковая бригада наступала из-под Моздока. Шли, преодолевая упорное сопротивление, отбивая контратаки, сбивая заслоны и засады. Сначала нам досаждали снежные завалы, потом сильно потеплело, и в феврале разгулялась распутица. Лошади, отощавшие от бескормицы, не в силах были тащить орудия, пришлось подключать к ним волов и даже верблюдов. Солдаты, увязая по щиколотки в грязи, то и дело вытаскивали пушки из ухабов, валясь от усталости.

Батарея шла в составе головной походной заставы. За хутором Ангелинским вдруг из стоявшей на пригорке фермы ударили выстрелы. Пехота залегла. Дело решали секунды. Батарейцы стали разворачивать орудия. Первым открыл огонь старший сержант Михаил Дорошенко. Он перебил гусеницу головного танка, а когда тот развернулся на месте — влепил снаряд ему в бок. Танк запылал. Открыли огонь и другие орудия. Это охладило пыл нападающих. Они остановились, и завязалась дуэль. Потеряв два танка и самоходку, танки уползли в лощину.

У нас была разбита одна пушка, убиты два солдата, несколько лошадей, много бойцов ранено, но ни один из них не покинул огневую. Движение колонны возобновилось.

Михаил Григорьевич Дорошенко к концу войны командовал батареей. При встрече со мной в Краснодаре он признался: «Ты знаешь, в первые секунды я растерялся. Кругом метет, рвутся снаряды, кричат раненые, а потом зло взяло: не дождешься, гнида фашистская. Не дам тебе ползать по моей земле. Разглядел сквозь снежную пелену, откуда бьют танки, и вмиг развернул орудие».

Решительный штурм «Голубой линии» закончился освобождением Кубани. В октябре бригада была расформирована и вошла в состав 316-й дважды Краснознаменной дивизии, которая за освобождение Темрюка получила почетное звание Темрюкской. А уже в декабре дивизия оказалась на Украине. Здесь в составе первой гвардейской армии, которой командовал теперь уже генерал-лейтенант Гречко, дивизия прошла с боями от Житомира до Карпат.

Но и тут для меня не обошлось без памятной метели. В неожиданное для противника время, в февральскую распутицу, наш фронт начал наступление. Из района Любарь дивизия шла на Чертков.

На участке дивизии противник, не ожидая артподготовки, снялся с позиции. Сильный туман и липкая грязь мешали батарее поспевать за пехотой, которая преследовала противника. Колонна скрылась за бугром, когда сбоку с недалекого холма по батарее застрочили пулеметы.

Заржали раненые лошади, послышались крики: «Немцы, нас окружают!»

Тут промедление смерти подобно. Даю команду: «К бою. По высотке — огонь!» Первым сумел развернуться командир первого орудия сержант Иван Глушко. Кстати, он как полный кавалер ордена Славы был участником Парада Победы после войны. С первого выстрела он накрыл огневую точку, а потом по моей команде перешел на картечь и изрешетил всю высотку.

Наша пехота, заслышав выстрелы у себя в тылу, атаковала высотку с фланга, и вскоре над окопами немцы подняли белую тряпку, а затем стали выходить на бруствер с поднятыми руками.

Зима застала нас в Венгрии. В декабре дивизия форсировала Дунай, за что особо отличившиеся солдаты и офицеры (все-

го 12 человек) были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Создание обширного плацдарма на правом берегу Дуная позволило нашим войскам начать наступление с целью окружения всей будапештской группы немецко-венгерских войск.

Враг защищался упорно, понимая, что с потерей Будапешта рухнет вся система обороны на юге. Но к концу декабря 1944 года город был окружен. На предложение нашего командования капитулировать немцы ответили отказом, а парламентеров подло убили.

После этого начался штурм города. Наша батарея в уличных боях поддерживала огнем штурмовые группы, которые шаг за шагом продвигались к центру. Полк нес большие потери, в батальонах оставалось не больше роты, а в батарее на орудие осталось по 2-3 человека. Но уже ничто не могло нас остановить.

13 февраля 1945 г. над последним очагом сопротивления фашистов - Будапештской цитаделью - взвился красный флаг.

Бойцы смеялись, поздравляли друг друга с окончанием изнурительных боев, и вдруг кто-то сказал:

- Вот она, наша последняя военная метель, запомните ее, ребята.

Мы смотрели на снежную круговерть, и каждый думал о своем. Но в глазах у каждого светилась надежда: теперь и до Берлина недалеко!

Надежда наша скоро сбылась - будапештская метель приблизила берлинскую весну!

Демобилизовался я в 1953 г. в звании капитана, в 1954 г. поступил в Краснодарский пединститут на исторический факультет и закончил в 1959 г. 25 лет проработал преподавателем истории и обществоведения.

Однополчане

Друзья мои, однополчане,
Удары сердца, как набат –
Не в памяти, не на экране –
За праздничным столом сидят.
Чудес на свете не бывает,
Но вот, лишь руку протяни

И юность наша боевая – Незабываемые дни.

Зашелестят, волнуясь, плавни,
Плеснёт волна у Темрюка,
Товарища в бою неравном
Прошьёт свинцовая строка…
И волчий вой фашистской «Рамы»
Творящей наглый свой разбой,
И танк в прицеле панорамы,
И лязг его над головой…

Когда кончая счёты с жизнью,
Слабея, ты сжимал курок,
А кто-то сильный, зубы стиснув,
Тебя от смерти уволок.
И вот сидят они, солдаты,
С кем ты решал судьбу страны.
Кто в наше братство верил свято –
Мы и сейчас ему верны!

Верны до самых дней последних
До внуков, правнуков своих –
Лишь только б их рубеж передний
Лёг в стороне от бурь Земных
Друзья мои, однополчане!
Нам не уйти с передовой
Пока куют во вражьем стане
Оружье к третьей мировой.

О моей военной биографии имеется множество публикаций в многотиражной печати. Основные из них:

1. Садовский Я.А. Рубиновая звезда Чепеля. – М., 1982.

2. Елисеева Л.И. Вот и живёт, не ждёт тишины // Кубанские новости, 26 января 2002 г.

3. Царевский Д.И. Два капитана // Кубань сегодня, 25 февраля 2005 г.

4. Царевский Д.И. Алёша, ты с нами // Над Кубанью, 17 декабря 2004 г.

5. Царевский Д.И. Главный праздник моей жизни // Над Кубанью, 9 мая 2004 г.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса Кубанского государственного технологического университета ***Белоусова Светлана Евгеньевна***

.

Цуприков Александр Ефимович

Под Севастополем

Я родился в 1923 году в деревне Богачево, Ирбейского района, Краснодарского края, в семье крестьянина–середняка. Моего дедушку раскулачили и сослали на восемь лет. Отцу же удалось сбежать из-под стражи. До войны учился я в школе № 21 города Краснодара. В 1941 году закончил девятый класс. В летний период поехал работать в детский пионерский лагерь физруком–затейником в поселке Мыс - Хако, там и узнал о войне.

В октябре 1941 года меня, как и многих моих земляков, направили в военно-пехотное училище в город Ворошиловск (нынешний Ставрополь), где мы прошли теоретический курс. Затем, в марте 1942 года поехали под Орджоникидзе, в Беслан, на полигон воздушно – десантных войск, где в течение полутора месяцев мы изучали парашютно-десантные премудрости. Во время учебы осваивали парашютное снаряжение и различные формы физической подготовки: рукопашный бой – борьба в окопах, борьба с оружием и без него, преодоление преград в форсированном режиме в полном снаряжении, преодоление бурной и холодной реки Терек. В перерывах между подготовками изучали немецкий язык, так как нас предполагалось использовать в тылу врага.

В мае, физически и теоретически подготовленные, мы были направлены под Таганрог, во второй эшелон обороны. Через

месяц, в начале июня 1942 года были направлены под Сталинград в район железнодорожного узла Иловая, где формировалась 192-я стрелковая дивизия 62-ой армии. Нас объединили с моряками – черноморцами. Они уже принимали участие в боях за Одессу и Севастополь в составе морской бригады. Наша 192-я дивизия была сформирована из опытных моряков – десантников и курсантов военно-пехотных училищ – «Золотого фонда командиров Красной Армии». Все бойцы были как на подбор. В течение 2-3 недель моряки и курсанты привыкали друг к другу, в результате создалось единое боевое подразделение.

Дивизия успела провести полевые учения по сколачиванию подразделений в полках. Я был назначен командиром взвода (мне было 19 лет), а комиссаром определили Ивженко Мишу - моряка, прекрасного и боевого товарища. Он был старше меня, но жили мы с ним душа в душу.

Поднятая по тревоге в первой декаде июля дивизия в пешем строю успешно совершила 80-90- километровый марш-бросок, преодолела Сиротинскую переправу в районе поселков Бузиловка - Голубинка, и на закрепленных участках создала оборонительные сооружения – отрыла окопы «полного профиля», траншеи и переходы между ними, подготовили огневые точки. Потом мы произвели разведку местности и создали службу боевого охранения.

Дивизия была готова для встречи фашистов. Откуда – то издалека доносились звуки боя, это передовые отряды нашей дивизии встретили разведывательные подразделения врага. Затем прошел ожесточенный бой с превосходящими силами противника, но враг все же отступил. Наши передовые части также понесли потери и отошли мимо наших окопов на заданные позиции для частичного переформирования.

Примерно 10-11 июля, утром, немецкие танки с посаженным на них десантом солдат и мотопехота двинулись на наши окопы. Мы их встретили ружейно-пулеметным и минометным огнем, уничтожая фашистов на танках. Когда танки вплотную приблизились к нашим окопам, мы по траншеям перешли во второй ряд оборудованных окопов. Немецкие танки начали «утюжить» наши передние окопы, один танк провалился одной гусеницей в окоп, и его подожгли бутылкой с зажигательной смесью. Маневрируя между окопами и траншеями, мы по-

дожгли еще один танк во втором ряду. Рельеф поверхности состоял из оврагов и бугров, что не позволяло танкам маневрировать, зато здорово помогало нам, как обороняться, так и выходить на боевые позиции. Оставшиеся танки решили, видимо, обойти наши позиции. Мы вели шквальный огонь, оттеснили пехоту от танков.

По окопам поступила команда: «Подготовиться к атаке!» При команде: «Атака!» - тело вздрогнуло. Сейчас решится все - не дрогнут ли ряды наших товарищей по оружию? Когда ротный прокричал: «За Родину! за Сталина! Ура!» - рота поднялась в атаку. Фашисты не выдержали нашего натиска и повернули обратно, бросая военное снаряжение. Я пробежал 15-20 метров, когда меня окликнул комиссар роты. Оказалось, в первые минуты атаки ротного тяжело ранило, он назначил меня вместо себя, его последним напутствием было: «Сохрани дружбу между бойцами и береги их». Мы его разместили в проходящем мимо нас медсанбате.

Бой длился 2-3 часа, после него бойцы ликовали, наше первое боевое крещение было успешным. Трупов немецких на поле было множество. Потери роты – тяжело раненный командир, 2 бойца с легкими ранениями, они отказались от услуг медсанбата.

Поступила новая команда: «Отходить не будем!» Мы частично изменили конфигурацию окопов и сообщений между ними с учетом сгоревших танков, дополнительно создали третий ряд земляных укреплений, построили несколько блиндажей и укрытий для отдыха бойцов в дневное время, и от жары.

Ближе к вечеру наши позиции подверглись налету немецких штурмовиков. После бомбежки восстановили разрушенные оборонительные сооружения. На следующее утро над позициями пролетела «рама», и примерно через 2 часа дивизия снова подверглась ожесточенному удару фашистских бомбардировщиков. Гул моторов, взрывы бомб, небо, черное от земли и пыли – можно было сойти с ума или тронуться рассудком.

Наше противотанковое оснащение было значительно слабее, поэтому выдержать атаку массы танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров - было почти невыполнимой задачей.

После упорных боев дивизия отошла на новые рубежи. Опять, уже в который раз, рыли окопы - нужно было укре-

питься, зарыться в твердую землю. К утру нужно было быть готовыми к отражению атак противника. Окопы соединялись траншеями, что позволяло маневрировать личному составу, в случае необходимости.

Примерно 20 июля командир дивизии, полковник Захарченко, рано утром появился на позициях нашего батальона. Командование заметило, что противник сосредоточивает войска в районе обороны нашего батальона. Наши позиции усилились за счет минометных батарей, пушек и по одному взводу штрафников.

Рано утром 22 июля наши позиции подверглись бомбардировке и артиллерийскому обстрелу. Фашисты в полный рост пошли на наши позиции. Мы их встретили шквалом огня из всего оружия, что у нас было. Сраженные фашисты падали, а уцелевшие шли подчеркнуто медленно, как на психологическую атаку. Комиссар приказал нам прекратить стрельбу и выйти на рукопашную, принять вызов. Я полагал, что это нецелесообразно, будут потери. Комиссар и моряки в подобных рукопашных боях участие принимали, у них был опыт. Комиссар меня убедил, что курсанты также физически подготовлены, как и моряки.

Бой был скоротечным, прекратился как-то сам собой. Фашисты бежали. Мы отошли к своим окопам. Днем приехал командир дивизии, посмотрел на поле, ужаснулся тому, что мы совершили подвиг – устояли. Он поблагодарил весь батальон за стойкость и храбрость, а особенная благодарность была выражена бойцам нашей роты, которая выдержала психологическую атаку. Пообещал всех представить к наградам, у штрафников снять судимости, а меня и комиссара представить к военным наградам. Это было днем 22, а рано утром 23 июля фашисты начали наступление по всему фронту 62 армии. Мы уже чувствовали, что немецкие танки решили обойти нас с флангов, они преследовали отходящие штабы 192 и 184 стрелковых дивизии. В этом бою погиб наш командир, полковник Захарченко. В окружение попали наша 192, 184 и часть 33 гвардейской дивизии. Окруженные дивизии были охвачены плотным кольцом пехоты и танков противника.

Примерно 25 июля для вывода войск из кольца санитарным самолетом из оперативного штаба был направлен полковник Журавлев. Он объединил остатки обезглавленных дивизий и

частей в одну оперативную группу. Группа вела неравный бой. Уже который раз немцы, пьяные, упитанные и рослые, пошли на наши позиции. Наши бойцы не дрогнули, и вышли им навстречу. Страшно было, но все же не дрогнули, а пошли. Последовало очередное кровавое побоище. В результате немцы отступили, оставив на поле множество трупов и тяжело раненных, с травмами рук и ног. Спесь им сбили. Наши же бойцы, низкорослые, ловкие и сильные, рискнули одолеть такую рослую, ожиревшую орду. Почти все бойцы после боя получили увечья. Мне разбили левую бровь, травмировали правую ногу. Мы превосходили немцев в физической подготовке, смекалке, силе духа, ловкости и неизменной вере в победу. Драка прекратилась, как только увидели продвижение в нашу сторону советских танков. Танковому корпусу удалось прорвать кольцо фашистского окружения и образовать узкий коридор для выхода окруженной группы из районов Бузиновка – Голубинская. Отход группы прикрывал наш батальон. Вывести удалось примерно 4500-5000 человек. Незначительная часть бойцов, в том числе и нашего батальона, не успела вырваться через этот коридор. Нам пришлось прорываться к переправе другим путём – через хутор Голубинский, используя овраги и пойму реки Голубая, передвигаясь, в основном, ночью, избегая налётов вражеской авиации. Наконец–то мы поднялись по склону и... ужас – здесь нас ждали наши заградотрядовцы с пулеметами, безжалостные и неумолимые к «отступленцам». И откуда они только взялись?!?! Еще не успевших отдышаться от многокилометрового отхода, нас бесцеремонно обезоружили, вручили лопаты и, уже под конвоем, отправили рыть позиции. В общем строю, с лопатами в руках, но уже без «кубарей» шагали и мы, резерв командиров Красной Армии, которые вместо «ни шагу назад», прошагали под натиском немецких танков более 30-40 километров в жару, голодные, без воды и хлеба, практически все травмированные после боя, помогая друг другу – двигались на восток, к переправе. Вступил в действие приказ главнокомандующего № 227 от 28 июля 1942 года. Историки до сих пор не могут разобраться, была ли так велика вина красноармейцев и средних командиров за ошибки высшего комсостава.

Когда нас разоружали под дулами автоматов загранотрядовцы, мы все свое вооружение складывали в кучу возле доро-

ги. Нам вручили, как я уже отмечал, лопаты и указали место для земляных работ. Через несколько часов работы легли отдохнуть. Копали мы у нижнего склона, а наверху, в неглубоких окопах, вылеживались на солнце заградотрядовцы. Вдруг радостные крики сообщили, что к нам на помощь движутся танки. Мы, полуарестованные, тоже радовались, наконец-то все образуется, разберутся с нами и восстановят справедливость. Но радовались недолго, оказалось, что это быстро мчались и стреляли по заградотрядовцам танки противника. Мы быстро подбежали к куче оружия и боеприпасов, кто что схватил, и в окопы, которые мы выкопали в полный профиль. Танки «утюжили» гусеницами заградотрядовцев, засыпали, заваливали их землей, а оставшиеся драпали в нашу сторону, спасаясь в наших окопах! А где же «Ни шагу назад!»? Командир заградотрядовцев был, видимо, засыпан гусеницами, потому что его никто не видел.

К нашим окопам танки и бронетранспортеры не рискнули спуститься, так как мы встретили их шквальным огнем, и смогли даже поджечь один бронетранспортер.

К нашей роте примкнуло множество бойцов из разных полков и дивизий. Образовалась группа, численностью примерно 250-280 человек. Боеприпасами и продуктами группа пополнялась только за счет ночных вылазок наших разведчиков, также собирали зерна из колосков неубранной пшеницы. Группа была небоеспособна, она не могла прорвать кольцо превосходящих сил противника. Мы находились в плотном кольце вражеских войск, настал критический момент, когда никто никем не руководил. Оставшиеся командиры были разжалованы капитаном заградотрядовцев, он забрал «кубари». Однако бойцы группировались вокруг бывших командиров. Посоветовавшись между собой, решили разбиваться на мелкие группы и только ночью прорываться к переправе. Многие бойцы ещё не оправились от рукопашной битвы с врагами, поэтому в открытый бой не вступали, но если появлялась возможность поджечь склады с боеприпасами и бензохранилища, мы поджигали для морального удовлетворения.

После Сталинградской эпопеи я участвовал в «Голубой линии» под Крымской, июнь – сентябрь 1943 года. Примерно в декабре 1943 года, в январе 1944 – в Керчи, 1944 – в Севасто-

поле. После ранения в составе уже 318 дивизии под командованием генерала Гладкова. Затем в Карпате – Мукачево, Чехословакия. Закончил войну в поселке Сычевцын под Прагой.

22 июля 1942 года в рукопашном бою мне разбили бровь левого глаза. Часть была в окружении, медсанбат отсутствовал, обработку раны делали собственными силами, как могли. Рана была большая, шрам сохранился и по сей день.

В феврале 1944 года во время артподготовки куском мёрзлой земли я повредил верхнюю часть бедра и низ живота, из-за чего и пролежал около месяца в медсанбате 318 стрелковой дивизии. В мае 1945 года после минометного обстрела получил закрытый перелом двух костей в районе запястья правой руки.

Демобилизовался в ноябре 1946 года, как годный к несению нестроевой службы. Возвращался домой из Мукачево – Закарпатье – Львов, Киев, Харьков, Ростов-на-Дону, Краснодар.

О наградах. Некоторых наград бойцы не удостоились по объективным причинам. Например, однажды наша рота вела ожесточенные бои в районе Голубая, 10-11 июля, были уничтожены сотни фашистов и подожжено 2-3 танка. Командир полка пообещал всех бойцов приставить к наградам. Страшные бои 22 июля, переходящие в рукопашную, и командир дивизии обещал всех приставить к орденам, а комиссара и меня – к высоким правительственным наградам после выхода из кольца окружения. Но на следующий, печальный в нашей жизни день, 23 июля наш штаб был разгромлен, а командир дивизии Захарченко погиб. И если даже успели составить наградные списки, то их сожгли во время боёв. Вот такая печальная и отсутствующая награда.

С 28 июля по 3 августа, а затем и 15 августа проходили бои, но из окопов нас не выбивали, а отходили куда придётся, по своему усмотрению. Каждый боец имел не менее 2-3 ранений, награждать нас было некому, так как штабные командиры либо погибли, либо попали в плен. Но для нас главной наградой было остаться в живых, хоть и покалеченными.

Для меня высокой наградой было приглашение на 55-ый юбилей освобождения Сталинграда. Мне вручили дорогую, памятную для меня, юбилейную медаль «55 лет освобождения Сталинграда», и бронзовую статуэтку «Родина-мать».

Имею:

Медаль «За Отвагу» - за разминирование прохода под Керчью, в районе завода Войково, где я и был ранен в тазобедренный сустав правой ноги.

Медаль «За боевые заслуги» - в медсанбате на момент, когда я там находился, не было шоферов для вывоза раненых с передовой. Я находился в группе выздоравливающих, согласился помочь. Между Севастополем и Балаклавой шли упорные бои. Минометным огнем фашисты вывели первую машину. Под обстрелом мы перегрузили раненых на оставшиеся машины. Все же за 4 рейса нам удалось вывезти всех раненых к медсанбату.

Медаль «За Отвагу» получил в Чехословакии. Под городом Олоноуц и в городе Кошица вытаскивал раненых с передовой до оврага, а оттуда уже их отвозили в медсанбат. Орден Отечественной войны II степени - за участие в Отечественной войне.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 1 курса Кубанского государственного технологического университета ***Довлетшина Яна Раисовна***

Шульга Григорий Арсеньевич

Тяжёлые 40-е

Я 1926 года рождения, ветеран ВОВ, родом из станицы Бринковской, Краснодарского края. 60 лет назад отгремели последние залпы Второй мировой войны, а в моей памяти еще свежи воспоминания о тяжелых сороковых. Тогда меня совсем еще юным семнадцатилетним мальчиком призвал на фронт Тимашевский райвоенкомат в 106 запасной стрелковый полк. Это было 23 апреля 1943 года. Я воспитывался в дружной и трудолюбивой семье. С десяти лет помогал маме чеканить и собирать хлопок в колхозе. С 15 лет начал работать в колхозе «Хлебороб Ленина» учетчиком, а затем в должности землемера, начислял трудодни и записывал их в трудовые книжки. Так меня с трудового поприща направили на фронт. Как сейчас помню: раннее утро, тающий снег, узкая тропинка вдоль домов и вся наша семья идет провожать меня на призывной пункт. Впереди шел я, чуть поодаль от меня мать и младшие брат с сестрой. А на станции огромная скорбная толпа. До сих пор у меня перед глазами стоит эта жуткая картина, а в ушах – мамин плач, похожий на стон. Отца с нами не было: его призвали на фронт еще в 41-ом. Мы, новобранцы, пошли пешком до Невинномысска и там через месяц приняли присягу. И вот тут нас, рослых и сильных парней погрузили в вагоны и повезли в г. Черный-Яр Сталинградской области. Вот здесь и был сформирован 1808 зенитно-артиллерийский полк. С июля

1943 года был направлен вместе с зенитно-артиллерийским полком на станцию Неданчичи Черниговской области на охрану стратегически важного объекта – железнодорожного моста, который проходил через реку Днепр. Командиром, майором Блесновым я был назначен орудийным номером. Здесь, перед мостом была насыпь, на которой мы меняли огневые позиции. Работали до изнеможения, как говорится до упаду. Рыли котлованы, в которые прокладывали надежные бревенчатые настилы и водружали туда пушки, а потом проделывали то же самое и для себя. Нельзя было терять ни секунды, работали оперативно. Малейшее мешкание – и ты мишень врага. Страшные испытания выпали на мою долю: и в атаку приходилось ходить, и заменять погибших товарищей на батарее, и на практике изучать тактику и стратегию боя, а самое главное – учиться выживать, беречь свою жизнь, ведь самое простое на войне – умереть.

Много трагического и душещипательного всплывает в моей памяти, но однажды в нашем дивизионе произошел один комичный и поучительный случай. Наш котлован располагался ближе всех к реке, но мы никогда не заходили в воду и не купались без разрешения командира части или оперативного дежурного. За самоволие грозило наказание - штрафной батальон сроком на 3 месяца, а это передовая: спереди – немцы, сзади – свои с оружием. Так вот, стоя на охранном посту, заряжающий Костенко Иван потерял бдительность и заснул на брезенте в котловане. Мы решили его проучить: быстро завернули Костю в брезент – и в речку. Когда вода просочилась через материал, он начал громко и испуганно кричать. После этого казуса наш товарищ больше никогда в жизни не спал на боевом посту. В минуты затишья, когда враг казалось засыпал, мы, сидя в землянке, вспоминали родной дом, жен и детей и напевали любимые военные песни, прокручивали в голове миг победы и не давали волю слезам.

Смотрю на свои медали, и перед глазами проносятся картины военных лет. Отчетливо помню первую нашу награду. Разведчик нашего батальона, рядовой Ильин объявил тревогу: шел самолет на бреющем полете над самой водой Днепра. Земля задрожала, стоял неимоверный шум. Мы встрепенулись: на врага обрушился мощный артиллерийский вал, небо стало красным, на оружии слезла вся краска. Когда выпускали сна-

ряды, у некоторых моих товарищей пошла кровь из ушей. В следующий раз приходилось затыкать уши ватой. Он был сбит нашим орудием, когда начал кабрировать. За эту успешную операцию мы и были представлены к наградам «За боевые заслуги». Позже получил и другие награды, но самой дорогой естественно является «За победу над Германией».

Все время ощущалась острая нехватка снарядов. Командование части глубокой ночью посылала в Чернигов солдат на погрузку вагонов, но по одному солдату с орудия, так как без одного солдата вести стрельбу можно, да и то недолго. Грузили, казалось, неподъемные 64-киллограмовые ящики. Работали дружно. Вот судите сами, какая сплоченность была во время войны. А сейчас говорят о «дедовщине». В то время командир решал вопрос боевой готовности, снабжал боевой техникой, а вопрос взаимности между солдатами, сержантами и офицерами даже не затрагивался, все шли к общей цели – к победе. И мы ее дождались! Как мы радовались, что позади война, что впереди мирная и спокойная жизнь, что вот-вот будет встреча с родными. И как мы страдали, что многие боевые друзья, с которыми делили всё поровну: и хлеб, и спирт, и боеприпасы, - погибли, не дождались этого дня. А ведь у них были родители, жены, дети. Как подумаем о их страдании и горе, слёзы наворачиваются.

После окончания войны, с 1945 года по 1974 я продолжил действительную службу в разных частях зенитной артиллерии. Первоначально нас перебросили в г. Гомель, потом из Гомеля в Азербайджан, г. Баку и, наконец, на остров Нарчин, расположенный в Каспийском море, в воинскую часть 74909. Я прошел путь от рядового до старшины роты.

В июле 1974 года демобилизовался и вместе с семьей переехал на Кубань, в г. Краснодар, хотя жена хотела в Подмосковье. Но своя рубашка оказалась ближе к телу – тянуло к родной земле. Началась мирная жизнь, полная тягот и лишений, но в ней мы старались находить хорошее и не замечать плохое. С августа 1974 по декабрь 1998 года стал работать в Краснодарском политехническом институте комендантом общежития №4. Работал добросовестно, как закалила война. Радостью в жизни были и остаются дети и внуки. Я счастлив, что они мирно растут и не пугаются вражеских бомб. Счастлив, что их судьба сложилась лучше, чем моя. Они имеют возможность

учиться и стремиться к поставленным целям. В грядущий День Победы хочется отметить этот героический праздник в кругу семьи, в теплой обстановке, выпить горячего чая и еще раз порадоваться.

Награды:

- орден Отечественной войны II степени,
- медаль «За боевые заслуги»,
- медаль «За победу над Германией»,
- медаль «За безупречную службу» I и II степени,
- 5 юбилейных медалей.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 2 курса Кубанского государственного технологического университета ***Врублевская Ирина Владимировна***

Юношев Василий Кузьмич

В пылающем небе войны

Я родился 14 сентября 1922 г. в семье служащих, православный, член КПСС. Находился в рядах Советской Армии с сентября 1940 г. по март 1947 г. Война застала меня в городе Переславле-Залесском, где я служил в должности инструктора в техническом авиаучилище. Как только началась война, я сразу же, вместе с моим другом Жорой Новожиловым, написал рапорт начальнику училища о направлении меня на фронт, но получил отказ. Лишь в сентябре 1941 г., после обращения к Наркому обороны, нас отправили во фронтовую часть для формирования авиадесантного полка. В конце 1941 г. я был зачислен бортмехаником на самолет ИЛ-2 в 438-й отдельный десантный авиаполк 5-й воздушной армии.

Весь 1942 г. я, как и многие другие, испытывал горечь отступления. В этот период наш десантный полк выполнял задания Ставки Главного командования по выброске десантников, вооружения и продовольствия партизанам в тыл врага, за что я был награжден медалью "За боевые заслуги". Затем наш полк перебросили на Сталинградский фронт в район совхоза Калачеевский, откуда мы совершали по два-три рейса за ночь в тыл врага, перебрасывая личный состав и технику в тылы окруженной нашими войсками трехсоттысячной армии Паулюса. Все, кто воевал на этом участке, помнят суровую зиму 1942-1943 гг.

Мы в эти сорокоградусные морозы, иногда полуголодные, спали прямо под крылом самолета и после кратковременного отдыха вновь вылетали в тыл врага. Многие мои товарищи по полку не возвратились с боевых заданий и к концу января 1943 г. из нашего полка осталось лишь 25 процентов боевых машин. В январе 1943 г., когда мы находились на пополнении, я был принят кандидатом в члены КПСС, а за успешное выполнение заданий Ставки Верховного командования был награжден орденом Красной Звезды. Пополнив полк новыми машинами, мы вновь отправились на фронт.

Мне трудно назвать сейчас ту часть центральной территории нашей страны, куда бы мы ни выбрасывали десантные войска и вооружение.

Это Воронеж и Харьков, Курск и Белгород, Кировоград и Пятихатка, Корсунь-Шевченковская операция. Многих товарищей пришлось в этих боях с болью терять. Затем переброска под Яссы и Боташани, Ченстохов и Альтроденберг, Финстервальде, а затем Прага.

Наиболее заметными эпизодами, которые я не смогу забыть до самых последних дней моей жизни, являются события, связанные с Корсунь-Шевченковской операцией и Ченстоховым. Мы должны были выбросить десант в 90 км западнее Кировограда. Но не успели подлететь к району высадки, как нас встретили вражеские зенитки. Кругом рвутся зенитные снаряды, слышим и чувствуем вздрагивание самолета. В одном из моторов падает давление масла, мотор заклинивает. На одном моторе дотянули до места назначения, выбросили десант и легли на обратный путь. Когда перешли линию фронта, заклинило второй мотор и мы сели на "брюхо". Стало рассветать, к нам на "виллисе" подъехали пехотинцы и доставили нас в штаб какого-то пехотного полка. Командир машины Леонид Иванович Горегляд рассказал, что с нами случилось, затем связался с нашим полком, в этот же день мы на двух "У-2" возвратились в свою часть и узнали, что жена начальника штаба, которая, занимала должность начальника связи, оказалась немецкой шпионкой. Она всегда точно сообщала врагу время вылета и место назначения, поэтому нас так точно и своевременно встречали немецкие зенитки.

Сама же шпионка вслед за нами, вылетала на своем "У-2" и бежала к немцам. Начальника штаба арестовали и направили в

штрафной батальон. Он оказался невиновным и реабилитировал себя уже в войне с японскими захватчиками.

Вторым заметным эпизодом явилось 14 февраля 1944 г. В ночь с 13 на 14 февраля мы с Леонидом Ивановичем и штурманом Жорой из Тулы вылетели в район западнее Корсунь-Шевченковской, где была окружена крупная группировка немецких войск. Выбросив десант, легли на обратный путь, и в это время вражеский зенитный снаряд поджег самолет. Штурман был убит, а я почувствовал тепло в левой ноге. Затем слышу приказ: "Вася, покидай самолет!". Я добрался до бокового люка и выбросился. Приземлился, ничего не видно. Почувствовал боль в ноге. В начале подумал, что оступился во время приземления, однако боль в ноге не проходила. Затем я снял унт и почувствовал, что в ноге что-то застряло. Я двумя руками вырвал осколок и сразу потерял сознание. Очнулся в полевом госпитале на операционном столе. Операцию делали под местным наркозом, боль была адская, но я терпел и думал только о жизни. В течение четырех месяцев я находился в Кировоградском госпитале, где за мной ухаживала прекрасная женщина и врач Виктория Николаевна. Нога стала заживать, но не разгибалась. Я стал ходить с костылями. Затем месяц тренировок на специальном стенде, который изготовил собственными руками главный хирург госпиталя Иван Иванович. Постепенно нога стала разгибаться, и я стал ходить без костылей. В июне 1944 г. из Ясс в Кировоград прилетел мой командир за спецодеждой для десантников и навестил меня. Он мне рассказал, что подбили нас на вражеской территории, но благодаря попутному ветру я и он приземлились на первой линии обороны наших войск, где меня в бессознательном состоянии подобрали пехотинцы и отправили в госпиталь. Леонид Иванович предложил мне улететь с ним в Яссы. Я без ведома врачей прямо в больничной одежде добрался до аэродрома и улетел в Яссы. Встреча с боевыми друзьями, фронтовая чарка и я вновь прошусь в экипаж к Леониду Ивановичу. Он мне и говорит: "Вася, еще рано, подлечись и отдохни".

Я бросаю костыли и стараюсь пройтись строевым шагом. От перенапряжения шов расходится, и меня направляют в госпиталь. Вновь операция. Через неделю меня переводят в другой, только что прибывший в Яссы, госпиталь. Принимал меня хирург (тот же Иван Иванович), хорошо отругал за бегство.

Затем встреча с Викторией Николаевной. Через три недели выписался и вернулся в свой полк, где меня ожидал второй орден Красной Звезды.

Не забудется и город Ченстохов, из которого мы должны были перебазироваться в Альтроденберг — первый город на территории Германии. В три часа утра командир, его адъютант, я и шофер выехали на "виллисе" в предместье Альтроденберга для выбора посадочной площадки. Утро было туманное, на земле лежал снег, на обочинах убитые, разрушенная техника и снаряжение.

При въезде в один из хуторов мы заметили бегущих немцев и сразу свернули в первый переулок и погнали в поле, которое было заснежено. Поворачиваем на 180 градусов, и вдруг сильный удар - машина задними колесами оказалась в окопе. Мы втроем выскочили из машины и стали поднимать и раскачивать машину. В это время слышим стрельбу из автоматов сзади нас, а затем русское "ура". Когда машина уже была вытащена из окопа, к нам подъехали конники, и в одном из них я узнал своего отца, который рассказал нам, что хутор, куда мы приехали, значился по сводкам советских войск нашим, однако за ночь переходил из рук в руки по несколько раз. Поэтому мы и нарвались на фашистов. Затем короткая встреча прямо на поляне, фронтовая чарка и снова война, но уже на немецкой территории.

Незабываемым останется и день 8 мая 1945 г. В это время мы стояли в 60 км от Берлина в городе Фенстервальде. Вылетов не было, ночью в основном спали, причем на перинах и чистых постельных принадлежностях. В ночь с 8 на 9 мая, где-то в три часа ночи, я просыпаюсь от беспорядочных выстрелов. По "тревоге" одеваюсь и бегу с другими к штабу полка. Подбегаем к штабу и слышим: "Братцы, победа! Германия капитулировала!"

У всех на глазах слезы. Затем митинг и поздравления с Победой.

К сожалению, война для нас на этом не окончилась. Нам пришлось еще сбрасывать десанты в районе г. Брно для уничтожения окруженной группировки немецкого генерала Шернера. Затем десант на пражский аэродром для взятия изменников Родины во главе с Власовым.

Затем служба в Австрии (Вена, Корнейбург), а в мае 1947 г. я демобилизовался и в августе поступил в Краснодарский политехнический институт, и все последующие годы связаны с ним.

Я был награждён:

- орденом Отечественной войны I степени,
- орденами Красной Звезды – 2,
- медалью «За боевые заслуги»,
- медалью «За взятие Берлина»,
- медалью «За освобождение Праги»,
- медалью «За Победу над Германией»,
- юбилейные медали – 7.

Март 2005 г.

В подготовке текста воспоминаний оказала помощь студентка 4 курса Кубанского государственного технологического университета ***Рыжкова Наталья Александровна***

Оргкомитет по изданию 9-го тома воспоминаний о войне "От солдата до генерала" в составе:

руководителя Оргкомитета - Президента Академии исторических наук Шоля Евгения Ивановича;

членов Оргкомитета

от Академии исторических наук - Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Смирнова Геннадия Викторовича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича;

от Краснодарского отделения Академии исторических наук - Колесниковой Татьяны Петровны, Савина Игоря Анатольевича, Савиной Татьяны Павловны, Хейна Андрея Максимовича;

от Администрации Краснодарского края - Рыбалко Ивана Афанасьевича;

от ветеранской организации Краснодарского края - Бондарева Константина Степановича, Максимова Анатолия Семеновича, Шибанова Михаила Дмитриевича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

руководителям и преподавателям Кубанского государственного технологического университета - ректору Петрику Анатолию Алексеевичу, заведующему кафедрой истории и социальных коммуникаций Чугунцовой Нине Алексеевне, председателю Совета ветеранов Буряку Ивану Ивановичу, секретарю Совета ветеранов Стриженко Галине Дмитриевне и оператору пресс-службы Петровой Оксане Сергеевне, а также оператору Центра социальной адаптации молодежи Богинович Елене Геннадьевне;

выражает благодарность за помощь в создании макета настоящего тома

редакторам Каревой Валентине Павловне, Лидяевой Наталии Игоревне и Федуловой Татьяне Михайловне;

выражает благодарность за финансирование издания настоящего тома

Грайферу Валерию Исааковичу

Мемуары

От солдата до генерала

Воспоминания о войне

Том 9

Редакторы Карева В.П., Лидяева Н.И., Федулова Т.М.
Компьютерная вёрстка Кирсанов В.Н.

ИБ№424

Подписано в печать 27.10.2008. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Печ. л. 30,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 6260.

Академия исторических наук
125080, г. Москва, ул. Панфилова, д. 20, корп. 2.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП
«Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ»,
140010, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ISBN 978-5-903076-09-3 ISSN 1818-6688